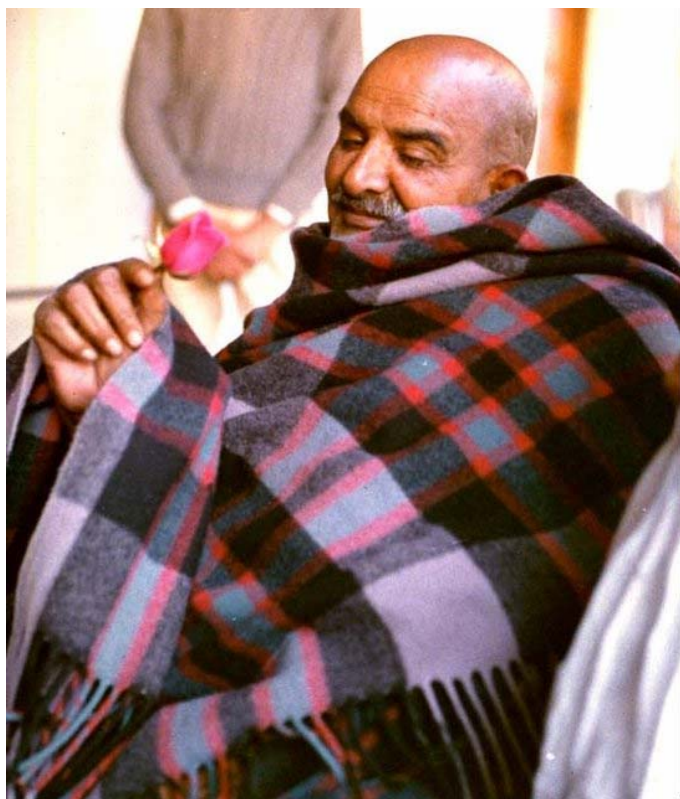

Чудо любви

*История о Ниле Кароле Басс
Рам Дас*

Хануманджи пабליкейшн

Москва 2000

Перевод с английского Татьяны Данилевич

Редакторы Тара, Ом Пракаш

М: Изд-во Хапуманджи пабליкейшн, Изд-во САТТВА, 2000.

ISBN 5-85296-032-2

Это одна из самых интересных и захватывающих книг популярного на Западе и в России писателя Рам Даса о его учителе — известном индийском святом Ним Кароли Бабе.

*Посвящается Нахараджи,
его присутствие раскрывает,
насколько искусен путь любви*

Содержание

Предисловие	6
Даршан	31
Встреча духа	31
Много уровней – много изменений	34
Непрерывные даршаны	37
Глубокие даршаны	38
Даршаны любви	40
Беседы во время даршанов	41
Строгость и веселье даршанов	44
Чистота даршанов	46
Касаясь его стоп	48
Угощайся чаем	51
Под одеялом Махараджи	69
Тонкость – это путь любви	93
Вера... И никакого страха	101
Ключ к уму	113
Всё делает Бог	132
Исцеляющая палка	157
Воплощённый дух	185
Учения Махараджи	200
О привязанности	200
О правдивости	212
О деньгах	219
О наркотиках	237
О медитации	249
О служении	258
О гневе и любви (Магистр оскорблений)	261
Язык сердца	268
Подобный ветру	273
Семейный человек	282
Прикосновение милости	292
Игра Кришны	298
С женщинами	298
С мужчинами	303
Отвезите его в Дели	308
Махараджи сеет сомнения	309

Вера преданных.....	313
Самоотдавание преданных.....	318
Кармические последствия неповиновения	321
Карма получения виз	329
Садхана	333
Хануман	367
Джао!.....	382
Великий побег	387
Послесловие	406
Глоссарий.....	420

Предисловие

«Когда распускается цветок...»

В 1967 году я встретил своего гуру. Эта встреча изменила направление всего моего существования, ибо благодаря ему я начал воспринимать свою жизнь с духовной точки зрения. В нём я нашёл новые глубины сострадания, любви, мудрости, юмора и силы, а его действия расширили границы моего понимания человеческих возможностей. Я увидел в нём общность человеческого и божественного.

После нашей первой встречи я оставался в Индии — настолько близко к нему, насколько мне было позволено — в течение ещё пяти месяцев, прежде чем вернулся в Америку. Перед отъездом из Индии я получил его *аширбад* (благословение) на написание книги, хотя до того момента у меня не возникало и мысли на этот счёт. Вернувшись на Запад, я нашёл много родственных душ, которые были открыты и готовы к тому, чтобы разделить со мной то, что я получил. Его благословение и их духовная жажда привели к появлению книги «Будь здесь и сейчас».

В 1970 году я вернулся в Индию и был рядом с ним, хотя и с перерывами, с февраля 1971 года по март 1972 года. Когда срок моей визы истёк, я был выслан из страны. Однако независимо от того, был я рядом с ним или вдалеке, он всегда оставался источником и движущей силой моего духовного пробуждения.

Я с самого начала испытывал желание делиться им с другими, но в первое время он запрещал мне приводить людей прямо к нему. Относительно большое количество (несколько сот) ищущих из западных стран тем не менее нашли свой путь к нему, и так же, как и в моём случае, знакомство с ним затронуло самые глубинные струны их душ. 11 сентября 1973 года он умер, или, как бы выразились индийцы, оставил своё тело.

В последующие годы я обнаружил, что отсутствие его тела ничуть не уменьшило его влияния на мою жизнь. Напротив, с каждым годом я

всё в большей степени ощущал его присутствие, его руководство, его любовь, и каждый раз, когда я принимал себя слишком серьёзно, его космический смехок. Это подтолкнуло меня к предположению, что другие люди, никогда не «встречавшие» его в теле, могли подобным же образом ощутить его прикосновение. Это предположение получило подтверждение со стороны поразительно большого числа людей, которые рассказывали, что через книги, лекции, магнитофонные записи и личные контакты с преданными, они смогли почувствовать его влияние, которое преобразило их жизни.

Я говорю о нём как о «моём гуру», но в действительности я никогда не рассматривал его или наши отношения настолько формально. Для меня он просто *Махараджи*. Это обращение (которое означает «великий царь») настолько широко распространено в Индии, что его часто можно услышать по отношению к уличному торговцу чаем.

Те из нас, кто был тогда у Махараджи, часто вновь встречаются в Индии или у себя дома на Западе. Разговор неизменно переходит к воспоминаниям о нём. История льётся за историей, и каждая из них прерывается то молчанием, то смехом, а то и спором, в то время как мы наслаждаемся её глубиной и изяществом. В эти моменты пространство наполняется живым духом, и мы знаем, что он среди нас.

За время своих поездок я встретил уже тысячи пробуждающихся существ, чья открытость сердца и восприимчивость вызывают во мне желание поделиться с другими той близостью с Махараджи, которую порождают все эти связанные с ним истории. Но до сих пор было издано лишь несколько историй о нём, главным образом основанные на моих личных переживаниях от встреч с ним. Данная книга и была задумана для того, чтобы исправить это положение.

Сразу же после смерти Махараджи я поддержал нескольких западных ищущих в их планах отправиться в путешествие по Индии, чтобы собрать о нём различные истории. Они смогли записать около четырёхсот эпизодов из его жизни, но в то же время они столкнулись со многими преданными индуистами, очень сдержанно говорящими о нём. Он всегда весьма неодобрительно относился к тому, что о нём много говорили, и они всё ещё чувствовали эти ограничения. В 1976 году двое из нас вновь посетили Индию, и на этот раз к своему великому восторгу обнаружили, что многие преданные индуисты — которые, конечно, знали его намного лучше и общались с ним намного дольше, чем мы — теперь

охотно делились своими бесценными воспоминаниями. Тогда нам удалось собрать тысячу двести историй. С тех пор с помощью ещё одного европейца мы добавили новые четыреста историй, собранных как на Востоке, так и на Западе, таким образом, доведя общее количество историй, анекдотов и цитат, взятых из бесед более чем с сотней преданных, до двух тысяч.

Конечно, даже все сто преданных вместе — лишь малая часть из тех тысяч, на кого Махараджи оказал влияние в течение своей жизни, и каждый из них хранит какое-то драгоценное воспоминание и отдельный фрагмент цельной картины. Однако, чтобы не утонуть в этом океане воспоминаний, в определённый момент я принял решение прекратить сбор информации и начать упорядочивать то, что мы уже имели.

Преданные, чьи истории включены в данную книгу, относятся к самым различным социальным и культурным слоям общества. Интервью давали как высокопоставленные чиновники в своих кабинетах, так и подметальщики на улицах. Мы записывали вечерние беседы женщин из горных гималайских деревень, которые, сидя на корточках, грели руки в угольной жаровне. Мы слушали воспоминания в гостиных, на улицах, у храмов, сидя вокруг костра иод звёздами, в машинах, в ваннных комнатах, в самолётах и во время длительных прогулок. Своими историями делились индуистские священнослужители, профессора, полицейские, крестьяне, промышленники, дети и их матери, помешивающие пищу в своих бурлящих горшках над огнём. И всегда можно было ощутить общее для всех чувство робкой радости от возможности поделиться таким личным, дорогим сердцу воспоминанием с кем-то ещё. Такие встречи, на которые собирались те, кому было что рассказать о нём, отличались невероятной теплотой.

Когда мы собрали все эти истории, перед нами встал следующий вопрос: как нам преподнести такое громадное количество материала. В течение трёх лет я писал и переписывал их, работая над этой проблемой. Вначале я пытался создать нечто вроде личной хронологии, но затем понял, что в такую структуру трудно будет включить весь материал, и к тому же, это требовало изложения многого из того, что мне казалось несущественным. И я начинал сначала, на этот раз я добавлял свои личные переживания просто как дополнительные истории и группировал отдельные эпизоды по различным темам. Результатом этой работы и стал

данный сборник.

Все эти истории, забавные эпизоды и цитаты создают определённую мозаику, дающую возможность познакомиться с Махараджи поближе. Для того чтобы соединить все компоненты этой мозаики воедино, я использовал абсолютный минимум структурного цемента, предпочитая насколько возможно отказаться от своих личных интерпретаций и точек зрения.

Однако такая стратегия изложения материала в его чистейшей форме не оставляет места компромиссу в отношении вашей мотивации, ибо я исключил обычные завлекающие фразы, которые заставляли бы вас читать дальше. Я не хотел манипулировать вашим желанием читать о Махараджи; скорее, я хотел сделать то, что было доступно мне, доступным вам. Как вы сами увидите, Махараджи требовал, чтобы каждый из нас совершал значительные усилия для того, чтобы получить его *даршан* (переживание его присутствия). Я думаю, что требование того, чтобы те читатели, которые желают получить его даршан посредством этой книги, совершали подобные «правильные», или «истинные», усилия (в том смысле, в каком говорил об этом Будда в своём изложении восьмеричного пути, или Георгий Гурджиев), полностью соответствует духу его учения.

Так что, если вы подойдёте к этой книге с желанием познакомиться с ним и получить его даршан таким путём, который мог бы самым глубинным образом изменить всю вашу жизнь — как он изменил наши жизни, тогда вам нужно будет работать с этой книгой медленно и глубоко. Я могу только убедить вас в том, что, по моему мнению, каждая из историй несёт в себе какое-то учение и заслуживает того, чтобы над ней поразмышлять. Вы и не захотите и не сможете прочесть эту книгу от первой до последней страницы за один присест или даже за несколько раз. Эти воспоминания нужно скорее смаковать, как хорошее бренди, маленькими глотками, с тем, чтобы вкус и аромат могли проникнуть глубоко в ваш ум и ваше сердце. И не забывайте вслушиваться в тишину, которая является обрамлением всех этих историй, ибо истинное познание Махараджи находится между строк и вне словесных рамок. За эти усилия вы будете в полной степени вознаграждены знакомством с существом такого духовного уровня, который редко достигается на этой земле.

Трудно отделить Махараджи и его учение от той среды, в которой я с ним общался. Для меня его форма — в самом широком смысле — это и

Индия, и прекрасные горы Кумайон, и река Ганга, это и его преданные, и их мягкость, и их склонность к горячим спорам, это его храмы и его фотографии. Его учение — это и любовь к Матери-Земле, которую я впервые ощутил в индийских деревнях, и моя дизентерия, и всяческие трудности с визой, и священные коровы, и поездки на рикше, и кишасшие народом базары, и прогулки в тумане джунглей. И вес же, хотя драма пребывания рядом с ним разыгрывалась на колоритной сцене Индии, ценность декораций заключалась в том, что они служили лишь резервуаром переживаний, посредством которых учение могло быть передано. Сам он не выглядел классическим индуистом, он казался человеком Востока не более, чем человеком Запада. Хотя мы и встречали его в индуистских храмах, он не казался индуистом в большей степени, чем буддистом или христианином.

Он использовал абсолютно все факторы нашей жизни — одежду, пищу, сон; страхи, сомнения, устремления; семью, брак; болезни, рождения и смерти — для того, чтобы обучать нас тому, как жить в духе. Посредством этого он запускал процесс, с помощью которого мы могли продолжать учиться на собственном жизненном опыте даже тогда, когда его нет рядом. Это объясняет, по крайней мере частично, тот факт, что мы все продолжали получать его учение и после его смерти.

Я надеюсь, что, работая с этими историями, вы сможете настроить своё восприятие таким образом, чтобы познакомиться с Махараджи ближе и начать диалог с ним через призму событий своей повседневной жизни. Такой проходящий в собственном сердце от мгновения к мгновению диалог представляет собой замечательную форму алхимии, направленную на превращение материи в дух посредством любви.

Я общался с Махараджи как раз таким образом. И я всё никак не начну свой рассказ...

Рам Дасс
Сокуэл, Калифорния,
март 1979 г.

*Мгновение с возлюбленным
и река меняет своё направление.*

«...Пчелы прилетают»

*Когда цветок раскрывается,
пчелы прилетают без приглашения.*

— Рамакришна

Мы оказались у стоп Махараджи, движимые жаждой живого духа и притянутые его светом. Мы прибыли из Европы и Великобритании, Соединённых Штатов и Канады, Австралии и Южной Америки. Как сказал о своих спутниках в книге «Путешествие на Восток» Герман Гессе, у каждого была своя личная, особая причина предпринять это путешествие, но у всех была и одна общая цель. Мы прибыли каждый со своей индивидуальной степенью цинизма и веры, открытости или закрытости сердца, чувственности или аскетизма, интеллектуального высокомерия или смирения. Махараджи реагировал на каждого так же индивидуально: то жёстко, то мягко; то игнорируя или прогоняя нас, то уделяя максимум внимания; то читая наши мысли и чувства, то становясь невосприимчивым. Он делал всё необходимое, для того чтобы успокоить ум и открыть сердце и чтобы утолить ту жажду, которая толкала нас всех к нему.

Я путешествовал по Индии с молодым приятелем с Запада. На «лэндровере», который я одолжил у одного из своих друзей, мы подъехали к горам, чтобы найти гуру моего спутника, которому нужна была помощь в продлении визы. Я был в плохом настроении, перекурив гашиша, мне казалось, что я нахожусь в Индии уже «слишком долго», и вообще у меня не было никакого желания встретиться с каким бы то ни было «гуру».

[Последующий текст взят из книги «Будь здесь и сейчас».] Мы остановились у этого храма, и он спросил, где можно отыскать гуру. Индусы, собравшиеся вокруг машины, показали на расположенную неподалёку небольшую гору. Через мгновение, выскочив из машины, он уже взбегал на нёс. Они все следовали за ним и, казалось, были в восторге от возможности увидеть гуру. Я также вышел из машины.

Теперь я ещё больше расстроился, так как никто не обращал на меня никакого внимания. Я побежал вслед за ними, вверх по горной тропе, босиком, постоянно спотыкаясь. У меня всё равно не было желания встречаться с гуру, что всё это значило, чёрт побери?

За поворотом тропы я оказался на возвышавшемся над долиной поле, и там я увидел сидевшего под деревом человека лет шестидесяти или семидесяти с лишним, завернутого в плед. Его окружали восемь или девять индусов. Моему взору предстала прекрасная картина — группа людей, облака, зелёная долина, прозрачная чистота гималайских предгорий.

Мой спутник подбежал к этому человеку и бросился перед ним наземь, выполняя *дунда пранам* (простираие в полный рост). Из его глаз текли слёзы, а человек слегка похлопывал его по голове. Я всё больше и больше приходил в смущение.

Я стоял в стороне, размышляя: «Я не буду касаться его стоп. Мне это не нужно. Никто этого от меня не требует». Время от времени этот человек поднимал на меня глаза и слегка подмигивал. От его взгляда я почувствовал себя ещё более неловко.

Затем он, взглянув на меня, начал говорить на хинди, и я очень мало что понял из его речи. Я услышал, как он спросил моего друга: «У тебя есть фотография Махараджи?»

Тот кивнул: «Да».

«Дай её ему», — сказал человек в пледе, указывая на меня.

«Прекрасно, — подумал я, — дарить мне собственную фотографию», и я благодарно улыбнулся. Но я всё ещё не имел намерения касаться его стоп.

Тогда он спросил: «Вы приехали в большом автомобиле?»

— Да. (Я не хотел одалживать чужую машину и таким образом брать на себя ответственность за неё, поэтому машина была для меня источником раздражения.)

Он взглянул на меня с улыбкой и спросил: «Вы дадите её мне?»

Я только успел открыть рот, как мой друг, всё ещё лёжа на земле, поднял свои глаза на гуру и сказал: «Махараджи, если она вам нужна, можете взять её. Она ваша».

Тогда я вмешался: «Нет, погодите. Я не могу вот так просто отдать машину Дэвида». Старик заливался смехом.

На самом деле смеялись все, кроме меня.

Тогда он спросил: «Вы зарабатывали много денег в Америке?»

Я перебрал в уме все свои годы работы профессором и контрабандистом и гордо ответил: «Да».

Сколько же вы зарабатывали?

— Ну, — сказал я, — однажды (и я слегка завысил цифру, как подсказывало мне моё раздутое эго) я заработал двадцать пять тысяч долларов.

Присутствующие перевели эту сумму в рупии, и все были потрясены цифрой. Всё это, конечно, было чистым хвастовством с моей стороны. Я никогда не зарабатывал двадцать пять тысяч долларов. И он вновь засмеялся и сказал: «Вы купите такую же машину для меня?»

Я помню все мысли, которые тогда промелькнули у меня в голове. Хотя я вырос в еврейской семье, занимающейся сбором средств для различных фондов, подобного попрошайничества я не видел никогда. "Он даже не знает моего имени, а уже хочет от меня машину за семь тысяч долларов», — подумал я.

«Ну, может быть...» — сказал я. Всё это уже вызывало у меня очень сильную досаду.

А он сказал: «Отведите их и накормите». Нас угостили чудесной пищей, а затем предложили отдохнуть. Через некоторое время мы вновь оказались рядом с Махараджи, и он сказал мне: «Подойди сюда. Сядь». Когда я сел лицом к нему, он взглянул на меня и сказал: «Прошлую ночь ты провёл под звёздами» (это, конечно, был перевод его фразы на английский).

— Угу.

— Ты думал о своей матери.

— Да. (Прошлой ночью, находясь от этого места на расстоянии в несколько сот миль, я вышел ночью на улицу, чтобы сходить в туалет. Звёзды светили очень ярко, и я остался под открытым небом, ощущая большую близость к космосу. И тогда я внезапно ощутил присутствие своей матери, умершей девятью месяцами ранее от болезни селезенки. У

меня были очень сильные переживания в тот момент, и я никому о них не рассказывал.)

— Она умерла в прошлом году.

— Угу.

— У неё очень сильно увеличился живот перед смертью. Пауза...

— Да.

Он откинулся назад и, закрыв глаза, сказал (по-английски): «Селезенка, она умерла от болезни селезенки».

Я не могу выразить словами, что со мной произошло в тот момент. Он как-то по-особому взглянул на меня, и случились две вещи. Они не были похожи на причину и следствие, скорее, они произошли одновременно.

Мой ум начал метаться быстрее и быстрее, пытаюсь найти опору — сориентироваться в том, что он сейчас сделал. Я пережил все испытанные мною ранее моменты параноидального страха, связанного с манией преследования со стороны ЦРУ: «Кто он? Кого он представляет? Какую кнопку он нажимает, чтобы заполнить досье на меня? Зачем они привели меня сюда?» Ни на один из этих вопросов ясного ответа не было.

Это было всё просто невероятно, чтобы случиться так, как случилось. Мой спутник ничего не знал о тех вещах, о которых говорил Махараджи, а я был простым туристом, путешествующим на автомобиле. Всё происходившее нельзя было никак объяснить. Мой ум метался всё быстрее и быстрее.

Ранее я сталкивался с двумя моделями психических переживаний. Одна такая: «Так, это случилось с кем-то другим, и это очень интересно, нам, конечно, нужно быть открытыми к подобного рода вещам». Это был мой подход с точки зрения социальной науки. Другая модель: «Ну вот, я нахожусь в наркотическом состоянии от принятия ЛСД. Кто знает что это такое в действительности?» В конце концов, под влиянием химических веществ у меня были переживания, в которых я создавал целые миры.

Но ни одна из этих категорий не подходила к данной ситуации, и по мере ускорения метаний моего ума я ощущал себя компьютером, в который ввели неразрешимую задачу — звенит звонок, вспыхивает

красный свет и прибор выключается. Мой ум просто отключился. Я сжег его схему, его страстные попытки получить объяснение. Мне нужно было что-либо, что помогло бы мне замкнуться на рациональном уровне, по ничего такого не было.

И в то самое мгновение я ощутил эту невероятно сильную боль в груди и огромную щемящую тоску — и я начал плакать. Я плакал и плакал, и плакал, по я не испытывал ни счастья, ни печали. Это был плач, какого раньше со мной не было. Единственное, что я мог сказать обо всём этом — это то, что у меня было чувство, будто я дошёл что-то до конца. Путешествие было завершено. Я прибыл домой. (Р. Д.)¹

Говоря словами Дады, «Мы все думаем, что гоняемся за гуру, но в действительности, как видите, он гоняется за нами».

*

Всё, что я знала о трудностях Индии, придавало мне уверенности в том, что у меня нет никакого желания отправляться туда. Однако в октябре 1971 года я очутилась в аэропорту им. Кеннеди с двумя своими друзьями, ожидая посадки в самолёт, следующий рейсом до Бомбея. Нас пришла провожать большая толпа людей, состоящая из членов нашей нью-йоркской «духовной» группы, или, как я подозревала, они пришли, для того чтобы убедиться, что мы действительно сядем в самолёт. Мы все трое пребывали в состоянии паники различной степени, не совсем понимая, что же мы делаем. И паника и замешательство усилились во сто раз, когда мы оказались в самой Индии.

Мы трос, почти вся группа западных ищущих, сгруппировались вокруг Махараджи, о котором впервые услышали от Рам Даса. Хотя моя жизнь и изменилась полностью после того вечера, когда я впервые послушала лекцию Рам Даса, особой тяги к посещению Индии у меня не было. Мистическая подоплёка поездки в Индию в те времена была такова, что мне казалось дерзостью даже думать о таком путешествии. Мне было ясно, что сила пробуждения, которую я испытала, на самом деле представляла собой мою связь с Махараджи — что он действительно мог быть *моим* гуру. Мы все слышали о том, как трудно его найти. А что если он отошёл меня обратно, как он делал это с другими?

---

¹ (Р. Д.) означает истории, касающиеся Рам Даса.

И вот сейчас, три года спустя, я улетала в Индию, хотя я по-прежнему была не настолько безрассудной, чтобы рисковать и, возможно, получить отказ — я собиралась посетить некоторых святых южной части Индии и, может быть, позже «посетить» север страны, если у меня будет какая-нибудь надежда быть принятой.

Когда мы сошли с самолёта в Бомбее, нас встретили представители авиакомпании (что можно считать в Индии своего рода подвигом), которые предложили нам сделать заказ на дневной рейс в Нью-Дели и сказали, что билеты уже ждут нас в кассе. Это было просто потрясающе, однако после 26 или 28 часов, проведённых в воздухе, мы пребывали в таком туманном состоянии, что не могли почувствовать ничего более сильного, чем лёгкое удивление. В конце концов — мы были в Индии — а здесь может случиться что угодно. (Эта тайна с билетами и бронированием мест до Дели так никогда и не была раскрыта каким-либо «разумным» способом.) В Дели мы решили зайти в бюро «Американ Экспресс», чтобы посмотреть, нет ли для нас каких-нибудь сообщений, что мы собирались сделать в Бомбее. С тех пор как мы прибыли сюда, сообщение должно было уже прийти. И оно было: «Отправляйтесь в Джайпурья Бхаван во Вриндаване. Ожидается прибытие Махараджи», и подпись: «Баларам Дас». Никто из нас не знал этого человека.

Мы узнали, что Вриндаван расположен недалеко от Дели и что мы можем попасть туда дневным поездом. Мы как-то и не подумали о том, чтобы некоторое время побыть в относительно западной атмосфере Дели. В сообщении говорилось о том, чтобы мы ехали, и мы поехали. Таким образом, мы выучили первый великий урок Индии: никогда не путешествовать в вагоне третьего класса без бронированных заранее мест! Это путешествие можно сравнить с трёхчасовой поездкой в нью-йоркском метро в часы пик с добавлением палящих солнечных лучей, пыли и паровозного дыма, врывающегося в открытые окна.

Наконец мы с боем выбрались из своего поезда в Матхуре и в мерцающих сумерках индийской долины, красоту которой мы тогда не смогли оценить, нашли автобус, который отвёз нас в расположенный неподалёку Вриндаван. Там нас сгрузили на большом базаре, который смотрелся как деревня тринадцатого века, состоящая из извилистых улочек, заполненных людьми, рикшами, собаками, свиньями и коровами. Уже стемнело, и основное освещение исходило от фонарей, расположенных вдоль улиц лавочек. На своём несуществующем хинди

мы спросили, как нам пройти в «Джайпурья Бхаван», и нам вначале сказали пройти вверх по одной улочке, затем — вниз по другой. Было уже поздно, и лавочки начали закрываться. Параллельно нашим голоду и усталости нарастала и наша паника, и даже когда мы добрались до гостиницы, мы не смогли опознать её, так как все надписи были на хинди. И мы уже начали представлять, как будем ночевать, свернувшись калачиком, где-нибудь на *улочке* среди коров.

И тут внезапно к нам подошёл человек западного вида — я встречала его годом раньше в Калифорнии. В приступе истерического облегчения я заключила его в свои *объятия*, но он, как истинный старожил, проведший годы в Индии, сохранял абсолютно невозмутимое выражение лица. О, да, Джайпурья Бхаван был совсем рядом, за следующим поворотом.

В течение последующих нескольких дней в Джайпурья Бхаване начал собираться небольшой западный *сатсанг* (группа людей, занятых духовным поиском), ожидая прибытия Махараджи в его Вриндаванский *ашрам* (духовная община, монастырь). Со многими из этих людей мы были знакомы ещё с Америки, включая таинственного «Баларам Даса», которого мы знали как Питера. Мы слушали их истории о Махараджи с облегчением и предвкушением чего-то особенного. Он вовсе не казался таким страшным и свирепым. И вот разнеслась весть, что он прибыл! На следующее утро мы могли пойти к нему на даршан.

С небольшим опозданием я прибыла в ашрам вместе с Радхой, нервно сжимая своё взятое напрокат сари и подношения в виде цветов и фруктов. Мы обошли вокруг храма и выполнили *пранам* (поклон) *Хануманджи*, а затем подошли к воротам в стене, пролегающей между храмовым садом и ашрамом. Как я хорошо запомнила эту зелёную деревянную дверь! Когда мы постучали, ворота чуть-чуть приоткрылись, и в образовавшуюся щелку выглянул старый *чаукидар* (привратник). И тогда, как и все последующие разы моего пребывания в Индии, у меня возникло опасение, что он может нас не впустить. Но он отступил назад, открывая ворота, чтобы мы вошли. Я заглянула внутрь и в дальнем конце длинной веранды, тянущейся вдоль здания ашрама, увидела Махараджи, в одиночестве сидящего на своей деревянной кровати. От созерцания его величественной формы моё сердце запрыгало и ноги стали подкашиваться. Я до сих пор пронзительно ясно помню, как впервые увидела его.

Радха уже бросилась вперёд, и я побежала за ней, на бегу теряя свои сандалии. Всё было так просто и знакомо — мы низко поклонились, коснувшись его стоп, подали своё подношение из цветов и фруктов (которые он тут же бросил обратно мне на колени), заплакали и посмеялись. Махараджи подпрыгивал на месте, улыбался и восклицал с ликованием: «Мать из Америки! Мать из Америки!» Во время того самого первого даршана, хотя Махараджи говорил в основном на хинди, я поняла почти всё без помощи переводчика, который стоял рядом. И я осознала ту любовь, которая текла через Рам Даса и которая непреодолимо тянула меня в Индию: источник был здесь.

Все пребывали в возбуждённом состоянии, в то время как я относился ко всему этому весьма скептически. И всё же я первым вышел из автобуса и тут же помчался к храму. Хотя я раньше никогда не был здесь, я каким-то образом знал все повороты, которые должны были привести меня к месту нахождения Махараджи. Как только я завернул за угол, он начал подпрыгивать и выкрикивать различные слова на хинди, которые привели меня в полное смущение. Я подошёл к нему и склонился к ногам.

А он начал бить меня, причём достаточно сильно. Я одновременно ощущал сильное замешательство и состояние просто невероятного единства, такого со мной никогда раньше не было. Он был совсем не таким, каким я ожидал его увидеть, но в то же время таким знакомым. В то мгновение я почувствовал, как все страдания, вся боль последних лет полностью растворилась. И хотя я знал, что в будущем боль вернётся, та любовь, которую я ощутил в тот момент, сделала её намного слабее.

*

Я услышал о Махараджи во время своего странствования по Индии, и в конце концов я нашёл его в Аллахабаде. Моя первая с ним встреча состоялась ранним утром. Махараджи сидел в комнате на кровати, перед ним на полу сидела Ма (индианка-преданная). На кровати лежали фрукты. Затем из-под большого одеяла высунулась его рука. Он взял несколько больших яблок и начал бросать их на грудь Ма, но она была полностью поглощена медитацией. Я сидел, наблюдая за всем этим, когда Махараджи внезапно взглянул прямо на меня. Он был подобен дереву, такой укоренившийся, такой органичный. Он бросил мне банан, и тот приземлился прямо ко мне в руку. Я не знал что мне делать с этим бананом, священным предметом. И я подумал, что лучше всего будет его

съесть.

*

Я прибыл в Индию из Соединённых Штатов как страстный приверженец одной из религиозных групп: гуру — это был Гуру, великий и окончательный спаситель. Через две недели пребывания в его обществе я полностью освободился от всех своих иллюзий на его счёт и начал странствовать по Индии самостоятельно, всё ещё надеясь встретить где-нибудь настоящего гуру, отличающегося истинной чистотой. Несколько раз во время моих странствий кто-нибудь говорил мне о Махараджи и о том, что он находится где-то рядом. Но я не шёл к нему, так как не чувствовал особой тяги. Наконец, однажды, когда я был недалеко от Бомбея, всё ещё пребывая в поисках истинного гуру, я встретил своего старого друга. От него исходила такая ясность, такой свет, что ещё до того, как он заговорил, я решил отправиться туда, откуда он только что прибыл. А он как раз побывал у Махараджи во Вриндаване. В тот же день я упаковал свои вещи и отправился в путь. Через двадцать четыре часа я стоял перед Махараджи. Кроме меня там было ещё несколько западных ищущих. Махараджи ничего не говорил мне, но очень пристально смотрел на мою сердечную *чакру* (психо-энергетический центр в области сердца), и я слышал, как некий *голос* внутри меня говорил, что мой поиск окончен. Я прибыл домой.

*

В течение нескольких месяцев я сидел в буддийской медитации в Бодх-Гайе. Примерно во второй трети второго месяца этот забавного вида маленький человек начал появляться в верхнем правом углу моего осознания. Время от времени он улыбался. Мне было интересно, кто он такой, и я просто наблюдал, как он появлялся и исчезал. Позже я начал подозревать, что это был Махараджи, о котором я услышал годом раньше.

По окончании ритрита я открыл книгу *«Сто тысяч песен Миларепы»*, и из неё выпала фотография Махараджи. Когда мы наконец добрались до Вриндавана, где он якобы должен был находиться, то обнаружили, что ворота храма закрыты. Расстроившись, что я проделал весь этот путь только для того, чтобы обнаружить закрытые ворота, я перешёл улицу и уселся на водопроводную трубу.

Внезапно меня охватило такое ощущение, что Махараджи, перепрыгнув через стену, предстал прямо передо мной, ибо я оказался

окутанным и наполненным глубочайшей любовью, какую мне когда-либо пришлось испытать. Из глаз у меня потекли слёзы. Прохожие могли видеть этого спятившего длинноволосого человека с Запада, который надрывался от рыданий. Они лишь смотрели на меня и, улыбаясь, шли дальше.

Я не знал, что происходит, но у меня было очень ясное ощущение того, что я нахожусь дома. Не было абсолютно никаких сомнений по поводу того, что я именно там, где я хочу быть. За месяц до этого я не мог даже вообразить такое переживание, но оно случилось, и я ощущал такое облегчение, такое счастье. Казалось, что моё сердце внезапно открылось.

Вскоре нас впустили в храм. Махараджи задавал мне обычные вопросы — кто я, откуда, чем занимаюсь. И вдруг я внезапно ощутил, что совершаю поклон, моя голова опускается к его стопам, и мне не было не по себе от этого действия. А он пошлепывал меня по голове и говорил что-то вроде: «Добро пожаловать, я рад, что ты совершил это. Добро пожаловать на борт». Всё, что мне хотелось сделать, — это не отрываться от его стоп, и мне было абсолютно безразлично, что это совсем не вязалось с моим представлением о самом себе.

*

Моя жена познакомилась с Махараджи и приехала за мной в Америку, чтобы и я мог встретиться с ним. Когда мы первый раз отправились на встречу с Махараджи, увиденное неприятно поразило меня. Все эти полоумные западные преданные в белых одеждах, прилепившиеся к этому толстому старику в одеяле! Больше всего меня отталкивало то, что они касаются его стоп. В первый день моего пребывания там он полностью игнорировал меня. Однако по прошествии второго, третьего, четвёртого, пятого, шестого и седьмого дня, когда он по-прежнему игнорировал моё присутствие, я стал ощущать досаду. Я не чувствовал к нему никакой любви, я вообще ничего не чувствовал. И я решил, что моя жена попала в сети какого-то ненормального религиозного культа. К концу недели я был готов к тому, чтобы уехать домой.

Мы жили в гостинице в Наинитале, и на восьмой день я сказал жене, что неважно себя чувствую. Весь день я бродил вокруг озера, размышляя о том, что если моя жена оказалась настолько сильно вовлечённой в то, что явно было не для меня, то это означает конец нашего брака. Я смотрел на цветы, горы, отражения в озере, но ничего не могло развеять

мою депрессию. И тогда я совершил нечто, чего я никогда в своей взрослой жизни не делал. Я начал молиться.

Я спрашивал Бога: «Что я здесь делаю? Кто этот человек? Все эти люди безумцы. Мне здесь не место».

И тогда мне на память пришла фраза: «Обладал бы ты верой, не были бы тебе нужны чудеса».

«О'кей, Бог, у меня нет веры. Пошли же мне чудо».

Я всё ждал, что сейчас появится радуга, но ничего такого не произошло, и я решил, что завтра же уеду отсюда.

На следующее утро мы взяли такси и отправились в Каинчи, чтобы попрощаться. Хотя Махараджи мне не нравился, я подумал, что я должен быть предельно честным и определиться в своём отношении к нему. Мы прибыли в Каинчи раньше других и сели перед его *тукетом* (деревянной кроватью) на пороге храма. Махараджи ещё не вышел из своей комнаты. На тукете лежало немного фруктов, и одно яблоко упало на землю. Я наклонился, чтобы поднять его. И как раз в этот момент Махараджи вышел из комнаты и, наступив на мою руку, пригвоздил меня к земле. Так я оказался в позе, которую ненавижу — стоящим на коленях, касаясь его стоп. Просто смешотворно!

Он посмотрел на меня сверху вниз и спросил: «Где ты был вчера?», затем добавил: «Ты был на озере?» (Слово «озеро» он произнёс по-английски).

Когда он произнёс это слово — «озеро» — у меня появилось странное ощущение у основания позвоночника, и всё моё тело затрепетало. Это было очень странное чувство.

Он спросил: «Что ты делал на озере?»

Я почувствовал себя крайне неловко.

Затем он задал следующий вопрос: «Ты катался верхом?»

— Нет.

— Ты катался на лодке?

— Нет.

— Ты плавал?

— Нет.

Тогда он наклонился и тихо сказал: «Ты разговаривал с Богом? Ты о чём-нибудь просил?»

И тут я не выдержал и разрыдался как ребёнок. Он потянул меня вверх и начал подёргивать мою бороду, повторяя: «Ты просил о чём-нибудь?»

У меня было такое ощущение, что я получил посвящение. К этому времени прибыли другие преданные, они окружили меня, гладили, и я понял, что почти каждый из них прошёл через подобное переживание. Такой простой вопрос, как: «Ты был вчера на озере?», не имевший никакого значения для кого-либо другого, до основания потряс моё восприятие реальности. Мне было ясно, что Махараджи видит сквозь все иллюзии, он знает всё. Кстати, следующее, что он спросил меня, было: «Ты напишешь книгу?»

Это значило, что я был принят. После этого мне хотелось лишь одного — растереть его стопы.

*

Это произошло в Лондоне, Я ехал в автобусе, в котором было много свободных мест. На одной из остановок в автобус зашёл пожилой человек, завернутый в плед, и захотел сесть на сиденье у окна, рядом со мной, так что мне пришлось встать, пропуская его. Это вызвало во мне некоторое недовольство, но когда он сел, то улыбнулся мне такой милой и доброй улыбкой, что я забыл о своём недовольстве и подумал: «Какой славный старичок». Прежде чем автобус доехал до следующей остановки, я повернулся, чтобы ещё раз взглянуть на него — но он исчез!

С того момента, как он вошёл, автобус больше не останавливался. Как он мог сойти без того, чтобы я встал и пропустил его?

Через некоторое время я отправился в Индию по совету своего друга, который уже побывал в этой стране, и там я увидел фотографию Махараджи — это был тот самый человек! Я нашёл местонахождение Махараджи и узнал, что в тот день, когда я видел его в лондонском автобусе со специфического вида пледом, одна женщина в Индии преподнесла Махараджи именно такой плед, какой был на нём тогда.

Индийцы также приходили к Махараджи каждый со своей степенью желания и готовности. Но они воспринимали всё это по-иному. Они выросли в культуре, изобилующей святыми существами, и родители большинства из них имели собственных гуру. Для семьи гуру являл собой сочетание дедушки, мирского и духовного наставника, а также отражение или проявление Бога. Они часто относились к Махараджи в

большей степени как к человеку, и в меньшей — как к Богу, но вместе с тем они могли намного легче подчиниться ему. Для них такое подчинение не было вопросом личного эго, как для нас. В подборке историй о первых встречах с Махараджи, описанных некоторыми из его самых близких индуистских преданных, можно ясно увидеть как различия в культуре Востока и Запада, так и схожесть процесса раскрытия и проявления любви.

Я знал Махараджи со времени моего прихода в этот мир. Мой отец и моя мать, оба были его преданными, отец — с 1940 года, мать — с 1947 года. Поскольку родители были его приверженцами и в нашей семье постоянно говорили о нём, мы все с рождения были его преданными.

*

Я встретил Махараджи впервые много лет назад в Бховали. Он часто посещал там дом одной Ма. Я сказал ей, что слышал о нём, но никогда не встречался с ним и попросил её предупредить меня о его следующем визите к ней. И примерно через неделю Махараджи прибыл. Это было вечером, а наутро мне сообщили эту новость, и я сразу же отправился к нему. Я застал его лежащим на кровати. Он взглянул на меня, а затем на мгновение закрыл глаза. Он сразу же узнал обо мне всё — кто я такой, кем был раньше и что собираюсь делать в этом мире. Через несколько секунд он произнёс: «Я очень рад видеть тебя», и эту фразу он повторил много раз. Махараджи пешком пришёл из Наинитала в Бховали. Он сказал: «Это ты привёл меня сюда! Увидимся снова в Халдвани». Затем Махараджи сел на автобус, следовавший в Алмору. (В те дни он ездил в основном на автобусах, а не на автомобиле.) Люди предупреждали меня, чтобы я не воспринимал его серьёзно: «Ним Кароли — большой лжец. Он очень редко говорит правду. На него нельзя положиться».

Так или иначе, я отправился в Халдвани. Через несколько дней ко мне в комнату пришёл человек и, сообщив, что Махараджи приехал в Халдвани, дал мне его адрес. Я встретился с ним тогда, и с тех пор нахожусь всё время рядом с ним.

*

Впервые я встретил Махараджи в 1950 году, когда ехал со своим начальником к Махараджи из Наинитала в Халдвани. Мой начальник, государственный служащий, уже был в то время преданным Махараджи

и предложил подвести его. Я же курил и вёл себя так, будто Махараджи был кем-то другим.

В 1958 году, после смерти матери, я проводил отпуск со своим отцом в Бховали. Мы остановились в правительственном доме отдыха, и ночью мой отец заболел, ему было очень плохо. Ему вызвали местного врача, и тот сделал укол, который никакого облегчения не принёс. На следующий день прибыли врачи из Наинитала и сказали, что отцу срочно требуется удаление желчного пузыря. В тот же день я отправился в близлежащий санаторий, специализирующийся на лечении туберкулёза, чтобы посоветоваться с врачами. Как раз в это время проходила подготовка к проведению *пуджи* (молитвенного ритуала) в честь открытия небольшого храма *Ханумана*, сооружённого врачом, который был преданным Махараджи. И я задержался, чтобы посмотреть церемонию. Махараджи также прибыл туда, но на публике не показывался. У меня возникло желание встретиться с ним. Я слышал, что Махараджи вводил кого-то в изменённое состояние сознания, так что прежде чем уйти, я постоял и понаблюдал немного со стороны.

В тот же вечер с автобусной станции Наинитала мне пришло сообщение, в котором говорилось, чтобы я посетил некоего Бабу Ним Кароли. Поскольку в Индии можно встретить множество людей, носящих имя «Баба», я не обратил на это сообщение особого внимания. Однако вечером я отправился на автобусную станцию, чтобы узнать, кто мне его отправил, но никто этого не знал. Это возбудило во мне ещё большее любопытство. Я спросил, где я могу найти этого Бабу Ним Кароли, и отправился в указанное место. Махараджи сказал мне: «Тебя зовут так-то и так-то, и твой отец очень болен».

— Да!

— Ты думал, что он может умереть, но Бог излечил его. Врачи сказали тебе, что его нужно оперировать, но ему не нужна операция. С ним будет всё в порядке.

Махараджи дал мне два или три плода манго для отца. Он съел их и стал поправляться. Через несколько дней Махараджи снова призвал меня к себе. Я явился к нему, но не коснулся его стоп. Я собирался возвращаться в Дели, и Махараджи сказал: «Ты отправляешься в Дели. Ты едешь слишком быстро. Относись бережно к своему отцу, и с ним будет всё в порядке». Эти слова коснулись моего сердца, и я коснулся стоп Махараджи. Моему отцу никогда не делали операцию, его здоровье

намного улучшилось, и болезнь больше не возвращалась.

*

Поскольку я не был женат, я жил со своим братом и его женой. Когда к ним прибыл Махараджи, я отправился в самую дальнюю комнату, чтобы не встречаться с ним, так как моё мнение было таково: «*Садху* (аскеты) ничего хорошего из себя не представляют». Через некоторое время в комнату, где я находился, вошёл сам Махараджи. Он сел и сказал: «Садху ничего хорошего из себя не представляют». После этого я стал его преданным.

Один из самых близких преданных Махараджи последних двадцати лет рассказывает такую историю:

В 1935 году во время школьных каникул я отправился как паломник в Дакшинешвар. Когда я прибыл на место, где было много храмов *Шивы*, передо мной предстал человек, присутствия которого я до этого не замечал.

— Сын мой, — сказал человек, — Ты *брамин!* Я дам тебе мантру.

— Я не приму её, — ответил я. — Я в это не верю.

— Ты должен принять её, — настаивал он, и я согласился. С тех пор я каждый день настойчиво повторял эту мантру. Прошло много лет.

Шёл июнь 1955 года. У меня было несколько друзей, которые были для меня как члены семьи. Каждое воскресенье вечером мы собирались в нашем доме и болтали. Примерно в 9 часов вечера я увидел, как моя жена, тетя и мать выходят на улицу. Я спросил их, куда они собрались, и они ответили, что идут в соседний дом, в котором остановился некий Баба. Один мой приятель цинично заявил: «Он принимает пищу? Я могу достать ему еды». (Этот человек был охотником.)

Моя жена возразила: «Не следует говорить такие вещи».

Через десять минут женщины вернулись и рассказали, что Баба сидит в грязной хижине при свете масляной лампы, что он велел им уходить. Однако они не ушли, и тогда Баба сказал: «Идите, подайте своим гостям чай. Я приду утром».

Утром я пошёл к Бабе вместе с женой. Махараджи сидел на маленькой

кроватке в крошечной комнатухе. Когда мы вошли, он подскочил и, взяв меня за руку, сказал: «Пошли». Мы шли так быстро, что моей жене пришлось снять сандалии, чтобы поспевать за нами.

Он привёл нас в наш дом и сказал: «Я остановлюсь у вас». Когда женщина из того дома, откуда мы ушли, пришла забрать его обратно, он отказался идти.

Позже он спросил меня: «Ты поклоняешься Шиве?»

— Да.

— У тебя уже есть мантра. — И в этот момент я понял, что именно Махараджи дал мне мою мантру 20 лет назад.

*

Моя первая встреча с ним в Канпуре была короткой — наверное, минуты две — и очень приятной. Я сделал пранам, и он спросил меня, кто я такой, дал мне своё благословение и тут же ушёл. Куда он направился? Никто не мог этого сказать.

Месяцев через девять, а может, через год, я встретил его опять, на этот раз в Лакнау. Он отсылал одного за другим людей, сидевших рядом с ним, пока не остались мы троём. Тогда он спросил мою невестку: «Что ты желаешь?» Она ответила, что пришла только затем, чтобы выразить своё почтение.

Затем он задал тот же вопрос мне, и я сказал: «Мне нужно лишь ваше благословение, больше ничего».

Тогда он обратился к моей жене: «Ты пришла с конкретными вопросами. Почему ты не задаёшь их?»

У неё действительно было несколько вопросов, которые она не доверила даже нам. Но она заранее решила, что сама задавать вопросов не будет. Она хотела, чтобы Махараджи ответил на них сам и чтобы это произошло с глазу на глаз, поэтому молчала. Она не могла сказать ему, что у неё нет вопросов, но в силу своего решения не могла задать их. Тогда Махараджи сказал ей: «Ты хочешь, чтобы я ответил на твои вопросы, но чтобы ты их не задавала. И ты хочешь, чтобы я сказал это тебе наедине. Ты подвергаешь садху очень суровому испытанию. Завтра я приду в твой дом в Канпуре и отвечу на твои вопросы». Мы посидели с ним ещё несколько минут, и затем он сказал: «Идите!» Когда мы уходили, во мне зародилось подозрение, что Махараджи просто хотел

отделаться от нас, сказав, что придёт к нам завтра и ответит на вопросы.

Часов в десять вечера того же дня прибыло сообщение для преданного Махараджи, который в то время гостил у нас. В сообщении говорилось, что Бабаджи (менее официальная форма слова *Баба*) направляется в дом к этому преданному и что ему нужно немедленно возвращаться. Мы отправились вместе с ним. Как только я сделал пранам, Махараджи сказал: «Ты усомнился в моей искренности! Ты никогда не должен испытывать сомнений по отношению к садху — это бремя ложится на него, а не на тебя. Никогда не сомневайся». Я принёс ему свои извинения. Тогда у меня действительно зародилось сомнение. А он сказал: «Хорошо, завтра я буду у вас».

И на следующее утро он пришёл. Это был его первый визит, и я не знал, что мне следует делать. Люди говорили, что ничего особенного делать не нужно — просто дай ему кровать и большую подушку, о которую он мог бы опереться, а также предложи еду, фрукты или молоко.

Он возьмёт, что захочет. Такова его воля.

Когда он прибыл, я провёл его в гостиную. Он сказал: «Нет, я не буду здесь сидеть. Пусть здесь сидят другие. Отведи меня в ту маленькую комнатку!» Я был удивлён и смущён, так как не знал о какой комнатке он говорит. Он описал мне её и пошёл по дому, как будто знал, где эта комната находится. Я шёл за ним, а не вёл его — в собственном доме. Он зашёл прямо в ту комнату и сказал: «Здесь я и хочу сидеть», и добавил: «Позови Ма» (мою жену). Когда она пришла, он ответил на все вопросы, которые она приготовила. После чего он спросил: «Есть ли какие-нибудь вопросы, на которые я не ответил». И она сказала, что таких вопросов у неё больше нет.

*

Один чиновник индийской гражданской службы в Лакнау сильно пил. Старший офицер полиции сказал Махараджи, что *его* следует навестить. Махараджи согласился, и когда они приехали к этому человеку, то увидели, что он прячет за спиной бутылку. Махараджи закричал из машины: «В чём дело?»

Чиновник рассвирепел. Он заорал на офицера: «Кого ты привёз сюда? Он дурно воспитан! Убери его отсюда!»

Полицейский открыл кобуру и уже собирался выстрелить в чиновника за то, что он так разговаривает с Махараджи. Но Махараджи взорвался:

«Что ты делаешь? Он великий святой! Ты видишь лишь его внешнюю сторону. Я больше никогда не поеду с тобой».

И этот чиновник позже стал его большим преданным. Он приходил на даршан, но сидел снаружи, рядом с оставленной обувью, так как считал, что это и есть его место. В конце концов он стал руководителем школы по подготовке административных служащих в Аллахабаде.

Этот человек страдал от тромбоза. Когда пришло время его кончины, он испытывал ужасную агонию, но продолжал повторять *мантру Рам* (Рама — одно из имён Бога) и был в весёлом расположении духа. Старший офицер полиции не мог сдержать слёз, находясь с ним в такой момент, и спросил: «Позвать твою жену и сына?»

Умиравший ответил: «Нет, это не время для проявления привязанности. Сейчас всё, что я должен делать, — это помнить о Рама и Махараджи. До свидания. Мы ещё встретимся». И он умер.

*

В течение долгого времени я хотел встретиться с Махараджи, но никак не мог поймать его. Наконец ко мне пришёл друг и отвёз меня на служебной машине в то место, где должен был быть Махараджи. В доме было четыре комнаты, и Махараджи находился в самой дальней из них. Я вошёл. Как только я появился в дверях, Махараджи сказал: «Ты, убирайся отсюда!»

Я вышел и сел на землю, но уйти не мог. Так я просидел несколько часов. Моему другу нужно было уже уезжать, чтобы поставить машину на место, но, хотя мой дом находился далеко, я был полон решимости остаться и получить полный даршан Махараджи. В конце концов какой-то человек сжалился надо мной и сказал: «Вы неправильно поступаете. Когда к нему начнут заходить люди, идите вместе с ними, и если он вас прогонит, подождите и сделайте ещё одну попытку со следующей группой». Я так и поступил, и дважды он прогонял меня. Наконец, на третий раз Махараджи сказал: «Иди, сядь здесь. Как тебя зовут и чем ты занимаешься?» После этого он произнёс: «О'кей, теперь иди».

Но я ответил: «Я не уйду. Я ещё не получил даршан. У меня не было возможности обсудить с вами свои проблемы».

Махараджи сказал: «Сейчас иди и приходи снова в 6 часов утра». Я отправился домой, но спать не мог, и в 2 часа ночи я поднялся и выполнил пуджу. Я боялся, что Махараджи уйдёт прежде, чем я доберусь

до того места, где он остановился. Когда в 6 часов утра я пришёл туда, Махараджи уже не было, но мне сказали, что он вернётся. Через некоторое время он вернулся, и я провёл с ним много часов. На самом деле всю свою оставшуюся жизнь я провёл рядом с Махараджи.

Даршан

Встреча духа

Не каждый, кто встречался с Махараджи, «открывался» или «пробуждался» при первом же посещении. Многие приходили, наслаждались приятным общением и уходили без явных впечатлений. У них не налаживался с ним «контакт», то есть они либо были не готовы к тому, чтобы получить такое глубокое воздействие, либо путь данного гуру не совпадал с их собственным.

Баларам (вновь прибывшему на веранде во Вриндаване):

— Вы уже получили даршан Махараджи?

— Я не знаю. Тот толстяк, который сидит вон там — это он?

Были и те, кто не пережив радикального потрясения, всё же отзывались на воздействие невидимой тонкой нити, которая притягивала их обратно к Махараджи вновь и вновь.

Меня поражало, когда я наблюдал, как «крутые» с виду люди таяли после пребывания рядом с Махараджи.

Для многих из нас — кто получил глубокое открытие с самого начала или был притянут на тонком уровне — самым сильным желанием в жизни было находиться рядом с Махараджи. Мы стали «преданными», ибо, когда мы были с ним, мы ощущали, что находимся «дома», в сердце Бога. Неудивительно, что его присутствие вызывало такую привязанность, что мы оставляли дом и делали всё возможное, чтобы быть с этим «духовным дудочником», учившим нас, как Кришна, танцевать и предаваться играм в полях Господа. Но предполагать, что из-за одного только желания быть с Махараджи вы могли быть рядом с

ним — значит не принимать во внимание природу поведения этого человека. Он перемещался с места на место непредсказуемым образом. И где бы он ни останавливался, даже на несколько дней, люди шли к нему непрерывным потоком с утра до вечера. Некоторые приходили из близлежащих деревень босиком с раздетыми детьми, другие прибывали на самолётах и такси.

*

Я стоял во дворе скромного жилища в небольшой горной деревушке, куда Махараджи прибыл по обыкновению неожиданно-негаданно. Мне сказали, чтобы я не входил, так что у меня была возможность понаблюдать за прибывающими людьми. Казалось, что люди являются из неоткуда, со всех сторон. Они прибежали, некоторые женщины вытирали испачканные мукой руки о свои передники, другие несли полуодетых детей. Мужчины оставляли свои лавочки без присмотра. Некоторые срывали цветы с деревьев, чтобы предложить в качестве подношения... Но все они приходили с какой-то надеждой, радостью, благоговением, которые нельзя было спутать ни с чем. (Р. Д.)

*

Конечно, многие хотели от «творящего чудеса Бабы» мирских вещей, но, помимо этого, они хотели ещё раз вкусить нектар пребывания рядом с ним.

Многие из нас чувствовали себя неловко от того, что все постоянно чего-то ждут от Махараджи. Иногда мы видели себя и других преданных и ищущих многочисленной стаей стервятников, собравшихся вокруг куска сырого мяса, или мухами, ползающими по куску сахара. И тогда мы пытались как-то огородить его от этого, и часто сдерживали себя, чтобы не вносить свой вклад в это зрелище.

Но иногда мы осознавали, в какой полной мере Махарадж контролирует ситуацию. Когда мы чувствовали, что люди, как он выразился «отъедают ему голову», мы просто уходили в заднюю комнату и закрывали дверь, или отсылали кого-нибудь домой, или же брали машину и, не оборачиваясь, уезжали.

Однажды, проездив много месяцев в надежде увидеть Махараджи, мы наконец нашли его в доме одного из его преданных в Дели. Нам было позволено на несколько минут зайти к нему в комнату, а затем нас

отослали пить чай с остальными. Примерно через пятнадцать минут Махараджи вышел из внутренней комнаты и прошёл совсем рядом с нами, на расстоянии не более двух футов от наших лиц, не повернув головы и не проявив никаких других признаков того, что он нас знает. Он направился к машине, с водителем, сел в неё и отбыл в неизвестном направлении. Такой человек был явно вне пределов нашего контроля!

И так Махараджи постоянно находился в движении, причём делал он это абсолютно непредсказуемым образом. В ашраме он также не сидел на месте; к нему то можно было свободно подойти, то он скрывался в какой-нибудь комнате, накрепко заперев дверь на засов.

Если бы ашрам был единственным местом его передвижения, преданные могли бы обосноваться рядом с храмом и ежедневно посещать его, ожидая, когда он появится. Но его передвижение не ограничивалось границей какой-то одной территории. Он странствовал от деревни к деревне, был то в горах, то в долинах, то в одном конце Индии, то в другом, то в храмах, то в частных домах, то в расположенных в джунглях ашрамах. Он мог безо всякого предупреждения удалиться в неизвестном направлении посреди ночи. Или он мог сесть на поезд, направляясь якобы в какой-то город, а затем сойти с него совсем на другой станции, иногда даже не дожидаясь остановки поезда, так что преданные, которые следовали за ним, никак не могли догнать его.

Страстное желание преданных находиться рядом с Махараджи в сочетании с его непредсказуемым и непонятным поведением порождали самую драматическую игру в прятки, которую один преданный-остряк назвал «великой гонкой милости».

Быть преданным Махараджи было подобно участию в постоянной бесконечной охоте за сокровищем, ограниченной лишь экономическими возможностями или долгом перед семьёй. Горшком с золотом было, конечно, получение его даршана. И это было действительно золото! Один индийский преданный выразил это в нескольких словах так: «Даже сексуальный акт с моей женой не может сравниться с даршаном Махараджи».

Преданные-индусы имели сложную систему передачи информации, что позволяло им, по меньшей мере, в тридцати процентах случаев

выслеживать Махараджи и знать о его местонахождении за день до его прибытия в какой-либо город или деревню. Нам, западным преданным, не так везло на этот счёт, и нам приходилось использовать свою смекалку, свою хитрость и свою интуицию — а также своё нахальство — для того, чтобы оказаться у его стоп. Наш процент успеха был, наверное, не таким впечатляющим, как у индийцев, но наш стиль поведения и наши драматические появления и уходы, несомненно, производили глубокое впечатление.

*

Я получал даршан Махараджи, но тут внезапно появился Тукарам. Я спросил его, как он попал внутрь, и он ответил: «О, я перепрыгнул через стену». Я подумал: «О, Боже! Я здесь долго не задержусь». Затем явилась Кришна Прия. Чаукидар увидел, как она перелезает через стену и, поскольку он не хотел брать на себя вину за то, что впустил этих людей, он пошёл доложить об этом Махараджи. Старик сказал: «Баба, эти люди перелезли через стену. Мне очень жаль, я делал всё, что мог, чтобы не *впускать* их». Первой реакцией Махараджи на сообщение чаукидара был гнев: «Вышвырни их вон! Вышвырни их всех вон!» Вышвырнули и меня. Мы, западные преданные, разделили эту вину — когда на следующий день мы явились на даршан, то обнаружили, что за ночь стена была увеличена в высоту вдвое.

Много уровней – много изменений.

Когда вы в конце концов прибывали в нужное место и в нужное время и вам говорили: «Да, он здесь», и вы оказывались сидящими перед ним — каковы были ваши ощущения? Даже речь и руки богов и богинь, язык музыки и поэзии не могли бы в полной мере описать это. Как же могу это сделать я? Как в притче со слепцами и слоном, каждый преданный встречал не такого Махараджи, как другие.

Когда Махараджи выходил, вы никогда не знали, что можно ожидать на этот раз. Он мог делать одно и то же в течение всей недели, пока вы не начинали думать: «Так, сегодня он выйдет в 8 часов». Затем он мог не

появляться в течение всего дня или мог перейти в другую комнату, закрыться и просидеть в ней дня два. Вы должны были учиться ожидать неожиданное.

Однажды он вышел к нам и всё, что он сказал за день, было: «Тхул-Тхул, Нан-Нан». Он повторял эти слова как мантру. Так проходил день за днём, и, наконец, кто-то спросил: «Махараджи, что вы говорите?» Оказалось, что это были слова на старом диалекте Бехари и они означали: «Слишком большой, слишком большой, слишком маленький, слишком маленький». Когда его спросили, зачем он это повторяет, он ответил: О, вы всё живёте в Тхул-Тхул, Нан-Нан; вы живёте в мире суждений. Он всегда слишком велик или слишком мал».

*

Сидя перед Махараджи, вы никогда не можете знать, с кем из присутствующих он работает в процессе даршана. Он может разговаривать с одним человеком, а другой в это время каким-то особым образом получает глубочайшее воздействие. Вы сами не можете знать, что же такое вы получаете от него.

*

Одна из особенностей пребывания с Махараджи, которая поразила меня и множество других людей, — это многоплановость переживаний. Мы могли просто сидеть с ним, и вроде бы ничего не происходило. Мы пили чай, иногда он кидал нам какие-нибудь фрукты или кто-нибудь входил, произнося пару слов. Всё было очень спокойно, ничего из ряда вон выходящего, но мы внимательно следили за всем, что он делает, получая неопишуемое наслаждение от наклона его головы или движения его рук. И одновременно с переживанием невероятно лёгкой радости мы также испытывали ощущение, будто находимся в самом центре бушующего пламени.

*

Люди молча, сосредоточившись сидят вокруг Махараджи. Взгляд Махараджи направлен в сторону, противоположную от сидящего перед ним человека, когда он, ухватывая какую-то мысль и всем телом поворачиваясь к посетителю, с выражением недовольства и любви на лице, поднимает один палец или потрясает кулаком. Если кто-то медитирует, он может ущипнуть его за нос или дёрнуть за бороду. Он поворачивается к человеку и говорит, что он очень хороший. В адрес

другого он может начать злословить, рассказывая всевозможные нехорошие истории. Повернувшись к третьему, он говорит: «Уходи, злодей!»

И эти слова, и яблоки, и чай, и молчание, и смех — всё это омывалось в непрерывной реке любви, истекавшей от Махараджи. Преданные, которые «знали», радовались его оскорблениям, так же, как и его похвале, ибо всё это было чистым проявлением любви и пищей для духа.

Мы получили представление об этом от одного из самых верных и давних преданных Махараджи по имени Дада, который служил Махараджи с устремлённостью, потрясавшей нас до глубины души. Когда Махараджи хвалил его, Дада отвечал: «Ха, Баба», что означало: «Да, Баба», а когда Махараджи осыпал его оскорблениями, иногда браня его с утра до вечера, он отвечал в точности тем же тоном: «Ха, Баба!» По всей видимости, слава и позор были равны для него, по крайней мере, в тех случаях, когда их источником был

Махараджи. Махараджи не мог больше вызвать в Даде гнев или чувство вины, за столько лет они были сожжены. Для Дады это всё было высшей милостью.

Иногда Махараджи разговаривал с кем-то одним из присутствующих, а все остальные просто слушали, в полной мере довольствуясь тем, что они находятся рядом.

Было особое удовольствие в том, чтобы наблюдать, как прибывали новички, полные скептицизма, с различными вопросами, и затем видеть, как их сердца мягко раскрываются подобно распускающимся цветам, окружённым нежной заботой искусного садовника. Так мы сидели группами вокруг Махараджи, а он поворачивался то в одну, то в другую сторону, обращаясь то к человеку, сидящему рядом с ним, то к преданному, только входящему к храм; и он так легко менял настроение группы от лёгкого смеха к глубокой напряжённости и затем обратно. В такие моменты было ощущение того, что Махараджи — кукловод, а мы все — марионетки.

Находиться в обществе Махараджи всегда было чем-то особенным. Он всегда был по-детски естественен. Он не ставил никаких условий и не ожидал какого-то определённого поведения от своих преданных. Внешние факторы очень редко оказывали на него воздействие. Он мог беседовать с полдюжиной людей перед камерой на расстоянии фута от его лица. Он был далёк от каких бы то ни было формальностей. Он не совершал ни ритуалов, ни пудж. Он не соблюдал никаких ортодоксальных обычаев, таких как, например, ритуальное омовение. И тем не менее его присутствие было более чем вдохновляющим, оно оказывало просветляющее воздействие. Медитируя в его присутствии или недалеко от него, даже если он при этом громко разговаривал и смеялся, человек быстро достигал области ясного света, области, которую трудно достичь без его милости и его силы.

Непрерывные даршаны

Махараджи часто советовал индийским преданным сидеть в тишине; просто сидеть, слушать и впитывать. Но рядом с ним трудно было это выполнять, вокруг него постоянно разворачивалась драма, непреодолимо приковывающая к себе внимание: кто-то приходил и уходил; что-то говорили; какую-то пищу раздавали; кому-то удалось сесть ближе к нему; он кого-то приласкал и на кого-то накричал, сами его телодвижения на кровати. Один индус сказал, что тем из нас, кто не говорит на хинди, повезло, поскольку это не даёт нам слишком вовлекаться в происходящее. Когда наступал небольшой период тишины или когда вам удавалось отвлечь своё внимание от всей этой мелодрамы, вы могли просто купаться в неподверженном никаким временным рамкам блаженстве его присутствия.

В то мгновение, когда вы встречаете его, если вы готовы, он проникает в вас — подобно семени, — чтобы затем взойти. И время — это ничто.

*

Находясь рядом с ним, вы забываете обо всём. Нет ничего, кроме Махараджи, кроме тотального, свободного от каких бы то ни было

усилий поклонения. И это истинная пуджа.

*

Иногда мы засиживались в Каинчи допоздна, разговаривая с Махараджи, и полностью теряли ощущение времени, до тех пор пока не слышали, как кто-то совершает своё утреннее омовение, и тогда понимали, что вся ночь уже позади.

*

Это был один из тех даршанов, когда вам кажется, что кто-то подложил в чай ЛСД.

*

Мы купались в лучах его света.

*

В действительности вы можете по-настоящему быть с Махараджи тогда, когда вы находитесь вдали от его формы. На расстоянии вы можете сосредоточиваться на нём без помех.

Глубокие даршаны

Для других самым впечатляющим было ощущение глубокой близости, исходившее от того, что вы чувствовали присутствие другого существа в пределах того же пространства, какое занимали вы сами, шепот возлюбленного, знающего всё самое сокровенное в вашем сердце.

Махараджи никогда не читал ни проповедей, ни лекций; он говорил внутри вашего сердца. С ним вы автоматически знали всё. Это происходило через сердце, а не через прочтение книг.

*

Мы, десять или двадцать преданных, сидели на заднем дворе ашрама в Каинчи, беседуя с Махараджи. Один из нас говорил: «Но, Махараджи, а как же насчёт того-то и того-то?», задавая какой-либо вопрос о Боге или о жизни. Махараджи начинал говорить, и вскоре вес уже были в слезах. Иногда он говорил о Христе и начинал плакать сам.

*

Я никогда особо интенсивно не общался с ним на уровне слов. Но внутри я ощущал такую любовь, что постоянно старался находиться рядом с ним — если я уходил, то совсем недалеко — и я всегда возвращался обратно. И так было с очень многими людьми.

*

Махараджи проникал в сердце каждого человека путём, который подходил именно для этого человека. У каждого связанные с ним переживания были своими, отличными от переживаний других. Это то, что нужно прочувствовать сердцем.

*

Он был настолько мягок, что вы совсем не боялись его. Но иногда вам казалось, что внутри него прячется лев.

*

Три или четыре молодые западные женщины присутствовали на праздновании дня рождения Кришны. Пока все распевали *киртан* в храме перед *Лакшми-Нараяной*, они подошли к окну Махараджи, которое было закрыто ставнями изнутри, и начали тихо петь песню о маленьком *Кришне* (воплощение Вишну), *Дэва-кинанде Гопале*. Через некоторое время Махараджи открыл ставни и сердитым голосом велел им убраться, после чего захлопнул ставни снова. Эта сцена повторялась несколько раз, поскольку женщины продолжали тихо петь. Наконец, Махараджи вновь открыл ставни, но на этот раз у него из глаз лились слёзы, и в течение некоторого времени он слушал их пение в состоянии *бхавы* (высокого духовного переживания).

*

Помните, как Кастанеда говорит об остановке мира? Иногда Махараджи делал с вами что-то такое, что вы ощущали, будто он только что остановил мир. Иногда вы слушали, иногда — нет, а затем внезапно Махараджи что-то проделывал, и вы «зависали». Одно время я собирал всевозможные материалы о лошадях и наклеивал их в альбом. Об этом никто, кроме меня, не знал. И однажды, когда мой ум был где-то далеко, Махараджи повернулся ко мне и спросил о лошадях. Мой ум тут же остановился.

*

Каждый раз, когда мой ум был занят своими блужданиями, Махараджи удавалось поймать меня. Он никогда не пропускал такие моменты. Как только моя концентрация слегка ослабевала, он ловил меня и тянул обратно.

*

Махараджи сидел на кровати, затем нагнулся и поцеловал Кабира в голову. Этот поцелуй тронул всех присутствующих — люди ощутили внутри настоящее тепло.

Каждый раз, когда Махараджи заключал кого-нибудь в свои объятия, у всех, кто был в комнате, вырывалось: «Ахххх...»

Даршаны любви

Та любовь, та нежность и та доброта, которые исходили от Махараджи, — всего этого вы не можете получить от человека.

*

Как можно описать те переживания, которые возникали от пребывания рядом с Махараджи? Это подобно попыткам описать сладость фрукта или благоухание розы.

*

Вы никогда не встречали никого, кто был бы таким же милым, таким же добрым, таким же нежным. Как можно было не любить его?

*

У вас возникало желание отдать ему своё дыхание, если бы это было возможно.

*

Один преданный спросил меня, ловил ли я когда-нибудь на себе взгляд Махараджи, который заставлял бы меня забывать обо всём, помня только о его любви. Этот преданный сказал, что это большое чудо и редкость, если он смотрит на вас таким образом, и удержать его взгляд в этом состоянии — большая удача.

*

Он мог проникнуть в ваше сердце одним лишь взглядом или движением. Самая незначительная вещь давала вам ощущение того, что вас пронзают насквозь.

*

На следующий день я собирался уезжать в Непал. Был вечер, и мы сидели на заднем дворике ашрама. Махараджи не упоминал о моём завтрашнем отъезде, вызванном уведомлением о том, что я должен покинуть Индию, но в конце даршана он задержал на мне свой взгляд. Это был взгляд гуру, взгляд абсолютного, вселенского, тотального сострадания; в нём была любовь, которую невозможно описать никакими словами. Это был короткий взгляд, но моя сущность стала частью его сущности. И это наполнило меня такой — каким бы словом описать это ощущение? — печалью или тоской, или... Я чувствовал в этом взгляде безграничное сострадание, и хотя он был не очень долгим, его сила до сих пор достигает меня, особенно в очень трудные времена.

*

Мне было всего около шестнадцати лет, когда я впервые встретил Махараджи. Это было время *бхандары* (празднества), где присутствовало много людей. Когда я оказался рядом с ним, я наполнился такой бхавой, таким восторгом божественной любви. Махараджи дал мне указание прислуживать преданным на бхандаре. Нужно было накормить многих людей, и мы работали в течение долгих часов, но то чувство меня так и не покинуло.

*

Когда одного человека спросили о его переживаниях, связанных с Махараджи, он ответил: «Об этом невозможно сказать словами. Это нужно пережить. Любовь, нежность, сострадание, великое благо знать его...»

Беседы во время даршанов

Когда он говорил, речь его была совершенно свободна от каких-либо ограничений, часто в ней не было ни складу ни ладу. Если он бранил кого-нибудь, то кричал без перерыва. Но он слышал всё. Какое

опьяняющее чувство! Он вёл себя как ненормальный, совершая всякие глупости, крича и бранясь.

Что же заставляло вас оставаться рядом с ним? Вы не осознавали ни времени, ни пространства. Вы никогда не задавались вопросом, где вы находитесь и почему вы там находитесь. Дни и месяцы пролетали в его обществе, и они казались одним мгновением. Иногда я не осознавал, что не ел и не спал несколько дней подряд, и он заставлял меня делать вещи, которые я никогда не делал бы при обычных обстоятельствах. Если я хотел уйти от него, он заставлял меня остаться; если же я хотел остаться ещё на одну ночь, он заставлял меня уйти.

*

В некоторых случаях он говорил нечто только один раз. Если вы не ухватили сказанное, оно терялось навсегда.

*

Перед *мурти* Ханумана во Вриндаване сидела одна западная женщина. Она так страстно желала увидеть Махараджи, но в те дни он не позволял приезжающим с Запада посещать даршаны. И вот она сидела, наклонив голову и напевая какой-то киртан. Вдруг послышался возбуждённый ропот, и, подняв глаза, она увидела, что прямо перед ней, мило улыбаясь, стоит Махараджи. И затем к её восторгу, он вскинул голову и сказал по-английски: «Слишком много!»

*

Несколько приезжих с Запада составили «хит-парад» английских фраз Махараджи. Вот некоторые из них: кокос; направо, быстро, марш!, направо, налево, вперёд!; сесть; автобус прибыл; иногда; проклятый дурак; главнокомандующий; спасибо; встать; вода.

*

Когда вы находились в обществе Махараджи, вы говорили о том, о чём хотел говорить он. Если вы поднимали свою тему, Махараджи либо игнорировал её, либо просто менял.

*

Никакие разговоры вокруг Махараджи не велись, только с ним.

*

Махараджи часто говорил о не относящихся к делу вещах так, будто

они на самом деле имели большую важность.

*

Махараджи мог разговаривать с одним человеком и при этом наносить удары другому, но только тому, кто понимал что к чему.

*

Махараджи проявлял большой интерес ко всему, как обычный человек. В нём не было никакой претенциозности, однако никто не мог обмануть его.

Беседа с теми, кто прибывал с Запада, обычно включала в себя ряд моментов. Для многих из них Махараджи разрабатывал особые процедуры — определённый человек вызывался вперёд, изо дня в день, и затем происходил один и тот же диалог. Одной молодой женщине он ежедневно задавал один и тот же вопрос: «Каковы индийские женщины? Почему они хороши?»

И она каждый день давала один и тот же ответ: «Потому что они преданны своим мужьям».

Другого преданного он спрашивал снова и снова: «Ты женишься?», на что тот всегда отвечал: «Махараджи, как я могу жениться? От меня никакой пользы».

Ещё одному: «Как тебя зовут?»

— «Чайтанья Махараджи Прабху» (имя великого индийского святого). Махараджи затем повторял это имя и одобрительно скидывал голову.

Он делал из нас дрессированных человеческих существ. Один преданный так сказал об этом: «У Махараджи был свой собственный зоопарк, а мы были его обитателями».

Была ещё церемония света, называемая арати и служащая выражением почтения гуру. Перед ним совершали круговые движения пламенем, и это действие сопровождали песнопением, восхваляющим его многочисленные качества. Под руководством К. К. Саха (одного из давних индийских преданных) мы выучили целую песню на санскрите и научились выполнять эту церемонию, чтобы преподнести Махараджи «сюрприз». Когда мы наконец выполнили арати, Махараджи, казалось,

был в таком восторге, что заставил нас повторять его снова и снова, хотя сам во время церемонии постоянно беседовал то с одним, то с другим из собравшихся вокруг него посетителей. И с того времени каждый раз, когда прибывала новая группа индийских преданных выразить ему своё почтение, нас вызывали, чтобы мы выполнили арати и таким образом продемонстрировали, насколько духовны представители Запада. Благодаря всем этим многочисленным повторениям мы многому научились. В самом начале у нас было желание угодить Махараджи и произвести на него впечатление. Позже эта молитва стала лишь ещё одним проявлением духовного материализма. Но благодаря этим постоянным повторениям мы увидели, как ритуал может обрести собственную жизнь и породить духовную силу, независимую от каких-либо особых причин, ради которых он выполняется.

Строгость и веселье даршанов

Одному из преданных Махараджи было восемьдесят лет, но он был подвижен и проворен, подобно горному козлу. Однажды он явился на даршан Махараджи и встретил там своего дальнего родственника, молодого человека. Тот поклонился старику, но не поднялся со своего места. Тогда Махараджи повернулся к вновь прибывшему и сказал: «Если бы у тебя были деньги, он бы поднялся и коснулся твоих стоп».

*

Однажды Махараджи увидел, что одна из преданных надела на даршан новое дорогое сари. И он сказал ей: «Знаешь, Ма, я гостил в одной богатой семье, но они носили такую простую одежду, что нельзя было отличить богатых от бедных. Простая и чистая одежда».

*

Однажды вечером Махараджи сидел на корточках посреди грязной улицы, и как раз в это время мимо проходило несколько «важных» персон — поэты, судьи, чиновники. Они встали вокруг Махараджи, и он спросил их: «Почему вы не садитесь?» С некоторой нерешительностью они присели рядом с ним. Тогда Махараджи сразу же поднялся и сказал: «О'кей, пошли».

*

Я купил несколько яблок в Матхурс, чтобы преподнести Махараджи в качестве *прасада* (подношение, обычно в виде пищи, которое, будучи принятым Махараджи, становится освящённым). Они были дорогие, и я тщательно выбирал каждое из них. Когда я преподнёс их Махараджи, он сказал: «Отложи их. Я съем их позже». Моё самолюбие не позволило мне сделать, как он сказал, и, очистив первое яблоко от кожуры, я обнаружил, что оно гнилое, то же было и со вторым, и с третьим, и с четвёртым. Махараджи посмотрел на меня и сказал: «Я же сказал тебе отложить их». Позже я обнаружил, что пятое яблоко было отличным.

*

Я работал в Агре, и каждый раз, когда Махараджи приезжал во Вриндаван, я покупал для него прасад на десять-пятнадцать рупий. Я видел, что другие приносят намного больше этого, и однажды в воскресенье у меня совсем испортилось настроение от того, что я могу принести так мало. В понедельник утром я ожидал возможности коснуться его стоп, прежде чем отправиться на работу и думал про себя: «С моими ограниченными ресурсами мои десять рупий стоят десяти тысяч кого-то другого». И как раз в это время Махараджи вышел из своей комнаты, говоря: «Странные люди приходят ко мне, они предлагают десять рупий, а говорят, что предложили десять тысяч».

*

У него было одно выражение лица, которое он никак не позволял мне ухватить фотоаппаратом. Вот он сидит как обычно, а затем внезапно выпрямляется и смотрит прямо на вас, глаза широко раскрыты, взгляд пронзителен. В течение многих месяцев я пытался поймать это выражение на плёнку. За то время, которое мне требовалось для перевода плёнки на следующий кадр, он возвращался в обычное состояние, хихикая и смеясь. Он смотрел на меня и довольно улыбался, видя мою досаду. (Если бы у меня в фотоаппарате был мотор!)

Однажды он подошёл ко мне и, взяв мою бамбуковую трость, начал пританцовывать в стиле Чаплина. Он выбрасывал её вперёд и назад, будто раньше никогда не видел палки, и так, будто он сам был большой обезьяной. Он начал играть тростью, вертя ею во все стороны, а затем просто отшвырнул её и пошёл по дороге! Так закончился этот даршан! И я был его единственным свидетелем.

*

Однажды почти все угли в жаровне перед Махараджи сгорели и на неё положили кучу дров, которые, конечно, не горели, но давали много дыма. Тогда Махараджи сказал, чтобы сверху налили керосина, но дрова по-прежнему не горели. В воздух вздымались огромные клубы дыма.

Махараджи наклонился вперёд, пристально посмотрел, и внезапно из жаровни вырвались языки пламени высотой с дом. Махараджи отпрыгнул назад, радуясь и хлопая в ладоши, как переполненный радостью ребёнок. Он был в таком восторге.

*

Однажды я прибыл в ашрам слишком рано и просто сидел на крыльце. Пришёл какой-то человек с ружьем в руках. Конечно же, Махараджи сказал ему: «Неси эту штуку сюда. Дай мне посмотреть». Человек открыл ствол и проверил патронник, чтобы убедиться, что ружье не заряжено. Хотя это был дробовик, он хотел убедиться, что оружие не выстрелит. Махараджи взял его, открыл, затем защёлкнул обратно и приложил к плечу, как это делают при стрельбе. Он немного поиграл ружьем, открывая и закрывая его, затем отдал его обратно хозяину и отослал его прочь. После того как тот человек ушёл, он спросил: «Зачем он носит ружье?»

Я ответил: «Я не знаю» (мой стандартный ответ).

И тогда Махараджи сказал: «Он носит его, потому что он боится».

Чистота даршанов

Зимой 1971 года около Махараджи собралось очень много людей, и он стал отсылать их в разные места. Мне было велено отправляться в Пури. Также Махараджи сказал мне, что на обратном пути я могу навестить *Гоенку* (известный учитель випассаны, буддийской медитации). Я чувствовал, что мне действительно необходимо поучиться медитации, и отправился в Бодх-Гайю, где пробыл сорок дней. Всё это время мой ум пребывал в состоянии необычайной ясности, чего я раньше никогда не испытывал.

Когда я вернулся в дом Дады, Махараджи был там. Я не знаю, то ли я

ощущал свою любовь к нему как-то по-новому, то ли моё сердце было закрыто. Может быть, и то и другое. Но я просто видел, как человек совершает различные действия, и не ощущал той связи любви, которая соединяла нас раньше. Я чувствовал ясность и открытость, но той эмоциональности и той теплоты уже не было. Я пробыл там два или три дня, ожидая, что мои прежние чувства вернуться. И я видел, как все другие открывались, а я это упускал. Я молился Махараджи, но ничего не изменилось.

И тогда я решил отправиться в *Сангам* (святое место слияния трёх священных рек). Находясь там, я молился, чтобы после омовения моё сердце открылось вновь. И во время совершения этого омовения я почувствовал, как моё сердце широко открылось. Я вышел из воды, и куда бы я ни посмотрел, всё видел в сиянии света. Я сел в рикшу, чтобы добраться до дома Дады — и тут подумал, что у меня нет с собой никакого прасада. А на пути от Сангама до дома Дады не было ни одного базара. Мы проехали мимо *валлы* (торговца), продававшего календари с религиозными картинками. Я просмотрел все картинки, но они показались мне неудачными. И как раз, когда я собирался уходить, я бросил взгляд вниз и увидел, что прямо у моих ног, на земле, в пыли лежит картинка с изображением Рамы, обнимающего Ханумана, выполнена она была очень изящно. Я купил её и отправился к Даде. Было уже поздно, и я не надеялся, что успею встретиться с Махараджи и вручить ему прасад. Но как раз, когда я входил в двери, я увидел его прямо перед собой. Я был в состоянии такой открытости после медитационного курса и происшедшего в Сангаме, что отдал ему прасад, полностью забыв о своём эго. Это было самое чистое действие из всех, которые я когда-либо совершал по отношению к Махараджи. Что-то происходило, но я не «совершал» этого. Я положил картинку на тукет и сел. Махараджи взял её и стал рассматривать. Из его глаз полились слёзы, заплакал и я. Затем он встал и со скоростью бури вылетел из комнаты, отдав картинку Даде. Через несколько недель она уже висела в храме во Вриндаване, рядом с мурти.

Смысл всей этой истории в том, что благодаря тому бескорыстию, с каким я передал ему картинку, его приятие было полным. Раньше я также приносил прасад, и мне хотелось, чтобы он принял его определённым образом — но он почти не смотрел на него. Я часами полировал яблоки, произнося над ними мантры — я очень старался достичь чистоты. Но на этот раз я не стремился к чистоте, чистота просто была.

Касаясь его стоп

«Я снимаю пыль с лotosовых стоп гуру, чтобы очистить зеркало своего ума» — так начинается одно из священных песнопений, обращённых к Хануману. Прикосновение, растирание стоп гуру всегда имело глубокое значение в индуистской традиции. Ибо из стоп гуру исходит духовный эликсир, нектар, эссенция священной реки Ганги — тонкая прана, или энергия, которая способствует излечению и пробуждению. Касаться стоп такого существа — означает не только получение его милости, это акт покорности, отдавания себя Богу, ибо именно это олицетворяет собой гуру на земле. Но для нас, находящихся рядом с Махараджи, все эти теории, связанные с духовной ценностью прикосновения к стопам гуру, не имели почти никакого значения. Для нас это было сильнейшее устремление сердца. Одна женщина, приехавшая в Индию со своим мужем из Соединённых Штатов по причине своей обеспокоенности благополучием сына, который был глубоко предан Махараджи, осталась рядом с ним на какое-то время, и вот, что она рассказала о своём пребывании в ашраме:

Когда подошло время нашего возвращения в Штаты, я начала думать о последнем даршане, который я должна была получить. Я поняла, что действительно испытываю желание коснуться стоп Махараджи. Я не знаю, почему мне этого хотелось, но такое желание у меня было. Я подумала, что если я выполню то, что задумала, то это расстроит моего мужа, но всё равно решила следовать своему намерению. И во время своего последнего даршана я коснулась стоп Махараджи. К моему удивлению, мой муж сделал то же самое!

Я очень отчётливо помню, как после моей первой встречи с Махараджи вся моя самонадеянность и надменность исчезли перед лицом почти всепоглощающего желания буквально быть у его ног. Во время второго или третьего посещения Махараджи мне представилась такая возможность. Я наблюдал за человеком, сидящим рядом со мной. По выражению его лица можно быть предположить, что он просто переполнен экстатическим восторгом, и, наблюдая за ним краешком

глаза, я ощущал зависть. Мы сидели бок о бок со скрещенными ногами, перед большим тяжёлым деревянным столом. Мужчине было около шестидесяти лет, и он был директором местной школы. На нём был тяжёлый шерстяной костюм, носки (туфли остались у дверей храма), галстук, кашне, и в соответствии со стилем жителей этой горной местности и погодой конца ноября — шерстяная шляпа. Перед нами, на столе, скрестив ноги, плотно завернувшись в яркий плед, сидел Махараджи, была видна лишь его голова сверху и снизу — голая стопа. Именно эта стопа и была источником как экстаза, так и зависти, ибо этот человек массировал её с огромной нежностью и любовью, а я горел желанием быть на его месте. Что за наваждение — видеть себя сидящим в крошечном индуистском храме на другом конце света и испытывать зависть от того, что я не могу растереть стопу какого-то старика!

Пока я размышлял о таком странном повороте событий, Махараджи беседовал то с одним, то с другим из двух десятков людей, собравшихся в небольшой комнате в задней части ашрама. Он говорил на хинди, на языке, которого я не понимал, но было видно, что он задаёт вопрос одному, бранит другого, шутит с третьим и даёт указания четвёртому. Как раз во время всех этих разговоров я увидел, как он совсем чуть-чуть пошевелился, и его другая нога высунулась из-под одеяла прямо передо мной.

Я тогда думал, что только людям, которые довольно длительное время посещают его, позволено массировать его стопы — а я был новичком, — но всё же решился сделать попытку. Мои руки медленно вознеслись вверх, коснулись стопы и начали массировать её. Но вместо ощущения блаженства мой ум испытывал приступы сомнения и замешательства относительно того, использовать мне для растирания стопы свои пальцы или ладони. И так же внезапно, как она появилась, так же неожиданно стопа нырнула под одеяло. Теперь мой ум был заполнен обвинениями в собственный адрес по поводу того, что я ещё не достиг чистоты.

Время шло, и Махараджи заставлял меня всё больше и больше забывать о себе, ведя меня в пространство, лишённое каких бы то ни было знакомых границ. Я переживал сильное замешательство, граничащее с истерией, и именно в этот момент стопа вновь появилась передо мной. И я снова потянулся к ней. Но на сей раз мой ум был слишком переполнен эмоциями, чтобы анализировать саму процедуру. И я просто уцепился за эту стопу, как утопающий цепляется за спасателя.

(Р. Д.)

Особенно мне запомнился один случай, произошедший в Каинчи. Я сидел перед кроватью Махараджи, растирая его стопы так долго, как никогда раньше. При этом меня одолевали сомнения — достаточно ли я чист для этого? Затем я вышел за пределы мыслей, всё больше и больше погружаясь в любовь, пока совсем не осталось никакого беспокойства по поводу растирания стоп Махараджи или даже моей любви к нему. Я просто «плавал» в его стопах.

Сита всегда сидела слева от меня, и, будучи жадным и противным Львом по своей сути, я всегда проталкивался вперёд и хватал стопу Махараджи. Сита всегда хотела ту же самую стопу, поэтому у нас происходили состязания по отталкиванию друг друга. Она говорила: «Убирайся отсюда. Тебе здесь не место», и пыталась плечом оттеснить меня. Иногда Махараджи давал свою стопу мне, а иногда — ей.

Я очень редко касался его стоп, так как я считал, что он слишком чист.

Что же так захватывало и пленяло нас в этих даршанах?

Разнообразие уровней и множество перемен, или моменты переживания безвременности, или, может быть, чувство глубокой близости и любви? Или, может, его разговоры, гнев и юмор, или же чистота? И конечно, касание его стоп. Или все вместе... или вообще ничего из этого? Может быть, это была субъективная связь, вне пределов наших дуалистических переживаний? Махараджи, кто вы? Являетесь ли вы чем-то иным, нежели нашим собственным «я»?

Ответа нет. На самом деле и вопроса нет. Есть лишь даршан, являющейся высшей милостью.

Угощайся чаем

- *Пей чай.*
- *Но, Махараджи, я уже попил чая.*
- *Пей чай.*
- *О'кей*
- *Пойди возьми канну (еду).*
- *Махараджи, я поел только час назад.*
- *Махараджи хочет, чтобы ты взял канну сейчас.*
- *О'кей.*
- *Махараджи послал эти сладости тебе.*
- *Но я не могу больше ничего съесть.*
- *Махараджи желает, чтобы ты взял эти сладости.*
- *О'кей.*
- *Махараджи послал меня угостить тебя чаем.*
- *О, нет! Больше не надо!*
- *Я лишь исполняю свой долг. Это желание Махараджи.*
- *О'кей.*
- *Только что прибыл преданный из Дели с большой корзиной сладостей. Махараджи сейчас раздаёт их. Он хочет, чтобы ты пришёл.*
- *О, Боже, я лопну.*
- *Это прасад.*
- *Спасибо, Махараджи. О, нет, не надо ещё и яблоч! О, спасибо, Махараджи».*

Тогда как многие во время даршанов испытывали на себе такие качества Махараджи, как любовь или безвременность, каждый, кто оказывался перед ним, ощущал его обеспокоенность по поводу того, чтобы все были накормлены. Очень часто ещё до того, как вы успевали занять своё место, он настаивал, чтобы вы «приняли прасад». Никто никогда не уходил от него голодным.

Я остановился у заправочной станции в Беркли (шт. Калифорния), принадлежавшей одному сикху. Я думал, что смогу попрактиковаться с ним в хинди. Когда он узнал, что я останавливался в храме в Каинчи, первое, что он сказал, было: «О, ты связан с этим Бабой. Я был у него.

Он дал мне *пурис* (жареный хлеб). Больше никто не даёт тебе еду просто так, ни за что».

Многие бедняки, проживавшие в окрестностях храма или совершавшие паломничество, приходили, чтобы получить здесь еду; но у остальных из нас такое обильное кормление и постоянная обеспокоенность по поводу пищи вызывали предположение, что еда символизировала собой нечто большее.

Первое, что поразило меня, это обилие еды. Я только что прибыл из Непала, где длительное время выполнял строгую буддийскую медитационную практику, а здесь я вижу, как все эти люди сидят и наедаются до отвала! Я подумал: «О, они не знают, что делают. Ну и обжоры!» Затем я тоже сел, чтобы поесть... и через несколько дней я уже сам объедался до отвала. Никогда раньше я ничего подобного не испытывал. Я буквально не мог наесться. Казалось, будто я вскармливаю свой дух.

*

Он предложил мне съесть полученную им в качестве подношению *перу* (сладость), но, как ни странно, я отказался. Я тогда подумал, что я совершенно сыт и лучше, если кто-то другой съест это. И он отдал угощение кому-то другому.

Во время другого даршана он наполнил мои руки сладостями, которые я тут же съел. Вскоре он стал давать мне ещё одну огромную горсть сладостей, но на этот раз я отказался, так как посчитал, что свою долю я уже получил. Сидевший за мной индус расстроился и сказал мне, что я никогда не должен отказываться от прасада Махараджи, что я должен всегда принимать всё, что он мне даст. И тогда я почувствовал себя очень неловко. Когда Махараджи в следующий раз предложил мне горсть сладостей, я с радостью принял их.

*

Я прибыл в храм в ноябре и жил там безвыездно до самого конца марта. Всё это время меня каждый день очень хорошо кормили и ни одного пенни не попросили в качестве компенсации. Я не мог этого понять. Я — относительно богатый житель Запада, а индийцы

переживают экономически трудные времена и не принимают никакой оплаты. И я продолжал украдкой бросать деньги в ящик, находящийся в храме. (Р. Д.)

*

Я пытался спрятаться где-нибудь около храма, подальше от дверей, из которых он выходил. И когда он вышел, люди толкнули меня так, что я оказался прямо у тукета. Я всегда старался держаться поодаль и спрятаться, поэтому, когда меня подтолкнули к нему, я тут же попытался спрятаться за колонну, но люди всё толкали и толкали меня. Я был перепуган и начал плакать. А Махараджи дал мне грушу. Когда я ел эту грушу, у меня было такое ощущение, что я весь заполнился водой, снизу доверху. Я чувствовал, будто поглощаю саму любовь. С того дня эта груша постоянно в моей памяти, и ничего из того, что я когда-либо испытал, не может сравниться с этим переживанием. С тех пор я не съел больше ни одной груши.

*

Однажды, когда моя дочь была ещё совсем юной и жила с нами, мы направлялись в Каинчи, чтобы получить даршан, и по пути остановились в Бховали. Она хотела *джелеби* (сладости), но у нас не было с собой ничего. Я сказал ей: «Когда мы доберёмся до Каинчи, там мы отыщем для тебя сладости». Но когда мы приехали на место, то обнаружили, что это был день индуистского поста — *Экадаши* (букв, «одиннадцатый день» лунного месяца), — поэтому подавали только варёный картофель. Когда мы были в комнате Махараджи, к нашему большому удивлению, вошёл человек с большой корзиной, полной джелеби.

Махараджи сказал: «Дайте вначале немного этой девочке», и показал на мою дочь.

Он знает всё!

*

Однажды в храм явился некий садху и набросился на Махараджи с руганью: «Ты ничего не делаешь для людей. Ты их не кормишь и не помогаешь им».

Махараджи сказал: «Дайте ему комнату, еды и денег», хотя единственным желанием преданных было как следует проучить этого садху. Они окружили его в углу, намереваясь осуществить своё

намерение, но Махараджи сердито закричал на них. После того как садху поел, он стал очень тихим и спокойным, а Махараджи сказал: «Вы, люди, не понимаете, что он голоден. Он не ел три дня. Что ещё он мог сделать, кроме того, что сделал?»

Однажды я сказал: «Зачем вы кормите так много людей и так обильно? Я мог бы съесть четыре *чапатти* (хлебные лепёшки), и мне бы хватило, чтобы прожить».

Махараджи ответил: «В нас есть внутренняя жажда пищи. Мы об этом не знаем. Даже если у тебя нет желания есть, твоя душа жаждет пищи. Бери прасад!»

Следует особо сказать о той пище, которая подавалась в ашраме Махараджи, ибо, хотя она и давала удовлетворение нашим душам, наш ум часто приходил в ужас. Обычный рацион в храме состоял из белого риса, нури и картофеля (и то и другое в жареном виде), а также из сладостей, изготовленных из почти чистого белого сахара. Диета, таким образом, была такова: крахмал, жир, сахар и много чёрного чая. Наша чувствительность, пробужденная западной обеспокоенностью диетой, просто вопила от такого рациона. И всё же, это был «прасад». Вы отвергали прасад или отказывались от своих пищевых пристрастий? Что вам делать, если любовь приходит в виде крахмала, жира, сахара и чая? Жирный картофель — это одно, благословение же гуру — это совсем, совсем иное.

Раньше я считал, что святой должен соблюдать какие-то ограничения по отношению к пище. Я также никогда не пил ни кофе, ни чая и следовал очень простому скудному рациону. Я никогда не принимал лекарств и удивлялся, как люди могут пить такое огромное количество таблеток. После отъезда Махараджи я простудился. Вначале доктор подумал, что это грипп, но потом мне сказали, что это более серьёзная болезнь. И мне приходилось ежедневно принимать пятнадцать таблеток, чтобы вылечиться. Это всё была игра Махараджи. Врачи также сказали мне, что мне необходимо набрать вес, так что я ел с 6 утра до 10 вечера. Я сам удивлялся — как я могу столько есть, если раньше мне хватало двух чапатти на один приём пищи. Все мои старые представления исчезли.

Подобное случилось, когда я приехал в Каинчи (до этого я никогда не пил чай). В первый день я не пил его, а на второй, когда Махараджи спросил меня, выпью ли я чая, я не ответил. На третий день утром он спросил меня: «Хочешь чая? Ты не хочешь его. Вот, ты должен выпить этот чай. Здесь холодно!» И на этот раз я выпил чай. С того самого дня я пью всё — чай, кофе, что угодно.

Когда Махараджи говорил о диете, он обычно игнорировал вопросы, связанные с питательной ценностью пищи, которые так волновали некоторых из нас, но он советовал нам «есть простую еду». Также он советовал нам есть пищу из местных продуктов. Затем разным преданным он давал индивидуальные указания насчёт диеты, советуя одному избегать вина, мяса, яиц, острых специй, «поскольку они препятствуют чистоте сердца». Другому же он говорил: «Что за беспокойство по поводу того, что является мясом, а что нет? Если вы можете жить без мяса, хорошо. Если вы не можете жить без него, тогда вы должны есть его». Некоторым он давал совет «принимать пищу в одиночестве, молча или вместе с несколькими людьми», его указания другим основывались на необходимости три раза в месяц соблюдать пост, хотя, если вы были рядом с ним, он прерывал любой пост, который вы намеревались предпринять. Такое разнообразие указаний приводило большинство из нас к выводу, что он просто советовал нам полагаться на собственную интуицию, а не слепо следовать правилам. По крайней мере, именно это мы хотели услышать. Из-за того, что он так щедро кормил нас любовью и вниманием, а также пищей, мы искали способы отплатить ему тем же. Однако его жизнь отличалась такой простотой, что давать ему было совсем нечего, поэтому большинство людей приносили ему цветы или пищу, особенно фрукты и сладости. И тогда он раздавал их своими собственными руками или же касался пищи, и затем её раздавали присутствующим. Такое касание, или благословение, таким существом, как Махараджи, на уровне вибраций превращало пищу в прасад. В отсутствии физической формы существа подобного Махараджи, преданный предлагает пищу перед принятием в качестве подношения в сердце и уме. Если подношение отличается чистотой, существа, которым пища предлагается, принимают её сущность, а мы едим то, что остаётся, становящееся прасадом. На Западе это подобно произнесению молитвы перед принятием пищи.

Махараджи также постоянно проявлял заботу в отношении качества пищи, приготавливаемой на кухне храма и раздаваемой людям. Он вызывал к себе поваров и проверял пищу. Если она была приготовлена плохо, он начинал кричать; если она была излишне изысканной, он также кричал.

Когда я жил на горе в маленькой *кути* (хижине), Махараджи каждый вечер давал мне коробку с пищей. Но, давая её мне, он всегда проверял всю коробку целиком, ощупывая её руками.

*

Махараджи говорил женщинам, что те вибрации, которые присутствуют во время приготовления пищи, обязательно сказываются на состоянии ума. Он говорил, что, если вы действительно превращаете свою пищу в прасад, она очищает вас. Но даже у очень чистого человека, если он ест пищу, приготовленную без должного настроения ума, она вызовет замешательство ума. Он говорил, что принятие пищи, приготовленной с необходимой чистотой, делает йогина великим.

*

Я купил на базаре ягоды, чтобы преподнести их Махараджи. Они были довольно грязные, и я вымыл их, после чего положил обратно в сумку. Но вы знаете, как часто бывает с индийскими сумками, — она порвалась, и ягоды высыпались на землю. Так что' я снова тщательно вымыл их, ягода за ягодой. Наконец я принёс их Махараджи; все остальные, конечно, также принесли фрукты. Как только я положил их перед ним, Махараджи, как мне показалось, очень разволновался. Он внимательно осмотрел их и много съел сам, после чего оставшуюся часть раздал присутствующим как нечто особо ценное. Я подумал, что он почувствовал ту любовь и заботу, с какими я готовил эти ягоды.

*

Какое-то время Махараджи принимал лишь пищу, приготовленную одной Ма. Она рассказала мне, что если случилось так, что она была очень занята и кто-то другой помогал ей с приготовлением пищи, он отказывался есть её. Она сказала, что иногда даже пыталась обмануть его, чтобы он съел эту пищу — она говорила, что готовила её сама, без посторонней помощи. Однако он всё равно отодвигал её в сторону. Похоже, что он мог почувствовать разницу.

*

Мой дедушка — брамин по традиции принимал пищу в одиночестве. Моя жена специально готовила для него. Когда прибыл Махараджи, он уже начал свою трапезу, поэтому отец велел приготовить ещё еды. Моя жена решила приготовить для Махараджи особое блюдо, которое она только что сделала для дедушки. И она немного дала Махараджи попробовать. Отец очень рассердился.

«Как ты можешь давать Махараджи не свежеприготовленную пищу?» — спросил он.

Тогда Махараджи подозвал его и сказал: «Свежеприготовленная пища была съедена садху. Особое блюдо, предложенное с такой чистой любовью, было съедено Богом».

Обычно Махараджи принимал пищу в одиночестве, а то, что мы, преданные, приносили ему, раздавал присутствующим. Но самым заветным желанием каждого из нас, когда мы приносили фрукты или иную пищу, было, чтобы Махараджи съел какую-то её часть сам. И когда он это делал, это было самым бесценным моментом, ибо Махараджи принимал знак вашей любви.

*

Однажды я принёс мягкое яблоко, очистил его от кожуры, разрезал на части и поднёс Махараджи, как это делают индийцы. Он протянул руку и взял несколько кусочков с моей ладони... и я ощутил тот экстаз, который вы могли испытать, когда к вам подходил дикий олень или подлетала птица и ела с вашей руки. (Р. Д.)

*

Однажды днём мы сидели с Махараджи в его ашраме в Каинчи и предлагали ему гранатовые зерна, большинство из которых он одно за другим съедал; остальные же он раздавал сидящим вокруг него людям. Один индиец начал некоторые из зерен возвращать ему обратно. Махараджи рассеянно продолжал съедать их и раздавать другим. Люди передавали зерна под его тукетом обратно, чтобы я мог продолжать кормить ими Махараджи. Так он съел все зерна, многие из которых обошли несколько кругов по рукам. Мы все тайно радовались своему заговору и тому, что нам удалось «провести» его.,

Я купил дюжину апельсинов, чтобы отнести их Махараджи. Когда мы приехали в храм, то увидели, что он сидит в своей комнате, уже забитой до отказа многочисленными индийскими преданными. Как только стало известно о нашем прибытии, нас вытолкнули прямо к деревянному столу, на котором сидел Махараджи. Я предложил ему апельсины в качестве подношения. На столе уже лежало много фруктов и немного сладостей. Но затем случилось нечто, что очень меня удивило. Махараджи набросился на мои апельсины, как будто он никогда раньше не видел еду. Он хватал каждый очищенный апельсин и очень быстро съедал его. И на моих глазах он съел таким образом сразу восемь штук. Оставшимися четырьмя по настоянию Махараджи меня накормил один из преданных, занимавший пост директора школы.

Позже я спросил своего близкого друга-индуса К. К., как можно объяснить такое необычное поведение Махараджи. Он объяснил мне, что Махараджи «брал на себя мою карму», и он часто делал подобное именно таким способом. (Р. Д.)

Выражение «брать на себя карму» означает, что существо очень высокого духовного уровня, такое, как Махараджи, может работать с тонкими вибрациями и брать у преданных те вибрационные рисунки, в которых они оказались запутанными в этой жизни или в течение многих своих предыдущих жизней. Например, такое существо может взять у вас вашу печаль или ваше невезенье.

Этот процесс, который известен среди индийских святых, а также среди колдунов и знахарей всего мира, может совершаться различными путями. Часто знахарь работает с локоном волос или с фекалиями и мочой человека, страдающего от воздействия каких-то негативных сил, находящихся внутри или вне его. В Индии такие кармические целители часто работают с вещами, которые им даёт сам преданный. Ширди Саи Баба, величайший святой Индии, просил у своих преданных анны, мелкие монеты, имеющие стоимость меньше одного пенни. Он постоянно что-то делал с ними, пока, наконец, не переносил негативные факторы с преданного на самого себя. Затем он мог очистить себя от этого негативного материала другими йогическими методами. Другой известный индийский гуру просит у своих преданных сигареты и курит их с утра до вечера, из года в год, иногда по три-четыре штуки сразу.

Метод Махараджи состоял в том, что он съедал карму, и, казалось, этой его способности не было пределов. Одна женщина, многие годы являвшаяся его преданной, рассказала такую историю:

Это случилось в Бхумнадхаре, где Махараджи остановился на ночь. Мы Все поужинали и в 10:30 вечера легли спать. Около часа ночи Махараджи начал громко кричать, что он страшно голоден и ему нужен *дал* (чечевица) и чапатти. Я проснулась и напомнила ему, что он уже поел. Но он настаивал на том, чтобы ему дали дал и чапатти. Кто может понять действия такого существа, как он? Тогда я разбудила Брахмачари Бабу (священнослужителя), он разжег огонь и приготовил пищу. Было уже почти два часа ночи, и мы наблюдали, как Махараджи поглощает еду с огромным аппетитом. Затем мы все снова легли спать. Около 11 часов утра прибыла телеграмма, извещавшая о том, что этой ночью, примерно в 2 часа, в долине (в 150 милях от Бхумнадхара) умер один из давних преданных Махараджи. Когда телеграмму прочли Махараджи, он сказал: «Видите, зачем мне нужны были чапатти и дал?» Эти слова возбудили наше любопытство, так как мы совсем ничего не видели. Мы настаивали на том, чтобы он объяснил нам всё, но он ни сказал больше ни слова. Наконец через два или три дня наших настойчивых просьб он сказал: «Разве не понятно? Он (умерший) хотел чапатти и дал, а я не хотел, чтобы он умер с этим желанием, иначе оно повлияло бы на *его будущее* рождение».

Иногда, когда он ходил по домам, он подходил к двери и, говоря, что очень голоден, просил поесть. В очень бедных домах, где могло совсем не быть никакой пищи, он говорил, что его мучит жажда и просил воды.

В Лакнау Махараджи отвёз на машине нескольких чиновников, занятых в социальной сфере, в самые бедные районы города, где эти чиновники не уделяли должного внимания дорогам и санитарно-гигиеническому состоянию жилья. Махараджи вызвал из одной лачуги некоего мусульманина (которого он называл «Мусульман»), они обнялись, и Махараджи сказал: «Я очень голоден».

— Но, Махараджи, у меня нет еды.

— А! Злодей! У тебя на крыше спрятаны две *роту* (плоские лепёшки)!

Мужчина удивился, что Махараджи знает о лепёшках и принёс их. Хотя и Махараджи, и чиновники только что поели, он съел одну с большим удовольствием сам, а другую протянул чиновникам, среди которых был и индус-брамин, никогда не принимающий пищу, приготовленную мусульманами, и сказал: «Берите прасад!»

Когда Махараджи в последний раз прибыл в храм Лакнау, каждому, кто приходил к нему (если человек мог это сделать), он говорил: «Пойди и принеси сладости!», и когда они возвращались со сладостями, он раздавал их присутствующим (в тот день он их раздал почти на полторы тысячи рупий). Один врач купил сладостей на целую тысячу рупий, и все его проблемы, вызывавшие беспокойство, были разрешены.

Когда в период 1939-1949 гг. Махараджи прибывал в такой город, как Наинитал, все женщины начинали готовить пищу в надежде, что он посетит их дом. Они делали это как в качестве служения и проявления любви, так и с осознанием того, что накормить такого святого является великим благословением. А К. К., который неотступно следовал за ним с раннего утра до позднего вечера, однажды наблюдал, как Махараджи за один день двадцать раз принимал пищу. Другой преданный рассказывал, что видел, как он съел десять порций подряд. А если вы были в Индии и знаете щедрость индийского дома, где к гостю относятся как к Богу, то вы поймёте, какими огромными бывают порции и с какой настойчивостью кормят гостей. Индийский обед более чем обилён для обычного человеческого существования.

Но, вероятно, огромные вместительные способности Махараджи были связаны с чем-то другим, нежели с диетическими потребностями.

Однажды утром Махараджи сказал находящимся в ашраме посетителям: «Вы, люди, не можете кормить меня и проявлять заботу обо мне. Я уйду к Ма. Она будет кормить меня». И он отправился в ашрам Ананды Майи Ма, великой женщины-святой из северной Индии. Всю дорогу он твердил: «Она накормит меня. Я увижусь с Ма. Она накормит меня». Затем он подобно пятилетнему ребёнку ворвался в комнату для даршанов; при этом его *одеяло* развевалось во все стороны. Ананда Ма сидела в комнате, а он начал просить: «Ма! Накорми меня. Накорми меня, Ма!» Она громко рассмеялась. Ему принесли огромную порцию

пищи, и они оба раздали её всем преданным.

Снова и снова Махараджи наставлял нас «кормить людей». И он не просто заботился о своих собственных преданных, его забота распространялась на всех, кто испытывал голод. Он говорил: «Бог является голодным в форме пищи». А поварам он говорил так: «Приготовление пищи — это служение Богу. Людям нужна пища, чтобы жить».

Он часто повторял, что нужно служить всем, каждому существу. «Это всё является творением Бога. Служите всем, будь это *дакойт* (вор) или кто-то ещё. Если к вам приходит голодный, накормите его». И очень часто он говорил: «Каждый имеет право быть накормленным».

Поведение самого Махараджи служило для нас исключительным примером. Кроме того, что он кормил каждого, кто приходил к нему на даршан, он постоянно устраивал большие бхандары (празднества, заключавшиеся в бесплатной раздаче пищи всем, кто на них является, включая богачей, бедняков, нищих и прокаженных). Людей кормили сразу же, как только они появлялись, ибо Махараджи наставлял: «Голодающий не должен ожидать. Такого человека нужно накормить, когда он голоден».

Многие преданные боролись за право помогать в приготовлении и раздаче пищи во время этих великих бхандар, на которых часто присутствовала тысяча человек и больше. Здесь можно было видеть как все — судья и торговец, учитель и политик — чистят картошку, помешивают еду в огромных горшках, раскладывают по тарелкам халву или рис огромными ложками.

Кумбха Мелы были ещё большими праздниками. На них собирались сотни тысяч садху, святых и ищущих, прибывших со всех концов Индии, чтобы совершить омовение в месте слияния трёх рек — Ганги, Ямуны и Сарасвати, священной подземной реки, — в астрологически благоприятный момент. Этот праздник подобен огромной духовной ярмарке, длящейся месяц и более. Во время проведения Кумбха Мел шатер Махараджи обычно обслуживал от 250 до 500 людей в день по меньшей мере в течение месяца. Сколько же картофеля нужно было

почистить!

Во время проведения этих празднеств Махараджи требовал от своих преданных напряжённой работы, и многие рассматривали это как обучение дисциплине. Один преданный так описывает свои воспоминания:

Во время мелы было приготовлено *кхичри* (блюдо из риса и дала), но ложка для раздачи была слишком тяжёлой, и вскоре те, кто был занят этим делом, устали и начали накладывать маленькие порции. В результате нищие снова и снова становились в очередь, чтобы наесться досыта. Наконец один из преданных Махараджи очень рассердился, и как раз в это время Махараджи прибыл из *Читракута* (места, священного для преданных Рамы). Он накричал на них и сказал, что нельзя раздавать пищу в гневе и что они должны давать всем большие порции.

Другой преданный, указывая на то, что работавшие даже не получали похвалу за свой тяжёлый труд, рассказывает:

Как бы напряжённо люди ни работали во время бхандар и мел, Махараджи говорил: «Вы, люди, просто забавляетесь и слоняетесь без дела. Вы всё время спите».

Хотя люди постоянно приносили Махараджи пищу, которую он раздавал другим, иногда получателей было больше, чем дающих. И именно в эти моменты острый глаз ухватывал проявление им того, что известно как «сиддхи (сила) Аннапурны». Аннапурна — это Богиня Зерна, кормящая всю вселенную, аспект Божественной Матери. Тот, кто обладает сиддхами Аннапурны, может раздавать пищу постоянно, и её запасы никогда не оскудевают.

Однажды, когда я был ещё совсем юным, в день празднества в храме раздавали особые сладости. Махараджи дал мне небольшую, сделанную из листа чашу с конфетами, которые он берёт специально для меня.

Потом он сказал: «Дай эти конфеты обратно мне». И я отдал их ему обратно, так как я относился к нему с безграничным доверием. Он засунул эту чашу из листьев к себе под одеяло и начал раздавать конфеты из-под него. Я не знаю, как он это делал, но он дал по горсти каждому человеку из огромной толпы, состоявшей по меньшей мере из тысячи человек. Я был поражён. Я не мог понять, как он раздаёт конфеты в количестве, намного превосходящем то, которое я ему дал, и я, будучи ещё ребёнком, засунул руку ему под одеяло и вытащил оттуда чашу, чтобы посмотреть. Махараджи повернулся ко мне и сказал: «Всё, волшебство закончилось».

*

Один человек принёс Махараджи несколько апельсинов и положил их в пустую корзину, стоявшую рядом с ним. Махараджи начал раздавать апельсины преданным, сидящим в комнате, а затем — другим, находящимся в храме. Тот человек принёс восемь апельсинов, а Махараджи раздал сорок восемь.

*

Во время мелы многие люди приходили к шатру, и Махараджи велел нам готовить чай для каждого. Никто не хотел говорить Махараджи, что закончилось молоко. Наконец, один из нас доложил ему об этом, и Махараджи сказал: «Пойди и принеси воды из Ганги, но накрой сосуд тканью». Весь тот день до самой полуночи у нас было много хорошего чая с молоком.

*

Махараджи подозвал меня к себе, чтобы я сидел рядом с ним, пока он разбрасывал прасад (подношение в виде пищи). Он ел небольшие печенья из маленькой тарелочки, на которой лежало всего несколько штук. Затем он начал давать печенья мне, беря их из тарелки, которую он держал в руке. Он всё вынимал и вынимал их, пока обе мои руки не оказались заполненными прасадом до такой степени, что я не мог их разнять. Перед этим я был расстроен, наблюдая за Махараджи и думая: «Прасад нужно давать, а не бросать». Он знал это, поэтому подозвал меня к себе и начал давать прасад прямо мне в руки.

*

Однажды Махараджи позвонил мне в Аллахабад и сказал, что он приехал во Вриндаван. Когда я прибыл во вриндаванский ашрам, там

было всего несколько человек. Одна женщина пришла на даршан, принеся с собой сумку великолепных яблок. Вы не можете себе представить, какими большими и аппетитными они были. Махараджи начал раздавать их, и я, конечно, подумал, что достанется одно и мне. Но не досталось. Он дал несколько штук другим преданным, а оставшиеся вернул обратно женщине. Но и она не дала мне ни одного. О, она так крепко завязала свою сумку с яблоками!

Через некоторое время Махараджи перешёл через двор, вошёл в комнату и в одиночестве сел на свой тукет. Затем он позвал меня, одного, и когда я вошёл, он положил свою руку на тукет, а после протянул мне яблоко — ещё больше и аппетитнее тех, что принесла ему женщина. Потом он дал мне ещё одно яблоко. Я не знаю, откуда они взялись, так как я собственными глазами видел, что он вернул их все до единого, ничего не оставив!

*

Я сопровождал Махараджи в поездке из Аллахабада во Вриндаван, и на станции, когда мы только собирались садиться в поезд, я увидел большие, великолепные сочные апельсины. В какой-то момент меня охватил соблазн остановиться и купить несколько штук, но я прошёл мимо. Когда мы уже были в поезде, я на короткое время отвлёкся, а когда взглянул на Махараджи снова, то увидел, что рядом с ним стоит огромная корзина с апельсинами! Я не знаю, откуда они взялись, но они были лучше тех, что я видел на станции.

Когда Махараджи дал мне один апельсин, я положил его в правый нагрудный карман. Второй апельсин я положил в левый карман. Они так оттопыривались, что я стал похож на женщину! Затем он дал мне третий апельсин, и я положил его в карман брюк, четвёртый — в другой карман. А он всё давал и давал их мне, и мне пришлось укладывать их под рубашкой — спереди и сзади. Он дал мне столько апельсинов, что я едва мог двигаться! И я начал раздавать эти сладкие апельсины другим, говоря: «Это самый лучший прасад, который я могу предложить сегодня». По сей день я понятия не имею, где он раздобыл те апельсины.

*

Во время Кумбха Мелы в 1966 году Махараджи сидел на берегу Ганги с двумя или более садху. Он велел нам принести лоту воды из Ганги, затем он подержал её немного в руках и велел нам раздать напиток. Это

было настоящее молоко.

Перед всеми, кроме ближайших преданных, Махараджи обычно маскировал эти свои способности и часто сочинял какую-нибудь историю, чтобы казалось, будто он не имеет совсем никакого отношения к дополнительной пище.

Когда Махараджи открыл храм Ханумана на месте, которое раньше было кладбищем, была устроена большая бхандара, чтобы отпустить на свободу «неприкаянных духов». Поздно вечером оказалось, что закончился запас *гхи* (очищенное топленое масло). Человек, заведовавший продуктами, пошёл к Махараджи и сказал ему, что масла осталось очень мало, а людей на бхандару придёт ещё много. Что делать? Махараджи ответил: «Сходи и просмотри пустые канистры, там найдёшь одну полную». Хотя этот преданный точно знал, что все канистры пусты, поскольку он лично проверил и пересчитал их, он сделал так, как ему было велено. И действительно нашёл среди пустых канистр полную.

*

Один человек долгое время жил рядом с Махараджи, в некотором роде прислуживая ему. Он следил за одеждой Махараджи, помогал ему принимать ванну, приносил воду и т. п. Он выполнял множество обязанностей и спал у ног Махараджи, чтобы в нужный момент быть рядом с ним. Практика этого преданного состояла в том, что по вторникам он постился, пил одно только молоко. В один из вторников Махараджи предложил ему пищу, но он отказался, сказав, что выпьет молока. Прошёл весь день, но молока ему не дали.

Поздно вечером Махараджи спросил его, ел ли он что-нибудь или пил. Тот ответил, что постится, но пил молоко. Махараджи закричал: «Ты врешь! Скажи мне правду! Никто не давал тебе молока». Махараджи расспросил повара и оказалось, что никто не помнил, чтобы этому преданному давали молока. Махараджи поднялся и пошёл к себе в комнату. Затем он позвал к себе преданного, велел ему закрыть дверь на замок и спросил который час. Было уже после полуночи, и Махараджи сказал: «Ты не ел целый день. Сейчас уже перевалило за полночь. Ты можешь поесть сейчас? Сегодня среда». Преданный ответил утвердительно. Махараджи засунул руку в своё *дхоти* (полоска ткани,

прикрывающая нижнюю часть мужского тела) и вынул оттуда пять *партх* (жареный хлеб) с двумя видами овощей, после чего сказал: «Это прасад Бога, прасад Рамы». Преданный, взяв пищу, собрался уходить, чтобы съесть её снаружи, но Махараджи остановил его и велел есть прямо в комнате. Когда преданный всё съел, Махараджи достал немного *кира* (сладкого рисового пудинга). Преданный съел и его, после чего направился из комнаты за водой. Махараджи снова остановил его: «Куда ты идёшь? Вот вода». Вода стояла у кровати Махараджи, чтобы он мог пить ночью, но преданный отказался использовать посуду Махараджи. Тогда Махараджи налил ему воду прямо в рот. Ещё он просил его никому не рассказывать о том, что происходило в этот вечер.

Часто этот процесс маскировки включал в себя сцену невероятного «разноса», когда Махараджи громко кричал на преданных и бранил их (отвлечение внимания, как это делают все хорошие кудесники), в результате чего у них возникало чувство огромной вины, будто действительно это их небрежность привела к такому подлогу с едой. Потом он был очень нежен с ними, и они чувствовали, что он использовал их, но не обидел.

Однажды в Хануман Гхаре закончилось масло гхи, и Махараджи попросил одного преданного набрать ведро воды и оставить его в лесу. Затем в своей обычной непосредственной манере он объявил, что идёт в туалет и вышел. Вернувшись, он начал распекать садху за то, что тот не следит за запасами пищи. Он сказал, что воры собрались украсть у них гхи и спрятали его в лесу. И тогда из леса принесли ведро, полное масла.

*

Один преданный прислуживал во время проведения бхандары в Каинчи. *Малпуа* (сладкие пури) подходили к концу, так как праздник длился уже десять дней. Приходящим людям начали давать только чапатти и дал без малпуа. Но вскоре из далёких деревень прибыли шестьдесят или семьдесят женщин, которые не столько хотели увидеться с Махараджи, сколько поесть малпуа. Махараджи сказал: «Дайте им малпуа». Тогда один преданный ответил, что они закончились, и Махараджи принялся бранить его: «Ты вор, их было достаточно. Ты их украл. Заберите у него ключи. Я не хочу, чтобы он оставался в храме. Ключи от кладовой не должны храниться у него. Он, наверное, спрятал малпуа где-нибудь». Когда проверили в кладовой, там оказалось очень

много этих сладких лепешек. Позже Махараджи был предельно нежен с этим подвергшимся обвинению преданным.

*

Я был в Аллахабаде с Махараджи во время проведения мелы. Махараджи сказал, что из Наинитала прибыло несколько Ма и предложил: «Давай поедем и найдём их». Мы взяли такси и, как только приехали на место, Махараджи отпустил машину. Было уже темно, на празднике собралась огромная толпа в несколько тысяч людей. Махараджи отправил меня и моего друга поискать Ма, но мы боялись потерять его и, совершив лишь беглый осмотр, примчались обратно, сказав, что не смогли их найти. Тогда Махараджи сказал, что пойдёт сам, и в третьем же шатре, в который он наведаясь, он нашёл их. Они как раз заканчивали пуджу в честь Махараджи. Ма совершали эту пуджу ежедневно в течение тридцати дней, надеясь на этот даршан. Это был как раз последний день. Они даже сделали себе изображение Махараджи.

Махараджи вошёл внутрь и стоял, наблюдая, в задней части шатра, после чего отвёл всех этих Ма в дом одного преданного, а нас послал за молоком и сладостями. Мы были тогда студентами, и нам не хотелось тратить все свои деньги, поэтому мы решили: «В конце концов, сколько Ма могут выпить?» Мы принесли совсем немного сладостей и молока, за что Махараджи обругал нас и прогнал прочь. Полные раскаяния, мы сидели на крыльце. Через некоторое время он позвал нас в свою комнату и спросил: «Вы думаете, вы были мне так нужны, чтобы достать сладостей?» В комнате стояло множество корзин со сладостями, и Махараджи заставлял нас есть и есть их.

Управляющий тюрьмами в Лакнау, очень старый человек, давно на пенсии, рассказывает о своих переживаниях, связанных с Махараджи. Эта история особенная, так как в ней нашла отражение вера его жены, достаточно сильная для того, чтобы сиддхи Аннапурны, обладателем которых был Махараджи, могли через неё проявиться.

Он сваливал на вас вину, захватывал вас врасплох, а затем выручал. Однажды вечером в Наинитале, мы вернулись к себе домой, чтобы поужинать, после того, как провели днём много времени с Махараджи. Нас было четверо, и моя жена приготовила еды как раз на всю нашу

семью. И тут моя маленькая дочь услышала голос Махараджи, раздававшийся с улицы. Выбежав на улицу, она воскликнула: «Махараджи, мы здесь живём. Заходи к нам».

Я позвал её, увещевая: «Не беспокой Махараджи. Мы сегодня провели с ним много времени». Я также подумал о том, что у нас мало еды.

Но Махараджи возразил: «Нет, я должен посетить ваш дом», и он вошёл, а вместе с ним — ещё человек двадцать. Через пару минут он сказал мне: «Эти люди голодны. Накорми их». Я не мог отказать ему, так как я знал его силу и отправился на кухню. Махараджи закричал мне вслед: «И поторопись!» На кухне я шепотом изложил жене дилемму, в которой мы оказались. У нас было только немного овощей в небольшом горшке, как раз на четверых, а базар находился далеко от дома и был уже закрыт.

Моя жена, обладавшая большей верой, чем я, сказала: «Не волнуйся. Махараджи позаботится об этом. Вот, возьми этот горшок (она его накрыла), не снимай крышку и не заглядывай вовнутрь. А вот ложка, которой ты будешь раскладывать пищу. Я же приготовлю пури». Я сделал так, как она велела. Это всё было так странно.

Каждому из присутствующих я давал одну-две полные ложки, а затем спрашивал: «Хотите ещё?» Некоторые говорили «да», и я накладывал им ещё. Все получили столько овощей и пури, сколько хотели.

Махараджи улыбался. Затем он сказал: «Все поели. Все сыты. У нас здесь большой пир».

До нас дошло много историй о Махараджи, относительно достоверности которых трудно сказать что-то определённое. Вот один такой прекрасный пример.

Деревенские дети со всей округи часто приходили к озеру, где пасли своих коров и коз. Однажды, видя, что никого из посторонних вокруг нет, они повесили свои узелки с едой на низкие ветви деревьев и отправились играть. Когда они вернулись, то обнаружили, что их еда исчезла, а под деревом сидит Махараджи. Он улыбнулся детям, и в обмен на их еду достал из-под своей одежды пури и *ладду* (конфеты, которые особенно любил Хануман). Дети наелись вволю.

Под одеялом Махараджи

Отношения между гуру и преданным в каждом из случаев отличаются огромным разнообразием. В священных книгах сказано, что преданный может рассматривать гуру как отца, мать, ребёнка, друга, хозяина, возлюбленного или Бога. И были преданные, которые относились к Махараджи в соответствии с каждой из этих ролей. Но суть тех чувств, на которых основывалось отношение индийских преданных к нему, наверное, лучше всего отражено в слове Баба, чем в понятии гуру. «Баба» может означать «дедушка» или «старец». Это слово является выражением почтения как к человеку, старшему по возрасту, так и к человеку высокого духовного уровня. Садху, или странствующим аскетам, в Индии часто называют «Баба», это же обращение может использоваться и по отношению к пожилому подметальщику улиц. Мягкость и интимность этого слова лучше отражают особенности той игры, которая происходила между Махараджи и его преданными.

Некоторые из них относились к нему главным образом как к дедушке, старшему в семье:

Ту отеческую любовь и ту заботу, которые он проявлял, невозможно получить от кого-либо ещё.

Для других их «Баба» был дорогим другом:

Когда вы кого-нибудь любите, вы играете с этим человеком во что угодно. Что я и делал. Я никогда не думал по-другому.

*

Мы часто вместе путешествовали и просто беседовали о том — о сём.

Для многих он был мудрым советчиком: Я просто приходил, задавал свои вопросы и уходил.

Для некоторых он был ещё одним садху высокого духовного Уровня.

Он был обыкновенный Баба. Он часто приходил к нам, и мы давали ему сладости или стакан воды. Он сидел на голой кровати. И нас распирало от гордости, что «мы накормили сегодня Бабу».

*

Моя семья всегда поддерживала контакты со святыми, подобными Махараджи.

Но для многих он был ангелом-хранителем, принадлежавшим к другому миру:

Находясь рядом с ним, я всегда ощущал защиту, от чего бы то ни было, от всего.

*

Махараджи берёт нас с одного места и помещает в другое.

*

Всякий раз, когда мы переживаем тяготы жизни, мы вспоминаем его. И он всегда помогает нам, либо непосредственно, либо наделяя силой других для помощи нам.

А для некоторых он был Богом:

Каждый, кто получает его даршан, спасён.

*

Махараджи — это хаван (жертвенный огонь), берущий себе и сжигающий мою карму.

*

Он вне пределов всего, что вы можете сказать о нём.

*

Понимаете, он — Бог. Вот кто он.

Все эти категории слишком условны. На самом деле для большинства преданных он представлял то одним, то другим или же всем сразу. Просто-напросто он был их «Баба».

Меня не интересовали его чудеса. Я знал только то, что он мой Баба.

*

Одна женщина никогда не относилась к Махараджи как к великому святому, обладающему особыми силами. Он говорил, что не наделён ими, и она ему верила. Она считала его очень духовным, хорошим и добрым человеком, дарившим ей любовь, нежность и покой ума. Её же муж относился к Махараджи как к самому Богу. В присутствии Махараджи они оба забывали о своих проблемах.

*

Я никогда не боялся его. Никогда. Не из-за страха перед ним я ощущал напряжение и старался быть начеку в его присутствии — а из-за страха *за* него. Например, если у вас есть сад с прекрасными цветами и вы ухаживаете за ним, вы боитесь не цветов, а лошадей или коров, которые могут вытоптать или съесть цветы, или же садовника, который может забыть их полить. Понимаете, я боялся, что чья-нибудь черствость может причинить ему неудобство или боль; это подобно тому, как переживает ваша мать, когда вы приходите домой, а её нет. Она беспокоится по поводу того, кто вас накормит и позаботится о вас. Именно такие чувства я испытывал.

Западные преданные по-разному относились к Махараджи и к пребыванию рядом с ним. Хотя многие из нас испытывали глубокую близость к нему, тем не менее, слово «гуру», имеющее более формальный оттенок и означающее помощь в достижении духовного освобождения казалось нам более подходящим, чем «Баба». Поскольку в той культуре, в которой мы выросли, гуру не относятся к широко распространённым явлениям, мы были в большой степени склонны к мифологизированию гуру. У нас не было особого желания обрести дедушку или ещё одного друга. Нам нужен был Бог или, по крайней мере, божественный

посредник. И именно так большинство из нас относилось к Махараджи. В приведённых ниже воспоминаниях явно прослеживаются некоторые различия между нами.

(Один западный преданный беседует с другим.) У меня не было необходимости слишком долго находиться рядом с ним. Это было хорошо для других, для тех, кому нужно было быть с ним постоянно. Я думаю, что наше с тобой путешествие было прекрасным, так как ты был чудесным дополнением меня. Ты должен был быть рядом с Махараджи, ты должен был сидеть у его ног, ты должен был подмечать мельчайшие детали, слышать каждую историю. И мне это очень нравилось, это было действительно прекрасно — но это было не для меня, мне нужно было не это. Мне нужна была суть, семя, ощущение.

*

Я помню, как однажды мы все по обыкновению хорошо поели, а затем вздремнули. Но у нас было ощущение того, что суфии называют *барака* (благословение или духовная сила). Проснувшись, мы почувствовали себя потерявшими ориентацию, но это было такое приятное ощущение. Для меня в этом чувстве, которое я получал, когда приходил, принимал прасад и расслаблялся, заключалась большая и настоящая работа. Именно таким образом я ощущал реальную бараку, или благословение.

Я всё время плакал от того, что Махараджи не берёт меня к себе, в свои объятия, в храм, и не отправляет меня в полёт на небеса. После самой первой встречи с ним я загорелся огромным, почти безумным желанием оказаться у него под одеялом.

*

И я всегда пытался что-то сделать, найти какой-то способ заставить его взять меня к себе. Но я очень скоро понял, что нет ничего, что заставило бы его сделать это.

*

Я никогда не считал, что слова в действительности имеют большое значение. Истинный гуру находится внутри. И Махараджи был олицетворением того, что мне нужно было увидеть, чтобы постичь истину.

*

Из-за сильной потребности в нём и ощущения того, что рядом с ним я нахожусь в присутствии своей внутренней божественной Матери, у меня всегда было чувство, что Махараджи — это моя Мать; он был для меня как Ма. Связь Махараджи с Богом являлась тотально внутренней.

Это было просто прекрасно быть тем, кто ты есть, — быть собой. Игра не имела пределов, открытость сердца была безгранична.

В приводимом ниже описании поведения двух преданных Махараджи ясно прорисовывается ещё один аспект различий.

Когда А. находился в храме, можно было легко предсказать, что если кому-нибудь из западных преданных будет позволено быть рядом с Махараджи, то это будет именно он. Не было пределов изобретательности, которую он проявлял, для того чтобы оставаться в присутствии Махараджи каждую возможную секунду. Если Махараджи велел людям уходить, А. покидал комнату последним, а затем сразу же заходил с другой стороны, будто он прибыл в первый раз или начинал прятаться, чтобы не оказаться в числе уходящих. Всё это действие разворачивалось в изысканную игру, в которой Махараджи был очень активным участником.

А. был мастером в своей игре. У него как будто было особое чутьё, подсказывающее ему, где Махараджи будет находиться в тот или иной момент, и он умудрялся оказываться в том же месте, ожидая его появления. Другие преданные пытались соревноваться с ним в этой игре, но никому не удавалось сколько-нибудь приблизиться к такому слишком целенаправленному (или в зависимости от того, каково было ваше мнение на этот счёт, эгоистичному) поведению. Другим мешало ощущение вины или сострадание по отношению к остальным — чувства, которые, если о них упоминали, вызывали у А. лишь непонимающий взгляд.

С преданным Б. было всё по-другому. Если Махараджи посылал нас помогать на кухне, он оставался там и чистил картофель ещё долго после того, как другие бросали работу, направляясь обратно к Махараджи. Он оставался до тех пор, пока не была очищена последняя картофелина, а затем искал, что бы ещё сделать. Хотя в Соединённых Штатах он получил юридическое образование, его служение в храме и смирение были настолько выдающимися, что скоро ему было поручено

заведовать кухней и кладовыми. Он оставался в храме в течение пяти лет, совершая самое чистое служение, пока не был отправлен правительством домой. Никакая работа не была для него слишком грязной, и в нём не было никаких признаков гордости за своё смирение, не пытался он и привлечь внимание к своей работе. Он действительно как будто вплотную приблизился к Богу через своё служение. Он очень редко подходил к Махараджи, а если и подходил, то обычно только для того, чтобы коснуться его стоп, а затем возвращался к своим обязанностям.

Такие преданные, как А., вызывали у остальных негодование, так как они своим поведением просто монополизировали Махараджи, в то время как преданные, подобные Б., вызывали уважение, а иногда и чувство вины. И всё же мы интуитивно знали, что каждый из них был по-своему чистым преданным, и Махараджи, конечно, любил их обоих.

Как различно было отношение преданных к Махараджи и пребыванию рядом с ним, так отличны были и его реакции, соответствующие воспринимающим способностям каждого преданного. В бесконечно меняющейся природе поведения Махараджи каждый человек находил именно то, что ему было нужно. Поскольку Махараджи был свободен от жёстких рамок, он был подобен зеркалу, в котором отражался Баба или гуру, какого они проецировали своим сознанием. Часто одним своим действием он утолял внутренние потребности дюжины преданных сразу.

Кто может сказать что-либо определённое об этих святых? Они подобны небу. Ум Махараджи был абсолютно чист. Казалось, что у него не было никаких мыслей, что ему приходило в голову только то, что повелевал *Бхагаван* (Бог). Мысль приходила подобно облаку и затем — раз! — о, какое действие она порождала! И опять, подобно облаку, уходила. Его ум был всегда чист.

*

Он разговаривал с преданным в соответствии со степенью глубины этого человека, согласно тому, каким путём преданности человек следовал.

*

Если вы были хитры и нечестны, Махараджи игнорировал вас, но если в вас была простота и открытость, он помогал вам.

*

Если Махараджи нравился человек, он выражал это от самого сердца. Когда он не хотел видеть человека, он закрывал собственное лицо одеялом.

*

Махараджи не раскрывался всем подряд. Он мог заглянуть в душу и увидеть, что это хороший человек; он мог видеть всё, что творится у него внутри. Некоторым людям он просто давал прасад и отсылал обратно.

*

Независимо от того, находился человек рядом с Махараджи двадцать пять лет или он был новичком, он проявлял ко всем одинаковое внимание. У него не было любимчиков, никто не был особенным.

*

Однажды у ворот ашрама остановилась колонна военных грузовиков, из них выгрузились сотни солдат и выстроились в ряд. Махараджи в это время разговаривал с сидящим рядом с ним крестьянином. Один за одним солдаты и офицеры выходили вперёд, кланялись и касались стоп Махараджи, затем смотрели на него ещё какое-то мгновение и, повернувшись, отходили. Казалось, для большинства из них это было самым большим желанием. Но выходили и те, кто казался непохожим на других — может, в них было немного больше света или, может быть, они больше страдали. Я много раз наблюдал, как такой человек совершал пранам. Махараджи хлопал его по голове или давал ему цветок, или перебивал его, чтобы сказать ему что-либо, например: «С твоей матерью будет всё хорошо» или «Тебе не нужно воевать с начальством», или «Ты любишь Бога очень сильно». Мы могли видеть лишь крошечную часть того, что видел Махараджи.

Солдаты хотели получить изображения Ханумана (охраняющее божество индийской армии) у Махараджи, которые они могли бы взять с собой в качестве защиты. Махараджи сказал: «В армии служат хорошие, простые и духовные люди». Было не так, что Махараджи «решал» делать то или это; скорее, природа самого ищущего, подобно отражению в зеркале, влекла ту или иную реакцию. (Р. Д.)

*

Впервые я увидел Махараджи во время проведения мелы, и мне было

велено явиться в Читракут. Первое, что поразило меня, — это то, что он был как зеркало. В Читракуте было очень много людей, и они все обсуждали происходящее. Меня же это никогда не интересовало, но я сказал, что он подобен зеркалу. Когда затем это передали Махараджи, он был очень рад слышать, что я так думаю.

*

Я обсуждал с Махараджи всевозможные темы, включая такие, как наука и полёт человека на луну. Он был как зеркало; он не имел никакого отношения ко всему этому, но проявлял интерес, и когда вы в следующий раз обсуждали с ним ту же тему, он помнил, о чём вы прежде говорили. Он часто замечал: «Я помню всё».

Казалось, что Махараджи не принимает «решений» относительно того, как реагировать на того или иного преданного, и другим он советовал...

Видеть Бога в каждом человеке.

Строить обучение на индивидуальных различиях и карме — это обман.¹

Тем не менее, когда кто-нибудь проявлял настойчивость, он мог «объяснить» своё поведение:

*

Однажды я высказывал Махараджи своё недовольство тем, что он раздаёт фотографии тем людям с мирскими склонностями, кого он не интересуется. Он сказал: «Ты меня не понимаешь. Если я говорю человеку, что он великий *бхакта* (преданный), я закладываю в него семя. Если в человеке семя уже заложено и произрастает, зачем же сажать ещё одно?»

Я возразил: «Вы говорите этим пьяницам, лжецам и ворам, что они истинные бхакты. Они же просто вернутся домой и будут продолжать вести себя по-прежнему».

---

¹ Эта цитата, как и все остальные, выделенные подобным образом, являются точными словами Махараджи.

Махараджи сказал: «Некоторые из них запомнят то, что я сказал о них, и захотят развивать в себе это качество. Если десять человек из ста получают подобное вдохновение, это прекрасно».

*

Однажды преданный спросил Махараджи:

— Махараджи, зачем вы говорите людям делать что-то, а потом — ругаете их за это?

— Если я велю им спрыгнуть со скалы, они сделают это? Я говорю им только то, что у них на уме.

Все эти эпизоды кажутся частью того процесса, посредством которого Махараджи делал преданных частью процесса пробуждения друг друга.

Когда индуисты обижались за что-нибудь на западных преданных, Махараджи говорил: «Они очень искренни и очень чисты, поэтому я люблю их. Все западные преданные проверяют меня. Индийцы же проявляют абсолютную веру».

*

Однажды Махараджи сказал западным преданным: «Для уроженцев Запада само пребывание в Индии является формой самоотречения. Они отказались от очень многого, чтобы быть здесь. Если уж они верят, то верят в полной мере, всем сердцем и душой, как дети».

Его реакция была различна по отношению к разным людям, со временем она менялась и по отношению к одному и тому же человеку. Каждый раз вы чувствовали, что предстаёте перед ним впервые. И если постоянно завязывался один и тот же разговор, а это бывало часто, причина состояла в том, что преданный каждый раз увязал в одном и том же месте. Но как только преданный отбрасывал тот аспект мышления и поведения, в котором он увязал, он обнаруживал перед собой совершенно нового Махараджи.

Одним из его излюбленных стилей поведения с преданными, особенно индийскими, были оскорбления. И он был настоящим мастером в этом

деле. Большинство западных преданных не понимали хинди в достаточной мере, чтобы оценить используемые Махараджи крепкие словечки, и большинство переводчиков по личной инициативе смягчали его речь. Индийцы же привыкли к такой манере разговора и воспринимали её как форму проявления нежности.

Махараджи всегда задевал людей за живое так, как ему нравилось.

*

Если он обзывал вас, например, говоря, что вы злодей или развратный тип, вы знали, что он любит вас.

*

Он часто бранил людей, называл их смутьянами, говоря, что они танцуют голыми, слишком много пьют, что они хулиганы или *шерابي* (пьяницы).

*

Один мой родственник постоянно доставлял мне неприятности, но я ничего ему не говорил. Я отправился к Махараджи, и он сразу же понял мою проблему, заметив, что один человек причиняет мне беспокойство. Он сказал: «Это хорошо, если кто-то делает тебе плохо, это хорошо и в духовном плане. Человек развивается, если кто-то делает ему плохо. Не переживай. Настанет день, когда этот человек придёт к тебе и склонит голову перед тобой».

И однажды это произошло. Он пришёл ко мне и сказал: «Я совершил много ошибок; я причинял тебе ненужное беспокойство...»

Кроме оскорблений Махараджи очень часто любил подразнить преданных и посмеяться над ними.

«Дада сегодня получил *своего* Бога! Чай и сигареты! — сказал Махараджи Даде, который в ответ лишь рассмеялся.

*

Дада вытирал рот Махараджи уголком своего собственного дхоти. Кто-то раскритиковал его за это, сказав, что он не должен этого делать.

Прошло некоторое время, и одна женщина принесла молоко. Махараджи его выпил, и у него вокруг рта осталось несколько капель. Махараджи вопросительно повернулся к Даде и сказал: «Почему ты так оставляешь это?», и, схватив дхоти Дады, собственноручно вытер им свой рот на глазах у всех присутствующих.

*

Одна женщина всегда со смехом вспоминала о своей близкой дружбе с Махараджи. Она рассказывала, как он любил дразнить, «дурачить» людей и что это было частью его игры с западными преданными. Бывало перед большой группой индийцев он задавал им какие-нибудь вопросы, и они должны были ответить на них. А Махараджи поворачивался к этой женщине и, подмигнув, говорил: «Видишь, как наивны эти люди, они ничего не знают». Западные преданные принимали всё сказанное им за глубокую таинственную истину, в то время как он весело смеялся над их простодушной невинностью.

*

Одна семья пришла к Махараджи на даршан. В Наинитале они купили для него коробку конфет, и по дороге в Каинчи им захотелось попробовать одну-две. В конце концов они так и сделали, а оставшиеся конфеты, прежде чем отдать их Махараджи, разложили так, чтобы не было видно, что одной не хватает. Махараджи тут же отпрянул назад и отказался даже прикоснуться к коробке: «Заберите их обратно, заберите их обратно! Они загрязнены! Пусть собаки съедят это! Нет, собаки даже не прикоснутся к ним — они грязные. Выбросите их!»

*

Один кондитер, исполненный глубочайшего почтения к Махараджи, часто приходил к нему, принося много сладостей для всех посетителей. Махараджи хвалил его и награждал. И через некоторое время этот человек буквально раздулся от гордости и чувства собственной важности. Однажды, после некоторого периода отсутствия он вновь появился в ашраме и принёс прасад — маленькую коробочку сладостей, по размеру вдвое меньше тех, которые обычно приносят Махараджи люди — и это от кондитера! Махараджи искоса взглянул на него, вытряхнул из коробочки все сладости и, отдав её сидящему рядом с ним преданному, сказал: «Не давайте ему большую коробку пури. Вот, положите сюда несколько штук».

*

«Хочешь выпить эту воду?» — спросил меня Махараджи. Вода была не очень чистая и, кроме того, была взята из мусульманского источника. Он знал, что я брамин и не стану пить её, и он никогда не заставлял меня идти против своей природы. Часто он говорил людям: «Предложите это С», зная, что я не возьму это. Тогда он добавлял: «Нет, не давайте ему это, он не возьмёт».

*

Я совершал духовное паломничество в Бомбей и остановился в доме у одной семьи. Глава семьи должен был каждый вечер принимать особый напиток для поддержания сердца на основе алкоголя. Немного он предложил и мне, и в итоге я довольно сильно опьянел от него.

Позже, когда я вернулся к Махараджи, он стал рассказывать мне об одном садху, уехавшем в Америку, а затем спросил: «Чем его в Америке кормят?»

— Я не знаю, Махараджи, но я уверен, что ему дают очень чистую пищу.

— Они кормят его молоком, — сказал Махараджи.

— Это хорошо.

— А ты знаешь, что они добавляют в молоко?

— Нет.

Наклонившись, он сказал мне притворно заговорщическим тоном: «Алкоголь!»

— Нет.

— Да.

— О, нет! — воскликнул я так, будто он только что рассказал мне о самом ужасном проступке.

На что Махараджи ответил: «О, да», и многозначительно посмотрел на меня.

У меня подкосились ноги. Он просто припер меня к стене. (Р. Д.)

Одной из прелестей отношений между бранящимся, насмехающимся Махараджи и преданными было то, что многие из них не боялись отвечать ему тем же. И он, казалось, с особым удовольствием имел дело с теми, кто вступал с ним противоборство!

Я мог говорить с ним резко, поскольку, зная его с того времени, когда мне было шесть лет, я никогда не задумывался о том, что должен обращаться к нему почтительно; между нами не было ощущения «величия» или «старшинства». Однажды, например, он начал тянуть меня за нос, и я сказал ему: «Не делай этого! Если ты можешь удлинить его, то сделай это, а иначе не прикасайся к моему носу».

Махараджи ответил: «Хорошо, я не буду прикасаться к нему. Я могу благословить тебя через макушку головы».

Я сказал ему, что что бы он ни делал, он должен делать это должным образом. И тогда он похлопал меня по голове. Вот так я мог разговаривать с ним. И вот этого мне так недостаёт с тех пор, как он оставил своё тело.

*

Последний раз я видел Махараджи во Вриндаване. Мы добирались туда с самого раннего утра и прибыли вскоре после полудня, но Махараджи вышел из своей комнаты только в 3 часа дня. Не успев появиться, он тут же принялся на меня кричать, веля мне убраться, говоря, что он не желает видеть моё лицо. «Джао (Уходи)!»

Тогда я тоже начал кричать на него, спрашивая, что я такого сделал. Я потратил всё утро на дорогу и прождал весь день, чтобы увидеть его, а он меня так приветствует. «Нет! — сказал я, — я не уйду».

Он продолжал кричать и в конце концов позвал чаукидара, чтобы тот вышвырнул меня вон. Вошёл чаукидар, он сложил руки и обратился ко мне вежливо, но настойчиво. Я кричал Махараджи: «Посмотрим, как этот человек прикаснётся ко мне! Как он вышвырнет меня! Я не уйду».

Знаете, в итоге Махараджи подозвал меня к себе. Он похлопал меня по голове и произнёс несколько мантр, как это было во время нашей первой встречи. Теперь он так прекрасно улыбался. Он сказал мне, что его *шакти* (духовная энергия) будет всегда со мной и что теперь я должен идти. Я был уже переполнен и сказал ему, что ему нет необходимости заставлять меня уходить. Я ухожу сам, так как я уже получил его даршан.

*

Моя мать является великой преданной Махараджи, и она даже порицала его, когда считала нужным. Махараджи говорил о ней: «Смотрите, она может делать это. Только люди с чистым сердцем могут

делать такие вещи». А иногда Махараджи ругал её за то, что она пришла: «О! Зачем ты пришла? Ты должна идти домой. Ты явилась без разрешения своего сына!»

*

Я никогда не знал, кто такой Махараджи. Однажды, когда я отказался уходить, Махараджи сказал: «Ты проел мне мозги. Пожалуйста, уходи отсюда». Он мог и обидеть меня: «Уходи. Я не буду с тобой разговаривать». И тогда я отвечал: «Я не уйду, пока моя работа не будет выполнена».

*

Я не хотел ехать с Махараджи в Мадрас. Он просил меня поехать, но мне нечего было надеть. Махараджи сказал, что он уезжает, и я ответил, что пройду с ним до станции и там попрощаюсь. И я вошёл в его вагон, так как собирался выполнить пранам. Но он не желал разговаривать со мной, он отвернулся от меня и даже не глядел в мою сторону. Я так и не вышел из вагона, и когда поезд тронулся, Махараджи рассмеялся: мне пришлось ехать с ним.

*

В те дни Махараджи никогда не оставался в одном месте слишком долго — как правило, не более двух-трёх дней, — поэтому я мог получить его даршан всего несколько раз. Затем я на двадцать лет уехал из Канпура в Калькутту, где был очень занят и не имел никаких контактов с Махараджи. Вернувшись в Канпур, я вспомнил о Махараджи, мне захотелось узнать, где он, и я досадовал на себя за то, что не разыскивал его. Я отказался от еды на два месяца. Моя жена спрашивала меня, почему я такой сердитый и почему перестал есть, но я так и не открыл ей причину. Я был страшно зол на самого себя.

Когда я оказался в Аллахабаде, один человек предложил мне получить даршан очень хорошего святого. Его имя он мне не сказал и отвёл в дом Дады. Махараджи увидел меня и спросил: «Почему ты не ел два месяца?»

Я возразил: «А почему вы не дали мне даршан? Может быть, я сумасшедший, но вы же святой — вы не должны быть сумасшедшим». Я говорил с ним довольно грубо, как ребёнок. Кто-то из преданных спросил меня: «Ты что, собираешься воевать с Махараджи?», на что я ответил: «Да, конечно. Почему бы не повоевать? Он мне как отец, а я —

его сын. Почему бы нам не сразиться? Не вмешивайтесь».

Махараджи также сказал: «Пожалуйста, не вмешивайтесь. Он мой очень давний преданный».

Когда люди ушли, Махараджи повернулся ко мне и предложил: «Поезжай домой. Я приду к тебе завтра утром и принесу с собой свою пищу».

Я ответил: «Хорошо, только тогда, когда вы принесёте мне свою пищу, я стану снова есть. Если вы не придёте, я не буду есть».

Махараджи сказал: «Приходи завтра», но я возразил: «Нет, Махараджи. Я не доверяю вашим словам. Вы говорите, чтобы я завтра пришёл к вам, а вас здесь может не оказаться. Что тогда со мной будет? Я не уйду. Сегодня я буду спать здесь на веранде или на траве».

Он сказал: «Нет. Тебе здесь негде спать».

Я ответил: «Это не имеет значения, Махараджи. Я буду спать за воротами, на дороге, на кирпичах вместо подушки. Тогда утром я смогу застать вас».

Махараджи сказал: «О, нет. Ты должен доверять мне. Я обязательно пойду с тобой. Уходи!»

Махараджи настаивал на своём, дав мне твёрдое обещание. Затем он велел одному из преданных отвезти меня домой на машине. Этот человек попросил меня подождать с полчаса. Когда я ожидал его, ко мне подошли несколько преданных, слышавших мой спор с Махараджи и сказали, что Махараджи часто выдаёт чек, который никогда не обналичивается. Он может прийти, а может и не прийти.

Я ответил им, что появлюсь завтра утром, и если Махараджи не пойдёт со мной, я поклянусь, что не буду пить даже воду, пока он не придёт ко мне.

Не успел я закончить эту фразу, как Махараджи вышел из дома и сказал: «Подожди, подожди. Я поеду с тобой прямо сейчас».

Мы сели в две машины и поехали ко мне домой. Мы прибыли около одиннадцати часов вечера. Свежей еды в доме не было, но Махараджи начал есть то, что осталось после обеда, взяв понемногу всего, что ему было предложено. Затем он сказал: «Я поел. Теперь ешь ты. Начинай сеть и заканчивай свой пост». Затем он уехал.

Вот такова история того, как я получил благословение от Махараджи. Со временем я стал чувствовать его сильнее.

Часто игра, происходившая между Махараджи и преданными, носила поистине детский характер.

Махараджи просил меня как избалованный ребёнок: «О, Ма, пожалуйста, спой мне *бхаджан* (песнопение, выражающее поклонение и преданность)». И цитировал слова песнопения: «Колодец без воды, корова без молока, храм без света — так и человек без бхаджана».

*

Был день *Ракшабандханы*, когда запястья братьев обвязывают защитными лентами. Я заранее купила ленты для своих братьев и для Махараджи. Те, что предназначались для моих братьев, я оставила дома, а ленту для Махараджи положила в свою сумочку. Я никогда раньше не праздновала этот день с Махараджи, и мне очень хотелось завязать ленту вокруг его запястья, но я стеснялась делать это на глазах у такого большого количества людей. Когда мы на какое-то мгновение остались с ним одни, он позволил мне обвязать ему запястье лентой. Как раз в этот момент в комнату кто-то зашёл, и Махараджи очень робко сказал ему: «Мать завязывает мне ракшабандхан».

*

Махараджи всё утро находился у себя в комнатке, давая даршан множеству людей. По прошествии многих часов Дада прошептал ему, как отец ребёнку: «Махараджи, вы просидели здесь всё утро и ни разу не сходили в туалет».

Махараджи тут же всю вину свалил на Даду: «Это всё из-за тебя. Ты мне не напомнил!»

*

Однажды Махараджи с большим трудом пытался поддеть дохлую муху на кусок бумаги. Наконец он протянул её Даде, чтобы тот её выбросил. Как только Дада протянул руку, муха улетела, а Махараджи сердито сказал: «Ну вот, я так старался, а ты её выпустил!»

*

— Баба, — ответил Дада, — она же была в твоей руке, а не в моей. Махараджи только рассмеялся.

В 1968 году в Каинчи Махараджи почти все дни проводил сидя на кровати Дады. Он говорил: «Дада бодрствует, так что и мне нельзя ложиться». В три часа ночи он подошёл к комнате Дады и постучал: «Ты всегда будишь меня, а сегодня я бужу тебя!»

— Но сейчас три часа ночи, — возразил Дада, — а я вас бужу в 5 утра. Махараджи лишь засмеялся и вошёл в комнату.

*

Однажды к Махараджи пришла Ма и сказала: «Пойдёмте, Махараджи, примите свою ванну».

— Уходи, — ответил он. — Я не хочу идти. Эй, К. К., поехали во Вриндаван!»

*

Махараджи лежал в постели, простуженный. Миссис Сони, никогда раньше не видевшая его в таком состоянии, начала растирать ему стопы и сказала: «О, Махараджи, у вас такие холодные ноги».

— Правда, Ма? — Он был как маленький ребёнок.

Это происходило во время новой луны, а увидеть её считается благоприятным знаком. И таким же голосом, каким обычно обращаются к ребёнку, миссис Сони сказала: «Махараджи, подойдите к двери и взгляните на новую луну. Вам станет лучше».

— Правда, Ма? * Она помогла ему приблизиться к двери, уговаривая его, как ребёнка.

— Ма, я её не вижу.

— Да вон же она.

— Где, Ма? Наконец:

— О, я вижу её.

Тогда она сказала: «Завтра вам будет лучше», и помогла вернуться в постель. На следующий день он поправился.

*

Одна преданная рассказывала, что она никогда не делала снимков

Махараджи, хотя у неё и был фотоаппарат. Она часто одалживала его другим, но однажды фотоаппарат оказался в её собственных руках и был заряжен. Она была вдвоём с Махараджи и решила попробовать сфотографировать его.

— Он всё пытался дурачить меня. Знаете — примет то одну позу, то другую, повернёт голову то вправо, то влево, притворяясь, что медитирует. Было очень забавно.

И она показала несколько фотографий Махараджи, сделанных как раз в тот день. Сейчас они развешаны на стенах ашрама.

*

Только нам позволялось быть рядом с ним в любое время — когда он ел, принимал ванну или ходил в туалет. Он был просто чудо! Иногда он был как маленький ребёнок — такой игривый и весёлый. А иногда он казался таким беспомощным.

*

В Каинчи приезжал один человек, одетый в маскировочный костюм, какой обычно носят в джунглях, и рассказывал Махараджи о своих охотничьих подвигах. Махараджи называл его английским словом «охотник». Однажды этот человек начал очень красочно описывать, как он крадёт через джунгли в поисках тигра, раздвигая перед собой траву. Это был настоящий спектакль. Махараджи сидел, не шелохнувшись, казалось, что всё его внимание поглощено этим рассказом.

— И вдруг, — сказал охотник, — передо мной появился тигр!

В этот момент Махараджи аж подпрыгнул на своём ту кете, точно так же, как это сделал бы ребёнок! Он так радовался такой хорошей истории.

Однажды, когда приехали западные преданные, Махараджи закричал с присущим детям ликованием: «Наконец они приехали! Они приехали навещать меня!»

Где ты взял это?

Никто мне ничего не давал.

Отношения Махараджи с дакойтами, или грабителями — это

длинная история. Если человек имел в душе чистую или духовную искру, Махараджи указывал на неё и пытался её раздуть — независимо от социального статуса данного человека. Вместе с тем он никогда не мирился с воровством и, когда узнавал о подобных фактах, принимал строгие меры. Он встречался с преступившими закон людьми в тюрьмах, которые часто посещал, но, кроме того, он сталкивался с ними и в придорожных кульвертах (водопрпускных трубах). В ранние годы, когда он бродил по джунглям, огромные канавы под дорогами, предназначенные для стока муссонных дождей, служили ему пристанищем на ночь. И здесь он встречал людей, которые становились его преданными.

Махараджи спал во многих кульвертах так же, как и дакойты. Они приходили, убрали паутину и другой мусор. Рядом с Матхурой под мостом есть огромный кульверт, куда забираются грабители и поджидают свою жертву. Махараджи иногда останавливался там, и дакойты говорили ему: «Баба, мы сегодня достанем денег? Лучше скажи «да», или мы убьём тебя».

Махараджи говорит, что именно по этой причине он знаком со всеми правонарушителями.

*

Дакойты получали в Наинитале бесплатное образование. Дети приходили к Махараджи, и он говорил об их отцах: «Их сердца иногда бывают чисты». Один человек показал Махараджи фотографию дакойта с четками из *рудракиши* (священные бусы Шивы). «Какая искренность», — прокомментировал снимок Махараджи. — Он совершал дурные поступки, но он был чист в выполнении своего долга».

*

Полицейский вёл арестованного по городу и очень грубо обращался с ним. Махараджи сказал ему: «Не делай этого».

Полицейский начал оскорблять Махараджи, но он ответил: «Тебе нужно быть добрее. Ты не знаешь, когда сам окажешься в таком же положении».

На следующий день этот полицейский был арестован за получение взятки, и его провели в цепях по тому же городу.

*

Во время проведения *Рам Лилы* (фестиваль, на котором ежедневно осуществляют постановку «Рамаяны») Махараджи посетил одну из тюрем. Заключённые, одетые в соответствующие костюмы, разыгрывали историю «Рамаяны». Надзиратель высокомерным тоном рассказывал Махараджи, кто за что и на какой срок попал в тюрьму, — даже во время самого спектакля. Как раз в этот момент пришёл отец надзирателя, человек преклонного возраста, и Махараджи заставил его выполнить арати в честь актёра, игравшего Раму, а также коснуться его стоп. Под влиянием увиденного исполнился смирением и сам надзиратель.

*

Махараджи повел одну женщину с её сестрой навестить тюрьму для малолетних преступников в Барейлли. Заключённые соорудили для Махараджи место, на котором он мог бы сидеть, но сами они должны были находиться от него на некотором расстоянии. Сложив ладони, они исполнили киртан. Махараджи дал какую-то сумму денег надзирателю для покупки сладостей всем заключённым, но велел ему не говорить, откуда он получил деньги. Уходя, Махараджи и женщины увидели несколько молодых парней, сидевших в камерах.

Одна из женщин спросила: «Махараджи, разве вы не можете что-нибудь для них сделать?»

Махараджи был в слезах. «Ты хочешь взять на себя такую ответственность?»

*

Однажды Махараджи был арестован за бродяжничество и посажен в тюрьму. К великому ужасу тюремного стражника три или четыре раза за ночь он открывал дверь камеры и выходил в туалет. Утром стражник доложил своему начальнику о том беспокойстве, которое принёс ему Махараджи. Начальник понял, кто такой Махараджи, принёс ему еду и отпустил. Он стал великим преданным Махараджи.

*

Махараджи часто использовал выражение «Центральная тюрьма» по отношению к своему телу и ашрамам. Он употреблял это выражение ещё до того, как Д. стал старшим офицером полиции в Центральной тюрьме. Махараджи иногда навещал одного своего англо-индийского преданного,

который сидел в Центральной тюрьме Фатегара. Бывая в гостях у Д., Махараджи просил, чтобы ему подавали тюремную пищу, и они давали ему то, чем кормят заключённых. Он съедал эту пищу, а затем посещал заключённых. Некоторые из этих людей, принадлежавшие самым различным слоям общества и профессиям, даже считали себя его преданными.

*

Дада и Гурудатт Шарма поехали с Махараджи на джипе в храм в Бхумнадхаре. Подъезжая к храму, они увидели несколько мужчин, которые, по всей видимости, пытались проникнуть внутрь. Махараджи очень разволновался и сказал: «Они хотят похитить Хануманджи. Пойдёмте скорее!»

Дакойты бросились бежать по дороге. Махараджи выпрыгнул из джипа, сбросив одеяло наземь, и со всей скорости пустился вдогонку. Дада и Гурудатт Шарма пытались не отставать от него, но они лишь мешали друг другу бежать, и догнали Махараджи, только когда он уже возвращался обратно. «Я гнался за ними, Дада. Я их так напугал! Я так громко орал, что они намочили свои штаны. Я хорошо сделал, Дада. Правда, я хорошо сделал?»

*

Однажды Махараджи сидел с одним инспектором, обвинённом в получении взятки, и с уполномоченным Центрального акцизного управления. Махараджи спросил инспектора: «Ты берёшь взятки, не так ли?»

Тот задрожал и заплакал. Махараджи спросил уполномоченного: «Его уволят и посадят в тюрьму?»

Тот ответил: «Я не знаю».

Тогда Махараджи сказал: «Если его уволят, его дети и жена умрут».

Инспектор был оправдан. Махараджи заставлял людей публично признаваться в содеянном и тем самым очищать свою совесть, а затем он пытался вызвать к ним сострадание.

*

Была жаркая летняя ночь, и Махараджи с несколькими преданными сидел на лужайке возле дома Д. Он восседал на единственном стуле в окружении представителей высших слоёв общества. Я находился на

некотором расстоянии, наблюдая. Затем пришли ещё два человека, один из которых был в традиционной форме адвоката, а другой — в дхоти. Оба сделали пранам и сели рядом со мной, но Махараджи не обращал на них внимания, продолжая беседовать с окружавшими его людьми. Вновь прибывшие выражали сильное нетерпение, и адвокат собирался уже уходить. Я чувствовал, что их что-то очень сильно беспокоит, ведь если вы находитесь перед святым, зачем убегать? По настоянию адвоката, человек в белом встал и сказал, обращаясь к Махараджи, что у него есть просьба.

— Выкладывай, — сказал Махараджи.

Человек продолжил: «Мой друг (адвокат) попал в большую беду».

Тогда Махараджи обратился к адвокату: «Ты же не адвокат, верно?»

Тот ответил: «Да, я не адвокат».

Махараджи спросил: «Какая у тебя беда?»

Человек не смог ничего ответить, и его друг в белом сказал: «Он оказался замешанным в убийстве».

— Ты совершил убийство? — спросил Махараджи.

— Нет.

— Разве убийство не было организовано тобой?

— Да.

У Махараджи был такой вид, будто он просматривал какую-то картину перед глазами, затем он спросил: «Что он сделал тебе плохого? Разве он не был простым и честным человеком?»

— Да, но он был препятствием на моём пути. Махараджи сказал: «У него было трое или четверо детей. Это

ужасное преступление. Ты жалеешь о совершённом?»

— Да.

— Ты никогда в жизни не сделаешь это снова?

— Нет.

— Теперь можешь идти, — сказал Махараджи. Человек в дхоти спросил: «Его оправдают?»

Махараджи ответил: «Да, его простят», а виновному сказал: «Подумай

о жене того человека и его беззащитных детях. Кто теперь будет заботиться о них?» Человек в форме дрожал.

— Помогай детям, — продолжал Махараджи, — заботься о них, и ты поймёшь, что ты совершил. Судья, занимавшийся этим делом, уже подписал приговор о наказании, но поздно ночью он встал и изменил его на оправдательный.

*

Во время отсутствия Махараджи из ашрама во Вриндаване было украдено несколько мешков цемента. Вернувшись, Махараджи сразу же вызвал к себе садовника.

— Сколько мешков цемента ты украл?

— Нет, Махараджи, я не брал их.

— Скажи мне, — продолжал Махараджи, — сколько денег ты за них получил?

— Нисколько.

Махараджи встал и нанес садовнику такую сильную пощечину, что тот упал на землю. А Махараджи ушёл, оставив его лежать. Через пять минут Махараджи уже расспрашивал других преданных: «Как он там сейчас? Позовите его».

Садовник вновь предстал перед Махараджи.

— Ты украл их? Сколько рупий ты получил?

И тогда садовник признался, что совершил кражу и получил за цемент 250 рупий. Махараджи повернулся к человеку, заведовавшему деньгами ашрама, и сказал ему: «Дай ему ещё 250 рупий», а затем велел садовнику уходить.

Садовника уволили и прогнали из ашрама. Через некоторое время он вернулся и, коснувшись стоп Махараджи, попросил, чтобы ему вновь дали его работу.

Махараджи сказал: «Ты вернулся! На этот раз я отправлю тебя в Центральную тюрьму», и садовника отослали в храм Лакнау, настоятелем которого был Махотра, бывший тюремный чиновник.

*

Однажды к Махараджи пришли одновременно полицейский и дакойт.

Каждый из них массировал ему ногу. Махараджи спросил дакойта: «За твою поимку назначена награда, и каждый, кто приведёт тебя, получит её. Это правда?»»

— Я не знаю, Махараджи, — ответил дакойт.

Тогда Махараджи повернулся к полицейскому: «Ты его узнаешь?»»

— Нет, Махараджи. Такова была его игра.

Тонкость – это путь любви

Когда Махараджи дал одному американскому преданному имя Чайтанья Маха Прабху, он сказал ему, что это имя означает «сознание Бога внутри сердца». Позже Чайтанья написал стихотворение, в котором тонко подмечены драгоценные моменты и прекраснейшие ощущения, которые мы все переживали в присутствии Махараджи.

Ты проходишь через лес,
Идя дорогой в храм,
и поток воды пересекаешь.
Мягкость, такая мягкость...
Может быть, он там,
а, может, нет.
В любом случае ты наверняка
получишь сладости и другую пищу,
которая столь много обещает.
И всё здесь подобно твоим сновиденьям,
не нужно даже засыпать; всё даётся бесплатно.
Единственное ограничение — сомнение,
и больше ничего.
Ибо здесь нет нужды в тебе,
свободен приходить и уходить ты.
И видишь ты, как неожиданно меняются все отношения.

Как можно описать то, что случилось?
Вопросов я не задавал.
Не отдыхал.
Нельзя сказать, что я внезапно стал ребёнком.
Когда другие пели,
я наблюдал, сжимая кисти рук.
Если бы меня спросили,
я бы сказал, что ничего не случилось —
совсем ничего.
Не знаю, насколько я был готов:

Он просто на меня взглянул...

и, ветру подобно,
он неожиданно стал всем
и был везде.
Он был скалы отвесной краем,
к прыжку меня манящим.
И сам прыжок —
это шум реки и пространство скал.
Он страхом был и устремленьем,
и колебаньем, и доверьем,
и неподвижностью.
И где бы ни упал я,
он держит меня крепко.
Воистину, так странно
жить на земле с такую лёгкостью,
отбросить своё прежнее имя,
подобно старому листку...
и ощутить, как имя новое
дрожаньем губы охватило...
как голос, спрятанный губами,
внезапно начинает пенье.

Вначале нелегко быть мёртвым.
Мир видится не настолько
сильным, чтоб удержать тебя,
и ты желаешь знать который час
и день,
и его имя.
И тогда он очень нежен с тобой,
и все двери для тебя открыты.
Он позволяет тебе
лелеять без конца твои мечты,
не требуется ничего.
Ты можешь исследовать свой мир,
подобно сломанной игрушке,
в его игривой пустоте.
Возможно, это всё, что тебе нужно,

такой контраст с тем миром, что является твоим...
немного сладостей, место для жилья
и представление, чтоб развлечься...
Довольно для того, чтоб не быть
больше тем, кем был ты.
Довольно —
но путь любви — это тонкость.
Ни вопросов, ни ответов.
И каждый день с ним рядом
имеет собственную силу.
Не хватает одного — начала.

Изменение может быть абсолютным и полным.
Вот где любовь сильнее электричества,
и свечи сгорают не так скоро,
как свечи, которые ты знаешь.
Здесь, где дням — дням покоя — нет ни конца ни начала,
нет ни внутреннего, ни внешнего,
ты не с другими, и ты не один.

Так просто. Так странно.
Ты волен уйти, но тебя тянет остаться.
А он может месяцами не глядеть на тебя,
не спрашивать твоё имя и не давать другое.
Твои жаждущие руки могут не поймать
плод, который он бросает так быстро, не смотря на тебя.
И стопы его, кажется, слишком близко к земле,
чтобы тебе целовать их, — но это не имеет значения.
Пребывая с ним, иногда вырастаешь до звёзд,
и утром тёмным ты встаёшь,
чтобы поспешить к нему...

Всё то, что тебя отвлекает,
исчезнет в готовности твоей быть рядом с ним всегда.
Те чувства стыда и надежды,
пробужденные этим желаньем
подобны влюблённым, за которыми ты наблюдаешь

украдкой. Он позволяет тебе наблюдать,
как друг друга они порождают,
в то время как сам он
в таком блаженстве пребывает,
что их различия стираются,
растворяясь в его свете.
И вскоре их власть над тобой
улетает, как плод с его открытой руки,
и стираются они навеки,
как представления твои о самом себе.
Здесь, в этом саду сердец,
он кормит тебя тем, что ты ему приносишь,
хотя и не можешь ты понять,
как это происходит.

Так просто, так странно.
И всё же ты задаёшься вопросом —
Я вновь обманул самого себя?
Чего я хочу и зачем?
Что держит меня здесь —
его так называемая сила?
Если бы я только мог уйти, я ушёл бы.
Возможно, я долго блуждаю среди скал —
возможно, я потерялся...
Что с моим будущим?
Это не то, чего я хочу
или то?

Так просто. Так странно.
Он сидел на деревянной кровати
и казался таким нереальным, далёким.
Когда я впервые увидел его,
я смотрел на него,
он на меня — нет.
В его мире я не видел различий.
Тогда всё новым было для меня,
и даже его локти вызывали во мне смех.
И его глаза открыто и с любовью

смотрели в мой сокрытый мир.
Ничего не прося, являясь всем.

То были дни блаженства.
Мы ничего не делали.

Он говорил, что мы ни на что не годимся,
кроме йоги пяти ступеней:
есть, пить, спать, болтать и перемещаться.
Одинокие среди друзей, мы ели руками
и тарелки из листьев в реку бросали.

Он был самым собой,
открывая двери,
сидя на своём месте,
бродя то здесь, то там,
говоря всё, что душе угодно,
смеясь, когда смеялся,
и мы смеялись вместе с ним,
позволив всем различиям,
как и своему будущему,
которое до этого маячило, рождая беспокойство,
исчезнуть в складках его одеяла.
Быть рядом с ним — это так много,
его присутствие — это всё.
— Не выбрасывайте никого из сердца своего, —
он говорил нам. — Любите и кормите их.

Так просто. Так странно.
Он позволял нам идти с ним и держать руку его.
Клал нам на головы цветы и дергал за бороды.
Он отсылал нас прочь и звал обратно,
женил нас и давал детям имена —
Кем он мог быть?

О, какой смешной старик,
одежды его ниспадали.
Мы приходили, чтоб быть здесь и сейчас,
а он говорил: «Придѣшь завтра»,
Что это, что касается в нас
самой чистой из тайн?
Позволь нам войти туда,
где всё так не похоже.
Это ли истина,
настолько знакомая, что кажется, что она живѣт сама по себе?
— напряжённый порыв, которым являются
те, кто влюблѣн...
пространство между двух мыслей...
и отпускание всего...
И этот дар, что расцветает бесконечно...
И поворачивает нас к любви истокам,
где больше нет нас.
И лишь отсутствие осталось
как напоминанье.
А мысли возникают и уходят.

Нет ничего, что я мог бы делать.
Ни мысли,
ни поступки
спасти меня не могут.
Пою. Танцую,
воздев в благоговеньи руки.
Играю свою роль... все остальные
розданы,
и видимые, и невидимые.
Так есть.
Так будет.

Доверчивое сердце
поглощает всю ложь.

О Возлюбленный,
нет никаких различий,

вся Вселенная нанизана на тебя, как бусины,
Гирлянду эту возлагаю к твоим стопам —
позволь мне одарить тебя цветами...
моё дитя, возлюбленный мой,
ты холодный старый камень,
обезьяна-человек.
Нет ничего, что мог бы сделать я, чтобы тебя коснуться.
И всё же я прикоснусь.
Брат среди братьев,
сестра, отец и друг,
зачем ты тянешь своё одеяло из моих рук?

Помочь мне — это же пустяк. А боль невыносима.
Но я её терплю. Я терплю всё. Нет больше ничего.

Позволь мне подарить тебе цветы...
Вовеки пусть любовь моя
неосуществлённой будет,
и буду я вовеки томиться по тебе.

Могу ли я забыть, что никогда тебя не помню?

И тонкость — это путь любви.

Так просто. Так странно.

Вера... И никакого страха.

Вся та многокрасочная мелодрама, которая разворачивалась в тех местах, где появлялся Махараджи; всё многообразие мыслей и реакций преданных на Махараджи, его многочисленные реакции в ответ, гнев и крики, недовольство, нежность — всё это заполняло пространство и время, когда мы были рядом с ним, и всё же... мы знали, что это лишь часть, а не суть наших отношений с ним. Махараджи передавал нам нечто намного более тонкое, чем слова, действия или мнения. Та трансформация, которую он мягко совершал с нами, происходила где-то глубоко внутри нас.

Не было ни одного аспекта жизни, которого бы он не затрагивал.

*

Знаете, вы могли прийти к Махараджи, заполненные множеством проблем. Вы немного сидели с ним, и они все решались.

*

Он создавал всю ситуацию лишь для того, чтобы учить вас. Он никогда не читал лекций и не прибегал к Священным Писаниям, он обучал посредством ситуаций и обстоятельств.

*

Махараджи направлял нас на всех уровнях — духовном, ментальном и материальном. Он давал указания относительно того, как воспитывать детей, как быть хорошим партнёром в браке, как достичь успеха в делах. Но это не были какие-то конкретные правила или рекомендации. Он направлял нас, изменяя наши сердца.

*

Группа людей, обладающих большой силой, в Эсалене пригласила меня отправиться вместе с ними в Южную Америку на учёбу к суфийскому мастеру. Я был в большой нерешительности относительно всего этого и написал письмо К. К. в Индию с просьбой, чтобы он узнал у Махараджи, стоит ли мне ехать в Чили. Через некоторое время от К. К. пришёл ответ: «Махараджи говорит, что если ты хочешь, ты можешь

ехать к святому суфию и учиться у него».

Пока я читал это письмо, в моём сердце что-то произошло и я ощутил абсолютную уверенность в том, что я не хочу ехать, и я не поехал. Во время моего следующего визита в Индию, когда я обсуждал это письмо с К. К., он сказал мне: «Когда я передал твой вопрос Махараджи, он ответил: «Если он хочет, пусть едет...» А затем сказал: «Зачем ему хотеть ехать?», после чего быстро добавил: «Не пиши эту последнюю фразу в письме». (Р. Д.)

Именно на этом, более глубинном, уровне мы воспринимали Махараджи как пастуха, а себя — как часть его стада. Посредством этого не выраженного словами процесса мы развивали в себе веру там, где раньше был страх. Наша вера состояла в том, что если мы будем удерживать Махараджи в своих сердцах, если мы в своём доверии будем оставаться у него под одеялом, то и среди постоянных изменений и неопределённости вселенной у нас будет всё в порядке.

Преданные, которые были рядом с Махараджи долгие годы, часто всем своим образом жизни проявляли это бесстрашие, которое было результатом их веры в его защиту. Некоторых он специально учил быть свободными от страха.

Однажды Махараджи позвал меня к себе и сказал: «Рам Дасс, ты не должен ничего бояться». (Р. Д.)

*

Однажды, когда я переживал сильные финансовые затруднения, Махараджи пришёл ко мне домой и сказал, что я не должен волноваться. Я ответил ему, что я и не собираюсь волноваться, -хотя я на самом деле был очень обеспокоен. «Нет, нет, нет. Ты н(должен волноваться».

Странно. Я остался тем же человеком, но даже в кризисные моменты я чувствую, что рано или поздно всё образуется. Это заслуга Махараджи — я свободен от беспокойства.

Моя жена говорит: «Ты полностью изменился. Даже серьёзные проблемы ты воспринимаешь очень легко».

Он мне не сказал, что он сделает это, но в тот момент он убрал всё моё беспокойство.

*

Махараджи взял на свои плечи все мои проблемы. Он сказал мне: «Не бойся ничего. Никто не может сделать тебе ничего плохого!» Когда он находился перед нами физически, мы не были такими смелыми, но теперь я с каждым днём становлюсь смелее и смелее. Его сила работает. Сейчас я вижу его в своих снах, но лишь на мгновение. Я верю в то, что он делает для своих преданных.

К. К. испытывал большой страх и подавленность. Махараджи сказал: «Ты боишься. Ты такой простой, а они хитрые и дурачат тебя. Ты боишься браминов. Но ты больше не будешь никого бояться».

*

К. К. ответил: «Для этого мне нужно ваше благословение». Тогда Махараджи два или три раза похлопал его по спине, и после этого все заметили, что К. К. изменился.

*

Однажды кто-то донес чиновникам, что я запаковываю ящики с недовесом фруктов. Я был невиновен, по это обвинение заставило меня сильно поволноваться. Махараджи сделал мне выговор: «Трус! Никогда не будь трусом! Будь смелым! Трус! Чего ты боишься? Разве ты меня не знаешь? Я всегда с тобой!» Затем он напомнил мне о том, как Рама защищал своих преданных. Он сказал, что он также будет всегда защищать своих преданных. Даже если они совершили сотни убийств, он даст им полную защиту.

Если кому-нибудь нужны были примеры, демонстрирующие, что вера в Махараджи была более, чем оправдана, то недостатка в них не было.

Я был тогда в Каинчи. Я пошёл к Махараджи и сказал: «Мне нужно уезжать. Сейчас время сбора фруктов, и я должен быть на месте. Иначе я потерплю большие убытки».

Я — обычный, мирской человек. Мне нужно собирать свои фрукты и отправлять их в Бомбей и другие города. А с каждым днём моего пребывания в Каинчи они всё больше созревали и скоро стали бы слишком спелыми для отсылки.

Махараджи сказал: «Нет, сейчас ты останешься. Поедешь завтра».

И так прошло пятнадцать дней. Наконец, Махараджи сказал: «Завтра я отправлю тебя, будь уверен в этом».

На следующий день я приехал на место сбора фруктов и увидел, что все они переспели. Я подумал: «Ну вот, Махараджи ввел меня в убыток». Поскольку фрукты перезрели, я мог отправить их только на местные рынки в Канпур или Аллахабад, но не в Бомбей, где цены были выше.

И что же случилось? На рынке произошло сильное падение спроса! Люди, отправившие свои фрукты в Бомбей, Калькутту или Мадрас, не смогли возместить даже расходы на перевозку. Я же, отправив фрукты на местные рынки, получил прибыль, превосходившую все мои ожидания. А я так досадовал на Махараджи, который без надобности задержал меня в Каинчи. Кто может знать его игру?

*

Враждебно настроенные люди по какой-то причине окружили дом одной семьи и заперли их внутри на трое суток. Если бы они продолжали находиться внутри, они бы умерли от голода, а если бы вышли наружу, их бы избили. Как раз в то время, как члены семьи обсуждали свою дилемму, они услышали, как кто-то кричит у двери: «Откройте! Откройте! Выходите сражаться! Вы что, трусы? Давайте, выходите!» Они выглянули наружу и увидели кричащего и размахивающего палкой Махараджи. Они схватили палки и выбежали к нему. Когда злоумышленники увидели всех членов семьи, вооружённых палками, под предводительством какого-то толстяка, они убежали прочь.

Тогда Махараджи сказал: «Позвоните таким-то и таким-то. Скажите им, что я здесь».

Через полчаса полицейские и правительственные чиновники сидели в гостиной дома. После этого нападки на эту семью прекратились.

*

Восьмимесячный ребёнок одного человека стоял на балконе, находившемся на высоте тридцати футов. Внизу его брат и слуга играли с воздушным змеем, и вдруг малыш упал с этой высоты на мраморный пол. Мать пыталась поймать его, но не смогла. Ребёнок лежал без движения, но, по всей видимости, ни одна его кость не была сломана. Внезапно ребёнок засмеялся. Врачи не могли найти вообще никаких

ушибов и сочли это совершенно невероятным.

Через несколько дней в этот дом пришёл Махараджи. Он сказал: «Вы очень переживали. Вы до сих пор не осознаёте, кого вы имеете в качестве защитника. Дитя упало не на землю, оно упало мне в руки».

*

Однажды, находясь в Мадрасе, Махараджи сказал: «Я хочу, чтобы мои глаза посмотрел хороший врач. Кто здесь хороший врач?» Я ответил ему, что недалеко живёт один специалист, и Махараджи сказал: «Хорошо. Я покажу свои глаза ему». В тот вечер я узнал, что этого врача нет в городе, и я назначил встречу с другим специалистом на 10:30 утра.

Когда я объяснил ситуацию Махараджи, он стал расспрашивать об этом втором враче, а услышав его имя, сказал: «Нет, нет! Я хочу увидеться с тем первым врачом, а не с этим». Затем он добавил, чтобы я пришёл к нему через три дня. Это был большой срок, а я весь горел нетерпением. Через два дня вернулся первый врач, и я записал Махараджи к нему на приём. После чего сразу же отправился в *дхармашалу* (постоялый двор), чтобы сообщить ему об этом, но когда я пришёл, то увидел, что как раз выносят его вещи. Я сказал Махараджи, что врач приехал, но он засмеялся и ответил: «Сегодня я отправляюсь в Рамешварам», и не позволил мне сопровождать его.

Примерно через месяц после этого по пути в Бомбей я разбил свои очки. Один специалист сделал мне новые очки, но через пять минут после того, как я их надел, у меня сильно разболелась голова. Этот же специалист проверил очки и, не найдя ничего, сказал, что потребуется несколько дней, прежде чем я привыкну к ним.

Я вернулся в Мадрас, но по-прежнему не мог надевать эти очки больше, чем на несколько секунд. Я решил показать их специалисту в Мадрасе и начал раздумывать, к кому мне пойти — к первому врачу или ко второму. Так вот, ко второму врачу можно было всегда легко попасть, в то время как первый был вечно занят и нужно было ждать несколько часов, чтобы встретиться с ним. Но я вспомнил слова Махараджи и записался к первому. Врач проверил мои глаза и обнаружил, что бомбейский врач выписал мне неверный рецепт на очки. Проблема была устранена. Затем он проверил глаза моего сына и обнаружил достаточно серьёзную травму роговой оболочки, требующую немедленной операции. Хотя мой сын пропустил выпускные экзамены в колледже, его глаза

были спасены. Вот в чём состояла *лила* (игра) Махараджи, которую я наблюдал месяцем ранее.

*

Один преданный из Аллахабада рассказал, как он встретился с Махараджи сорок лет назад. Он путешествовал ночью и полностью потерял всякую ориентацию, когда внезапно увидел пещеру, из которой исходил свет. Войдя в пещеру, он увидел там сидящего Маха-Раджи. Махараджи, накормив путника, сказал: «Ты сбился с пути. Иди в том направлении». И примерно через пятнадцать шагов этот человек внезапно увидел деревню. Но когда он обернулся, пещера и местность, её окружавшая, исчезли.

*

Махараджи часто приглашал одного из своих преданных, очень бедного человека, сопровождать его в длительных паломничествах. Преданный всегда соглашался, не высказывая никакого недовольства, хотя ему часто приходилось одалживать деньги для этих путешествий. Однажды Махараджи попросил его приехать в Бадринатх. Перед отъездом преданный указал своей жене на небольшой портрет Махараджи, стоящий на столике для проведения пуджи, и сказал ей, что если по какой-то причине ей будет необходимо с ним пообщаться, нужно будет обратиться к фотографии Махараджи, так как они будут вместе. Через несколько дней, когда преданный и Махараджи находились высоко в Гималаях, Махараджи внезапно повернулся к преданному и спросил: «Зачем ты явился сюда?»

Преданный ответил, что он пришёл по просьбе Махараджи.

Тогда Махараджи сказал: «В твоём доме нет ни дала, ни муки, ничего. Твоя жена очень беспокоится, так как еда закончилась, а ты далеко. Ты бы хотя бы обеспечил их хлебом!» .

Но присутствие Махараджи оказывало на людей опьяняющее воздействие. Их волнения исчезали, и они чувствовали, что он сам позаботится обо всём наилучшим образом. Через полчаса после того, как он отчитал преданного за то, что тот оставил жену без еды, Махараджи закричал: «Появилась еда! Не переживай».

Вернувшись домой, преданный обо всём расспросил жену. Она рассказала, что, когда еда закончилась, она подошла к фотографии Махараджи и сказала, обращаясь к нему, что в доме нечего есть. Через

несколько минут пришла богатая соседка, которая относилась к ней, как к дочери, и принесла полные сумки муки, риса, дала и других продуктов. Тогда жена снова подошла к портрету и поблагодарила Махараджи.

*

Однажды Махараджи спас меня от укуса змеи. Я проводил зиму в крошечной комнатке в Халдвани. Беседуя с кем-то, я по непонятной причине замолк, не закончив предложения, обернулся и увидел странную вещь: в комнату заползла змея. Оказавшись внутри, она поползла под джутовый мешок. Я подумал: почему я обернулся как раз в эту секунду? Это, наверное, Ним Кароли Баба мне помогает (хотя физически Махараджи находился в сотнях миль от меня). Я также подумал, что эта змея ядовитая, иначе Махараджи не было бы смысла показывать её мне. Я очень осторожно поместил змею в канистру и выпустил на улице. По прошествии примерно пяти лет я жаловался Махараджи на то, что он мне не помогает и не защищает; у меня тогда было много проблем. Махараджи удивился: «Разве? Однажды я спас твою жизнь. Я спас тебя от змеи». В глубине души я знал, что именно он сделал это. Такие вещи не происходят случайно.

*

Однажды, тёмной дождливой ночью, в Каинчи Махараджи разбудил нескольких преданных и сказал, что в полумиле от ашрама на дороге завяз джип, и велел отнести чая пассажирам. Преданные бегом отправились на место, так как он сказал им, чтобы они поторопились. В джипе они обнаружили мужчину и четырёх женщин. Вслед за первой партией Махараджи послал ещё несколько преданных, сказав: «Тот чай уже холодный, отнесите им ещё». Когда этих людей наконец привели в храм, Махараджи сказал: «Тридцать лет назад я часто посещал дом этих женщин, они давали мне одеяло и были очень добры со мной». Он вручил им одеяла, и они вспомнили о давних встречах с ним.

*

Обычно, когда Махараджи был далеко, он посылал благословение оттуда, где находился. Телефоном он не пользовался. Но когда в 1967 году я был в отъезде в течение шести месяцев, он навещал мою семью в Канпуре практически ежемесячно. Тогда я был в Германии. Мы с коллегой решили купить на какое-то время машину. Выбрав её, мы собирались оплатить покупку в воскресенье. Обычно по воскресеньям

никакой почты не поступало, но в тот день от моей жены пришло письмо. Она писала: «Сегодня приходил Махараджи. Он сказал, что ты собираешься покупать машину и что ты не должен этого делать. Если у тебя есть такие намерения, Махараджи говорит, что от них следует отказаться». Я сказал своему приятелю, что сделка отменяется, и в случае, если он всё же купит машину, я не буду ездить с ним.

Как Махараджи сделал это? Однажды утром он пришёл навестить мою семью и попросил мою жену написать это письмо. Он сказал: «Твой муж собирается совершить глупость! Не дай ему это сделать!» Затем он ушёл, но через два часа вернулся и поинтересовался, написала ли она письмо. Она ещё не сделала этого, и тогда он сказал: «Я останусь здесь до тех пор, пока ты не напишешь это письмо и не отправишь его. Иначе будет поздно». Только когда письмо было отправлено, Махараджи удалился. Письмо могло прийти к нам в понедельник, но дошло вовремя. Это был первый и последний раз, когда почта приходила в воскресенье днём. Это было истинное благословение. Но зачем, чтобы предупредить мою жену, он проделал весь путь из Каинчи? Рядом с ним было достаточно нуждающихся в помощи. Почему он думал обо мне?

*

Как-то в Харидваре один человек купался в реке и случайно оступился. Вода подхватила его и закружила в водовороте как бревно. Он был намного старше своей жены (ему было пятьдесят два, а ей — пятнадцать, когда Они поженились), очень преданной ему. Произнеся имя Махараджи, она бросилась в реку и вытащила мужа на берег. После происшедшего муж и жена отправились к месту, где в то время находился Махараджи, им сказали, что он сегодня просто невыносим, постоянно бранится и никого к себе не подпускает. Женщина подошла к его комнате и тихонько постучала в дверь. Он очень вежливо пригласил её войти и поинтересовался, куда делось кольцо, которое она носила в носу (и которое она потеряла в реке). (Потеря такого кольца является для индийской женщины плохим знаком, означающим смерть её мужа.) Когда вошёл муж этой женщины, Махараджи сказал: «Ты плыл по реке, как кусок дерева, и тебя крутило в водовороте». По всей видимости, изменение в поведении Махараджи, его агрессивность была каким-то образом связана со спасением этого человека.

*

Махараджи заботится о всех своих преданных и делает это самими

различными путями. Как-то один преданный направлялся в Каинчи, и, остановившись по дороге у придорожной лавочки, съел немного *пакоры* (запеченные в тесте кусочки овощей). В то время он ел пакору ежедневно. Когда он прибыл в Каинчи, первое, что Махараджи сказал, было: «Ты ешь пакору? Ты уже слишком долго питаешься ей! Зачем ты её ешь? Ты испортишь себе желудок». С того дня преданный никогда больше не ел пакору.

*

Одна преданная сидела в углу комнаты, рядом со странного вида мужчиной. Махараджи сказал ей: «Иди, сядь здесь. Плохая карма других людей может оказывать воздействие на человека».

*

Доктор из Бомбея, лечивший многих высокопоставленных лиц, в том числе Неру, был человеком несколько холодным и чопорным (хотя он часто делал массаж другим людям). Одна преданная присутствовала во время его визита к Махараджи. Когда Махараджи увидел приближающегося врача, он ушёл в другую комнату, сказав: «Я не буду с ним встречаться». Но вскоре из другой комнаты послышался его громкий крик: «Ты не смог спасти Неру. Почему?»

Врач ответил: «Когда я сделал ему массаж, ему стало лучше, но затем состояние его нервной системы очень ухудшилось». Преданная спросила врача, бывал ли он когда-нибудь за пределами Индии.

— Да. Двенадцать месяцев. Я лечил высокопоставленных лиц.

Преданная спросила его и о том, откуда он знает Махараджи.

Врач рассказал следующую историю: «Я никогда не верил в святых. В 1942 году я был революционером и участвовал в движении за Независимость. Меня было приказано расстрелять. Я тогда был в Канпраяге, возле Бадрината. Находясь в небольшой дхармасале и принимая ванну, я слышал, как где-то рядом Махараджи отчитывал какого-то свами. Когда Махараджи проходил мимо, он схватил меня и произнёс: «Ты голоден. Зайди в ту комнату». В комнате на двух тарелках из листьев лежали свежий картофель и пури. Махараджи велел мне всё съесть. Когда я съел сколько мог, Махараджи сказал: «Остальное забери с собой. Теперь тебе нужно бежать. Через час здесь будет полиция. Отправляйся в Тибет. Но иди не этой дорогой, а той». У меня были некоторые сомнения относительно Махараджи, и я оставил друга, чтобы

он подождал и посмотрел, что будет. Через час с обыском явился главный офицер окружной полиции, знавший Махараджи, и начал расспрашивать обо мне. Махараджи сказал ему: «Кто придёт в такой час?» Когда полицейские направились в сторону Тибета, Махараджи предупредил их: «Сейчас время схода снежных лавин, и, если вы пойдёте туда, обвал убьёт вас. Возвращайтесь назад». И они вернулись».

*

Как-то, когда Махараджи находился в деревне недалеко от Ниб Карори, одна женщина пришла набрать воды из колодца. Махараджи засмеялся. Кто-то из преданных поинтересовался, в чём причина его смеха. Махараджи сказал, что эта женщина живёт с мужем в деревне в трёх милях отсюда, и добавил, что через шесть часов её муж умрёт, намереваясь напиться воды, которую она несёт. «Он захочет пить, и, когда он пойдёт к кувшину с водой, его укусит змея. Но, — добавил Махараджи, — если ты хочешь, ты можешь спасти его». Преданный тут же послал в деревню двух или трёх человек. Они бежали всю дорогу и остановили мужа той женщины как раз в тот момент, когда он шёл за водой. В доме действительно была кобра, и тот человек был спасён.

*

Один лесничий из Агры как-то по дороге в Калькутту заехал в Каинчи, и Махараджи сказал ему: «Не уезжай сегодня».

— Но, Махараджи, мне нужно ехать. У меня важная встреча».

Однако Махараджи настаивал на своём. Лесничий расстроился, но остался. На следующий день он прочитал в газетах, что поезд, в котором он должен был ехать, попал в самую страшную железнодорожную катастрофу на памяти жителей Индии.

*

В 1943 году Махараджи отправился в Фатехгар, где жила одна пожилая пара. Их сын воевал в то время в Бирме. Когда Махараджи пришёл к ним домой, они отдали ему то малое, что имели. У них было две кровати, и, когда Махараджи сказал: «Я буду спать», они отдали ему одну из кроватей и одеяло. Сами же они просидели всю ночь, оберегая сон Махараджи. Он стонал и ворочался в постели до 4 утра. В 4:30 он, наконец, успокоился, а затем взял простынь и что-то в неё завернул. После чего он сказал старику: «Это тяжёлая ноша. Не пытайся подсмотреть, что там внутри. Ты должен выбросить это в Гангу в

глубоком месте. Никто не должен тебя видеть, иначе ты будешь арестован». По пути к священной реке старик пощупал узел — в нём были пули.

Когда он вернулся, Махараджи сказал ему: «Не беспокойся. Ваш сын через месяц вернётся». Сын, возвратившийся через несколько недель домой, рассказал, что был на волосок от смерти. Его рота попала в засаду неприятеля, а он по случайности упал в канаву. Всю ночь слева и справа от него свистели пули. В 4 утра японцы увидели, что все мёртвы, и отошли. В 4:30 подоспели индийские войска. Он был единственным, кто остался в живых. (Этот случай произошёл как раз в ту ночь, когда Махараджи гостил у его родителей.)

*

Однажды Махараджи попросил, чтобы его отвезли в далёкий горный городок Бхимтал. Там он напрямик отправился в дом одного преданного и сказал находящимся там людям, чтобы они сходили к старой хижине для паломников у храма Шивы и привели того, кто там окажется. Уже в течение многих лет никто не останавливался в этой ветхой хижине, поэтому преданные очень удивились, когда обнаружили, что дверь заперта изнутри. Они стучали и кричали, но никто им не открыл. Тогда они вернулись обратно и доложили обо всём Махараджи.

Махараджи покинул дом и отправился навестить другого преданного. Там он опять отправил людей к хижине для отдыха паломников с указаниями не возвращаться без того, кто в ней находится. На этот раз люди подняли у двери страшный шум и кричали, пока наконец не открылось окно и из него не выглянул старик. Он пытался прогнать преданных, но они настаивали на том, что ему следует пойти с ними, и в конце концов старик и его жена были доставлены к Махараджи. Как только они вошли, Махараджи тут же начал кричать: «Вы думаете, что можете запугать Бога тем, что уморите себя голодом? Он не позволит своим преданным так легко умереть. Ешьте прасад!» Он приказал принести пури и сладости, но мужчина от всего отказывался. Махараджи настаивал, и в конце концов они поели.

Эти паломники прибыли из южной Индии, они совершали паломничество в Бадринатх и другие святые места. Происходя из очень богатой семьи, эта пара всё же решила оставить дом и семью, чтобы посвятить оставшиеся годы жизни молитве. Они также решили, что за все будут платить сами и никогда не станут просить подаяния. Когда

паломники возвращались из Бадрината, все их деньги и вещи были украдены. У них хватило денег только на автобусный билет до Бхимтала, где они нашли заброшенную хижину для отдыха. Здесь они решили остановиться и умереть поскольку, как им казалось, в этом состояла воля Господа Они просидели взаперти, без еды, три дня, пока Махараджи силой не вытащил их оттуда. Махараджи настоял на том, чтобы супруги взяли деньги на обратный билет до Мадраса. Они сказали, что просить подаяние никогда не будут, по Махараджи ответил что это не подаяние, и что они могут выслать деньги обратно, когда доберутся домой. Паломники приняли деньги, и их отпустили обратно.

*

О Кабир, зачем бояться кого-то, если Сам Господь защищает тебя ?
Какое значение имеет тысяча свирепо лающих собак, если ты сидишь на слоне?

Ключ к уму

Истории, демонстрирующие глубокую заботу Махараджи о своих преданных и его покровительство являются свидетельством невероятной силы ума. Казалось, что он знает всё о своих преданных, независимо от того, были мы рядом с ним или далеко от него. Неудивительно, что мы действительно могли обрести бесстрашие, зная, что он буквально наблюдает за нами.

Я был рядом с Махараджи во время отделения Пакистана, и из этой страны было столько беженцев, что не было места, куда можно было бы свободно поставить ногу. Махараджи и я продирались сквозь толпу, и одна женщина подошла к нему и, поклонившись, попросила, чтобы он благословил новорождённого ребёнка, который в тот момент находился на некотором расстоянии от нас. Махараджи согласился.

Позже женщина стала горько сокрушаться по поводу разрушения Лахоры. Махараджи немедленно упрекнул её риторическим вопросом: «А разве святой в Лахоре не предупреждал вас шесть месяцев назад, что это произойдёт?»

*

Иногда, когда к нему приходило много людей, он рассказывал личную историю каждого из них, включая то, чем занимались его предки, как будто он был знаком с каждым человеком очень долгое время.

*

Поскольку Махараджи иногда не позволял нам, западным преданным, приходить к нему до наступления полудня, однажды утром мы собрались и отправились в крошечный ашрам, в котором жил один великий святой этой части Индии — Сомбари Махарадж. Наша поездка удалась.

На обратном пути наш автобус не смог подняться на один из холмов, и мы почти все вышли из него, чтобы подтолкнуть, кроме Двух молодых женщин из нашей группы, которые решили не утруждать себя этим занятием.

Мы легко толкали автобус до вершины холма, но мне не Давал покоя

тот факт, что эти две молодые женщины нам не помогали. Я был слишком воспитан, чтобы сказать что-либо по этому поводу, но внутри я был страшно зол и молчал всю оставшуюся часть пути. Когда мы зашли в храм, Махараджи сказал: «Рам Дас гневается». Но я так хорошо спрятал своё чувство, что все возразили Махараджи: «Напротив, он очень приветлив». Его это, однако, не убедило. «Нет, — сказал он, — Рам Дас сердится. Из-за того, что женщины не вышли из автобуса и не стали толкать его». (Р. Д.)

*

Однажды в комнате без единого окна Махараджи воскликнул: «О, сюда идёт такой-то и такой-то». Через несколько минут названный человек действительно вошёл в комнату.

*

Махараджи говорил мне всевозможные вещи. Однажды он сказал: «Ты играл в хоккей с Матерью». Он имел в виду тот факт, что когда я некоторое время жил в ашраме Шри Ауробиндо, я играл в хоккей с Матерью.

*

Это произошло в 40-х годах. Сын одного чиновника индийской гражданской службы учился в Англии. Однажды с ним случился сердечный приступ, и его мать отправилась к нему. В то время Махараджи гостил у одного преданного, который никогда ни о чём его не спрашивал, но на этот раз преданный решил узнать у Махараджи о мальчике, так как хорошо знал его — эти две семьи дружили между собой. Прежде чем он смог произнести свой вопрос, Махараджи воскликнул: «Что? Он спрашивает о мальчике, который учится в Англии. Что ты хочешь спросить? Его мать улетела к нему. Ты сам провожал её в аэропорту. Как только она прибыла на место, состояние её сына начало улучшаться». Затем Махараджи встал и сказал: «Пойдём. Вот так путешествует ум». (Позже действительно подтвердилось, что, как только мать мальчика прилетела, его состояние начало улучшаться).

*

Махараджи спросил одного свами, видел ли он раньше такое красивое, тихое, идеальное место для медитации, как Каинчи, с его горами, рекой и лесами. Свами ответил, что однажды видел подобное место в Канди (Шри Ланка). К великому удивлению этого человека, Махараджи в

мельчайших подробностях описал ему то место, о котором он упомянул.

*

Наша старшая дочь сдавала конкурсные экзамены перед приёмом на работу в правительство Индии. После экзаменов мы поехали во Вриндаван навестить Махараджи. Когда мы делали пранам, Махараджи обратился к нашей дочери со словами: «Ты испортила пять экзаменационных листов!»

Она ответила: «Да».

Тогда Махараджи сказал: «Не переживай. Всё будет хорошо, и ты получишь работу».

И она её действительно получила.

*

Наша семья большая, но не богатая, однако с помощью его благословений мы живём довольно хорошо. Благодаря его милости я получил работу в банке. Перед приёмом на работу я проходил собеседование, а после я отправился навестить Махараджи. Он повторил мне все вопросы, которые мне были заданы, и сказал: «Ты получишь работу». И действительно, я оказался в списке первым.

*

Однажды Махараджи повернулся ко мне и сказал:

— Ты всё ещё продолжаешь посылать деньги тому *пандиту* (учённому брамину) из Бенареса?

— Да, Махараджи, продолжаю, — ответил я.

Махараджи никогда не встречался с этим пандитом, и я никогда не рассказывал Махараджи, что регулярно посылаю ему деньги. Этот пандит занимался тем, что читал вслух «Рамаяну» и жил на денежные пожертвования от своих слушателей. Махараджи знал всё, и он проявлял заботу даже по отношению к тем, с кем никогда не встречался.

*

Один преданный, работавший на железной дороге, привёз к Махараджи супружескую пару. Это был их первый визит к нему. Когда Махараджи оказался один на один с женщиной, он сказал ей: «Ты помогаешь бедному десятилетнему ребёнку. Это очень хорошо с твоей

стороны». Она была в полном изумлении, поскольку никто, даже её муж, не знал о том, что она оказывает материальную помощь этому ребёнку.

*

Прежде чем начать есть, мы предлагаем свою пищу портрету Махараджи. Однажды моя жена забыла положить соль в соус карри. «Я забыла, но Махараджи простит меня». Через пятнадцать дней к нам наведался Махараджи, она сидела у его ног. Первое, что он ей сказал, было: «Ты дала мне карри без соли».

*

Один молодой человек из канпурской семьи участвовал в Китайской войне. Пришла повестка, извещающая о том, что он убит, и его брат отправился к Махараджи, чтобы сообщить ему об этом. Махараджи сказал: «Нет, он не убит». Никто не поверил Махараджи, и через шесть месяцев вдова снова вышла замуж, а архивы военного департамента были закрыты. По прошествии некоторого времени тот человек вернулся домой.

*

Это было в 1968 году. После того как некоторое время я пробыл в храме, мне нужно было возвращаться в Дели. В тот период я пытался быть строгим йогином. В Дели я быстро уладил свои дела, и затем, перед возвращением в горы, у меня осталось время для вегетарианского ланча. В конце трапезы мне подали два печенья с чаем. Я считал, что это не подходящая пища для йогина, но печенья были с кремом, и я не смог от них отказаться. Поскольку я был босой и одет в *улфие* (одежду садху) и поскольку даже в ресторане ко мне относились как к садху, я съел эти печенья тайком. Когда я вернулся к Махараджи, его первые слова были: «Как тебе понравились печенья?» (Р. Д.)

*

Поскольку я был одним из немногих западных преданных, говоривших на хинди, он часто беседовал со мной. Иногда мы с ним просто болтали, и он говорил вещи, которые поражали меня до глубины души. Он называл кого-нибудь из известных мне людей, о ком я никогда и ни при ком не упоминал, и говорил: «Что же случилось с этим человеком?» Я смотрел на него, широко раскрыв от изумления глаза, а он давился от смеха, глядя на меня, и улыбался. Большую часть времени, которое я проводил с Махараджи, я представлял из себя хихикающего

идиота. Я катался от смеха, иногда буквально падая на землю, а он заключал меня в свои крепкие объятия.

Гуру должен знать о вас всё.

Я знаю всё.

Почему я знаю?

Махараджи не только наблюдал за нами, он мог также легко заглянуть внутрь нас. И это было нечто совсем иное.

Осознание того, что кто-то имеет доступ в тайные уголки твоего ума, приводит в замешательство. Это вызывает такой тип близости, который не имеет аналогов в большинстве наших человеческих отношений. Те из нас, кто особо близок с кем-либо, часто ощущают, что этот человек чувствует. При этом он или она может предполагать, что мы способны угадать, что у него или у неё на уме. Но есть такое множество мелких, крошечных мыслей, и многие из них подвергаются цензуре почти в ту же секунду, как они возникают в уме, поскольку они являются либо социально неприемлемыми, либо неприемлемыми для нас самих, поскольку не соответствуют нашему сознательному представлению о самих себе. Осознание того, что кто-то имеет доступ и к этим мыслям, немедленно ставит вас в крайне невыгодное положение, вызывая ощущение, что оппонент раскрыл ваш шифр. Вы чувствуете себя таким уязвимым. Но, конечно, это вызывает и невероятное изумление, когда вы встречаете другое сознание на таком интимном уровне. А с Махараджи к этому добавлялось ещё и качество ничем не обусловленной любви, как будто он говорил вам: «Я знаю о тебе всё, и я люблю тебя».

Самое бесценное, что было в Махараджи, невозможно описать в историях — как, например, массажирование его ног. Если во время массажа у меня появлялась какая-нибудь посторонняя мысль, он отводил мою руку в сторону, а затем, когда я вновь концентрировал мой ум, он клал мою руку обратно. Такими тонкими методами он учил меня.

Впервые моя жена встретила Махараджи в толпе людей у гостиницы «Индия». Махараджи не говорил с ней, и в какой-то момент она подумала, что нужно идти домой и приготовить мне чай, что она делала ежедневно в это время. Махараджи в это время раздавал сладости, внезапно он повернулся к ней и сказал:

— А теперь иди домой. Твой муж ждёт свой чай.

*

Когда я впервые увидел его, у него была только что выбритая голова, и я подумал, как бы мне хотелось поцеловать его прямо в макушку. И вскоре после этого, во время одного даршана, он отвёл меня в свою комнату. Хихикая и смеясь, он наклонился так, что макушка его головы оказалась прямо передо мной. Мне ничего не оставалось делать, как поцеловать её, и в тот момент я понял, что моё желание было исполнено.

*

Я всегда мысленно разговаривал с Махараджи. Когда он приводил кого-нибудь в смущение, я думал: «О, Махараджи, не делай этого». И тогда он смотрел на меня и отвечал, так что я знал, что он меня слышит.

*

Однажды, когда я сидел возле тукета, ожидая, когда он выйдет и даст даршан, мне в голову пришла мысль, что мне хотелось бы, чтобы моё сердце билось в том же ритме, что и сердце Махараджи. Как только я об этом подумал, изнутри послышался шум, хлопанье дверей и внезапно на крыльцо выскочил Махараджи. Он быстро занял своё место на тукете, сев прямо передо мной; его грудь была всего в шести дюймах от меня. Я ощущал биение своего сердца и некоторое время осознавал, что моё сердце бьётся в такт его сердцу. Хотя Махараджи был тогда очень оживлён и разговаривал со множеством людей, его тело оставалось повернутым ко мне. Затем мой ум начал блуждать — и Махараджи тут же передвинулся лицом в другую сторону. Я был потрясён, и в голове у меня промелькнула мысль: «Махараджи, если это действительно произошло, посмотри на меня». Быстро, подобно молнии, он взглянул мне прямо в глаза, а затем вновь отвернулся. Больше он на меня не смотрел до самого конца даршана.

*

Махараджи так тонко играл с моими желаниями. Я мог заметить яблоко на его скамейке ещё до того, как он приходил на даршан. И я думал о том, как давно я не ел яблок и как мне хочется съесть это яблоко. Затем появлялся Махараджи и, казалось, что он считал своим долгом бросить мне именно то яблоко, которое я хотел. Но, конечно, он бросал фрукты и другим преданным, поэтому нельзя было быть точно уверенным. Я всегда просто думал: «Как всё-таки это интересно!»

*

Однажды я жил высоко в горах за храмом. Там было очень холодно. Я услышал от вновь прибывших преданных о космическом одеяле, которое используют космонавты. Они говорили, что оно очень тёплое и весит всего несколько унций. Сидя в своей холодной хижине, я думал о том, как хорошо было бы иметь такое одеяло. На следующее утро я отправился в храм. Там я задержался попить чаю с одним преданным, который как раз разбирал свой рюкзак. И он бросил мне одну вещь, сказав: «Вот, почему бы тебе не взять это? Это космическое одеяло, которым я не пользуюсь». Когда такие вещи происходили со мной, я думал, что если Махараджи собирается выполнять все мои желания, то мне следует начать просить более интересные вещи, как, например, хоть немного сострадания.

*

Это случилось в Барейлли. Махараджи попросил прийти утром на станцию, чтобы встретить его. Был очень сильный ливень, и я подумал: «Махараджи не приедет, но я всё равно пойду на станцию», но он всё-таки приехал, и первое, что он сказал, было: «Ты думал, что я не приеду из-за ливня».

*

Стоило мне подумать о каком-то преданном, что он не такой уж святой, как он себе это представляет, как Махараджи тут же спрашивал меня: «Такой-то и такой-то не такой уж святой, каким он себя считает, не так ли?»

*

Я сказал своей жене, что не хочу идти к Махараджи, так как он только даёт прасад и затем велит уходить. Но она настаивала, чтобы я пошёл. В тот день он не сказал мне, чтобы я уходил. Он позволил мне остаться до 11 часов вечера. Когда все встали, Махараджи сказал: «С сегодняшнего

дня не говорите, что я не позволяю вам оставаться здесь».

*

Я сидел там и молился, чтобы мне представилась возможность уйти с сатсанга и заняться *садханой* (духовной практикой), когда Махараджи сказал: «Отправляйся в Непал». Оказалось, что срок моей визы истёк за день до этого.

Иногда вы сидели позади него, и он, казалось, не обращал на вас никакого внимания. Затем у вас в уме возникала какая-нибудь мысль, и он отвечал вам на неё либо непосредственно, либо, сделав какой-либо жест, либо, сказав другому человеку что-то такое, что было ответом на вашу мысль. Иногда он находился с вами в комнате, и у вас с ним происходила серьёзная беседа, и вдруг посреди предложения он поворачивался, открывал окно и начинал разговаривать с человеком, находившемся на улице, о том, о чём тот в этот момент думал.

*

Махараджи мог дать вам целое учение посредством одного лишь быстрого взгляда. Вы сидели там, переживая невероятные страдания, а он лишь бросал на вас взгляд, и вся ваша сущность преображалась. Я не знаю, делал ли он что-либо при этом или это было просто воздействие его взгляда, но вы знали, что во Вселенной всё в порядке и что о вас заботятся. В другое время у вас в уме начинались какие-то ментальные отклонения и один-единственный мимолётный взгляд Махараджи сокрушал вас до основания.

Одна супружеская пара рассказывает следующую историю:

Муж: Я работал в Калькутте в рамках программы по борьбе с оспой. Это был один из тех периодов, когда я переживал небольшие угрызения совести. Я ходил по улицам Калькутты, видел всех этих нищих, думал об их страданиях и, как обычно, затевал свой спор с Богом относительно страданий. «В этом действительно нет никакой необходимости», — постоянно говорил я ему.

В то время я читал платоновского «Федона», где Платон описывает обстоятельства смерти Сократа. Книга заканчивается тем, как Сократ обсуждает со своими учениками, стоит ли ему отложить принятие яда. И

Сократ велит принести его, поскольку всё это не имеет значения. Ученики плачут, а он говорит им: «Послушайте, есть только две возможности: или после смерти есть что-то, или после смерти нет ничего. Если после смерти нет ничего, тогда, хвала Богу, я смогу, наконец, хорошо выспаться. Если же после смерти есть что-то, то, по крайней мере, у меня есть шанс насладиться прекрасной беседой». И тогда был принесён яд, он принял его и умер.

Я и подумал, что если даже Сократ, при всей его мудрости, не знал во время умирания природу жизни, то мне, простой душе, вовсе не стоит унывать по поводу своего непонимания. И я успокоился.

Жена: В то время, как мой муж находился в Калькутте, я была в Дели и разыскивала Махараджи. Наконец мы нашли его в доме семьи Барманов в Нью-Дели (это было его последнее посещение Нью-Дели перед тем, как он оставил тело). Мы сидели вместе с ним в тот день, когда он прибыл. Махараджи посмотрел на меня и произнёс только одно слово: «Сократ». Через некоторое время он вновь взглянул на меня и повторил: «Сократ».

Я обсуждала этот момент встречи с другими преданными, пытаюсь понять, что он имел в виду. Может быть, я выглядела как Сократ или я мыслила как он — причину мы так и не смогли понять.

Когда мой муж вернулся из Калькутты, я рассказала ему о встрече с Махараджи: «Ты знаешь, он сказал мне такую странную вещь, что мы до сих пор не понимаем, что он имел в виду. Он посмотрел на меня и назвал Сократом. Как ты думаешь, что это значит?» И тогда мой муж рассказал мне о своих размышлениях, связанных с Сократом. По нашим подсчётам это случилось как раз в тот день, когда Махараджи вспоминал о Сократе.

*

Дада сказал: «Чтение мыслей, предсказание будущего, знание того, что кто-то должен прийти, и так далее — все эти вещи постоянно происходили вокруг Махараджи. И ничего особенного в них не было».

Эта внушающая благоговейный трепет способность знать, что у человека на уме, позволяла Махараджи не только быть в курсе помыслов и действий других, но также, проникая в ум другого человека, производить необходимые изменения изнутри.

Однажды Махараджи сказал мне: «Ключ к уму находится в моих руках, и я могу поворачивать его в любую сторону».

*

Это произошло во время английского колониального владычества. Один англичанин забронировал себе место в купе первого класса. Когда он вошёл в купе, то увидел Махараджи. Англичанин пошёл к проводнику и пожаловался, что в его купе сидит сомнительной внешности человек. Он попросил выдворить его. Проводник зашёл в купе, взглянул на Махараджи и сказал англичанину: «Прошу прощения, но это святой, и я не могу его выдворить».

Тогда англичанин, ещё больше раздосадовавшись, послал за главным проводником. Когда же тот подошёл, он сказал англичанину то же самое, что и первый проводник. Тогда на следующей крупной станции англичанин решил сам выпроводить этого человека из купе. Но как только он вошёл в купе, он забыл о своём гневе и всю оставшуюся часть пути просидел тихо и спокойно. Наконец, Махараджи произнёс: «Вот и моя деревня», поезд остановился, и он со своим сопровождением покинул него.

*

Ма, как их обычно называли, были женщины, чьей самой большой радостью было заботиться о Махараджи. Однажды врач выписал Махараджи таблетки, которые он должен был принимать в 10 часов утра. В то утро Ма принесли лекарство на десять минут позже, и Махараджи свирепо произнёс: «Если вы не будете лучше ухаживать за мной, я поверну ваши умы против меня», — это была самая страшная угроза с его стороны.

*

Я занимал пост начальника станции в Маунтабу, и Махараджи пообещал когда-нибудь приехать. Вне работы я никогда не появлялся на станции, таков был мой принцип. Но в тот день я долго беседовал с одним из своих друзей и, направляясь домой, решил сэкономить время, нарушив свой принцип, срезав путь и пройдя через станцию. Как раз в тот момент, когда я спешно проходил через станцию, прибыл почтовый поезд из Бомбея. В нём сидел Махараджи и стучал в окно.

Мы приехали с Запада в буддийский ашрам в Бодх-Гайе и медитировали. Через какое-то время несколько человек из нашей большой группы решили отправиться в Дели, за несколько сот миль от ашрама, на празднование дня рождения Шивы. Одна женщина, отправившаяся в Индию на зафрахтованном автобусе, сообщила, что водитель автобуса также желает присоединиться к нам. И вот мы, тридцать четыре человека, покинули Бодх-Гайю, сели в Бенаресе на автобус и направились в сторону Дели.

Пока мы медитировали в Бодх-Гайе, один человек из нашей группы по имени Дэнни, на какое-то время прервав ритрит, совершил короткое путешествие в Аллахабад, чтобы побывать на Кумбха Меле. Вернулся он оттуда полный впечатлений и каждому из нас привёз по небольшому медальону с изображением Ханумана.

Когда стало известно, что маршрут автобуса пролегает как раз мимо Аллахабада, Дэнни настоял на том, чтобы мы посетили то место, где проводилась мела. Я начал возражать, говоря, что мела уже закончилась и мы увидим лишь пустой берег реки. Но он утверждал, что это одно из самых священных мест Индии. Некоторые из нас уже устали, так как это была наша первая вылазка в свет после такой длительной медитационной практики, и нам хотелось только одного — поскорее добраться до дхармасаллы, где мы планировали переночевать. Мысль о том, что нужно проехать ещё несколько миль в сторону от нашего пути была не очень привлекательной, но, с другой стороны, это было очень святое место. Я взвесил положительные стороны обеих альтернатив и наконец согласился с тем, что нам следует отправиться к реке для короткого привала и для того, чтобы наблюдать заход солнца.

Когда мы приблизились к месту проведения мелы, которое к этому времени было почти безлюдным, водитель автобуса спросил, где ему остановиться. Дэнни указал на место, которое, по его словам, находилось возле храма Ханумана и где он купил тогда медальоны. Когда автобус уже приближался к указанному месту, кто-то громко закричал: «Вон Махараджи!»

Рядом с автобусом действительно шёл Махараджи и вместе с ним — Дада. Мы все выскочили из автобуса и бросились к его стопам. У меня начался истерический приступ смеха и плача одновременно. Я помню, как целовал его стопы в глубоком блаженстве, и в то же время в мой ум

лезли мысли, что от песчаного места, на котором он стоит, идёт сильный запах мочи.

Дада позже сказал нам, что, как только автобус показался на дороге, Махараджи произнёс: «Ну вот, они приехали».

Махараджи велел нам следовать за ним. Автобус поехал за рикшей к дому Дады, который находился на одной из пригородных улиц этого большого университетского города. Не прошло и несколько минут, как нас накормили и разместили в соседнем особняке другого преданного. Мне сказали, что по приказу Махараджи здесь готовили пищу с самого утра — в ожидании нашего приезда. Но если это так, кто из нас считал, что принимает решение в автобусе относительно посещения этого места? По всей видимости, всё было совсем не так, как я себе это представлял. (Р. Д.)

Только Махараджи знал, почему он вспоминал о том или ином человеке. Однако, по всей видимости, не всё было в его лишь руках, так как многие преданные обнаруживали, что, думая о нём, они притягивали к себе его внимание или даже его физическое присутствие.

Одна Ма сказала так: «Если преданность достаточно сильна, то гуру притягивается преданным».

*

Один француз, живший в ашраме Ананды Майи Ма, расспрашивал Х. Р. Д. о Ним Кароли Бабе в надежде получить его даршан. Х. Р. Д. сказал, что, если он будет думать о Махараджи хотя бы десять минут, Махараджи может оказаться здесь. Француз закрыл глаза и начал повторять: «Ним Кароли Баба, Ним Кароли Баба», и неожиданно через десять минут Махараджи действительно появился у ворот ашрама Ма. Он подошёл к французу и спросил: «Зачем ты думаешь обо мне? Я явился. Что ты хочешь?»

У меня была привычка вставать часа в 2 ночи и некоторое время медитировать. Я никому об этом не говорила. Однажды утром, когда я пришла на даршан, Ма бросились ко мне и в радостном ликовании начали наперебой рассказывать, что посреди ночи, когда они сидели с Махараджи, он повернулся к ним и сказал: «С. (имея в виду меня) только

что проснулась. Она очень интенсивно думает обо мне».

*

Однажды я прибыл из Сноувью в Таллитал в надежде повидаться с Махараджи. Я раздумывал о том, как мне его найти, — ведь он иногда останавливается в одном доме, иногда — в другом. Как раз, когда я проходил мимо дома, в котором он остановился, из него вышел человек и схватил меня. Махараджи знал, что я иду, и послал этого преданного перехватить меня и привести к нему.

*

Однажды, во вторник утром, я собирался посетить Махараджи в Каинчи, но мне позвонили и сообщили, что я должен срочно ехать в Наинитал по делам. Я подумал, что всё-таки успею попасть на последний автобус до Каинчи, но не успел. Примерно в 8 часов вечера меня подбросили до Бховали, но в то время уже никак нельзя было добраться до Каинчи. Я немного расстроился и отправился домой. Дома я сидел и размышлял о своей несостоявшейся поездке, когда послышался стук в дверь. Я велел сыну сказать тому, кто пришёл, что я устал, и узнать его имя. И в это же мгновение я услышал крик: «Я Баба Ним Кароли!» Это было около 9 часов вечера. Махараджи сказал мне: «Ты вечно беспокоишься то об одном, то о другом. Зачем переживать?» Он пообещал меня, а затем сел в джип и вернулся в Каинчи.

*

Один преданный Махараджи, временно исполняющий обязанности главного офицера полиции, узнав, что его не утвердят на эту должность, очень расстроился и решил уйти в отставку. Часов в 8 вечера он сидел дома со своей женой, когда явился уборщик улиц и сказал: «Там на дороге сидит какой-то человек. Он зовёт вас». Преданный знал, что это Махараджи.

Махараджи сказал ему: «Ты плакал. Ты думал о том, чтобы уйти в отставку. Как глупо».

*

Один пожилой человек, долгие годы проработавший тюремным стражником, сильно заболел. Врач сказал, что ему осталось жить всего двадцать четыре часа. Но этот человек вспомнил о Махараджи, начал медитировать на него и отказался принять смерть. На третий день

Махараджи прибыл в этот город и отправился в дом одного преданного. Он сказал ему: «Недалеко отсюда живёт один старик. Он постоянно думает обо мне и очень болен. Мы должны навестить его».

Когда они зашли в комнату больного, они нашли его в очень плохом состоянии. Махараджи поставил ногу у головы умирающего, и тот, совершив пранам, оставил своё тело.

Махараджи сказал: «Он обо мне так часто вспоминал. Даршан был дан, а потом закончился! Конец!»

Я здесь, и я в Америке.

Кто обо мне думает, к тому я и иду.

Хаос и путаница

Где бы Махараджи ни находился, там всегда царили хаос и замешательство. Иногда два человека получали от него одно и то же задание; бывало и так, что одному поручалось переделать то, что второй как раз в это время выполнял. Махараджи мог говорить одному человеку одно, а другому — прямо противоположное; когда же ему указывали на такие противоречия, он всё отрицал. Такая путаница служила нескольким очевидным целям. Во-первых, она была прикрытием его особых способностей, таким образом, никто полностью не был уверен в том, что же на самом деле происходит. Путаница также позволяла каждому человеку услышать то, что ему или ей нужно было услышать среди самой противоречивой информации. Такие противоречия служили освобождению умов преданных от проблем, связанных с отсутствием гибкости мышления, с его косностью. Глядя с другой точки зрения, человек мог понять, что эта путаница является отражением того факта, что Махараджи не является каким-то определённым человеком. Подобно зеркалу, он был отражением того, кто о нём думал, и он сохранял осознание сразу на многих планах. Так, за одним заявлением типа: «Я ничего не могу сделать», могло через несколько мгновений следовать другое: «Я держу ключи к уму в своих руках. Каждый человек — моя марионетка». Осознание этой

многомерности Махараджи придавало замешательству восторг и радость.

Два давних преданных Махараджи получили информацию о том, что они смогут его найти в одном храме на берегу Ганги. Они сразу же отправились туда и действительно нашли его там. Он начал делать вид, что никогда раньше не видел их. «Кто вы такие? Откуда вы приехали? Где вы работаете? Зачем пришли сюда?» — спрашивал он каждого из них. Они терпеливо отвечали на все его вопросы, пока он наконец не сказал: «Садитесь!»

*

Махараджи был свободен от каких бы то ни было цепей рабства. Он никогда не следовал ничьим советам, всегда поступая самым неожиданным образом. Если, например, я просил его остаться ещё на какое-то время, он вставал и уходил.

*

Махараджи мог делать предсказания или говорить вещи, имеющие для человека важное значение, как бы между прочим, посреди обсуждения политических вопросов. Часто его предсказания не сбывались. Если вы хотели получить от Махараджи конкретное предсказание, он часто говорил что-то очень неопределённое и никогда не давал относительно своих предсказаний никаких объяснений.

*

Вы можете сказать о нём всё, что угодно, — и вы также можете сказать совсем противоположное.

*

Однажды во Вриндаване Махараджи позвал всех нас к себе. Я шёл впереди группы и, войдя в комнату, почувствовал, будто застал его врасплох. Он увидел меня и смутился. Было такое впечатление, что его поймали за каким-то неподобающим занятием. Он выглядел таким виноватым, а я пытался понять, зачем же таким я его застал. В конце концов, я сдался — должно быть, он в очередной раз просто дурачил нас.

*

Однажды Махараджи с несколькими преданными был на Ганге, и они

предложили ему искупаться. Он отказывался, но они настаивали, и в конце концов им удалось опустить его в воду из своей лодки. Вначале Махараджи вёл себя так, будто он тонет, а затем внезапно начал плавать вокруг лодки. Позже, рассказывая об этом случае, Махараджи говорил всем, что его пытались утопить.

*

Однажды, ночью, нас разбудили в ашраме какие-то крики и шум. Люди бегали взад и вперёд, везде горел свет. Мы высунули свои головы из двери и увидели Махараджи. Он хотел роти. Затем он закричал: «В комнате Ма змея!» Когда проверили, то вместо змеи обнаружили верёвку!

*

В Каинчи у него была простая небольшая комната, которую мы называли его «офисом». В ней было окно со ставнями, их он мог открывать и закрывать изнутри. Часто Махараджи сидел возле этого окна, выглядывал из него и давал даршан. Иногда он прыгал по всей комнате, подобно обезьяне в клетке, или прижимал лицо к решётке. А иногда, когда кто-нибудь подходил к окну, чтобы увидеть его, он просто захлопывал ставни.

*

Он мог начинать разговор с одного, а затем к концу мог заявить совершенно противоположное. Однажды Махараджи сказал относительно курения чараса одному западному преданному: «Ты любишь курить *чарас* (гашиш)? Это хорошо; Шива курит чарас. Это значит, что ты любишь Шиву». Мы все были потрясены, когда это услышали, но затем он начал переворачивать сказанное: «Что лучше из того, что ты делаешь, — курить чарас или есть пищу?», а ещё через пять минут он сказал: «Не кури!»

*

Однажды он сказал: «О, здесь, в Каинчи, так хорошо и спокойно. Когда вы сюда приезжаете, вы можете действительно обрести покой. *Шанти митла-хай* (покой обретён)». Несколько недель спустя по дороге проехал грузовик, и он сказал: «О, этот Каинчи, такой шумный город, здесь нет никакого покоя, *ашанти*». В одном и том же месте он находил и шанти, и ашанти (отсутствие покоя).

*

Иногда было очень трудно понять, что Махараджи говорит. Часто он повторял одно и то же слово раз пять. Одно из его любимых занятий было крутить одну и ту же мысль снова и снова, перефразируя её разными путями, вбивая её в наши головы. Например, если речь шла о чьей-нибудь женитьбе, он говорил: «Ты ведь женился, не так ли? Нет, ты не женился. Или женился? Ты женился». И продолжал в этом же духе. Точно так же он играл и с вещами: брал какой-нибудь предмет, вертел его, подбрасывал вверх тормашками, затем снова подбрасывал. То же он проделывал со словами — брал предложение и перекраивал его на разные лады (а вместе с ним и вашу голову).

*

Однажды, утром, Махараджи поприветствовал своих преданных жалобами на сильную боль в колене. Некоторые восприняли всё это всерьёз и начали предлагать различные методы лечения. Другие отнеслись к жалобе легко и сказали Махараджи, чтобы он излечил себя сам, поскольку он и есть причина недомогания. Тем не менее, на колено были наложены компрессы, масла и бальзамы, но всё безрезультатно. Махараджи настаивал, что все эти средства не помогают и ему нужно одно лекарство, которое он когда-то видел в доме Дады. Он назвал его «усатое лекарство», при этом покрутив собственные усы. Он сказал, что это единственное, что может ему помочь.

Всё это ни о чём не говорило Дадэ, который не мог вспомнить никакого лекарства в своём доме, которое было бы связано с усами. В тот же день этот преданный отправился на базар, чтобы сделать кое-какие закупки для ашрама. Зайдя в аптеку, он заметил небольшую коробочку с согревающим бальзамом «Слоуна», на которой был изображён мужчина с усами. Он купил это лекарство и отдал его Махараджи. Махараджи воскликнул: «Это оно! Усатое лекарство! Вотрите мне его!» Через несколько секунд, после того как колено смазали бальзамом, Махараджи объявил, что боль прошла и что теперь он чувствует себя прекрасно.

*

Джанак и Драупади сидели перед Махараджи. Повернувшись к Джанак, Махараджи спросил: «Кто из вас мне нравится больше — ты или Драупади?»

Джанак ответила с милой улыбкой: «Ну, Махараджи, вы любите нас

одинаково», на что Махараджи возразил: «Нэхи (нет)!

Драупади мне нравится больше!» Это, конечно, очень расстроило Джанаки, и, поднявшись со своего места, она вышла и убежала прочь к вриндаванскому базару! Какой же гуру делает предпочтение? Проходя через базар, она поняла, что всё-таки никак не может убежать. Она купила небольшое медное мурти Ханумана и вернулась в храм, оставив его у себя в комнате.

Сразу же после её возвращения Махараджи поймал её и спросил: «Где ты была? Что ты делала? Что ты купила?» Она рассказала ему о маленьком мурти. Махараджи попросил принести его и затем, подержав какое-то время в руках и рассмотрев со всех сторон, велел ей отдать его мне! Я не знаю, то ли она действительно покупала его для меня, то ли всё это было устроено Махараджи. В тот же день, когда у меня возникло желание приобрести небольшое мурти Ханумана, мне его подарили.

*

Я бывал наедине с Махараджи в его комнате и, желая разделить с кем-нибудь свои переживания, говорил ему: «Махараджи, им бы так хотелось войти».

Он спрашивал: «Мне впустить их?»

Я просил: «Да. Позвольте им войти».

Он соглашался: «Пойди, приведи их». Иногда возражал: «Нэхи! Здесь будешь только ты». Или говорил что-то относительно того, что все они *бадмаши* (плуты). Я начинал спорить с ним, утверждая, что это не так, что некоторые из них, подобно мне, просто находятся в замешательстве. Он соглашался, что это правда, а затем добавлял: «Нэхи, они все бадмаши».

*

Во время проведения большого хавана, огненной церемонии, многие люди заявляли, что они будут соблюдать пост, но через два дня бросали его. А все те, кто говорил, что поститься не собираются, в конце концов начинали пост.

Однажды одна сикхская семья, жившая в Аллахабаде, решила устроить обед для всех, собравшихся на сатсанг в их доме, а затем устроить какие-нибудь развлечения. Я захотел остаться с Махараджи, поэтому забрался на крышу, куда никто не ходил, и спрятался там. Все

остальные собрались и отправились на прогулку. Когда все ушли, я испугался. «Что Махараджи сделает, когда узнает, что я всё ещё здесь?» — подумал я. И я спросил Диди (жену Дады), что Махараджи сделает, когда обнаружит меня.

Она сказала: «О, поговори лучше с Дадой».

Тогда я отправился к Даде: «Дада! Что Махараджи сделает?»

И он ответил: «А кто знает?»

Всё делает Бог

В традиции великих йогов Индии сила Махараджи выходила далеко за пределы постижения других людей. Из него изливался обильный поток чудес, и, хотя он пускал нам пыль в глаза тем, что всё отрицал и вводил нас в замешательство, нам всё же было позволено чувствовать этот удивительный процесс. Но какими бы удивительными и драматичными ни были такие феноменальные явления, в глазах близких преданных Махараджи они не были главной сутью дела. Сам Махараджи был чудом. Простое пребывание рядом с ним превращало обычное в чудесное и, наоборот, чудесное казалось чем-то довольно ординарным. И всё же, когда преданные собираются вместе, чаще всего они вспоминают именно истории о чудесах. Наверное, причина этого в том, что такие истории так и просятся быть рассказанными. Что же касается океана любви, нежности и исцеляющего сострадания, посредством которых Махараджи, подобно Христу, творил свои истинные чудеса — всё это выразить словами невозможно.

Каков был смысл этих чудесных способностей? Вероятно, они выполняли ту функцию, которую приписывал им великий святой Ширди Саи Баба, использовавший чудеса самым потрясающим образом: «Я даю им то, что они хотят, и они будут хотеть то, что даю я». Все чудеса относятся к физической Вселенной, к миру, материальному плану, но суть наших отношений с такими существами, как Махараджи, относится к духу, что выходит далеко за пределы таких чудес. Чудеса — это лишь нечто неожиданное, а в духе нет ожидаемого — так что нет и неожиданного.

Вот как Махараджи стал известен под именем Ним Кароли Баба, что значит «садху из Ним Кароли (или Ниб Карори)». Это было много лет назад, наверное, когда Махараджи было лет тридцать.

В течение нескольких дней никто не подавал ему никакой пищи, и голод заставил его сесть на поезд и отправиться в ближайший большой город. Когда проводник обнаружил, что Махараджи сидит в вагоне первого класса без билета, он дёрнул экстренный тормоз и поезд со

скрежетом остановился. После некоторой перебранки Махараджи бесцеремонно высадили из поезда. Поезд остановился у деревушки Ниб Карори, где Махараджи проживал.

Он сел в тени под деревом, проводник дал свисток, и машинист открыл дроссель. Однако поезд не сдвинулся с места. Были предприняты все попытки, чтобы заставить его ехать дальше, был даже вызван ещё один паровоз, чтобы подтолкнуть его, но всё безуспешно. Местный однорукий судья, знавший Махараджи, посоветовал служащим железной дороги уговорить молодого садху сесть обратно в поезд. Вначале чиновники отказывались реагировать на такие суеверия, однако после многочисленных безрезультатных попыток сдвинуть поезд с места они решили попробовать. К Махараджи подошла большая группа из пассажиров и железнодорожников. Они принесли с собой еду и сладости, которые предложили ему в качестве подношения. Затем они попросили его сесть в поезд. Он согласился, но при соблюдении двух условий:

1) чиновники должны пообещать построить железнодорожную станцию для жителей деревни Ниб Карори (в то время им приходилось идти много миль до ближайшей станции), и

2) впредь работники железной дороги должны лучше относиться ко всем садху.

Чиновники пообещали сделать всё, что в их силах, и Махараджи в конце концов сел в поезд. Затем они попросили его запустить двигатель. Махараджи возмущённо спросил: «Неужели это я должен заставлять поезд трогаться с места?» Машинист запустил двигатель, и поезд проехал несколько ярдов, после чего машинист остановил его и сказал: «Пока этот садху не прикажет мне, я не поеду». Махараджи произнёс: «Пусть едет», и поезд тронулся дальше.

Махараджи сказал, что чиновники сдержали своё слово, и вскоре у деревни Ниб Карори была построена железнодорожная станция, а к садху стали относиться с большим уважением.

*

Каждый раз, когда Махараджи уезжал из Аллахабада во Вриндаван, за ним следовала целая процессия — иногда до двадцати рикш, заполненных людьми, направляющимися на станцию! Однажды во время одной из таких процессий я попросил водителей рикш следовать самым коротким путём, но Махараджи вмешался и настоял на том, чтобы они

поехали по длинной дороге. Вдоль пути его следования собралось много преданных, каждый из которых надеялся на короткий прощальный даршан. Из-за этих последних даршанов Махараджи задержался, в то время как Ма, которые должны были ехать с ним, были уже в поезде.

В те дни мне доставляло радость заниматься такими вопросами, как бронирование мест, и я был как раз занят тем, что рассаживал Ма по местам и проявлял о них всяческую заботу. Когда машинист и проводник дали знак к отправлению поезда, Махараджи всё ещё был на станции с преданными. Я подумал: «О, Боже. Что теперь будет? Мне придётся остаться в поезде с Ма. Я не могу позволить им ехать одним». В течение четырёх минут машинист вёл с поездом сражение, однако так и не смог заставить его сдвинуться с места. Медленно шествуя в окружении преданных, Махараджи взошёл на платформу. Войдя в поезд, он закричал мне по-английски: «Выходи!» Как только Махараджи занял своё место, поезд тронулся.

*

Однажды Махараджи попросил меня забронировать два места в вагоне первого класса с кондиционером в поезде, отправляющемся в тот же день! Оказалось, что на все места от Калькутты до Калки (с восточного на западное побережье Индии) билеты раскуплены. Однако я на всякий случай купил два билета без места, хотя и был уверен, что это пустая трата времени. Махараджи зашёл на станцию, медленно прошёлся по платформе и остановился. Когда подъехал поезд, вагон первого класса оказался прямо перед Махараджи. Я увидел, как он выбрал места в этом вагоне, поэтому я попросил проводника, который оказался прямо перед нами, два места в этом вагоне, на что тот воскликнул: «Что? Вы что, сумасшедший? Этот поезд забит от Калькутты до Калки!»

В этот момент вся моя уверенность рассеялась, и я взглянул на Махараджи. Тот лишь поднял палец и тихо сказал: «Бригадир поезда».

Я отправился к бригадиру поезда и снова попросил два места. Он сказал: «Да, для вас есть места. Люди, купившие билеты до конца, сошли по неотложным делам в Могул Серае, так что в вагоне первого класса есть две полки». Это и был вагон, который находился прямо перед Махараджи.

*

Однажды Махараджи со своим водителем направлялись из Барейлли в

Каинчи. Через некоторое время после их прибытия в Каинчи туда подъехали другие люди. Узнав, по какой дороге ехали Махараджи с водителем, они сказали: «Вы не могли проехать по той дороге. Она размыта уже четыре дня, и по ней не ходит никакой транспорт, даже грузовики». Дорога оставалась непроходимой в течение ещё двух дней после этого.

*

Махараджи ехал в Кашмир на машине, когда сцепление начало барахлить. Мы были в какой-то маленькой деревушке, и не было никаких технических возможностей для проведения ремонта; водитель боялся ехать дальше по горной дороге. Нашли какого-то человека, который якобы был механиком, но чем больше он пытался исправить сцепление, тем хуже оно работало, пока не вышло из строя окончательно.

Я спросил Махараджи, что нам делать, и он велел остановить грузовик, чтобы тот взял нас на буксир. Однако все грузовики ехали в обратном направлении. Я доложил об этом Махараджи, и он сказал: «О, эти брамины такие скупые, они не могут выложить достаточную сумму денег, чтобы нанять грузовик, который бы взял машину на буксир».

У меня была тысяча рупий, и этого оказалось достаточно для того, чтобы нанять машину. Я нашёл автобус, водитель которого согласился взять нас на буксир, принёс верёвку, и мы уже почти тронулись с места. Как вдруг появился другой автобус, ехавший в обратном направлении. Его водитель предупредил нас, что впереди на дороге производится проверка автобусов, так что нашему автобусу никак нельзя было тянуть автомобиль. К этому времени уже стемнело, гостиниц поблизости не было, так что я подошёл к Махараджи и сказал: «Есть три варианта: мы можем переночевать в машине без одеял, мы можем найти грузовик, который отбуксирует нас обратно или же мы можем ехать дальше (этот последний вариант предполагал, что мы должны положиться на силу Махараджи, так как сцепление полностью вышло из строя)».

Махараджи сказал: «Поехали дальше».

На протяжении всего пути в Шринагар ни разу не возникло необходимости ни остановиться, ни использовать сцепление, и нам даже не понадобился бензин. Конечно, в обычных условиях это было бы невозможно.

*

Во время мелы Махараджи постоянно говорил людям о том, что в Ганге на самом деле течёт не вода, а молоко. Однажды Махараджи и несколько преданных плыли по реке на лодке, и преданные захотели проверить истинность слов Махараджи. Однако ему они ничего об этом не сказали. Махараджи велел им набрать полную лоту (котелок) воды из Ганги и накрыть её крышкой. Когда он затем разлил жидкость по стаканам, она оказалась вкуснейшим молоком. Поскольку в лагере остались и другие преданные, один человек в лодке решил оставить немного молока и им, но Махараджи выхватил у него стакан и сердито швырнул его в Гангу.

*

Однажды Махараджи укрепил веру одного индийского садху, Рам Даса, продемонстрировав ему свою силу. Махараджи сказал: «Смотри сюда, Рам Дас, я исчезаю, видишь?» Он взял маленький камень и ударил им о своё тело. И Рам Дас перестал его видеть. Затем Махараджи сказал: «Смотри, я вновь появляюсь», и Рам Дас вновь начал видеть его. Махараджи повторил это три или четыре раза.

Однажды группа из пятидесяти или шестидесяти политиков Конгресса собралась посетить Махараджи. Он тогда жил в Хануман Чаре, откуда дорога была видна на большое расстояние, так что он заранее знал, кто к нему идёт.

Махараджи внезапно поднялся со своего места и начал спускаться с горы. В сопровождении индийского садху по имени Рам Дас он направился к небольшому храму Дэви. Когда же конгрессмены прибыли на место и начали спрашивать, где находится Махараджи, их направили по идущей вниз тропе. Махараджи и Рам Дас сидели перед храмом. Конгрессмены тоже подошли к храму, и, хотя они стояли на открытой местности примерно в шести футах от Махараджи, они не видели ни его, ни Рам Даса. Прибывшие находились практически перед ними, обсуждая, где может быть Ним Кароли Баба. Махараджи стал невидимым сам и сделал невидимым Рам Даса.

В то время Рам Дас пристрастился к гашишу и страдал от кашля, который всегда сопровождает курение гашиша. У него в горле начались спазмы, и ему захотелось прокашляться. Он никак не мог сдержаться, хотя предполагал, что, если он закашляет, эти люди услышат его и, естественно, догадаются, что Махараджи здесь. Но Махараджи сказал ему: «Не волнуйся. Кашляй, сколько хочешь», и Рам Дас громко

прокашлялся, после чего ему стало легче. Эти люди не услышали ни их разговора, ни кашля Рам Даса. И только когда конгрессмены прекратили поиски и ушли, Махараджи стал видимым вновь.

*

Во время поездки конь начал так беспокоиться, что это стало опасно для всех, кто находился в повозке. Махараджи подошёл к коню и начал разговаривать с ним: «Послушай, братец, пусть они все сойдут на землю. Пусть они сойдут. Ты понимаешь?» Конь немедленно утихомирился, преданные сошли на землю и дальше пошли пешком.

*

Армейский полковник подошёл к воротам военного лагеря и обнаружил Махараджи, лежащего на земле прямо перед воротами. Когда полковник приказал ему встать, Махараджи ответил, что это земля Бога, а он из Центрального разведывательного отдела. Полковник вскипел и велел караульным схватить Махараджи и бросить в тюрьму для военнопленных. Несколько часов спустя полковник вновь подошёл к воротам и снова обнаружил лежащего перед ними Махараджи. Он начал кричать на караульных за то, что они не выполнили его приказ. Но они уверяли, что сделали так, как он велел. Проверка тюрьмы показала, что Махараджи по-прежнему сидит там. После этого полковник стал преданным Махараджи.

*

По пути в Бадринатх Махараджи и несколько преданных остановились в дхармасале. Махараджи выпроводил всех из своей комнаты и запретил ночью входить к нему. На его кровати они заметили большую кобру. Утром Махараджи вышел из комнаты вместе с коброй и выпустил её. Спустя какое-то время в Каинчи, в ашраме, была обнаружена кобра. Махараджи тотчас же поднял шум: «Здесь кобра, здесь кобра!»

Один преданный заметил: «Что такое? Столько беспокойства по поводу кобры. Как же вы тогда проспали со змеей целую ночь? А сейчас поднимаете такой шум!»

— Ты злодей! Убирайся! — был ответ Махараджи.

*

Махараджи был в Бенаресе с одним из своих преданных, старшим офицером полиции. Они собирались посетить лагерь садху,

расположенный на острове посреди Ганги, и офицер сказал: «Возьмём лодку». (В Бенаресе Ганга достигает ширины в одну милю), на что Махараджи возразил: «Нет, мы пойдём по воде».

Преданный не мог плавать и начал протестовать: «Махараджи, здесь глубина больше нашего роста!»

Махараджи ответил: «Положи-ка руку мне на плечо». Они вошли в реку, и следующее, что офицер смог осознать, — это то, что они уже на острове. Вернулись они точно таким же образом.

*

На третий или четвёртый день после посещения Махараджи нашего дома моя жена услышала исходившую со стороны портрета Махараджи фразу: «Оставляй мне на ночь воды». Однажды она забыла сделать это и проснулась, испытывая сильную жажду. Тогда она вспомнила о воде и поставила стакан возле портрета. Наутро стакан, который она ночью накрыла, был почти пуст.

*

Группа преданных направлялась в Васудхару (рядом с Бадринатхом), где начинается река Ганга, но одна Ма заболела, и её не могли взять с собой. Когда группа уже отправилась в путь, Махараджи подошёл к оплакивающей свою судьбу Ма и сказал: «Ты хочешь увидеть Васудхару». Затем он коснулся её руки и велел: «Теперь выйди на крыльцо». Ма так и сделала — и увидела Васудхару. Она была в экстазе. Позже оказалось, что группа не смогла добраться до Васудхары из-за того, что дорога была перекрыта. Когда они вернулись, Ма рассказала им, что уже побывала там, но, конечно, они ей не поверили. Тогда она описала увиденное в мельчайших подробностях, и старый проводник, бывавший в тех местах, подтвердил правильность её слов.

*

Махараджи узнал от *пуджари* (священнослужителя) в Канпуре, что новое мурти, которое ещё не было даже освящено, разбилось. Махараджи и несколько преданных немедленно выехали в Канпур. Мы были в дороге всю ночь, и я подумал, что Махараджи таким образом учит нас дисциплине и целеустремлённости: не может быть никакого сна, пока работа Рамы не будет выполнена. Однако я пытался как-то притормозить Махараджи, процитировав ему пословицу: «Не путешествуй ночью и не будь праздным в полдень».

Махараджи ответил: «Один и тот же принцип не может быть приемлем во всех ситуациях». Когда мы приехали на место, то обнаружили мурти целым. Тогда Махараджи рассказал нам историю о святом Рамакришне и о разбившемся мурти *Дурги* (аспект Божественной Матери). Рамакришна совершил пуджу в честь этого мурти, исполнил для него песнопения, и оно стало целым.

*

Один человек безуспешно пытался вырыть колодец у себя во дворе, в конце концов он послал сына за помощью к Махараджи. Махараджи пришёл к ним во двор, помочился и ушёл со словами: «Скажи отцу, пусть попробует ещё раз». И действительно, вода была найдена, и этот источник даёт воду и по сей день.

*

Во время одной мелы поток воды разрушил мост через реку, и он обрушивался каждый раз, когда его пытались восстановить. Устроитель мелы пришёл к Махараджи за помощью. Махараджи сказал ему, что он благословит этот мост, но человек настаивал, чтобы он пришёл прямо на место. Махараджи постоял у моста некоторое время, и уровень воды начал спадать. Вскоре мост был восстановлен, и празднование мелы оказалось на редкость спокойным.

*

Люди часто дарили Махараджи одеяла. Однажды, когда ему надоело одно из них, оно внезапно стало намного меньше, чем было раньше, а он сказал: «Зачем вы мне даёте одеяла, которые слишком малы?»

*

Отправляясь в поездку, Махараджи и один из его преданных заняли свои места в купе первого класса. Преданный подумал, что будет надёжнее, если билеты до проверки будут у Махараджи, и отдал их ему. Махараджи посмотрел на билеты и, сказав: «Зачем они нужны?», выбросил их из окна движущегося поезда. Преданный был в шоке, но промолчал. И пока Махараджи вёл разговор, преданный очень переживал по поводу билетов и визита проводника. Наконец, проводник постучал в дверь их купе и попросил предъявить билеты. После некоторого колебания преданный сказал Махараджи, что проводник хочет проверить их билеты. Махараджи протянул руку к окну, а затем вручил билеты преданному, засмеявшись: «Ты из-за этого так переживал?»

*

В 1958 году, когда я возглавлял движение «Люди без земли», я был арестован и мне было предъявлено четыре обвинения:

- 1) подстрекательство к мятежу,
- 2) нарушение границ частной собственности,
- 3) попытка совершения убийства и
- 4) неповиновение правительственному чиновнику.

Махараджи заверил меня, что я не должен волноваться, что всё будет хорошо, но в 1964 году я был осуждён и приговорён к четырём годам тюремного заключения. Я немедленно подал на апелляцию.

Я не особо переживал по поводу этого, но мои родственники были очень расстроены и настояли на том, чтобы я отправился к Махараджи и рассказал ему обо всём. Махараджи вновь заверил меня, что всё будет хорошо и добавил, что, когда такой-то и такой-то судья вступит в эту должность, решение суда будет пересмотрено. Тогдашний судья был вскоре переведён на другое место, но на смену ему пришёл не тот человек, о котором говорил Махараджи. Началось повторное слушание дела, которое должно было закончиться к концу определённого дня. Я подумал: «Как может произойти то, о чём говорил Махараджи?» Был холодный дождливый день, солнце уже село, а слушание всё ещё не было завершено, поэтому судья отложил его на следующий день. А в тот день из дела бесследно исчезла одна очень важная бумага, так что процесс слушания опять не мог быть закончен. Судья объявил отсрочку до тех пор, пока нужная бумага не будет восстановлена, и на это ушло три года. К тому времени, это был уже 1968 год, на должность судьи был назначен как раз тот человек, имя которого назвал мне Махараджи. По его решению дело было закрыто.

*

Я был тогда у одного святого в южной Индии, который был известен тем, что демонстрировал различные чудеса. Когда я уже был готов к отъезду, он сказал мне: «Ты хочешь что-нибудь, Рам Дас?»

— Нет, Баба, я ничего не хочу.

— Вот, — произнёс он и, вытянув свою руку ладонью вверх, начал медленно вращать ею. Я всё ещё сидел у его стоп, так что мои глаза были совсем рядом с его рукой, и я, подобно ястребу, не мигая, наблюдал за

всеми его движениями, чтобы заметить малейший подвох. К моему огромному изумлению на его руке появился голубоватый свет, который затем превратился в медальон. Всё происходящее привело меня в замешательство: зачем он это делает?

Позже я услышал, как Махараджи говорит о таких чудесах: «Существуют определённые *сиддхи* (сверхспособности), но они не должны часто использоваться. Они сводят дух к магии». А о таких святых он сказал следующее: «Пусть играют. Некоторые святые юга придают большое значение чудесам». (Р. Д.)

*

Однажды во Вриндаване, накануне Дня Гуру Пурнимы (день почитания гуру), Махараджи кормил нас. Каждому из нас он по очереди давал сладости. Я также попытался накормить его сахаром. Конечно, он не ел сахар, но я настаивал, считая, что это прасад. «Вы должны съесть это, пожалуйста, съешьте это». И тогда он притворился, что ест.

Но Найма поймала его: «Вы не стали есть, Махараджи». Он напустил на себя виноватый вид, будто бы говоря: «О, вы меня подловили». Сахар был у него в руке, он просто прятал его. И тогда началась великолепная игра, целое представление настоящего мага: «В какой он руке? Ха! Ты не угадал, он в этой руке». Я думаю, что он даже не использовал свою силу для этой игры. Он действительно проявлял ловкость рук, пряча сахар в одеяле — все те трюки, которые используют фокусники. Но он говорил при этом: «Смотрите! Смотрите! Я как Саи Баба. Я могу заставить сахар появиться, я могу заставить его исчезнуть. Я могу всё. Волшебство! Магия!»

*

Мы ехали с Махараджи в Бомбей на машине. Он показывал нам дорогу сквозь маленькие улочки, пока мы наконец не подъехали к дому. Из него выбежала Ма и коснулась стоп Махараджи. Случилось так, что один из моих коллег попросил меня задать Махараджи вопрос о чудесах Сатья Саи Бабы, но Махараджи всё время игнорировал его. Теперь, некоторое время спустя, находясь в этом доме, он сказал: «Ма, они думают, что материализация вещей — это что-то грандиозное. Дай нам несколько мурти». И внезапно в её руке появились маленькие мурти с изображением Кришны. Сиддхи Ма завернула два из них в своё сари, а когда вернулась домой, то обнаружила, что их стало три.

О святых-чудотворцах Махараджи говорил так: «Что это? Это всё глупость». Он мог творить чудеса, но величайшим чудом было то, что он мог обратить ум и сердце человека к Богу, как он сделал это со мной.

Я не обладаю особой силой.

Я ничего не знаю.

Махараджи был действительно величайшим святым. Он практиковал все виды йогического аскетизма. В Индии есть святые, очень преклонного возраста, которые почти никогда не дают дар-тан людям. За исключением нескольких человек, к которым они Проявляют благосклонность, их никто не видит. Иногда они принимают форму тигра или обезьяны, или нищего. Вы можете получить даршан только в том случае, если они захотят дать вам его, и никак иначе. Истинные преданные Бога никогда не носят желтые одеяния, мала (чётки) или сандал. Вы не сможете узнать, кто они такие, если они сами не захотят этого, и даже тогда вы можете узнать их лишь настолько, насколько они позволят.

**Ма, что мне делать — нет такого
глаза, который мог бы наблюдать
за мной. Никто не знает меня,
никто не понимает меня.
что мне делать?**

(Он сказал это за четыре дня до того, как оставил тело.)

Была ещё одна группа преданных, многие из них с очень большим стажем, которые вовсе не пытались делать предположений относительно того, кто же такой Махараджи на самом деле.

Вы не можете пытаться понять Махараджи. Вы можете надеть его на себя, как вы бы надели пару туфель или одежду, — и почувствовать его.

*

Я спросил одного преданного: «Твоя жена не удивляется, когда ты не останавливаешься и не заговариваешь с ней?»

— Нет, такого не бывает. Когда мы находимся рядом с Махараджи, мы не подходим к вещам с рациональной точки зрения. Она просто знает, что я с Махараджи.

*

Чрезвычайно сложно ухватить его.

*

Я ничего не знаю о таких вещах. Я знаю только то, что он мой Баба.

Хотя чудеса часто происходили в присутствии Махараджи, пока он был жив, их редко обсуждали. Преданные точно знали, что он не любит, когда говорят об этих вещах. Если случалось, что какие-то преданные сидели и обсуждали его чудеса, Махараджи звал их к себе и начинал отчитывать: «Вы всё лжете!» Махараджи говорил, что всё делает Бог, а он (Махараджи) не делает ничего, и если люди станут писать о нём, то к нему приедут миллионы людей, привлечённые слухами о чудесах, и начнут беспокоить.

В 1963 году один человек собрал и записал истории, связанные с Махараджи. Махараджи сказал: «Ты хочешь навлечь позор на меня? Сожги их». И тот сжег их.

Другой преданный написал статью, а Махараджи порвал рукопись.

*

Кто-то спросил Махараджи, позволит ли он, чтобы его сфотографировали. Махараджи отказался и выразил своё неодобрение. Однако тот человек продолжал настаивать, и в конце концов Махараджи прекратил сопротивление. Было отснято три или четыре кадра. Когда плёнку проявили, то именно эти кадры были абсолютно пустыми.

Если вы случайно замечали, что он совершает какое-то чудо, например, материализует пури, он велел вам никому об этом не рассказывать. «Предупреждаю, это плохо для тебя кончится. Никому не говори».

*

Однажды в машине, в которой ехал Махараджи, закончился бензин, и случилось это в месте, где не было ни единого человека. Махараджи дал водителю указание налить в бак воды и ехать дальше. Затем он строго наказал ему никому не рассказывать о случившемся, пока он, Махараджи, жив, и добавил, что если тот проболтается, то заболит проказой! И лишь спустя три года, после того как Махараджи оставил тело, этот человек впервые рассказал эту историю.

Вы не должны говорить о своём богатстве, жене или садхане, иначе всё это исчезнет.

Стратегия Махараджи явно срабатывала, так как он был известен лишь тем, кто должен был знать о нём согласно его выбору, и он был неизвестен в широких кругах. Например, в еженедельнике «Иллюстрейтэд Уикли оф Индия» была опубликована большая статья об индийских святых прошлого и настоящего. Были перечислены сотни имён, но о нём не было даже упомянуто. Наверное, это было самым значительным знаком его силы.

Когда к Махараджи стали приезжать люди с Запада, он изменился. Он начал разрешать делать фотоснимки и даже дал своё благословение на публикацию книги «Будь здесь и сейчас», которая позволила миллионам западных ищущих услышать о Махараджи и его силе. Причина этой перемены неизвестна. Возможно, он готовил своё наследие.

По всей видимости, Махараджи не передавал своим преданным какие-либо из способностей, которые он демонстрировал. Возможно, он думал так же, как Ширди Саи Баба, который говорил: «Я не даю им сверхспособности, так как я не хочу, чтобы они сбились со своего пути».

Вместо сиддх, или йогических способностей, Махараджи давал нам более основательные вещи: веру, любящие сердца и принятие реальности Божественного. В то же время он видел, что некоторые из преданных стремились обладать такими способностями, и он любил вести с этими людьми свою игру-

Это было в 1967 году. Махараджи спросил меня: «Ты хочешь летать?» В то время у меня были права на управление самолётом, и, хотя я знал, что он имел в виду вовсе не это, я шутливо ответил: «Я и так уже могу летать, Махараджи».

Он проигнорировал мой ответ и сказал: «Ты хочешь летать. Ты полетишь».

И лишь в 1972 году, спустя четыре года, в процессе работы с мантрой под руководством одного свами, я пережил астральный полёт. (Р. Д.)

*

Одними из первых слов, которые он сказал мне в 1967 году, были: «Ты знаешь Ганди?»

— Я знаю о нём, Махараджи.

— Ты должен быть как он.

Сказав это, он разжег во мне целую цепь фантазий о праведной силе, которым я предавался многие годы. И лишь недавно я начал рассматривать Ганди с точки зрения сострадания, а не силы. Заявление Махараджи подтолкнуло меня к серьёзной работе над собой.

Чтобы подлить ещё немного масла в огонь моих привязанностей, Махараджи однажды спросил: «Ты когда-нибудь пил чай в доме Никсона?» Я был крайне озадачен, поскольку вопрос был задан вне какого-либо контекста. Но затем я вспомнил, что поселившийся в Алморе многими годами ранее англичанин, который был известен как Кришна Прем и который считался многими индусами святым, изначально носил фамилию Никсон. Я спросил Махараджи, этого ли Никсона он имеет в виду.

— Нет, того, у которого есть большой белый дом в Америке. Тот, у кого дом больше, чем у Муктананды.

Теперь сомнений не было, он имел в виду президента. «Нет, никогда». Затем, подумав, что он как-то перепутал поколения, я добавил: «Но мой отец был там».

— Разве ты не был в доме господина Никсона и он не угощал тебя чаем и был очень мил с тобой?

— Нет.

— О. — И больше ничего. Всего лишь один небольшой намек на то, что мне, возможно, предстоит сыграть какую-то роль в области политики.

Через некоторое время он опять заговорил о президентстве. На этот раз он сказал: «Ты знаешь, Линкольн был очень хороший президент».

— Да?

— Да. Он был хороший президент, потому что он знал, что истинным президентом является Христос, а он лишь исполняющий обязанности президента.

— О.

— Да, он был очень хороший человек. Он помогал бедным и страждущим. И он никогда не забывал Христа.

— Ага!

Затем он спросил: «Ты знал Линкольна?» Последовала неловкая тишина, так как все знали о том, что такое «невозможно». Тогда Дада сказал Махараджи, что я не мог его знать, поскольку Линкольн умер в 1865 году. Он объяснял ему это, как ребёнку. Однако мы все знали, что Махараджи никогда ничего не говорит просто так. (Р. Д.)

*

Управляющий полиции самого большого штата в Индии Уттар-Прадеш пришёл на даршан. Сидя у ног Махараджи, он с явным почтением растирал его стопы. Махараджи подозвал меня и, представив мне управляющего, спросил, такая ли в Америке полиция, как в Индии. Глядя на главного офицера полиции штата, растирающего ноги Махараджи, я мог только посмеяться над таким уподоблением. Я ответил, что в Америке полиция не обладает очень большой властью, что полицейские часто забывают о своей обязанности быть служителями народа. Я также добавил, что невозможно себе представить, чтобы какой-нибудь начальник полиции штата мог встать на колени и растирать стопы святого человека. Затем Махараджи представил меня полицейскому и сказал: «Это Рам Дас. Он приведёт полицию Америки к Богу». Мне пришлось лишь рассмеяться. Он говорил о будущей власти, которая была

даже большей, чем в моих фантазиях.

Примерно в это же время Махараджи начал называть меня Самарт Гуру Рам Дас. В прошлом он давал мне то одно имя, то другое (например, Иша, Иисус или Кабир), и каждое я носил в течение нескольких недель. Всякий раз, когда возникало новое имя, хоть и на короткий срок, я пытался разузнать всё о человеке, чьим тезкой я стал, и примерял всё к себе. Об Иисусе я уже знал. Кабир был великим святым и очень бедным ткачом, который проповедовал единство всех религий. Он стал легендарной личностью благодаря своей искренней вере в Бога. В глубине сердца я преклонялся перед его поэзией. Вначале я подумал, что имя Самарт Гуру Рам Дас относится к сикхскому Гуру Рам Дасу. Затем я нашёл книгу, в которой шла речь о некоем Самарте Гуру Рам Дасе, который в 17 веке был гуру царя Шиваджи, построившего много храмов в честь Ханумана. Имя Самарт означает «всемогущий». Существует множество историй о чудесных способностях этого гуру. Он жил в земляной хижине рядом с царским дворцом. Царь имел очень хорошую репутацию как правитель, проявляющий заботу о своих подданных и щедро раздающий пищу беднякам, но, по всей видимости, время от времени его это брало над ним верх. Когда такое случалось, гуру раскалывал, например, камень, в котором было много крошечных жучков, и спрашивал царя: «Кто кормит этих насекомых?» Осознание малозначительности его собственных усилий вновь возвращало царя к смирению.

Мне понравилось это имя и, хотя я и желал обладать всей той властью, на которую намекал Махараджи, я знал, что, если бы он дал мне такую власть, я бы мог легко потеряться в ней. Однако время от времени Махараджи, позволяя мне оказать ему какую-либо помощь, давал мне переживание, которое показывало мне, что истинная сила начинает проявляться тогда, когда человек осознаёт: «Я ничего не могу сделать; всё делает Бог».

Однажды Махараджи сказал мне: «Хари Дас находится в Америке. Помогите ему остаться там на пять лет».

Я знал, что у Хари Даса была лишь трёхмесячная виза. Получить в Соединённых Штатах постоянную визу — то есть регистрацию в качестве подданного другого государства — нелёгкое дело. Поэтому я сказал Махараджи: «Я не могу это сделать. Я не обладаю политической властью в Америке».

Но Махараджи будто не слышал моих возражений, он просто повторил: «Ты устроишь Хари Дасу пребывание в Америке в течение пяти лет. Я держал Бхагавана Даса здесь в течение семи лет». Его слова вызвали у меня смех. Он, Махараджи, обладающий всеми сверхспособностями, делает такое абсурдное сравнение. Мои возможности в политических структурах Соединённых Штатов равнялись нулю, поэтому я снова запротестовал. Но он был непреклонен, и мне пришлось сказать, что я, конечно же, буду работать в этом направлении.

За несколько дней до этого разговора в Наинитал для встречи со мной приехал один человек из Лос-Анджелеса, которого я раньше никогда не видел. Я сказал ему о том, что рядом находится мой гуру, и отвёл его к Махараджи. Тот дал ему имя Бадринатх Дас. Махараджи произвёл на этого человека очень глубокое впечатление, и он был счастлив, что я познакомил их. В свой последний день в Наинитале (уже после нашего с Махараджи разговора о Хари Дасе), Бадринатх Дас ещё раз выразил мне свою благодарность и поинтересовался, может ли он сделать что-нибудь для меня в Штатах. Я спросил: «Что, например?» Он ответил, что занимает должность адвоката и успешно ведёт дела в Лос-Анджелесе. В тот момент я не мог вспомнить, чтобы у кого-нибудь из моих друзей были юридические проблемы, и просто поблагодарил его за предложение. Затем, немного подумав, я сказал: «У меня в семье все юристы, но единственная юридическая помощь, которая мне сейчас нужна, — это получить долгосрочную американскую визу для Хари Даса Бабы», и я рассказал ему об указаниях Махараджи.

Бадринатх Дас сказал: «Как интересно — мой зять занимает должность директора иммиграционного отдела Западных Штатов, и мы сможем уладить это одним письмом». Так и было всё сделано.

Когда Хари Дас пришёл в иммиграционный отдел на собеседование, на папке с его документами были особые наклейки, указывающие на его высокий социальный статус, и он получил необходимую визу без каких-либо трудностей.

Конечно, Махараджи заранее знал, что всё произойдёт именно так, но вместо того, чтобы самому решить этот вопрос с Бадринатх Дасом, он позволил мне оказать ему помощь.

Но одной рукой играя с моими желаниями мирской власти, другой рукой Махараджи очень тонко искоренял их. Однажды, когда я и К. К.

сидели с Махараджи, к нему на даршан пришла большая группа людей, работавших в индийском разведывательном управлении. Они сопровождали в то время Индиру Ганди в её поездке. Когда они ушли, Махараджи сказал: «Какая польза от всего этого? Царь может повелевать только своим народом, святой же может повелевать дикими зверями и животными, и они будут повиноваться ему».

Между подобными высказываниями, умаляющими величие мирских правителей, историями о Самарт Гуру Рам Дасе и рассказом о том, кого Линкольн считал истинным президентом, Махараджи внедрял в моё сознание идею об ограниченности мирской власти, которой добиваются большинство людей. Эти учения продолжают оказывать на меня воздействие и по сей день (Р. Д.)

Хотя Махараджи с пренебрежением относился к большой мирской власти — политической или экономической, среди тысяч ищущих, припадавших к стопам Махараджи, было много мужчин и женщин, обладавших ею. Иногда Махараджи избегал их, а иногда, казалось, что он направляет свои усилия на помощь им или пытается направить их по нужному пути.

*

Махараджи гостил в доме главного надзирателя центральной тюрьмы Агры, когда неожиданно он встал и собрался уходить. Он сказал, что один занимающийся импортом богатый бизнесмен решил побеспокоить его своим визитом. Через несколько минут после того, как Махараджи ушёл, к дому подъехал лимузин и из него вышел внушительного вида мужчина, нагруженный прасадом.

*

Махараджи пытался избежать встречи по меньшей мере с двумя или тремя губернаторами, которые хотели с ним встретиться. Но одного губернатора он принял, сказав: «Если он так жаждет увидеть меня, как я могу помешать ему?»

*

Махараджи участвовал в политике в той степени, в которой это могло помочь его преданным. Он говорил: «Да, ты станешь губернатором» или «Ты станешь вице-президентом Индии» и т.д.

*

Однажды пришла жена вице-президента Гири. Махараджи отказался встречаться с ней, но ещё до того, как она появилась в дверях, он объявил о том, что она идёт к нему, и велел дать ей прасад.

В другой раз пришёл губернатор с сыном, и хотя Махараджи отдыхал, его всё равно побеспокоили. Во время беседы губернатор спросил, следует ли Гири участвовать в президентских выборах.

Позже пришёл сам Гири. Махараджи беседовал с ним наедине в течение пятнадцати минут. После разговора Гири вернулся в Дели и сразу же объявил, что уходит с поста вице-президента. Когда его попросили объяснить этот шаг, он сказал: «Мне так подсказывает голос души». Позже он выставил свою кандидатуру на пост президента Индии.

Ещё до того, как были подсчитаны все голоса избирателей, Махараджи объявил: «Гири выиграл». И он действительно победил на выборах.

*

Махараджи никогда не хотел никакой рекламы, он старался избегать всяких высокопоставленных лиц и держаться подальше от преданных, которые стали очень важными персонами. Они жаловались мне: «Раньше он часто посещал нас, а сейчас, когда возвёл нас на трон, покинул. Он больше не приходит. Лучше бы он не помогал нам возвыситься. По крайней мере, мы могли бы получить его даршан».

*

Однажды премьер-министр Индии Неру, следуя в Ассам, прилетел в аэропорт Калькутты. Была организована пресс-конференция, на которой присутствовали как журналисты, так и правительственные чиновники. Во время речи Неру приземлился ещё один самолёт, и из него вышли пассажиры. Через несколько минут Неру заметил, что его аудитория поредела, так как некоторые направились к только что прибывшему самолёту. Он поинтересовался у своих советников, ближайшим из которых был давний преданный Махараджи, в чём дело, и тот ответил, что на самолёте прибыл Баба Ним Кароли и люди поспешили получить его даршан. Неру выразил глубокое удивление и сказал: «Индия действительно счастливая страна, если в ней есть святой такой величины, что люди готовы оставить своего премьер-министра, чтобы увидеть его».

*

Вскоре после начала индо-китайской войны в 1962 году военное командование Индии посоветовало премьер-министру Неру объявить в Нью-Дели полную эвакуацию, поскольку китайское вторжение казалось неминуемым. Понятно, что Неру очень не хотел отдавать такой приказ. За всю длительную историю Индии жители лишь несколько раз оставляли Дели перед лицом угрозы военной оккупации, и каждый раз это служило предвестником поражения страны. Однако генералы Неру посоветовали ему во избежание катастрофы объявить эвакуацию в течение двадцати четырёх часов. Неру был в отчаянии. Он даже попросил своего главного министра, давнего преданного Махараджи, обратиться за советом к святому. Министр ответил Неру, что он верит в то, что Махараджи знает абсолютно всё и что, если он захочет дать даршан, то явится сам. Он добавил, что Махараджи никогда не оставляет чьего-либо призыва без ответа, если тот действительно искренен. К тому же, преданный не знал, где в то время находился Махараджи. В тот же вечер Махараджи дал о себе знать, он позвонил по телефону и сказал преданному. «Скажи Неру, чтобы он не переживал. Всё будет хорошо. Китайцы уже начали отступление». На следующее утро высшее военное начальство доложило Неру, что ночью противник оставил свои позиции, и боевые действия приутихли.

*

В течение долгого времени премьер-министр Неру выражал желание получить даршан Махараджи, но Махараджи всегда удавалось избежать встречи с ним. Однажды близкий друг Неру, который также был преданным Махараджи, казалось, уговорил-таки Махараджи встретиться с премьер-министром. Махараджи сказал, что сам придёт в его резиденцию, но предупредил, чтобы не было никаких церемоний и фанфар.

*

В течение последних дней жизни Неру Махараджи часто говорил: «Неру хороший человек. Он поклоняется Богу в душе и не выставляет это напоказ».

*

Пришёл брат Муджиба. Он не знал, жив Муджиб или нет. Большинство людей считали его мёртвым, но Махараджи сказал: «Не

переживай. Твой брат вернётся, и он явится как царь». И он действительно вернулся и возглавил формирование государства Бангладеш.

*

Однажды к Махараджи пришёл обычный человек, просто для того, чтобы святой помог исполнить его желание: он хотел стать министром. Махараджи сказал: «Хорошо, ты будешь министром. Бери прасад и уходи». Спустя много лет я находился подле Махараджи в Каинчи. Несколько часов подряд мы были с ним наедине, и он пребывал в состоянии глубокого *самадхи* (духовного транс), когда внезапно произнёс имя какого-то человека. Через пятнадцать минут в Каинчи прибыла украшенная флагом правительственная машина министра. Я сказал об этом Махараджи, и он велел дать министру прасад, а затем пригласить его войти.

Министр вошёл в комнату и сказал: «Махараджи, я когда-то встречался с вами, и вы сказали, что я стану министром. И вот теперь я стал министром. И всё это благодаря вашей милости. Прежде чем занять этот пост, мне захотелось приехать сюда и стереть пыль с ваших лотосовых стоп. И вот я здесь, чтобы получить ваш даршан. Затем я приступлю к выполнению своих обязанностей».

Махараджи лишь изредка обсуждал политические вопросы. Обычно он, казалось, не проявлял особого интереса к мирским делам, разве что по настоянию своих преданных. Часто его точка зрения на развитие событий казалась космической, а иногда он выражал своё изумление.

Однажды, беседуя с одним из западных преданных, Махараджи спросил, не планируют ли учёные запустить космический корабль на Марс. Когда преданный ответил ему, что да, такие планы имеются, Махараджи рассмеялся и долго не мог остановиться.

*

Один политик говорил Махараджи: «Мы так много делаем для людей».

Махараджи отвечал: «Где же ваша зелёная революция?», имея в виду засуху. «Вы думаете, что можете сделать всё. Вы ничего не можете

сделать. Только Бог может сделать».

*

Хотя Махараджи высказывался в пользу независимости Индии, он говорил: «Англичане в душе были хорошими людьми».

*

Двадцать пять лет назад, когда мы находились подле Махараджи, он сказал о разделении Индии и Пакистана: «Вот увидите, одна часть Пакистана будет с Индией».

*

В 1962 году, во время индо-китайской войны, я сказал Махараджи: «Китайские войска вошли в Ассам. Наша армия просто созерцает происходящее. Если так будет продолжаться, китайцы Доберутся до равнин».

Махараджи ответил: «Этого не случится. Китай отступит. Индия — страна *риши* (мудрецов) и самопожертвования. Коммунизм не может сюда прийти».

— Но, Махараджи, — вопрошал я, — почему китайские войска всё-таки пришли?

— Просто для того, чтобы пробудить вас, — ответил он.

*

Речь шла о возможном коммунистическом вторжении, и Махараджи сказал: «Нет! Нет, коммунизм не может прийти сюда. Здесь все люди религиозны и благочестивы. Коммунизм приходит лишь в те страны, где нет веры в Бога. В страны, где есть религия и где она соблюдается, никакой коммунизм прийти не может».

Индия — это золотая птица.

Это страна риши и святых.

Изменение есть основа существования мира, и если в эпоху Кали Юги (тёмный век) мир должен идти по такому пути, пусть идёт. Если вы не являетесь Господом, вы всё равно не можете остановить его.

Зачем же его осуждать?

Махараджи как бог

Хотя Махараджи и утверждал, что только Бог может делать всё, а он не может делать ничего, многие из его преданных рассматривали его в тождественности с Богом.

Существует множество категорий святых и садху. Махараджи был святым той природы, что именуется *адвайта вад*: есть только Бог, я сам есть Бог и все вещи — это моё собственное сердце и душа; Бог присутствует везде. Махараджи был последователем адвайты вады. Он видел в каждом свою собственную душу. Для него это всё было Одним.

*

Махараджи был как Кришна: иногда он был подобен Богу, а иногда — обычному человеку.

*

По внешним признакам он человек, но не простой человек. Он проводил здесь беседы, а сам был всюду. Он мог заставить свою *атму* (дух) войти в любого человека в любое время, чтобы выполнить необходимую работу. Его тело было сожжено, и оно не может вернуться, но его атма может явиться в любой форме. В одном из сновидений он сказал мне: «Ты можешь получить мой даршан, но не в этой форме!»

*

Он в такой степени являлся частью нашей жизни, что, находясь с ним, мы не осознавали масштабности его силы. Он скрывал своё величие. Мы никогда не собирали историй о его жизни, так как думали, что он будет жить вечно.

*

Один очень учёный садху пришёл навестить К. Б. в его доме. Каждый день эти двое в течение многих часов обсуждали философские вопросы. Садху утверждал, что Вселенная по-прежнему управляется мудрецами, небесными существами, которые образуют целую иерархию, руководимую Верховным Правителем; что земная игра и земные правители находятся под контролем этих вечных мудрецов. Далее он начал описывать Верховного Правителя и его действия. К. Б. был

потрясён: садху дал точное описание Махараджи. Через некоторое время в дом К. Б. пришёл сам Махараджи и, увидев на стене фотографию того садху, очень разгневался. «Как к тебе попала эта фотография? Где ты познакомился с этим человеком? — кричал он. — Негодник! Ты слишком много болтаешь и заставляешь болтать других людей». Махараджи ушёл, оставив К. Б. в состоянии крайнего недоумения.

Спустя несколько лет, памятуя о таинственном откровении, полученном от садху, К. Б. разговаривал с Махараджи о *дхарме* (духовный путь жизни) и правителях. Говоря о царе Джанаке, мистическом мудреце-правителе древней Индии, он спросил Махараджи, был ли Джанаки последним из таких просветлённых правителей мира. Махараджи ответил: «Нет, нет! И сейчас есть такой царь мира, правитель всей Вселенной, который более велик, чем Джанака».

*

Один садху из Бомбея даёт описания святых, пребывающих в *Сиддха Локе* (на высшем духовном плане), и говорит, что Махараджи сидит обнажённый на белом камне в снегу, выше всех остальных.

Спросите Бога или Ханумана.

Я лишь обычное существо.

Я ничего не могу сделать.

Однажды летним вечером мы расположились вокруг лежащего на спине Махараджи. Казалось, что он находится где-то очень далеко и был исполнен блаженства. Я держал его правую руку. Украдкой я начал изучать линии на ней. Махараджи слегка встрепнулся и спросил меня отрешённым голосом, что я вижу на его ладони. Я сказал: «Махараджи, на вашей ладони сказано, что вы получите даршан Бога». Подобно ребёнку, с восторженной таинственностью, он прошептал сидящему рядом преданному: «О, они узнали!»

Я отец мира.

Весь мир — моё дитя.

Брахмачари Махарадж был великим святым, глубоко почитаемым в Кумаонских горах. Когда он и Махараджи встретились, Брахмачари Махарадж совершил дунда пранам. Был очень жаркий день, и Брахмачари Махарадж послал Тевари принести воды, чтобы приготовить *ласси* (напиток из взбитого йогурта, воды и сахара). Брахмачари Махарадж пил воду только из отдалённого источника, поэтому Тевари понадобилось какое-то время, чтобы выполнить поручение. Когда он вернулся, Брахмачари Махарадж начал отчитывать его: «У тебя нет никакой проницательности. Ты не понимаешь — это не обычный святой. Махараджи мог бы выпить воду и из крана. Для него это не имеет значения».

*

Однажды Махараджи встретился в Лакнау со Шри Брахмачари Махараджи. После короткого приветствия они уединились во внутренней комнате и заперли дверь на засов. Минут через пятнадцать-двадцать дверь открылась, из неё с сияющим лицом вышел Шри Брахмачари Махарадж. Они остановился и молча улыбался. Через дверной проём можно было видеть Махараджи, сидящего в странной мудре — всё его тело выглядело круглым и мягким. Вскоре он вышел из комнаты, его тело казалось красного цвета. В течение нескольких секунд оба святых стояли в полном безмолвии, а затем Махараджи удалился.

*

Когда Ганди был застрелен и все плакали, Брахмачари Махарадж спросил: «Почему все плачут?» Ему объяснили, и он сказал: «В Индии есть лишь одно существо, которое могло бы вернуть его к жизни, и это — Ним Кароли Баба».

*

Махараджи угостил пури гостившего у него свами из ашрама Шивананды, а затем отправил его посидеть к пещере за храмом. Однако свами очень тянуло к Махараджи, и вскоре он вернулся обратно. Тогда Махараджи отправил его к большому дереву, откуда тот мог бы смотреть на Махараджи. И вдруг перед глазами свами храм в Каинчи преобразился в ашрам Шивананды в Ришикеше, а Махараджи принял облик

Шивананды. Затем Махараджи/Шивананда подошёл к нему и спросил: «Как ты думаешь, есть между нами какая-нибудь разница? Разве мы не одно и то же?»

Свами сказал: «Вы тоже приняли его форму. Действительно, вы — это он. В этой форме вы вводите меня в заблуждение». Махараджи ничего не сказал в ответ. Он лишь улыбнулся.

Я гуру всех и каждого.

Мне ещё предстоит найти другого человека, находящегося на этой же стадии. Можно успешно подниматься вверх, но очень трудно достичь высшей ступени самореализации и затем опуститься обратно на физический план. Махараджи, казалось, находился на всех планах сразу. Это высочайшее состояние.

Я относился к нему как к обычному садху, пока не понял, кто он такой на самом деле.

Исцеляющая палка

Махараджи часто использовал свои невероятные способности, чтобы уберечь своих преданных под крылом защиты. Нигде это не проявлялось так явно или так потрясающе, как при исцелении болезней. У одних преданных исцеление наступало от одного касания, взгляда или слова, другим он предписывал лекарственные препараты. Из некоторых историй можно увидеть, насколько необычны были эти лекарства. Иным преданным, которые приходили к нему с болезнями, он говорил, что ничего сделать не может и отправлял их ко врачам или в специальные храмы на лечение. Но в тех случаях, когда ситуация требовала этого и вера преданного была глубока, Махараджи, похоже, даровал исцеление и на расстоянии, по телефону или даже в свидениях. Когда речь заходила о его чудесных исцеляющих способностях, Махараджи всё отрицал. Всё, что он говорил в этих

случаях, было: «Суб Ишвара хай. (Это всё Бог.)»

После того как одной из давних преданных Махараджи сделали серьёзную операцию, Махараджи пробыл у неё в доме в течение девяти дней. Его спросили, почему он так долго живёт там, ведь обычно он никогда не останавливается в одном месте более, чем на несколько дней. Махараджи ответил: «Почему вы спрашиваете? Не вам же меня кормить. Почему вы беспокоитесь?» На седьмую ночь у женщины произошёл рецидив. Врачи давали ей снотворное, говоря, что ей нужен отдых, но это было бесполезно. Она не могла спать. Муж этой женщины рассказал обо всём Махараджи, и тот сказал: «Не переживай, я иду». Через девять часов он вошёл в комнату больной и начал её отчитывать за то, что она не спит, как велели врачи. Затем, подняв свою правую ногу, он коснулся большим пальцем её лба и в течение нескольких секунд она погрузилась в глубокий сон. Проснувшись, она чувствовала себя хорошо.

*

Один преданный попал в больницу, ему должны были делать операцию. Врачи говорили, что он умирает от рака, и операция — единственный шанс выжить. Семья этого человека отправилась к Махараджи получить благословение. Он сказал: «Пусть врачи сделают операцию, но у него нет рака. После операции с ним будет всё в порядке». В течение двух или трёх дней больной был на грани смерти. Махараджи послал для него прасад с одной Ма; она сидела у постели больного два дня. Врачи сделали операцию, но рак выявлен не был. Хотя предварительное обследование показывало рак, ко времени проведения операции он исчез.

*

Однажды к Махараджи прибыл профессор Гарвардского университета со своей женой, художницей. Сидя перед Махараджи, она сделала набросок его портрета. Ночью женщина неожиданно очень сильно заболела, она вся дрожала от лихорадки и кашляла кровью. Это было крайне странно, поскольку она никогда не жаловалась на здоровье. Это было также очень некстати, так как у профессора был очень плотный график и в тот день они собирались уехать в Дели. Когда о её болезни доложили Махараджи, он ответил: «Она поедет в Дели сегодня». Но, когда пришёл врач, он посоветовал переправить больную в лучшее место

и сказал, что она сможет вновь путешествовать не ранее, чем через неделю. Женщину завернули в одеяло, чтобы перевезти в более благоприятное место. По дороге к машине, проходя мимо храма, все зашли в него, чтобы выразить свои почтение Махараджи. Зашла и больная женщина — и чем ближе она подходила к нему, тем лучше она себя чувствовала. Когда она совсем приблизилась к Махараджи, она почувствовала Себя полностью здоровой. Махараджи весь сиял, глядя на неё. Женщина достала свой набросок с его портретом, и он написал по кругу: Рам, Рам, Рам.

*

Дочь инспектора полиции из Рампура умирала от брюшного тифа. Единственное лечение, которое применяли тогда, состояло в том, что больному не давали пищу. Девочку не кормили около сорока дней, и она была на грани смерти. Из Рампура в Наинитал пришло письмо с просьбой, чтобы Махараджи приехал и дал даршан больной. Интересно, что ещё за день до того, как письмо прибыло, Махараджи сказал: «Поехали, нам нужно в Рампур». И уехал.

Войдя в комнату больной девочки, Махараджи воскликнул: «Они морят мою дочь голодом. Что происходит? Я страшно голоден. Приготовьте мне поесть». Поев, он обратился к девочке: «Они морят тебя голодом. Вот, съешь эту чапатти. Вставай и поешь». Девочка смогла встать с постели и съела немного чапатти. Затем Махараджи сказал: «Я устал. Мне нужно отдохнуть. Ты посиди на стуле, а я посплю на кровати». Девочка сделала так, как он велел. В течение часа он пребывал в полном молчании, казалось, что он спит. Затем он поднялся и ушёл, а девочка выздоровела.

*

У одной Ма во время паломничества начались боли в спине. Ночью ей приснился Махараджи; она втирала ему в спину *вибхути* (пепел священных костров, часто используемый для исцеления), и эта процедура доставляла ему боль. На следующий день какая-то Ма предложила ей немного вибхути от Махараджи, сказав: «Давайте вотрём его вам в спину». Так они и сделали, состояние женщины улучшилось, и она продолжила своё паломничество.

*

Одна женщина была беременна. Врачи говорили ей, что у неё

наблюдаются какие-то нарушения в протекании беременности и что она не сможет выносить ребёнка до конца срока. Когда женщина пришла на даршан к Махараджи, он, лишь взглянув на неё, сказал: «Тхик хо джаега. (Всё будет хорошо.)» Она выносила ребёнка полный срок, и он родился вполне здоровым.

*

Когда дочери Р. был всего один год, она выпала из окна дома с высоты тридцати футов. Никаких травм она не получила, и на следующий день, узнав, что Махараджи прибыл в Каинчи, родители отнесли девочку к нему на даршан. Махараджи сказал, что всё будет хорошо. Однако, когда девочке исполнилось два года, она вновь упала с высоты тридцати футов — уже из другого окна. И в этот раз она вновь осталась целой и невредимой. И снова случилось так, что Махараджи накануне приехал в Каинчи, поэтому вместо врачей родители отнесли девочку к нему, и Махараджи сказал, что всё будет в порядке. Но прошёл год, и с трёхлетним ребёнком опять произошёл тот же несчастный случай. Она вспоминала: «Я помню, как я падала. У меня было такое ощущение, что я медленно планирую вниз». Когда родители отвели выпавшую из окна девочку к Махараджи, он сказал: «Я не дам ей умереть».

*

Сын одного преданного был очень болен. Он попросил свою мать дать ему немного вибхути от Махараджи. Приняв вибхути, он уснул. Ему снилось, что он постоянно пытается нырнуть в озеро, а Махараджи постоянно вытаскивает его обратно. Когда больной проснулся, кризис болезни был уже позади.

*

У моей жены парализовало рот и глаз, её состояние было столь *тяжёлое*, что она хотела покончить жизнь самоубийством, несмотря на то, что была ещё очень молода.

Мы спали на разных кроватях. Однажды ночью мы одновременно проснулись, в 3:30 утра, и увидели Махараджи. Жена попросила меня встать и приготовить для него чай. Ни она, ни я не могли больше спать, поэтому мы пили чай вместе с ним. Внезапно я взглянул на свою жену и увидел, что её лицо снова оживило и глаз утратил скованность. Позже, когда пришёл врач и нашёл её исцеленной, он сказал: «Это невозможно. Это сделал Бог».

Несколько дней спустя, утром, Махараджи зашёл к нам и спросил: «Что произошло с твоей женой?» Она вновь вся сияла. Сейчас у нас семеро детей.

*

Моей матери приснился сон; в нём некий садху был ранен в голову, и она положила ему в рот нечто, полученное от Махараджи. Она проснулась расстроенная от такого странного сна. На следующий день в её дом пришёл Хари Дас за едой для людей в храме. Еда ещё не была готова, и мать попросила его подождать. Он спустился в ванную комнату, а затем, поднимаясь по лестнице, потерял сознание и сильно ударился головой. Началось сильное кровотечение. В это время домой вернулся мой отец. Обнаружив Хари Даса на лестнице, он позвал мать, и они вдвоём отнесли Хари Даса на кровать. Он был всё ещё без сознания, и, казалось, его состояние было безнадежным, но моя мать вспомнила свой сон и, взяв немного вибхути, полученного от Махараджи, положила его в рот Хари Дасу. Через полчаса тот пришёл в себя и встал.

*

Жена Р. умирала. Ей требовалась операция, но у неё была кровь очень редкой группы, какой не было даже в Бомбее. Она всё-таки решилась на операцию с именем Махараджи на устах. К удивлению хирурга, операция прошла почти бескровно. Позже жена Р. рассказала, как попала на какой-то план сознания, где Махараджи сказал: «Уберите её. Она останется там».

*

Племянник Дады умирал от оспы, и, по всей видимости, настал последний момент, так как его тело было перенесено с кровати на пол. Кто-то предложил смочить его горло каплей воды из Ганги, в которой были обмыты стопы Махараджи. Когда это проделали, мальчик неожиданно сел на постели, а на следующий день оспа прошла.

В это же самое время за много миль от этого места, в горах, где Сиддхи Ма находилась с Махараджи, у Махараджи по всему телу пошли пятна. Поскольку оспа редко встречается в горах, местные жители не знали, как выглядят симптомы этой болезни, и стали лечить её как аллергию — с помощью примочек. На следующий день пятна исчезли, и Махараджи сказал: «Это была чудесная жидкость. Что это могли быть за пятна? У меня, должно быть, аллергия на что-то». И лишь гораздо позже

выяснилось, что исцеление мальчика и «аллергия» Махараджи совпали по времени.

*

Махараджи давал даршан в маленькой комнате ашрама, когда вошёл человек странного вида. Махараджи тут же начал кричать на него, протягивая в его сторону руку. Человек в ответ что-то бормотал и качал головой, а Махараджи продолжал что-то от него требовать. Наконец, человек полез в карман рубашки и достал оттуда маленькую птичку, у которой из груди торчала палка. Она выглядела мёртвой. Махараджи взял птицу, продолжая кричать на ненормального посетителя, и вытащил палку из её тела. Затем он отдал птицу нуджари и сказал: «Отнеси её и напои водой». Когда нуджари направился к двери, птица выпорхнула у него из рук и улетела.

*

Однажды, вечером, в Агре Махараджи пришёл к нам домой. Он начал ходить вдоль веранды, туда-сюда, туда-сюда. Нам показалось, что он берёт на себя чью-то боль. Через несколько часов он присел и попросил у нас немного горячего чая. Зазвонил телефон — преданные из Лакнау разыскивали Махараджи. Они попросили передать ему, что одной из его преданных, бедной семидесятилетней женщине с гор, сделали операцию, которая длилась два с половиной часа, и она прошла успешно. Таким образом, Махараджи в течение всей операции был с ней. Всё это время он выглядел расстроенным, а после звонка он выразил большое облегчение.

*

Моя жена знала Махараджи с самого своего детства, и все члены её семьи долгое время были его преданными. Я же встретился с ним только в 1962 году, когда мне сделали операцию легких. Моё состояние было критическим. Тогда моя жена рассказала мне о Махараджи, и я вспомнил всё, что я слышал о нём раньше. Я начал молиться о том, чтобы встретиться с ним, прежде чем умру. В тот же день Махараджи пришёл к нам домой, подошёл к моей кровати и благословил меня. С того момента моё здоровье начало улучшаться и болезнь больше не возвращалась. После этого случая во время каждого своего визита Махараджи говорил мне, что моё здоровье будет прекрасным.

*

Юдиштра привёз Махараджи в Бхумнадхар на машине, а сам отправился искупаться под водопадом. Через некоторое время он прибежал обратно и сказал Махараджи, что его укусила змея, после чего упал без сознания. Его рука стала иссиня-чёрной. Махараджи велел Брахмачари Бабе расстелить одеяло и уложить на него Юдиштру. Затем Махараджи попросил принести стакан воды. Какое-то время он подержал его в руке под одеялом. При этом Махараджи кричал: «Его укусила змея! Что теперь будет?» Юдиштра оставался без сознания. Через несколько минут Махараджи дал воду Брахмачари Бабе и велел ему втереть её в место укуса. Как только тот начал прикладывать воду, Юдиштра пришёл в себя. Через час он был уже в полном порядке.

*

Однажды, когда я был ещё ребёнком, я очень тяжело заболел и у меня была высокая температура. Моя мать позвонила Махараджи, и он тотчас приехал. Он только положил свою руку мне на голову, и моя лихорадка прошла.

*

В 1964 году со мной случился сердечный приступ. Моя жена очень переживала, тогда как я чувствовал в душе спокойную уверенность, что Махараджи не даст мне умереть.

*

Однажды, ранним утром, в Каинчи прибыло пять молодых людей. Они очень нервничали, ожидая появления Махараджи. Как только он вышел из своей комнаты, он сразу же начал задавать им вопросы. Они рассказали, что все они мусульмане и приехали из соседнего города. Их близкий родственник находился при смерти и попросил их пойти к Махараджи и получить его благословение. Махараджи велел принести немного воды. Вода была принесена. Махараджи поднёс стакан к своим губам, что-то прошептал, затем подул на воду и, отдав стакан парням, велел им тотчас же возвращаться к больному и дать ему выпить эту воду. «Тхик хо джаега (с ним будет всё в порядке)», — добавил он.

*

Махараджи давал даршан большой толпе людей в доме преданных в Лакнау. На улице громким голосом учёного пандита садху читал Гиту, а

рядом с ним хозяин дома возился со своей больной кошкой. Махараджи закричал своему преданному: «Что ты делаешь с этой кошкой?» Тот объяснил, что кошка очень больна и он греет её на солнышке, а потом собирается отнести к ветеринару. «В природе так устроено, — сказал Махараджи, — что кошки обычно не нуждаются во врачах. Она принадлежит Матери Природе; она выздоровеет». Затем, взяв маленькую конфетку, он сказал: «Вот, дай ей это». И хотя кошка была настолько больна, что не пила даже молока, конфету она съела без колебаний. Спустя минуту она поднялась и прыгнула на садху, прервав его чтение, а затем убежала прочь. Когда преданный вернулся в комнату, Махараджи спросил: «Твоя кошка в порядке? Животные сами себя лечат. Когда они больны, они ничего не едят. Они находят специальные травы и принимают их».

*

В Лакнау одна женщина, страдавшая высоким кровяным давлением, как-то позвонила мужу на работу и сообщила, что у неё сильно кружится голова. Она попросила его прийти домой, так как не могла дозвониться врачу. Когда муж пришёл домой, она по-прежнему не могла связаться с врачом. Как раз в тот момент, когда они размышляли над тем, что им делать, зазвонил телефон. Это был Махараджи, и звонил он из Агры. Он сказал: «Ты переживаешь по поводу высокого давления у жены? Не волнуйся. С ней будет всё в порядке. Дай ей стакан воды».

*

Однажды Махараджи гостил у меня в доме. Как-то ранним Утром, в 4 часа, он разбудил меня словами: «Вставай, пошли». Я сказал: «Махараджи, я возьму свою машину и отвезу вас», но он возразил: «Нет, я пойду пешком».

Я обул свои сандалии, Махараджи отправился в путь босиком. Я не знал, куда мы идём, но я всегда полностью доверял Махараджи, Потому что, даже если он и говорил, что не знает, где находится такое-то место, он всегда безошибочно находил его. Часто он спрашивал: «Ты не знаешь, где расположено то-то или то-то?». Я отвечал, что не знаю, а затем он отводил нас туда. Поэтому я полностью отдал себя в его руки.

Мы подошли к каким-то хрущёбам. Махараджи встал у одной из хибар с дверью, похожей скорее на окно, открыл её и заглянул внутрь. На кровати лежал мальчик лет двенадцати, который был очень болен.

Махараджи сказал ему: «Вставай, ты здоров».

Как только мальчик смог встать и облокотиться на стену, Махараджи сам лёг на его место. В этот момент проснулась старая слепая бабушка мальчика, которая за ним ухаживала, и спросила: «Кто там?»

Я ответил: «Здесь *Махатма* (великая душа)».

Махараджи спросил её: «У него высокая температура и озноб уже две недели?» Она подтвердила это. У мальчика, вероятно, был брюшной тиф. Ма чувствовала себя неловко, так как ей нечего было предложить Махараджи. Он увидел это, а также заметил старую консервную банку, в которой была вода.

— Ма, у тебя есть немного *пани* (воды)? Я очень хочу пить.

Она была счастлива, что может дать ему хотя бы воды. Он с большим наслаждением попил, а затем предложил банку мне, зная, что я никогда не стану пить из неё. Я отказался от воды. Когда мы ушли, мальчик выздоровел.

*

В 1972 или 1973 году Рам Дас читал лекцию в Огайо. Один юноша, посетивший эту лекцию, утром следующего дня вылетел из Кливленда (Огайо) в Нью-Йорк, оттуда — в Лондон, а затем — в Нью-Дели. Здесь он взял такси и отправился в Каинчи. Менее чем тридцатью шестью часами ранее он слушал, как Рам Дас рассказывал о Махараджи, а теперь он уже входил в ашрам. Он был без рубашки, так как стояла страшная жара, и я заметил у него на груди сильную сыпь. Поприветствовав его, я спросил, откуда он приехал, и он рассказал мне свою историю. Затем я спросил его, почему он не лечит сыпь, и он объяснил, что все известные врачи, к которым он обращался, говорят, что она неизлечима; он пробовал различные уколы и мази, но ничего не помогало.

Я сказал, что это глупость, ведь это всего лишь *tinia corporis*, которую очень легко вылечить, и добавил, что Дварка едет в Наинитал и уже вечером может привезти серный деготь для лечения сыпи, и тогда через несколько дней всё пройдет. Юноша ответил: «Всего два дня назад я слушал Рам Даса. А теперь я встречаю доктора Америку (прозвище, данное мне Махараджи) и нахожусь в ашраме Махараджи. Всё, что вы скажете!» Его глаза были величиной с блюдца.

Дварка привёз серный деготь, и я показал юноше, как им

пользоваться, сказав, что сыпь исчезнет уже через несколько дней. Он согласился лечиться этим средством и добавил, что на неделю уезжает в Бадринах. Затем он отправился к чайному магазинчику. А я начал размышлять о том, что уже давно не занимался медицинской практикой. Пройдя в свою комнату, я начал читать в медицинских книгах о болезни, диагноз которой поставил. И я понял, что ошибся, и лечение, которое я назначил юноше, было абсолютно бесполезно. Я помчался к чайному магазинчику и прибежал как раз в тот момент, когда автобус с юношей только отошёл. У меня было ужасное состояние. Поставив неверный диагноз, я не только показал себя в худшем свете как представитель Махараджи, но я ещё и отправил юношу с бесполезным лекарством — вернувшись, он подумает, что всё, кто окружает Махараджи, глупцы и некомпетентные люди. Та неделя, пока его не было, показалась мне просто ужасной. Я чувствовал, что совершил нечто непростительное.

Через неделю он вернулся. Я увидел его издали и побежал ему навстречу со словами: «Я очень извиняюсь!»

Он сказал: «Извиняетесь? Посмотрите!» Он расстегнул рубашку, и я увидел, что его грудь абсолютно чиста, не было даже ни единого шрама. Всё прошло. Я не мог понять, в чём дело, но я знал, что вылечило его не лекарство, которое я ему дал.

Я подошёл к окну комнаты Махараджи, которую мы называли его офисом, и сказал: «Махараджи, благодарю вас. Вы вылечили его».

Он ответил: «Суб Ишвара хай. (Это всё Бог.)»

*

Одна женщина, преданная Махараджи, заболела от того, что ела слишком много маринованной пищи. Она очень любила маринады, но у неё был слабый желудок, и она не могла их переваривать. И вот, когда она в очередной раз съела маринованное блюдо из манго, на следующее утро у неё ужасно разболелся желудок. Муж сообщил об этом Махараджи, и тот тотчас прибыл к ним домой, держа в руках нечто, завернутое в бумагу. Все подумали, что он принёс какую-то тайную траву или древнее лекарство. Махараджи развернул свёрток и вручил его содержимое мужу женщины. Это была обёрнутая целлофаном таблетка «гелусила» (желудочное средство)!

*

У меня обнаружили диабет, и мне нельзя было есть ничего пряного,

крахмалистого, жирного и сладкого. Сразу же после этого я впервые отправилась в Каинчи, и мне подали большую тарелку Жареных в масле пури, халву и картофель с пряностями — как Раз все те вещи, которые мне нельзя было есть. Врач сказал мне, что если я буду есть такую пищу, то я очень серьёзно заболею. Я Размышляла над словами врача и смотрела на Махараджи, который лишь подмигивал мне. Я не могла решить, кому мне больше доверять — врачу или Махараджи (в то время я ещё даже не знала, является ли он моим гуру). Это был мой первый день «на работе» в качестве преданной Махараджи.

Наконец, я решилась съесть пищу. Я была так голодна, что съела сразу две тарелки. И каждый день после этого я также наедалась до отвала. Через несколько недель я отправилась в Наинитал и проверила кровь на сахар. На этот раз уровень сахара снизился до границ нормы. Врач сказал: «Я не понимаю, как сахар мог так быстро опуститься. Очень странно».

Я сказала: «Думаю, я знаю, что произошло».

*

Моя мать была больна. Её осмотрело много врачей, и все сказали, что у неё сепсис и ей нужно в больницу. Моя мать очень ортодоксальная женщина, и она не хотела в больницу. Я написал Махараджи письмо, и он попросил меня отвести её к гомеопату, имя которого он мне назвал. Моя мать была исцелена. Старый гомеопат, который никогда в жизни не встречался с Махараджи, сказал: «Этот Махараджи присылает ко мне многих больных, и какое бы лекарство я им не дал, они всегда излечиваются, даже если болезнь хроническая. Я не знаю, как это всё получается!»

*

Однажды, когда я был в Каинчи, моя жена отправилась на даршан к Махараджи. Я об этом ничего не знал. В тот период у неё очень болело сердце. Каждый раз, когда она поднималась или опускалась по лестнице, у неё начиналось сильное сердцебиение. Она приходила ко мне вся в слезах, думая, что скоро умрёт. Но, полностью доверившись силе Махараджи, я не переживал по этому поводу и никогда не говорил с ним о болезни жены.

В тот день она сама пошла к Махараджи и рассказала ему обо всём. Махараджи тут же закричал: «Где он? Позовите его!» Когда я пришёл, он

спросил: «Что? Она больна, а тебе всё равно?» — и всё в таком духе. Я ничего не говорил в ответ, так как знал, что он читает все мысли человека и отвечает на них, как будто они произносятся вслух. Ты думаешь, а он говорит.

Я думал так: «Зачем мне что-то делать, всё в его руках».

Он ответил вслух: «Нет! Есть один врач. Отправляйтесь к нему в Агру. Он специалист по сердечным болезням и великий ученик». Затем Махараджи повернулся к одной из стоявших рядом Ма и сказал: «Расскажи ему, как я послал твою родственницу к этому врачу. Он великий святой».

Ма сказала, что, когда она показала врачу письмо, присланное Махараджи, он сам прибежал к ним домой лечить родственницу-

Махараджи спросил: «И что?»

— Через два или три дня она была здорова.

— Посмотри! Ты только посмотри! — воскликнул Махараджи, обращаясь ко мне. — Он мой великий ученик. Отправляйся! Завтра же идите к нему. Джао! Идите! Если нужны деньги, я дам. Вы должны идти!»

Я ничего не сказал, а лишь подумал: «Махараджи, ты так велик. Мне не нужно идти туда. Ты Бог. Ты можешь вылечить её».

Он немедленно ответил на мои мысли: «Нет, нет! Ты должен идти! Бадмаш! Это мой приказ!» Я молчал. Он продолжал: «Ты не знаешь? Этот врач — великий святой. Как только она получит его даршан, она будет здорова. Ты увидишь его благословение, иди к нему, лекарства не понадобятся. Ты увидишь. Она будет здорова. Иди! Завтра вы должны пойти к нему! И не отказывайся!» Я думал о том, что никуда не пойду. «Что? Ты не выполняешь мои приказания? Ты должен им повиноваться. Ты злой. Ты должен идти».

Я думал: для меня это такая проблема, но он говорит, что я должен идти, и я должен идти. На следующий день я ожидал приказа отправиться в путь, но он ничего не сказал на этот счёт. Он сказал другое: «Ну-ка, иди сюда, сядь возле меня. Сколько людей приходят в храм? Давай им прасад, давай им всё, в чём они нуждаются». Но о том, чтобы ехать в Агру, он не сказал ни слова. С того самого дня и до сих пор — а прошло уже восемь лет — у моей жены ни разу больше не

болело сердце.

В свои ранние годы в некоторых деревнях на индийских равнинах Махараджи стал известен тем, что исцелял людей, охваченных безумием. В те дни многих таких больных приводили связанных цепями к Махараджи. В более поздние годы он меньше занимался такими исцелениями, и таких людей часто отводили в храм, известный как Блуджи Хануман — и всё же, посредством одного лишь взгляда, слова или жеста он мог поправить в уме то, что вызывало его помрачение.

Один индуист привёл к Махараджи свою овдовевшую мать, которая со времени смерти мужа страдала эмоциональной и физической слабостью. Она многие годы была преданной Махараджи, но видела его лишь изредка, поэтому её сын и привёл её, надеясь на помощь Махараджи. Когда Махараджи вышел из своей комнаты, этот человек и его мать стояли в самых задних рядах, а все места вокруг Махараджи были заняты молодыми западными преданными.

Я осмелился вмешаться и попросил людей дать этим двоим возможность пройти вперёд. Все тут же расступились. Махараджи отвёл вдову в маленькую комнатку, где они пробыли какое-то время. Оттуда она вышла совсем другим человеком, буквально сияя.

Я был потрясён. Сын и внучка женщины также были тронуты до глубины души.

*

Один человек, прибывший с Запада, стал проявлять маниакальные наклонности. Он перестал спать и начал бродить обнажённым по городу, воруя и совершая различные глупости. Наконец, обмотавшись шалью, он сел в такси и отправился повидаться с Махараджи в храм, расположенный примерно в двухстах милях. Прибыв на место, он направился прямо к Махараджи. Когда он подошёл к Махараджи, сидящему в храме, тот поднял вверх указательный палец, и, как позже рассказывал сам этот человек, он почувствовал, как будто вся невероятно высокая энергия, которой его тело было заряжено все эти дни и которая давала ему ощущение обладания сверхъестественными способностями, тут же оставила его. Он вспоминает, что тогда рассердился на Махараджи за то, что он отобрал у него эту энергию.

*

Много лет назад в деревне Ниб Карори страдавших безумием людей иногда приводили скованными цепями к Махараджи. Обычно он говорил: «Освободите их, пусть они побудут рядом с Хануманджи». Затем он брал маленькую бамбуковую палку и, ударяя их по голове, спрашивал: «С тобой всё в порядке?» Люди отвечали «да». Тогда Махараджи просил человека выполнить какое-нибудь поручение, например, принести палку от *рамбанса* (растение семейства кактусовых). Когда палку приносили, он констатировал: «Теперь всё в порядке». Таким людям разрешалось оставаться у Махараджи день или два, а затем он просил отправить их обратно домой.

*

Это случилось много лет назад. За домом, в котором остановился Махараджи, жил один мусульманин. Они относились друг к другу с большой любовью. Однажды в дом привели двух мужчин, страдавших безумием, и Махараджи сказал мусульманину: «Ты приводи в порядок одного из них, а я вылечу другого». Тот, который был с Махараджи, вернулся в нормальное состояние очень скоро, мусульманин же потратил на своего больного много времени, и пока всё было безрезультатно. Преданные сидели рядом, наблюдая всё это. Махараджи подозвал больного мужчину к себе и слегка ударил его по голове, тот также вернулся в нормальное состояние. А Махараджи заявил: «О, мусульманин первым сделал это».

*

Я был с Махараджи, когда он отправился в санаторий навестить сошедшего с ума младшего брата директора. Больного ввели в комнату в цепях, и его глаза, совершенно расфокусированные, бега ли *во все стороны*. Махараджи стоял перед ним и что-то ему говорил. Внезапно мужчина упал на *пол у стоп* Махараджи — и его болезнь прошла. Он мог ответить на *все вопросы*. Позже его освободили от цепей, хотя это был не последний приступ его психической болезни.

*

Однажды перед Махараджи предстал один западный преданный в состоянии ярости и вызывающего неповиновения. Он находился под воздействием наркотиков и возомнил себя Иисусом Христом, перед которым Махараджи должен был покаяться. На глазах у множества других преданных этот человек, крича, выражал свои намерения. Махараджи молча смотрел ему прямо в глаза, взгляд его был исполнен сострадания и открытости. Человек, однако, продолжал свою тираду, и Махараджи, кивнув головой, велел преданным увести его из храма. Когда тот был уже на улице, Махараджи послал ещё несколько преданных, чтобы убедиться, что человек сел в автобус и уехал из города. (Позже, когда уехавшего спрашивали, как он чувствовал себя в той ситуации, человек рассказывал, что он ощущал себя в океане любви Махараджи и был особенно тронут тем, что он послал людей помочь ему сесть в автобус.)

Махараджи не исцелял каждого, кто приходил к нему с болезнью. Почему одни получили исцеление, а другие — нет, было известно лишь ему одному. Иногда он явно ослаблял заболевание, но оставлял человека с какой-то степенью страдания. Собственные замечания Махараджи, сделанные в таких случаях, наталкивают на мысль, что акты исцеления, демонстрируемые им, были самым тесным образом связаны с кармой человека — часто человеку необходимо было пережить часть или, возможно даже, всю боль, вызванную болезнью. Хотя большинство людей не желает страдать, Махараджи напоминал время от времени своим преданным, что страдание приближает нас к Богу.

*

Когда моя дочь только родилась, она была очень болезненной. Я носила её и к врачу-аллопату, и к специалисту по аюрведе, но никто не мог ей помочь. Тогда я отнесла её к астрологу, и он сказал: «У неё три планеты указывают на смерть. Если она доживёт до двух с половиной лет, принесите мне её для составления гороскопа. Сейчас это бесполезно». После этого заявления я понесла девочку к Махараджи и попросила его помочь. Махараджи лишь склонил голову на руку и на некоторое время я перестала видеть его лицо. Он концентрировался в течение пяти минут, а затем поднял голову и сказал: «Не переживай, с ней будет всё в порядке». После этого даршана моя дочь болела воспалением легких — снова и снова, но она продолжала жить. Сейчас ей

шесть лет. Я не беспокоюсь о ней. Всё, что с ней происходит, является следствием кармы, и мы должны принять это.

*

Один из преданных Махараджи получил тяжёлое отравление. Он очень сильно страдал, и никто не надеялся, что он выживет. Махараджи сказал ему: «Ты должен быть удовлетворён такой малой толикой страдания. Ты должен принять какую-то часть его». Другими словами, если бы не милость Махараджи, страдания этого человека были бы ещё тяжелее. Но он действительно выжил.

*

Моя сестра всегда была очень болезненной и страдала от различных заболеваний. Махараджи сказал ей, что этому помочь нельзя, что она должна как-то отработать прошлые *самскары* (карму). Он посоветовал ей всегда в мыслях поклоняться Богу, иначе она потеряет всё.

*

Одной индийской девушке Махараджи четыре раза задавал один и тот же вопрос: «Тебе нравится грустить или радоваться?» Девушка каждый раз отвечала: «Я никогда не знала, что такое радость, Махараджи. Я знаю только печаль». Наконец Махараджи сказал: «Я люблю печаль. Она приближает меня к Богу».

*

Однажды, в субботу, у меня началась очень сильная боль, вызванная артритом. К воскресенью, когда Махараджи отбыл в Агру, боль прекратилась. Зимой она опять вернулась и была очень сильной, но я ничего с ней не делал. Я хочу сохранить эту боль, чтобы она напоминала мне о том дне. Это был последний даршан, который я получил у Махараджи.

Страдания наделяют вас мудростью.

Когда вы больны, находитесь в больнице или на площадке для кремаций, вы пребываете наедине с Богом. Когда вы страдаете, вы взываете к Богу.

Опять же, по причинам, известным только ему одному, Махараджи иногда, казалось, начинал торговаться со смертью и отгонял её от кого-либо из своих преданных, в то время как в другом случае он не вмешивался, и преданный умирал. Поскольку Махараджи знал время смерти каждого человека, но не хотел быть тем, кто приносит дурные новости, он часто отсутствовал в то время, когда кто-либо из его преданных должен был умереть. В таких случаях, когда на него сильно нажимали, он мог дать тонкий намек, но часто само его отсутствие было достаточным знаком для тех, кто знал его особенности.

*

Однажды к моей жене пришла соседка и, сказав, что она идёт на даршан к другому местному Бабе, попросила мою жену сопровождать её. И они пошли вместе. Соседка показала свою руку этому Бабе, который считался экспертом в области хиромантии, астрологии и других подобных вещей, но тот сказал: «Я не хочу видеть твою руку; я хочу видеть её руку (моей жены)». Она не хотела показывать ему руку, но он настоял и вслед за этим сказал ей, что она умрёт через шесть месяцев. Моя жена рассказала об этом махараджи, который сразу же воскликнул: «Суб гулат! (Это всё неверно!) Зачем этот Баба сказал такое? Разве ты не умрёшь? Разве не придёт время умереть? Каждый из нас умрёт! Почему ты не сказала ему: «Что — а вы разве не умрёте? Вы бессмертны?». Он также умрёт. Все умрут. Зачем он говорит такие вещи? Это очень плохо, что он такое говорит. Злодей!» Затем Махараджи рассказал историю об одном святом. Я был тогда там и слышал её. «Жил когда-то один святой. Однажды к нему пришла женщина, у которой только что умер муж. Она поклонилась его лотосовым стопам, он дал ей благословение и сказал, что у неё будет пять сыновей. Женщина сказала: «Но, Махарадж, я пришла к вам, потому что умер мой муж. Как я могу иметь пятерых сыновей?» Святой ответил: «Я сказал тебе, что у тебя будет пять сыновей, и я сдержу своё слово». И её муж вернулся к жизни». После этого Махараджи добавил: «И я сделаю то же самое. Если я дал слово, я выполню обещанное. Ты не умрёшь. Ты проживёшь семьдесят пять лет. Не переживай». Это было восемь лет назад. Моя жена по-прежнему жива.

*

Махараджи проходил мимо места, где работал хиромант. Тот, посмотрев ладонь у одного из преданных Махараджи, сказал, что через три дня человек умрёт. Преданный, конечно, ужасно расстроился. Но

Махараджи сказал: «Он такой умник. Но этот глупец не знает того, что это *он* умрёт через три дня». И хиромант действительно умер.

*

Я плыл с Махараджи в лодке, и он велел мне прыгнуть в воду. Я боялся и лепетал: «Махараджи, я не могу плавать. Я утону».

Махараджи указал на высокий мост и заявил: «Если твоё время ещё не пришло, ты можешь прыгнуть хоть с того моста и ты не умрёшь». От этих слов я исполнился верой и прыгнул-таки в воду. Глубина там оказалась мне по пояс.

*

В Рам Чаре жил один уличный торговец. Однажды он очень тяжело заболел, и обеспокоенные родственники отвели его к местному Бабе за помощью. Баба сказал, что больной должен очень скоро умереть, однако добавил, что у него есть лекарство, которое может спасти ему жизнь. Тогда родственники больного обратились за советом к Махараджи, рассказав о приговоре, вынесенным Бабой. Махараджи быстро отреагировал словами: «Чепуха! Он проживёт больше восьмидесяти лет. Этот злодей-Баба хочет напугать вас, чтобы вы купили у него лекарство».

-

Муж одной больной женщины пришёл к Махараджи. Тот особым способом изготовил палку и отдал этому мужчине с указанием положить её под подушку жены. Муж сделал, как велел Махараджи, и его жена скоро выздоровела, но когда они начали искать палку, то не нашли её — она исчезла. Махараджи сказал на это следующее: «У тебя есть жена. Зачем тебе нужна палка?»

Через некоторое время у другого человека заболела мать, и он пришёл к Махараджи с такой просьбой: «Вы давали такому-то и такому-то палку, чтобы вылечить его жену. Можете вы дать и мне палку, чтобы вылечить мою мать?» Махараджи ответил: «Это была молодая девушка, и я спас её. Твоя мать — старая женщина, и она умрёт». И она действительно умерла.

*

Моему отцу сделали несколько операций. Перед и после каждой из них Махараджи приходил навестить его. Однако, когда он заболел последний раз, Махараджи не пришёл. Мы поняли, что он скоро умрёт.

Махараджи пришёл уже после его смерти.

То же самое произошло и с моей матерью. Когда она заболела, Махараджи прибыл в Канпур, но не пришёл к нам в дом, хотя он всегда навещал нас, когда был в нашем городе. Моя мать умерла. Через два дня пришёл Махараджи, он направился в комнату для молитв, где находилась её фотография, и начал плакать как пятилетний ребёнок. Он плакал, плакал и плакал.

*

После смерти Махараджи произошло нечто, что привело меня к нему. Мой младший зять умирал от рака. Он находился далеко от нас, в бомбейском онкологическом исследовательском институте. Врачи дали нам телеграмму, извещающую, что у него конечная стадия рака и он умрёт уже в этот день. Мы все очень горевали. Я отправился в Джаунапур (новый храм Махараджи в Нью-Дели), думая, что, если Махараджи действительно великий святой, как о нём говорят, он может помочь нам. Я думал, что благодаря своим заслугам в *танасье* (аскетическая практика), он может помочь нам. Прибыв в храм, я молился о трёх вещах. Во-первых, чтобы жизнь моего зятя была продлена ещё на два месяца. Я не просил исцеления (что суждено, должно случиться; разрушенное тело должно умереть), но продление жизни может быть даровано. Во-вторых, я просил, чтобы он умер здесь, в окружении своей семьи. И, в-третьих, я просил, чтобы его смерть была спокойной.

В следующем сообщении, которое мы получили из Бомбея, говорилось, что у больного ослабление болезни и он отпущен Домой. Зять немедленно прилетел к нам в Дели. Здесь врачи обследовали его и вынесли заключение, что он находится в достаточно хорошем состоянии, чтобы вернуться к работе! Этот процесс ремиссии длился два месяца и один день, затем последовало ухудшение, и он умер очень спокойной смертью в окружении всех нас. Почему он получил тот дополнительный один день? Он пошёл в храм

Махараджи в последний день истекающих двух месяцев и получил прасад, который спас его. Он не мог умереть в день получения прасада.

*

Когда моему отцу пришло время умирать, Махараджи сказал ему: «Проси меня, что хочешь».

«Я ничего не хочу, — ответил отец. — Я прожил свою жизнь. Теперь я желаю только умереть в Каши (Бенаресе) у берегов Ганги».

«Ты должен прожить ещё один год, — заметил на это Махараджи. — Ты умрёшь у берегов Ганги, но не в Каши».

Спустя год в Дхарагане, местечке, расположенном на берегу Ганги, где я купил новый дом, мой отец сказал: «У тебя есть дом в Дхарагане, но ты не знаешь, какое это для тебя несчастье». Это случилось во время его приезда в июле. А в ноябре он умер там.

*

В 1951 году мой отец, исполняющий должность судьи, заболел. Он испытывал очень сильные боли. В течение тридцати дней у него держалась очень высокая температура. За четыре дня до его смерти к нам в дом пришёл Махараджи и принёс отцу четыре розы. Умиравшему он сказал: «С тобой будет всё в порядке», мне же он сообщил: «Тело должно уйти».

Хотя все эти истории в основном связаны с преданными Махараджи, в некоторых других случаях он применял свои целительные способности и иным образом. В следующей истории о Субрахманьюме — докторе Ларри Бриллианте, западном враче, которого привела к Махараджи его жена Гириджа, — можно увидеть, как Махараджи работал косвенными способами. В данном случае он действовал через Субрахманьюма и Всемирную организацию здравоохранения Объединённых Наций для ускорения процесса искоренения оспы.

Первое, что он сказал нам, когда мы вошли и сели, было: «Доктор — доктор Америка! Сколько у тебя денег?» Я ответил: «О, Махараджи, у меня пятьсот долларов».

— Нет, нет, нет, сколько у тебя на самом деле денег?

Я настаивал на том, что это всё, что у меня есть. Он сказал: «Да, да, да, это здесь, в Индии. А сколько денег у тебя в Америке?»

Я начал размышлять над этим и должен признаться, что я начал немного переживать по поводу того, что Махараджи может попросить у меня денег на какой-нибудь храм. В конце концов я сказал: «В Америке у меня всего пятьсот долларов», и это была правда. Затем я поспешно

добавил: «Но я должен большую сумму денег медицинской школе. Мне пришлось одолжить много денег, чтобы пройти обучение там, и, даже если бы у меня была тысяча долларов, этого бы не хватило, чтобы вернуть долг».

Махараджи воскликнул: «Что? У тебя нет денег? Ты не врач!» Это звучало подобно заявлениям моей матери. Он смотрел на меня и не переставал смеяться: «Ты не врач. Ты не врач, ты не врач. Доктор ООН, доктор ООН...» Я не понял, что он говорит. Затем он заявил: «Ты будешь делать вакцинации. Ты будешь ездить по деревням и делать прививки».

— Вы хотите, чтобы я здесь сделал кому-нибудь укол? — спросил я. Я не понял, что за указание он мне даёт. Все поняли, кроме меня. Наконец, он посмотрел на меня и сказал: «Доктор Америка — доктор ООН. Доктор Организации Объединённых Наций. Ты будешь работать для Объединённых Наций. Ты будешь ездить по деревням и делать прививки».

Перед этим я наводил справки у некоторых знакомых, которые работали в ВОЗ, Всемирной организации здравоохранения, но они отвечали, что ВОЗ вообще никого не нанимает на работу. В течение следующих нескольких недель Махараджи часто спрашивал меня: «Ты получил работу?» Я всегда отвечал: «Нет, Махараджи», и быстро прекращал разговор на эту тему.

Однажды Махараджи сказал мне: «Отправляйся в ВОЗ. Ты получишь работу», и я пошёл в представительство ВОЗ в Нью-Дели. Там я увидел того человека, с которым раньше разговаривал. Он отнёсся ко мне очень дружелюбно и отметил, что вакансий у них нет, но в любом случае они берут на работу только опытных консультантов из медицинских школ и институтов других стран. Затем он добавил: «Но есть одна программа ВОЗ. Если бы она смогла быть осуществлена, было бы действительно прекрасно, но я сомневаюсь, что это возможно, потому что это так трудно. Это программа по искоренению оспы. В настоящее время индийское правительство категорически выступает против распространения этой программы ВОЗ. У правительства другие проблемы, такие, как малярия и планирование семьи. Оспа не входит в первостепенные задачи. Но я познакомлю вас с французским врачом Николь Грассе, которая руководит этой программой».

Мы договорились о встрече с этой женщиной, и я вернулся в Дом супругов Барман, преданных Махараджи. Я одолжил у них костюм,

купил ужасный галстук, затем собрал волосы в хвост и спрятал их под белой рубашкой. Мой костюм выглядел весьма странно и к тому же плохо сидел на мне, так что Николь сразу разглядела во мне ещё одного хиппи. Она сказала: «Я очень сожалею. У нас действительно нет работы. Но мне очень было приятно с вами познакомиться».

Когда я вновь оказался у Махараджи и он опять спросил: «Ты получил работу?», я ответил: «Нет, Махараджи. Давайте закроем этот вопрос».

Прошло две недели, Махараджи посмотрел на меня и сказал: «Отправляйся в ВОЗ ещё раз».

Я поспешил в новое путешествие на автобусе, поезде, автобусе, рикше. И снова я имел беседу с Недом. На этот раз мне пришлось заполнить другую анкету и напечатать её на машинке. Затем я беседовал по телефону с Николь. Конечно же, работы у них не было.

На следующей неделе Махараджи вновь спросил меня, получил ли я работу, а затем попросил позвонить Николь. Мне уже было не по себе. На этот раз я позвонил ей из Вриндавана. И снова она сказала, что программа по борьбе с оспой заморожена, поэтому у них нет возможности нанимать американских врачей. При этом она поблагодарила меня за неутомимый интерес к работе.

Прошло некоторое время, и Махараджи неожиданно позвонил мне и сказал: «Немедленно отправляйся в ВОЗ». Я сел на поезд и поехал. Когда я вошёл в здание, я столкнулся с незнакомым человеком. Он спросил меня: «Что вы здесь делаете?» Я дал свой обычный ответ: «Я пришёл в ВОЗ, чтобы работать в рамках программы борьбы с оспой. Мой гуру сказал мне, что я должен работать для ВОЗ». Затем я поднялся в кабинет Неда и снова позвонил Николь. Она сказала, что работы в рамках программы по борьбе с оспой по-прежнему не расширяются, но в этот день нечто произошло: из Женевы прибыл руководитель всемирной программы по искоренению оспы. Она предложила мне встретиться с ним. Я пошёл на встречу и, конечно, это был тот человек, с которым я столкнулся в дверях и которому я сказал, что должен работать для ВОЗ — и именно в рамках его программы. Он провёл со мной собеседование, сделав вывод: «Этот молодой человек, похоже, интересуется культурами других стран и, вероятно, когда-нибудь будет прекрасно работать для международного сообщества. Однако у него нет опыта работы в области социального здравоохранения, образование ограничено медицинской школой. Я желаю ему удачи в будущем. У нас нет для него работы». Мне

он сказал, что ВОЗ не может взять меня на работу по нескольким причинам. Во-первых, у меня нет опыта работы в здравоохранении, я даже никогда не видел больного оспой. Во-вторых, из-за политической напряжённости, индийское правительство в данный момент предпочитает, чтобы американцы не работали в Индии. В-третьих, они ещё не до конца разработали программу по искоренению оспы в этой стране. Оспа была побеждена во всём мире, за исключением четырёх стран, но вначале стратегия борьбы с этой болезнью должна быть отработана на трёх других государствах, а затем уже в Индии.

Вот так-то. Затем он добавил, что подобная программа по искоренению оспы действует в Пакистане, и если меня это интересует, я должен над этим подумать. Я помолчал и робко сказал, что я должен спросить своего гуру. И я вернулся обратно к Махараджи. Когда он спросил, получил ли я работу, я ответил: «Нет, но есть возможность поработать в Пакистане». Он закричал: «Нет! Я сказал в Индии!» Так что я снова позвонил в ВОЗ и сказал Николь, что мой гуру настаивает на том, чтобы я работал для ВОЗ в Индии. Это, должно быть, вызвало у неё недоумение, но она, как всегда, была очень вежлива и поблагодарила меня за звонок.

После двух месяцев таких переживаний и я, и моя жена Гириджа чувствовали сильное утомление и досаду. Мы решили отдохнуть от всего этого в Кашмире. Перед отъездом из ашрама я позвонил Николь и изложил ей наши планы. «Если случайно подвернётся какая-нибудь работа, — попросил я её, — пожалуйста, позвоните мне в Шринагар».

— Знаете, — сказала она, — произошла странная вещь. На меня внезапно нашло вдохновение. Я не знаю, может быть это воздействие вашего гуру или что-то в этом роде, но — вы умеете писать?

— Да, — ответил я. — Когда-то я редактировал некоторые медицинские журналы.

— Знаете, мы действительно не можем взять вас на работу в качестве врача для лечения оспы, но если вы так решительно настроены работать для ВОЗ, может быть, я могла бы взять вас в качестве исполнительного ассистента.

— Послушайте, всё что угодно. Махараджи сказал, что мне предстоит работать у вас, ездить по деревням и делать прививки. Он никогда не ошибается.

Николь, воодушевлённая искренним желанием нанять меня и дать моему заявлению ход, послала телеграмму в Женеву (Швейцария) Д. А. Хендерсону, руководителю программы: «Я собираюсь взять на работу Бриллианта». Однако ВОЗ всё ещё не давал ни одного места в её подразделении.

После отдыха в Кашмире мы вернулись в Каинчи, и первым вопросом Махараджи, сопровождаемым улыбкой, было: «Ты уже получил работу?»

— Нет, Махараджи. Всё очень сложно. И он снова заставил меня ехать в Дели. Уже десять раз я ездил туда-сюда, каждый раз надевая костюм Бармана и тот ужасный галстук.

Прибыв в ВОЗ, я обнаружил, что моё заявление на должность исполнительного ассистента было одобрено, но мне ещё предстояло пройти проверку в службе безопасности. Каждый американец, работающий для ВОЗ, должен был пройти эту процедуру. Когда я получил соответствующий бланк, я уже знал, что это конец игры. У меня не было ни единого шанса, так как я принадлежал к левому антивоенному движению в Штатах и был руководителем радикальной организации Медицинский Комитет за права человека. Так что абсолютно никакого шанса пройти этот отбор у меня не было.

Я вернулся в Каинчи в ужасном настроении и, объяснив положение дел Махараджи, сказал, что до сих пор на моём пути существовало множество камней преткновения, но этот был последним.

Махараджи спросил: «Кто этот человек, который должен дать тебе работу?» Я не мог припомнить точно, кто он, но я заметил, что руководителем программы является Хендерсон. Махараджи напустил на себя вид настоящего *факира* (садху); он сел прямо и поднял накрытую одеялом руку к лицу, а затем попросил: «Произнеси его имя по буквам». Я начал произносить имя Хендерсона. «Подожди», — велел он и начал медленно повторять буквы низким голосом. При этом он поглядывал на меня сквозь пальцы, закрывавшие его лицо, и не переставал смеяться. Он продолжал повторять имя Хендерсона по буквам, притворяясь, что входит в транс, но при этом весело хихикая и не отводя от меня глаз, чтобы убедиться в том, что я за ним наблюдаю и его действия производят на меня должное впечатление.

В это самое время доктор Хендерсон находился на банкете в Американском посольстве в Женеве, на котором также присутствовали

американский посол и главный врач Соединённых Штатов. Врач поинтересовался у Хендерсона, как продвигается реализация программы по ликвидации оспы. «Прекрасно, ответил

Хендерсон. — Мы освободили от неё тридцать четыре страны, осталось всего четыре».

— Все ли страны помогают вам? — спросил врач.

— Да. Россия предоставила нам вакцину. Швеция дала большую сумму денег. Все страны помогают.

Главный врач Америки поинтересовался: «А как Соединённые Штаты? Что даём вам мы?»

— Ну, — ответил Хендерсон, — не очень-то и много.

— А в чём вы нуждаетесь?

Хендерсон сказал: «Я не знаю, как это получилось, и я не знаю, почему мы это делаем, но мы хотим взять к себе одного молодого американского врача, который живёт в одном из индийских ашрамов. Мы никогда ничего подобного ещё не предпринимали. И вот этот юноша не может пройти отбор через службу безопасности».

Тогда главный врач Америки сказал: «Отбор через службу безопасности? Зачем всё это?» Хендерсон ответил: «Каждый американец должен пройти эту процедуру, чтобы работать для Объединённых Наций». Врач удивился: «Я не знал этого. Кто производит такой отбор?» Хендерсон ответил: «Вы и производите».

— Я? Дайте мне салфетку и назовите имя этого парня.

Он взял салфетку и написал: «Бриллиант — разрешение на начало работы». Затем он отдал салфетку Хендерсону, который отправил телеграмму в штаб-квартиру ВОЗ в Нью-Дели о том, что я получил разрешение приступить к работе.

На следующее утро Махараджи вызвал нас в свой «кабинет». Он был очень ласков, улыбался, смеялся, велел принести чай и джелеби и даже заключал нас в свои объятия. А мы растирали ему стопы. Это было такое блаженство! Затем Махараджи внезапно сказал: «Ну что же. Вам пора».

Мы подумали, что нам пора покинуть ашрам. Мы встали, сделали пранам, затем вышли во двор и, завернув за угол, направились к воротам ашрама. И тут к нам подошёл почтальон и вручил телеграмму из Нью-

Дели: «Сегодня нам пришло извещение о том, что вы прошли отбор в службе безопасности США. Немедленно приезжайте в штаб-квартиру ВОЗ в Нью-Дели и приступайте к работе». И я отправился в ВОЗ и начал работать в должности исполнительного ассистента. В будни я находился в Дели, а на выходные мы отправлялись в ашрам, чтобы побыть с Махараджи. Мне запомнился один даршан в Каинчи, когда мы в течение трёх часов говорили об оспе. Это самая ужасная болезнь из всех, которые я когда-либо видел. Он рассказал мне о ней всё: где в Индии расположены её очаги, как болезнь протекает, каков цикл распространения оспы, где следует ожидать наибольших проблем, — то есть всё относительно эпидемиологии оспы. Махараджи знал намного больше меня, даже после того, как я три месяца проработал в ВОЗе. Я спросил его: «Будет ли оспа ликвидирована?», и я в точности помню его ответ, так как я записал его: «Оспа будет ликвидирована. Это подарок Бога человечеству в знак признания упорной работы преданных своему делу учёных-медиков».

В штаб-квартире ВОЗ мне часто поручали составление текущих планов деятельности, так как мой родной язык английский. Махараджи оказывал мне помощь в осуществлении всего планирования. Поскольку мой источник информации о состоянии дел в Индии был, скажем так, непосредственным и поскольку Махараджи давал мне такие хорошие советы — на меня стали возлагать всё больше и больше ответственности. И всё же, спустя примерно месяц работы, я всё ещё не чувствовал, что предсказание Махараджи сбылось, ведь я всё ещё не проводил вакцинацию по деревням. Такой программы ещё не было.

Проект медленно продвигался к тому этапу, когда мы должны были приступить к работе на местах. Сентябрь был первым месяцем. Некоторые сотрудники собирались приступить к непосредственному осуществлению наших планов в деревнях; я же, как исполнительный ассистент, должен был оставаться в Нью-Дели и заниматься делами в офисе. Однако случилось так, что двое русских врачей, получивших направление в район, где долгое время проживал Махараджи, не приехали из-за каких-то проблем с советским правительством. Так что на карте в этом месте было белое пятно — и не было никого, кроме меня, кого можно было бы туда направить.

Вот так я попал из штаб-квартиры в деревню. Приборный щиток джипа, на котором ехали я и Гириджа, был украшен большой

фотографией Махараджи. Часто, когда мы заходили в кабинет местного врача и говорили ему о важности программы по борьбе с оспой, он отвечал: «Да, да, спасибо за то, что вы приехали. А теперь уезжайте. У меня много других проблем». Затем, в силу индийской вежливости, он мог проводить нас до нашего джипа — и там, заметив фотографию Махараджи на щитке, он спрашивал, почему мы держим её в машине. «О, — отвечал я. — Он мой гуру. Он велел работать для Объединённых Наций. Он сказал, что оспа будет ликвидирована и что это подарок Бога человечеству в знак признания упорной работы преданных своему делу учёных-медиков». И тогда врач говорил: «О, давайте вернёмся в мой кабинет. Выпейте чаю! Поскольку оспа должна быть ликвидирована, как нам это всё организовать?» Обычно всё происходило именно так.

Каждый раз — просто благодаря словам Махараджи, тому, что все знали, что всё, о чём он говорит, сбывается, нашу работу воспринимали серьёзно и откладывали все остальные дела, чтобы помочь нам. Часто скептически настроенные представители ВОЗ и индийские чиновники говорили мне: «Послушайте, вы ведь знаете Индию. Вы можете искоренить оспу в любом другом месте, но вы же знаете, что в Индии она никогда не будет ликвидирована. Это просто невозможно». Но когда они слышали о заявлении Махараджи, они часто полностью меняли свою точку зрения.

Вскоре нас направили в те районы, где местные врачи проявляли негативное отношение к нашей программе. Мы говорили им о предсказании Махараджи. Некоторые помнили, что, когда в 1962 году китайские войска вторглись в Индию, Махараджи сказал, что они сами собой вернутся обратно в Китай. И врачи меняли своё отношение и вдохновляли других на огромную работу, так что вскоре в этих районах оспа оказывалась побеждённой. Результатом стало то, что каждый раз, когда меня посылали в один из таких трудных районов, благодаря милости Махараджи, оспа там исчезала.

ВОЗ продолжала посылать меня в отдалённые и необычные места. Я думал, что мне так везёт только в штате Уттар-Прадеш, но в январе 1974 года я был послан в отдалённый район Мадхья Прадеш, в местность, которая была частью области Шахдол-Амаркантак! Там Махараджи, будучи садху, когда-то давно выполнял свою практику. В то время там бушевала самая сильная эпидемия в Индии. Почти все жители области знали Махараджи, и когда они услышали, что он заявил, что оспа *будет*

ликвидирована, они начали оказывать большую помощь, и несмотря на свой первоначальный скептицизм, развернули широкую кампанию в отдалённых горных селениях. Эпидемия была побеждена!

Люди, работавшие в ВОЗ, начали расспрашивать меня о Махараджи. Николь, руководившая программой в Индии, буквально преобразилась благодаря Махараджи, и это было прекрасно. Во-первых, она действительно считала, что Махараджи каким-то образом повлиял на её решение принять меня на работу. Во-вторых, поскольку она всегда, прежде чем принять трудное решение, спрашивала совета у других, она просила нас, когда мы уезжали к Махараджи, узнать его мнение относительно конкретных проблем в реализации программы. И через нас он передавал ей свои рекомендации, отличающиеся глубокой мудростью на практическом и духовном уровнях. Многие люди, участвовавшие в программе по борьбе с оспой, прониклись к нам уважением. Интересно, что все сотрудники, работающие в рамках этой программы, имели одну общую черту, которая отличала их от других, которых я встречал во время работы в ООН: они все были исполнены глубокого вдохновения. Мы много говорили с ними о Махараджи, поскольку все они были высокодуховными людьми.

Потребовалось всего два года напряжённых усилий, чтобы победить оспу на всей территории Индии. Когда мы начинали свою работу в 1974 году, в стране было 180 тысяч больных, за один только год от оспы умерло 30 тысяч человек. Четыреста эпидемиологов из тридцати стран мира и сто тысяч индийцев самоотверженно работали в рамках программы ВОЗ, проявляя глубочайшее сострадание и энтузиазм. Все индийские чиновники и даже многие работники ВОЗ считали, что победить оспу невозможно, но Махараджи заявил, что это будет сделано. Он сказал, что это подарок Бога человечеству, и это действительно был великий дар.

Воплощённый дух

Наверное, самое ошеломляющее в Махараджи было его отношение к материальной вселенной и особенно к своему собственному телу. Хотя с первого взгляда его тело, казалось, ничем не отличалось от обычного человеческого тела — а он, похоже, прилагал всяческие усилия, чтобы доказать, что это действительно так, — было более чем достаточно доказательств того, что оно являлось не чем-то обыденным, а, напротив, было чем-то крайне необычным и непостижимым.

Наверное, самым неувимым была привлекательность его тела. Хотя случайный прохожий мог описать его как низенького, толстенького пожилого джентльмена, повторный взгляд опровергал первое впечатление. Тело Махараджи отличалось одним качеством, которое делало его неотразимо привлекательным для нас, преданных. Большинство из нас получали глубокое удовлетворение, часами рассматривая его форму.

Когда я думаю о нём, я вспоминаю его руки — не просто то, как я держал их, а как наблюдал за их движением. Его пальцы были очень гибкими и наполненными силой. Когда руки бездействовали, они были полностью расслаблены и открыты. Кончики пальцев имели необычную форму. Я помню руки Махараджи больше, чем его лицо.

*

Он был сама спонтанность. Он мог принимать поразительные позы. Он струился подобно Акаше. Он казался беспредельно текучим. Его плоть обладала одним потрясающим качеством, она светилась и обладала необычайной мягкостью, подобно телу ребёнка.

*

Иногда его тело была настолько потрясающе лучезарным, что просто дух захватывало. В июльскую вриндаванскую жару перед Днём Гуру Пурнима он вышел в одном белом дхоти, и мне в голову сразу пришло описание Ханумана из Рамаяны: «Тело, сияющее как гора золота...»

*

Я всегда думал, что могу видеть его только завернутым в одеяло. Однажды я вошёл в комнату, а там был он, и единственным его одеянием была простыня вокруг талии и ног. Это была одна из самых шокирующих вещей, которые мне приходилось видеть в жизни, хотя ничего страшного в этом зрелище не было. Не знаю почему. Я видел его фотографии, но не был готов к тому, чтобы увидеть его громадность воочию.

В другой раз я увидел его сидящим во дворе на тукете в простыне, обвязанной вокруг талии. Он показался мне подобным младенцу. Передо мной сидело массивное существо, подобное завернутому в пеленки прелестному дитя, предающемуся играм.

*

Мои мать и тетя прокрались в комнату Махараджи, пока он отсутствовал, принимая ванну. Они гладили его одеяло, прикладывали его к лицу. После этого они только и говорили о том, что оно пахло как детское одеяльце.

*

Он не только самым поразительным образом манипулировал своим собственным телом, но, по всей видимости, принимал также и другие формы.

*

Однажды, ночью, во Вриндаване я оказался наедине с Махараджи, и он сказал мне: «Ну хорошо, возьми меня на прогулку».

У него было такое массивное тело, и я спросил: «Махараджи, как я могу взять вас?»

Но он настаивал на своём. Я вытянул руку ладонью вверх, и он приложил к ней силу всего своего веса. Я сказал: «Махараджи, вы слишком тяжёлый».

Он ответил: «Разве? Тогда посади меня куда-нибудь».

Я нашёл место, где он мог немного посидеть. Затем он сказал: «Ну-ка, возьми меня опять». На этот раз я обнаружил, что он очень лёгкий. Намного легче ребёнка.

С того дня я постоянно ощущаю, что он идёт рядом со мной.

*

Когда он в свои ранние годы появлялся в какой-нибудь деревне, он часто начинал играть с детьми, демонстрируя им невероятные трюки со своим телом. Казалось, что каждый его сустав существовал обособленно. Я не мог в это поверить. Нас было двадцать свидетелей тому, как Махараджи, чтобы позабавить детей, поднимал сцепленные пальцами руки над головой и спокойно переносил их за спину, а затем снова вперёд, не разжимая пальцев.

*

Однажды к Махараджи пришёл известный ортопед. Махараджи показал ему, как необычно двигается сустав его правой руки. Врач с большим интересом осмотрел сустав, так как раньше он ничего подобного не видел, а затем сказал:» Да, наверное, в детстве вы сломали сустав, и он так и не зажил».

— О, — с напускным удивлением произнёс Махараджи.

А что же насчёт этого? — И он проделал то же самое с другой рукой.

*

После смерти Махараджи преданные решили сделать его мурти и пришли ко мне с просьбой дать им какую-нибудь фотографию, которая лучше всего подошла бы для изготовления мурти. Я сказал им, что я знал Бабаджи очень много лет и у меня есть много сотен снимков, среди которых нет и двух одинаковых. Да и сам Бабаджи был всегда разным — иногда низкого роста, иногда полным, иногда довольно стройным. Я так никогда и не смог узнать, каков же он был настоящий. Каждый мог придавать ему любую форму по своему желанию, но ухватить его было невозможно. Он был подобен воздуху.

*

Однажды дочка одного из преданных, девочка-подросток, осталась в храме на ночь. Она долго наблюдала за Махараджи и наконец сказала: «Махараджи, днём, когда здесь много людей, вы кажетесь таким беспомощным и старым. Ночью же, когда ворота закрыты, вы бегаєте по храму. Как так?» Махараджи только засмеялся.

*

Однажды миссис Сони пришла к Махараджи и, увидев, что он неважно выглядит, сказала: «Махараджи, у вас больной вид».

— Разве, Ма? — И затем он сделал что-то со своим телом, и оно

внезапно приобрело блестящую форму. — Как я теперь выгляжу, Ма?

— Вы выглядите намного лучше, Махараджи.

*

Одна семья привела в храм своего старого дедушку. Когда все предстали перед Махараджи, он указал на старичка и сказал: «Мы раньше встречались». Но тот ответил, что не припоминает такого. Он абсолютно уверенно отвечал, что никогда раньше не видел Махараджи, но Махараджи продолжал настаивать на своём. Наконец, он на мгновение закрыл глаза, а затем произнёс: «Разве ты не помнишь? Ты нёс моё свёрнутое одеяло на железнодорожной станции».

Вначале старичок подумал, что Махараджи по ошибке принял его за кого-то другого. Но затем он вспомнил, что когда ему было одиннадцать или двенадцать лет, с несколькими своими одноклассниками он отправился в путешествие на велосипедах. Однако его велосипед вскоре сломался, и его спутники продолжили путь без него. Ему нужны были несколько рупий для починки велосипеда, но денег у него совсем не было, и он отправился на вокзал, подумав, что сможет притвориться носильщиком и поднести кому-то багаж.

Проблема состояла в том, что он был очень маленьким, и потому багаж, который он мог бы поднять, должен был быть очень лёгким. Он стоял возле вагонов первого класса. И тут из поезда вышел мужчина в костюме, котелке и начищенных до блеска туфлях. В руках он держал свёрнутое одеяло. Мужчина поручил мальчику отнести одеяло к дому на окраине города. Багаж был очень лёгкий. Когда они прибыли на место, мужчина дал мальчику пять рупий (намного больше, чем стоила выполненная им работа) и сказал, что если он захочет, то может прийти сюда завтра, чтобы навестить его. Но мальчик взял деньги, отремонтировал свой велосипед и продолжил свой путь. Больше они не виделись.

*

Однажды в нашу гостиницу зашёл нищий мальчик. Мы дали ему еды, но он не захотел уходить. Наконец, он попросил у нас какую-нибудь игрушку, мы выставили его за двери. Позже Махараджи сказал: «Я пришёл к вам в гостиницу, но вы меня выпроводили».

*

Однажды К. С. помогал Махараджи принимать ванну и думал о Горакнатхе, который не имел обычного физического тела, а мог проявляться в различных формах. И так, он намыливал Махараджи, тер его мочалкой, шутил с ним, но при этом постоянно размышлял о другом. Когда К. С. собирался уже обвязать дхоти вокруг Махараджи, то почувствовал, что под материей ничего нет. И в тот момент, когда эта мысль пришла ему в голову, Махараджи повернулся и закричал на него: «Убирайся, убирайся отсюда, я сам завяжу себе дхоти».

Все те немислимые позы, которые принимал Махараджи, были не более случайны, чем всё остальное, что он делал. Некоторые из его давних преданных умели довольно хорошо читать язык тела Махараджи, ибо многие из его поз были на самом деле мудрами (утверждениями через форму), которые даровали благословение, активизировали определённые силы или вызывали определённые изменения в окружающей обстановке.

Сиддхи Ма держала фотографию Махараджи, на которой он лежал на боку, положив одну руку себе на голову. Настоящий бублик. Она сказала, что эта мудра, когда рука покоится на голове, означает: «Не беспокойся ни о чём. Я держу всё под контролем».

Порой он был нужен своим преданным, находившимся в довольно отдалённых друг от друга местах. В таких случаях, вместо того чтобы разочаровывать кого-нибудь, Махараджи демонстрировал одну из своих самых потрясающих способностей — пребывание в разных местах одновременно.

Однажды Махараджи пошёл в парикмахерскую, чтобы сбрить бороду. Во время бритья цирюльник рассказал ему, что некоторое время назад из дому убежал его сын, и он до сих пор ничего не знает о его местонахождении. Цирюльник ужасно скучал по сыну и очень переживал. Лицо Махараджи было лишь наполовину выбрито, вторая половина была только намылена, но Махараджи вдруг стал настаивать на том, что ему немедленно нужно выйти в туалет. Вскоре он вернулся, бритьё было закончено, и Махараджи ушёл. На следующий день сын

цирюльника вернулся к своему отцу и рассказал странную историю. Он находился в тысяче милях от своего родного городка. За день до его возвращения в гостиницу, где он работал, прибежал какой-то толстяк с наполовину выбритой бородой и, дав ему денег, настоял на том, чтобы он в тот же вечер сел на поезд и вернулся к отцу.

*

Однажды, когда Махараджи гостил в доме одного преданного, он попросил, чтобы его заперли в комнате. На окнах комнаты были массивные решётки, а дверь закрыли на засов снаружи. (В Индии часто ставят на окна тяжёлые решётки, чтобы дикие обезьяны не могли проникнуть в дом. А на дверях ставят засовы, как внутри, так и снаружи. Если дверь закрыта снаружи, изнутри её открыть невозможно.) Через некоторое время в дом пришёл ещё один преданный и спросил, куда это направился Махараджи. Хозяин удивился: «Что значит направился? Он заперт в комнате».

— Но это невозможно. Я только что видел, как он ехал в рикше.

А в это время моя сестра встречала Махараджи у своих дверей. «Я хочу кхичри. Я неважно себя чувствую, так что я съем только кхичри», — сказал он ей.

Тем временем в доме преданного открыли дверь, за которой заперли Махараджи, и обнаружили, что комната пуста, хотя все решётки были целы. Примерно через час из комнаты слышались какие-то звуки. Хозяева вновь открыли дверь. На этот раз Махараджи оказался внутри.

*

В три часа ночи Махараджи появился в комнате одной пожилой женщины (двери дома были заперты на ключ) и сказал: «Зачем ты беспокоишь меня, Ма?» В то время она как раз обращалась к нему с молитвой.

*

Преданные только-только завершили строительство нового храма Ханумана для Махараджи в местечке Панки, возле Канпура, и вскоре должна была состояться церемония официального открытия. Махараджи в то время находился в Аллахабаде и сообщил всем, что не будет лично присутствовать на этом мероприятии. Утром того дня, когда должна была состояться церемония открытия, Махараджи вошёл в свою комнату

в Аллахабаде и попросил оставить его на несколько часов одного. Дверь комнаты закрыли на замок снаружи. На следующий день несколько преданных приехали в Аллахабад, чтобы раздать прасад, полученный во время проведения пуджи в Панки. Они дали немного прасада хозяину дома, в ярких красках описали пуджу и бхандару и сказали, что всё прошло идеально, что присутствовал даже сам Махараджи, хотя раньше он всем говорил, что его не будет.

— Это невозможно! — воскликнул хозяин. — Махараджи в это время находился здесь, в Аллахабаде.

— Но Панки он тоже посетил. Он был в храме с одиннадцати до двенадцати часов, — сказали приехавшие.

Если ваша кундалини пробуждается, вы можете отправиться в Америку без самолёта.

Находясь в Канпуре, преданный из Наинитала получил даршан Махараджи. Когда он уже собирался в обратный путь, Махараджи попросил его передать сообщение, в котором говорилось, чтобы его ждали в Наинитале в ближайшие две недели. На следующий день преданный прибыл в Наинитал и сразу же, не заходя домой, пошёл в храм, удивляясь тому, что там собралось очень много людей. И тут он услышал, как люди говорят о Махараджи, находящемся в одной из комнат.

— Не могу поверить, — сказал преданный. — Я только вчера видел его в Канпуре. Это невозможно.

— Баба находится здесь уже две недели, — возразили ему.

— Но я привёз от него сообщение, которое он лично дал мне в Канпуре. В нём говорится, что его не будет здесь ещё две недели. — И приданный подошёл к комнате Махараджи. «Бабаджи, — спросил он, — что же это такое?»

— Ты что?! Убирайся! Уходи отсюда! Никому ничего не говори! Ты лжешь! — лишь закричал на него Махараджи.

Один из преданных Махараджи, проживающий в Агре, не получал его даршана в течение нескольких лет. Услышав, что Махараджи приехал в Нью-Дели, этот преданный связался с ним по телефону.

— Почему вы не приехали в Агру? Вы так долго не давали мне даршан. Можно мне приехать в Дели?

Махараджи ответил: «Нет. Не приезжай. Я сам приеду в Агру».

— Когда?

— Скоро.

Однако преданный не поверил Махараджи и начал умолять его позволить ему приехать в Дели. Однако Махараджи настаивал, что он сам приедет к нему в Агру. Преданный повесил трубку, а когда повернулся к двери, увидел стоящего в комнате Махараджи. И он упал к его стопам. Махараджи побеседовал с ним три или четыре минуты, а затем вернулся в Дели. Преданный снова позвонил в Дели, и ему сказали, что Махараджи несколько минут назад отправился в ванную. И сразу после этого добавили: «А вот и он».

*

Это случилось в Ниб Карори. Один человек захотел поехать вместе с Махараджи во Вриндаван, а Махараджи ехать не хотел и сказал: «Заприте меня в этой комнате. Мне нужно кое-что сделать». Человек уехал во Вриндаван, а когда он вернулся, то сообщил, что он и Махараджи прекрасно провели время вместе. Когда же открыли комнату, Махараджи по-прежнему находился внутри.

*

Один преданный, помогающий Махараджи по хозяйству, однажды размышлял о том, как Махараджи умудряется находиться в нескольких местах одновременно. В это время Махараджи несколько раз сказал ему: «Сходи-ка и посмотри, что делается в других комнатах». Наконец, преданный после очередного осмотра комнат вышел в зал, куда выходили двери всех комнат. В доме их было шесть. И он увидел, как Махараджи одновременно выходит из каждой.

*

Одному преданному из-за неотложных дел необходимо было покинуть храм Ханумана в Наинитале, где в то время находился Махараджи. Уезжая, он был очень печален, полагая, что, когда вернётся, Махараджи

уже будет в храме и что теперь он не скоро его увидит. На одном из полустанков поезд остановился, чтобы заправиться водой. К преданному подошёл какой-то человек и сказал: «Посмотрите туда. Там Ним Кароли Баба». Преданный подумал: «Странно, ведь он же остался в Наинитале». Он пошёл на другой конец платформы и увидел обычную картину — Махараджи, сидящего в окружении преданных. Некоторое время преданный беседовал с Махараджи и другими преданными, а через некоторое время Махараджи сказал: «Возвращайся обратно в поезд, а то ты останешься здесь. Он уже отправляется».

Закончив все свои дела, преданный вернулся в Наинитал и обнаружил, что Махараджи всё ещё там. И всё это время он ни разу не покидал храм.

*

Моя мать однажды видела Махараджи в двух местах одновременно. Она была в Бхумнадхаре и шла ему навстречу, когда внезапно увидела ещё одного Махараджи, точь-в-точь такого же, как и первый. Один сидел на краю дороги, другой был в лесу. Через несколько мгновений одна из форм Махараджи исчезла, и она смогла поговорить с «оставшейся».

*

14 января 1965 года в доме Дады и Диди на стене в комнате для даршана появились отпечатки ног. В них признали следы Махараджи, и с тех пор каждый год это событие отмечали бхандарой. Когда Махараджи спросили об этих следах, он только сказал: «Я пришёл, а Диди меня заметила».

*

Однажды, когда Махараджи отдыхал, Ма, сидевшие с ним в одной комнате, почувствовали, что он как будто отсутствует. Когда же это ощущение закончилось, они спросили его, где он был. Махараджи засмеялся, а когда они сказали, что он может отправиться без самолёта и в Америку, он отругал их, а затем снова стал смеяться.

*

Однажды в Америке я обедал с одним физиком — лауреатом Нобелевской Премии. Он спросил меня о Махараджи, и я начал рассказывать истории о нём. Все они оказали на него глубокое впечатление, и он готов был поверить в их истинность, пока я не добрался до историй, повествующих о том, как Махараджи появляется в

двух местах одновременно. На это физик сказал: «Это невозможно. Вся физика базируется на том, что ничто не может находиться в двух местах сразу».

— Но видите ли, — сказал я, — Махараджи всё равно проделывает это. (Р. Д.)

Со стороны самого Махараджи не было никаких объяснений относительно этой игры с телом. Однако данные истории раскрывают перед нами другую реальность, в которой эта игра, по крайней мере для него, имела чёткий смысл.

Однажды мы находились в горах, было очень холодно. Махараджи надел на себя сразу девять свитеров. Позже, перед сном, он казал: «Вы, люди, думаете, что я делаю это из мирских соображений. Не будьте так глупы», — и он снял с себя все свитера и одеяло, и всю ночь проспал не накрываясь.

Как только вы принимаете все эти феноменальные вещи, которые Махараджи проделывал со своим телом, вам уже трудно вернуться к концепции того, что он является простым смертным. Но он вёл постоянную борьбу, чтобы убедить нас в том, что он обычный человек. Он показывал нам своё тщеславие, болезни, старение (хотя приведённые ниже истории заставляют сомневаться в этом) и, в конце концов, смерть. Но для преданных всё это было частью его игры.

Однажды Махараджи зашёл навестить нас. Он заметил свою фотографию, на которой был запечатлен смеющимся и с довольно длинной бородой. Он начал ругать меня, спрашивая, почему я не сказал ему, что его борода так сильно выросла. Почему я не заставил его сбрить её?

— Ну вот, — сказал он, — она испортила весь снимок».

*

Во время вечернего даршана в Каинчи Махараджи находился в задней части ашрама с несколькими Ма, которые только что закончили

выполнение посвящённой ему пуджи. Он вышел и сел на тукет. Выглядел он великолепно — блистательная царственная особа. Лицо его было свежесбритым, а на лбу, точно в центре, был нанесён круглый жёлтый *тилак* (знак, имеющий религиозное значение). Он восседал как царь, а мы все сидели перед ним в молчании, длилось это довольно долгое время. Казалось, что он говорил: «Я так прекрасен!»

*

Примерно через две недели после нашего прибытия в Каинчи Махараджи сказал: «Доктор, у меня болит голова». Я побежал в заднюю комнату, где у меня хранились медицинские принадлежности, и взял аспирин с кодеином. Я размышлял: «Давать ли ему кодеин?» В конце концов, он был стариком, и я не знал, какова будет его реакция на этот препарат. Пока я раздумывал, Махараджи велел передать мне, что он не хочет таблеток, ему нужна растирка. Тогда я не очень хорошо разобрался в мазях, и мне пришлось сказать, что растирок у меня нет.

Однако мне на выручку пришёл Чайтанья с каким-то бальзамом, китайской мазью, которая продаётся в маленькой плотно закрывающейся красной баночке. Беспредельно счастливый от того, что западному врачу удалось достать бальзам для этого бедного старика, страдающего от головной боли, я помчался обратно к Махараджи, спотыкаясь о сидящих перед ним преданных, и вручил ему баночку. Он воскликнул: «О, доктор! Ваше лекарство такое хорошее! Просто чудо! Это как раз то, что мне нужно!» Он взглянул на баночку и попытался открыть её, но безуспешно. (У него не было большой практики в такого рода вещах.)

Затем, положив закрытую баночку себе на голову, он сказал: «Доктор! Это прекрасное лекарство. Просто чудо. Оно полностью излечило мою головную боль. О, вы такой чудесный врач! Вы такой хороший. Ваше лекарство — чудо. Всё в порядке. Моя головная боль совсем прошла».

*

Однажды Махараджи пожаловался на то, что он простыл, и сказал, что ему нужны носки и лекарство. К. К. засмеялся и возразил: «О, Махараджи, вы вовсе не больны. Зачем вы пытаетесь дурачить таких простых людей, как мы?» Махараджи засмеялся как ребёнок, которого поймали на обмане, и вскоре ему стало лучше.

*

Во Вриндаване Махараджи действительно заболел. В течение двух лет

он принимал сердечные препараты, так как у него было несколько сердечных приступов. Иногда, когда ему становилось плохо, он вызывал меня к себе. Однажды, войдя в его комнату, мы увидели, что он сидит на своём тукете, а перед ним лежит громаднейший носовой платок из всех, которые я когда-либо видел. В него он постоянно высмаркивался. Махараджи представлял собой очень забавную карикатуру на человека с сильной простудой.

Он сказал: «О, доктор, я ужасно болен. Не дадите ли вы мне какое-нибудь лекарство?» Я ответил: «Да, Махараджи», — и начал расспрашивать о симптомах. Я решил, что у него простуда, побежал на базар и принёс оттуда в трёх отдельных пакетах гомеопатический, аюрведический и западный препараты. Указывая на них по порядку, я сказал Махараджи: «Это гомеопатическое лекарство. Это аюрведическое лекарство. А это западное лекарство». (В последнем пакете были витамин С, аспирин и дристан.)

Он отшвырнул гомеопатический и аюрведический препараты и сказал: «Вот это лекарство я хочу». И он проглотил витамин С, аспирин и дристан.

Он очень часто говорил мне: «Знаешь, западное лекарство очень хорошее». И он называл меня Доктор Америка.

*

К Махараджи пришёл врач, который последний раз встречался с ним по меньшей мере двадцать пять лет назад. Через пятнадцать минут Махараджи сказал: «Доктор, у меня болит нога. Вы не помассируете мне её». Врач начал делать массаж, используя масло, а затем сказал: «Я видел много старых людей, их тела становятся жёсткими, но в ваших нервах нет никаких изменений. Да и вообще, ваше тело сейчас кажется моложе, чем когда я встречался с вами в 1942 году».

Махараджи сказал: «Уходи. Эти врачи такие глупцы. В конце концов, человек рождается, и он должен умереть. Какой-то святой сказал ему о нервах. Что он знает о нервах?» И Махараджи отправил врача восвояси.

*

Одна женщина как-то сказала Махараджи: «Махараджи, скоро состоится свадьба моего родственника. Вы должны присутствовать».

Махараджи ответил: «Я приду», и он действительно явился — но не в

своей обычной форме. На свадьбе он сказал ей, что очень голоден, и, когда она спросила, что бы он хотел, он ответил: «Кхир, кхир, ничего больше. Принеси кхир». Она принесла ему кхир, и, когда она ушла за добавкой, он исчез.

Через некоторое время, встретив Махараджи, женщина начала упрекать его в том, что он не был на свадьбе. На это Махараджи закричал: «Нет, нет! Ты сама кормила меня кхиром. Но во второй раз ты его не принесла, я и ушёл!»

Великие садху не имеют человеческих тел.

Они вездесущи. Если святой меняет форму, он не обязательно должен принимать человеческое тело.

Душа — это малая форма, а человеческое тело — огромная форма.

Это произошло в Ниб Карори. Одна Ма пришла, чтобы убрать пещеру, в которой в те дни Махараджи проводил много времени. Когда она вошла, то увидела, что он сидит, весь обвитый змеями. Ма воскликнула, что не пойдёт в пещеру из-за змей, и выбежала наружу. Махараджи прокричал ей, чтобы она не боялась. Он встал, и все змеи исчезли, растворившись прямо в его теле.

*

Однажды, глубокой ночью, мы находились в лесу, и я попросил его: «Покажите мне Бога».

Он сказал: «Потри-ка мне живот». Очень скоро я устал, так как живот Махараджи становился всё больше и больше, пока не стал казаться подобным горе. Махараджи при этом издавал звуки, напоминающие храп тигра. Всё это была просто игра, но, если бы вы решили проверить его, он не показал бы вам ничего.

*

Иногда, когда Махараджи лежал на своём тукете, тукет казался слишком мал для него; в другое время — он был подобен тени или очень маленькому ребёнку, лежащему под одеялом.

*

Когда вы шли рядом с ним, иногда он был громадным, а иногда — маленьким.

*

До того как в Бхумнадхаре были построены современные жилые здания, небольшие туалеты располагались там прямо на улице. Однажды Махараджи понадобилось зайти в туалет. Сиддха Ма наполнила водой лоту в соседнем доме, поджидая его снаружи. Когда Махараджи вышел, Ма, увидев его громадную форму, почувствовала себя по сравнению с ним буквально размером с муху.

*

Один преданный как-то рассказал мне, что Махараджи становился очень маленьким всякий раз, когда стоял перед мурти Ханумана во Вриндаване. Конечно, я сразу же захотел своими глазами увидеть этот феномен, но никому ничего об этом не сказал. Однажды, сразу же после завтрака, то есть в то время, когда Махараджи обычно отдыхал в своей комнате, я стоял в одиночестве перед этим мурти. К моему восторгу, в храм зашёл Махараджи, чтобы получить даршан Ханумана. Мы оба стояли, облокотившись о перекладину, и он, заметив мой пристальный взгляд, начал уменьшаться прямо у меня на глазах — по мере появления каждой последующей меньшей формы, предыдущая растворялась в пространстве. Это была просто фантастика!

*

Однажды Махараджи сказал: «Я отправляюсь в Америку»-

Западные преданные спросили: «В наших сердцах?»

— Нет, — ответил он. — В теле. Вы возьмёте меня в Америку? Где я там останюсь?

*

Однажды, когда Махараджи выходил из моего дома, я испугался, что он может упасть (он был уже стар), и схватил его за руку. Он взял мою руку и сжал её с такой силой (однако без каких-либо внешних усилий), что я сам чуть было не упал. И тогда я понял, что он совсем не «старик».

*

В 1962 году одна пожилая женщина пришла на даршан Махараджи. Увидев его, она воскликнула: «Как Ним Кароли Баба может быть ещё

живым? Он должен был давно умереть! Мой отец был преданным Ним Кароли Бабы, и он говорил, что знает Бабу уже сорок лет. Мне сейчас семьдесят три, в последний раз я видела Бабу, когда мне было семь лет, и он сейчас выглядит точно так же, как тогда». Махараджи отругал её и после этого не разрешал другим преданным разговаривать с ней.

*

Однажды Махараджи сказал: «Я приходил сюда, чтобы посмотреть на того факира, скачущего на лошади, на Горашина Бабу». (Горашин Баба жил около трёх столетий назад.)

*

Однажды в Лакнау прибыл восьмидесятилетний мусульманин, который сказал, что он знает Махараджи — уже взрослого — с тех пор, как ему самому было десять или пятнадцать лет. Махараджи на это заявил: «Не верьте ему!» Другой человек, в возрасте свыше восьмидесяти лет, сказал, что знал Махараджи почти семьдесят лет назад, когда ему самому было двадцать лет, и что Махараджи благословлял его на получение первой работы.

*

Однажды несколько человек беседовали об одном святом, который жил пятьсот лет назад. Махараджи сказал: «О, я знал его».

*

В 1961 году вместе с несколькими преданными Махараджи предпринял паломничество в Читракут. Когда они добрались до места, Махараджи, стоя на берегу реки, начал кричать во весь голос, зовя какого-то Гопала, пастуха. Снова и снова он звал его. Никто не знал такого человека, но Махараджи сказал, что Гопал — его друг, приносящий ему много разных вещей. После долгих поисков выяснилось, что четырьмя поколениями ранее там жил такой человек, поклоняющийся этому гуру. В конце концов, нашли внука Гопала, он был очень глубоким стариком.

*

Одной старой женщине, пришедшей в замешательство при виде Махараджи, совсем не изменившегося за столько лет, он сказал: «Ма, я умер и вновь родился в горах».

Учения Махараджи

О привязанности

Махараджи не давал никаких формальных учений. Однако каждое проявление его сущности — каждое слово, каждый взгляд, жест, движение — несли в себе учение для тех из нас, кто был открыт ему; это происходило вне пределов нашего интеллекта и воспринималось непосредственно нашими сердцами.

Во время общения Махараджи с преданными затрагивались самые различные темы — истина, деньги и бедность, гнев, наркотики, секс, семья и брак, паломничество, ритуалы, святые и садхана, служение и отдавание себя во власть Божественного, и, конечно, любовь. В безграничности Махараджи мы находили то, что давало ответы на все эти вопросы, — информацию, которая направляла нас на нашем пути обратно домой, к Богу (хотя и не всегда мы были при этом свободны от замешательства).

Поскольку Махараджи в своей манере зеркального отражения давал окружающим сиюминутные ответы, основанные на их индивидуальных кармических особенностях, тот, кто пытался получить тот или иной аспект учения в общих чертах, используя его конкретные высказывания по данному вопросу, а также различные истории, неизменно попадал в замешательство. В один момент он говорил одно, а в следующий — совсем противоположное.

Каждый человек находился на своём этапе пути и, таким образом, нуждался в индивидуальных наставлениях. И в этой реке противоречий, истекавшей из него, в этих учениях, которые не являлись учениями, сокрыты более глубокие указания, чем примитивные «делай это» и «делай то». Было постоянное напоминание о существовании духа — и о том, что видимое в этом мире не является тем, чем оно кажется.

Видеть, слышать, даже знать о таком существе, которое «в мире, но не от мира», — это уже больше, чем учение; это милость.

Махараджи сидел в комнате с несколькими преданными и беседовал, но одному человеку разговор казался бессмысленным. Он сказал: «Бабаджи, вы должны давать людям уроки и наставления». Махараджи ничего не ответил. «Хоть иногда, — продолжал этот человек, — давайте нам наставления и учите нас чему-нибудь». И снова Махараджи ничего ему не ответил. Тогда человек повторил своё заявление в третий раз.

С явным раздражением Махараджи закричал: «Что такое наставления? Что это? Что за уроки? Это всё глупость! Уроки!» Развернувшись к стоявшим рядом с ним преданным (один был ювелиром, другой — лавочником, третий — служащим, а четвёртый — учителем), Махараджи спросил каждого из них, как они проведут следующий день. Все они дали похожие ответы, сказав, что, как обычно, они пойдут на работу и проведут день, как всегда. Махараджи сказал: «Здесь столько людей, и завтра они будут делать то, что им положено, они заранее спланировали свой день. Какой толк давать конкретное учение? Вы будете делать то, что захотите. Зачем же тогда учения? Бесполезно давать что-либо насильно. Что бы я ни сказал, вы всё равно будете делать то, что вы захотите делать. И всё же вы хотите, чтобы я диктовал вам что-нибудь. Эти учения не имеют смысла. Учить людей бессмысленно. Обучением людей занимается Всевышний — они все приходят уже хорошо обученными. Есть один Верховный Учитель, и он учит каждого. Учения бессмысленны. Тот, кто становится в позу учителя, делает это только для удовлетворения своего собственного эго».

*

В 1970 или 1971 году К. пожаловался: «Махараджи, я нахожусь рядом с вами уже столько времени, а ещё ничему не научился».

Махараджи ответил: «Хорошо, я тебе всё скажу». Но сам всегда с тех пор избегал говорить ему что-либо.

*

Однажды к Махараджи пришла Ма и сказала: «Махараджи, вы всегда говорите о мирских вещах — сколько детей, какое образование, какая работа, сколько денег. Почему вы не даёте нам учение о *Брахме* (Бесформенном)?»

Махараджи ответил: «Хорошо, я буду учить тебя». Ма пошла по своим делам в Каинчи, а когда пришло время отправления последнего

автобуса в Наинитал, она сделала пранам и собралась уезжать. Махараджи спросил её: «Так ты уезжаешь?»

Она ответила: «Да, мне нужно к своей семье, приготовить им еду и всё такое».

Махараджи сказал: «Послушай, не уезжай. Я буду давать тебе учение о Брахме. Садись здесь». Но она настаивала на том, что ей нужно ехать домой к семье. Он опять сказал: «Нет, нет. Я буду учить тебя. Садись. Не уезжай сегодня».

— Как можно? Я должна ехать.

— Но вначале ты хотела Брахму, а сейчас ты спрашиваешь, как можно?

Когда она уехала, он сказал мне: «Взгляни на неё. Вначале она говорила о Брахме, а сейчас она думает о доме. Человек не может делать два дела сразу. Брахма — это не вещь, не игрушка, с которой вы можете играть. Вы должны пожертвовать всем».

*

Махараджи всегда позволял людям делать то, что они хотят, и очень редко говорил кому-нибудь, чтобы он не курил или не пил. Он никогда не читал нотаций, но делал так, что обстоятельства складывались таким образом, что у человека возникало *желание* бросить свою привычку.

*

Когда Махараджи спрашивали о процессе отказа от желаний, он говорил: «Это происходит, когда для этого наступает время».

*

Из сочувствия к одному преданному, у которого было пристрастие к курению, Махараджи останавливал во время поездки машину под предлогом того, что ему нужно попить или сходить в туалет, и, таким образом, давал этому человеку возможность покурить.

*

У М. была привычка жевать *бетель* (листья, используемые для улучшения пищеварения), но он употреблял бетель только лучшего качества. Однажды, когда я отправлялся в Наинитал, М. дал мне две рупии, чтобы я купил ему бетель, и Махараджи узнал об этом. На следующее утро одна женщина принесла Махараджи бетель в качестве

прасада (что бывало не часто). «Что это? — спросил он. — О, бетель! М., вот тебе твой бетель!» И так в течение всего периода пребывания М. в Каинчи ежедневно кто-нибудь приносил свежий бетель в качестве прасада. Махараджи никогда его не заказывал, он появлялся как бы сам по себе.

В день своего отъезда М. зашёл в комнату Махараджи и увидел, что он машет цветком, и М. подумал, что Махараджи собирается передать цветок его жене. М. пригласил Махараджи к себе в гости, и Махараджи сказал, что посетит его в ноябре вместе со всеми западными преданными. «Где они будут жить? — спросил Махараджи. — Как ты будешь их кормить?» М. ответил: «Они будут готовить себе сами». Со слезами на глазах Махараджи отослал М., не дав ему ни цветка, ни ставшего уже привычным бетеля. Через несколько секунд ещё один человек пришёл к нему со свежим бетелем. Махараджи позвал М. обратно и дал ему бетель на дорогу, а также конфеты, фрукты и цветок для жены.

*

Махараджи так откомментировал пристрастие одного преданного к выпивке: «То, что делают друзья, — хорошо».

*

Однажды во Вриндаване Дада был так занят прислуживанием Другим, что ему никак не удавалось улучшить момент, чтобы покурить. Махараджи повернулся к нему и сказал: «Иди, воспользуйся своими двумя минутами», — и сделал жест, как будто курит.

*

О людях, имеющих плохие привычки — такие как курение, пристрастие к алкоголю или даже к поеданию рыбы, яиц или мяса — Махараджи говорил: «Они имеют свои привычки. Они получают от них удовольствие. Зачем я буду останавливать их?»

«Непривязанность к объектам чувств — это освобождение; любовь к объектам чувств ~ это рабство. Воистину, таково знание. А теперь поступайте как вам угодно». Эта цитата из древнего индуистского текста Аштавакра Гита (XV:3) в сжатом виде передаёт суть учения Махараджи о привязанности. Своим образом жизни он демонстрировал, что удовольствием для него было не иметь к чему бы то ни было

привязанностей и, таким образом, быть свободным для общения с Богом. В свои ранние годы он странствовал, обернувшись куском материи и имея лишь разбитый глиняный горшок, который служил ему одновременно и котелком для воды, и тарелкой. В более поздние годы он по-прежнему носил только простое дхоти, иногда заворачиваясь в одеяло. Время от времени, в морозные ночи, в горах он надевал нижнюю рубашку или свитер и носки. Комнаты, в которых Махараджи останавливался, служили поразительным напоминанием о непривязанности. В них находился лишь тукет и кувшин для воды. Больше ничего.

Махараджи напоминал нам о том, что мы не должны привязываться к вещам, к людям, к своей работе и даже к праведности. Некоторых он призывал ко всё более глубокому отречению, в то время как другим советовал быть терпеливыми и мягкими на пути обретения свободы.

Махараджи цитировал: «Айе тхей Хари бхаджан коо, оотхан лаге капас». (Я явился, чтобы постичь Бога и воспевать Ему хвалу, но как только я вышел из чрева, я начал собирать коробочки хлопка (они, достигнув зрелости, приобретают очень привлекательный вид, но при прикосновении распадаются).)

Привязанность является самым большим препятствием на пути к самореализации.

Если в момент смерти вы хотите плод манго, вы родитесь насекомым.

Если вы хотите ещё хотя бы один вздох, вы вновь получите рождение.

Он цитировал: «Если глина, из которой сделан горшок, не обожжена, то, когда горшок разбивается, глина используется повторно.

Но если горшок обожжен, то, когда он разбивается, его

выбрасывают».

**Похоть, жадность, гнев, привязанность — всё это пути,
ведущие в ад.**

Если ты не опустошишь чашу, как ты вновь наполнишь её?

**Если ты хочешь увидеть Бога, убей желания. Желания
находятся в уме.**

**Когда у тебя возникает какое-то желание, не спеши его
осуществлять, и оно пройдёт.**

**Если ты хочешь выпить эту чашку чая, не пей, и желание
исчезнет.**

**Святые и птицы не стремятся к накоплению. Святые отдают
другим то, что имеют.**

Махараджи говорил с упрёком:

«Весь мир — это привязанность.

Но вы всё равно переживаете, поскольку

вы подвержены привязанности».

Махараджи как-то сказал Даде, являющемуся главой семьи преданных: «Ты стал полностью моим. Что для тебя семья? Ты же факир. Тебе нужны лишь две чапатти в день, и я дам их тебе. Что такое привязанность для святых и махатм?» Вся семья была очень расстроена, узнав о словах Махараджи, но Махараджи сказал, что если Дада понял истину его слов, то ему нет нужды оставлять семью.

Однажды Махараджи сказал преданному: «Почему ты так привязан к этой кошке? Я постоянно говорю вам, что нужно отказаться от всех

привязанностей, а ты по-прежнему привязан к кошке!»

Брак — это ещё большая привязанность.

Вам необходимо развить больше преданности и дисциплины для слияния с Богом, если вы состоите в браке.

Иногда я бывал занят работой в саду. Однажды Махараджи сказал мне: «Так вот, этот сад принадлежит мне. Ты работаешь в качестве управляющего. Это моя собственность. Управляющей не имеет привязанностей. Как только его увольняют с работы, он тут же уходит. Поэтому живи как управляющий».

*

Махараджи рассказал мне следующую историю: «Гуру Рам Дас был духовным наставником царя и жил в маленькой земляной хижине рядом с дворцом. Однажды царь, поклонившись учителю, вручил ему документ, в котором значилось, что он завещает всё своё царство своему гуру. Гуру взял свиток, прочёл его и, приняв документ, сказал царю: «А теперь управляйте царством вместо меня!» (Р. Д.)

*

Махараджи спросил одного старого преданного, обладателя больших карманных часов, почему он так привязан к ним. Преданный бросил часы о камень, разбив их.

*

Один садху как-то предложил мне участок земли, который находился в его владении, чтобы я мог устроить там ашрам для западных преданных. Я спросил Махараджи, что он об этом думает. Махараджи сказал: «Он хочет отдать тебе свою привязанность. Этот дар не является чистым. Если бы он был действительно чистым, он бы просто отдал тебе землю, вместо того чтобы говорить об этом». (Р. Д.)

*

Он постоянно увещевал меня: «Рам Дас, откажись от привязанностей». Я же часто пытался возложить всю ответственность на него, отвечая: «Это всё зависит от вашей милости». Но он напоминал мне, что я должен

совершать усилия, постоянно повторяя: «Откажись от привязанностей. У тебя не должно быть никаких ашрамов. Абсолютно никаких привязанностей». (Р. Д.)

*

Однажды, когда Махараджи в сотый раз стал говорить мне о том, чтобы я отказался от привязанностей, я сказал ему, что то же самое советовал мне другой учитель. «А у него есть желания?» -спросил Махараджи.

— Да, думаю, что ещё есть, — ответил я.

— Тогда как он может освободить от желаний тебя? (Р. Д.)

*

Кали Баба рассказал Махараджи о посуде, изготавливаемой из различных металлов, в которой можно хранить воду и которая якобы даёт здоровье. Махараджи вскоре сделали такой сосуд. Махараджи весь день пользовался им, пил из него воду, а вечером попросил Кали Бабу запереть сосуд на ночь, сказав, что завтра вновь будет его использовать. А затем вдруг неожиданно воскликнул: «Что? Я привязался? Отдай эту посудину кому-нибудь другому».

*

«Вовлекался ли он в мирские дела? — говорил один преданный. — Я не думаю, что у него были привязанности к чему-либо или кому-либо. Он был просто зеркалом, отражавшим наши привязанности».

Я нахожусь в мире, но этот мир меня не волнует.

Я иду по базару, но не в качестве покупателя.

— Махараджи цитирует Кабира

Махараджи был полностью свободен от привязанностей. Когда он покидал храм Ханумана, то ни разу больше не упоминал о нём; как только уходил из храма в Каинчи, то больше не оглядывался назад. «Если я ушёл, я ушёл», — часто говорил он.

Храмы — это лишь груды камней.

Привязанность удерживает вас от продвижения вперёд.

У меня нет никаких желаний.

Я существую, только чтобы служить другим.

В Австралии я купил для Махараджи мохеровое одеяло, и мне очень не терпелось подарить его. Когда настал день вручения, мы, группа преданных, вошли в небольшую комнату, которую мы в шутку называли его «кабинетом», и преклонили перед ним колени. С некоторой гордостью я положил одеяло на тукет рядом с ним, и мы все начали ждать, какая за этим последует лила. Нам хотелось увидеть, как он завернётся в него, а, может быть, он отдаст нам своё старое одеяло или... Была тысяча таких «может быть». Но ни одна из наших догадок не подтвердилась. Вначале он проигнорировал одеяло, затем, протянув руку, взял его тремя пальцами, будто это была какая-то мертвечина. Затем он положил одеяло перед собой, а потом отдал его одной женщине из нашей группы, которая впервые попала на встречу с ним. Повернувшись ко мне, он поинтересовался: «Я правильно сделал?» Мы все были ошеломлены.

Мне потребовалось мгновение, чтобы сориентироваться в новой ситуации и оценить его поступок. И я сказал: «Лучше не придумаешь». (Р. Д.)

*

Махараджи ни в чём не нуждался и не любил получать подарки, рассказывал один преданный.

*

Два давних преданных Махараджи, узнав, что они могут его найти в одном из храмов на берегу Ганги, тут же отправились туда и действительно встретили его там. Он же начал вести себя так, будто никогда раньше не видел их. Через несколько минут он внезапно поднялся и воскликнул: «Пошли! Пошли!» Втроём они выбежали из храма и, остановив *тонгу* (повозку), продолжили свой путь в ней.

Преданные поинтересовались у Махараджи, почему они так поспешно покинули храм. «Разве вы не знаете? — сказал он. — Меня собралась навестить одна богатая дама. Она хочет подарить мне английское одеяло, а я не хочу его брать». И как раз в этот момент мимо них проехал лимузин, следуя в сторону храма. Махараджи засмеялся и сказал: «Посмотрите! Вон она поехала!»

*

В качестве особого подарка к празднику один преданный после длительной и напряжённой работы изготовил очень красивые гирлянды из шёлка и атласа в форме цветов и листьев. Когда он принёс их Махараджи и попытался надеть ему, Махараджи наотрез отказался, сказав: «Убери их. Они были сделаны для того, чтобы ими восхищался мир».

*

Один преданный заметил, что главным было не то, что вы давали Махараджи, а то, с каким чувством вы делали подарок. Он мог долго восторгаться такой простой вещью, как лист, если вы преподносили его от сердца.

*

Как-то поздно вечером Махараджи дал мне большое кашмирское яблоко. Я по какой-то причине пропустил ужин и был очень голоден. Шагая по тропе, я думал о яблоках. Они сочные и чистые, а всё, что чисто, в Индии имеет особую ценность. Я также подумал о том, что в яблоках нет камушков (вы можете оценить этот факт, съев какое-нибудь блюдо из риса, в котором они попадают). То, что может родиться нечто, без всяких камушков, придаёт яблоку чудесное качество, даже некую черту дружелюбия.

Когда я наконец дошёл до дома, моё желание проявилось в полной мере, став чем-то действительно осязаемым. Мы обычно думаем, что желание лежит в области более тонкой материи, чем стол. Но в тот момент меня буквально поразила мысль, что желание — это самая реальная вещь в моей вселенной. Внезапно я понял смысл подношений святому прасада, или дара. В Гите сказано, что если вы преподнесите всего лишь цветок, но делаете это от сердца, исполненного преданности, то это чистейший дар, который вы можете сделать. В тот момент я ощутил, что хочу преподнести в качестве прасада своё желание.

Я сохранил яблоко от Махараджи, а на следующий день, придя в храм раньше большинства других преданных, положил его на тукет. Прежде чем Махараджи вышел из своей комнаты, в храм прибыло много людей, и скоро яблоко оказалось погребенным под горой фруктов, цветов, сладостей и тому подобных вещей, но я не терял его из вида. Примерно через полчаса вышел Махараджи, он извлёк моё яблоко из груды подношений и бросил его мне.

*

Однажды на меня напала ужасная хандра, и я сказал Махараджи, что не хочу оставаться в этом мире, что я хочу лишь одного — стать *санньясином* (отрёкшимся от мира). «Ты не можешь стать санньясином прямо сейчас. Посмотри на этих людей, — сказал Махараджи, указывая на сидящих вокруг западных преданных. — Они насладились материальной жизнью до предела, а ты — ещё нет. Если ты станешь санньясином сейчас, тебе будет очень тяжело. Вначале ты должен испробовать вкус всех вещей, а затем ты сможешь отказаться от них».

Я говорил Махараджи о том, что очень трудно выйти за пределы *майи* (иллюзии мира). Мой отец всю свою жизнь был благочестивым бхактой, и всё равно он переживал по поводу здоровья и благополучия своих детей. И я сказал Махараджи: «Майю очень трудно преодолеть».

Махараджи сказал мне четыре вещи: «Майя? Кья хай? Ка-хан хай? Нахин хай!» (Майя? Что это такое? Где это? Ничего такого!)

И это всё. Вот такой особый день был у меня.

Не имеет значения, состоите вы в браке или нет. Значение имеет лишь то, насколько вы любите Бога.

Махараджи сидел на своём стуле и смотрел на горы, он говорил: «Посмотрите на деревья, что на той горе. Кто их поливает? Кто о них заботится? Они являются доказательством того, что Бог существует для людей. Люди могут смотреть на них и познавать Бога».

Махараджи был свободен от каких бы то ни было комплексов. Он мог сидеть в грязи, обливаясь потом.

— Я сию на Матери-Земле, и я создан из земли, — говорил он. — Все

земли принадлежат Богу.

Лучше видеть Бога во всём, чем пытаться во всём этом разобраться.

Если у вас болит зуб, вы продолжаете заниматься своим делом, но думаете вы о зубной боли.

Одна преданная спросила: «Как я могу быть свободна от привязанности, если у меня есть ребёнок?» Махараджи ответил: «Просто имей веру в Бога и помни о Боге, и это произойдёт постепенно, ты будешь жить свободной от привязанности подобно цветку лотоса».

Если вы свободны от привязанности, вы будете вести простую жизнь в простой обстановке.

Однажды Махараджи позвал к себе в комнату молодую преданную, приехавшую с Запада, и местного садху. Девушка была одета в красивое сари, на ней были украшения, на мужчине же было традиционное одеяние садху. Махараджи указал на девушку и сказал: «Она — садху».

Садху возразил: «Как она может быть садху? Посмотрите, как она одета». Махараджи отчитал его и сказал: «Её не интересуют все эти вещи. Ей всё равно, что она носит — шёлк или тряпье. Она может носить даже бриллианты. Она не привязана к этим вещам. Она свободна от жадности, похоти, гнева и привязанности. Всю свою жизнь она будет странствовать. В этой вселенной у неё нет своего дома».

Бог даст вам всё необходимое для вашего духовного развития.

Не цепляйтесь ни за что.

Любите бедных. Служите им.

Давайте им всё, даже свою одежду.

Отдайте всё. Иисус отдал всё, в том числе своё тело.

О правдивости

Пытаясь понять учения Махараджи о правдивости, приходится решать, что было более верным отражением этих учений — его поступки или слова. Он постоянно призывал преданных во что бы то ни стало всегда говорить правду.

Необходима полная правдивость.

Вы должны жить в соответствии со своими словами.

Правдивость — самая трудная тапасья.

Люди будут ненавидеть вас за то, что вы говорите правду. Они будут обзывать вас, они могут даже убить вас, но вы должны говорить правду. Если вы живёте в правдивости, Бог всегда будет на вашей стороне.

Христос умер за правду.

**Когда его спросили, как можно очистить сердце, он сказал:
«Всегда говорите правду».**

К Махараджи пришёл человек, и Махараджи попросил его дать денег на кирпичи для ашрама. Мужчина сказал, что у него ничего нет и ушёл. Через некоторое время он примчался к Махараджи, жалуясь, что в его лавке начался пожар и что теперь он разорится.

— Я думал, ты сказал, что у тебя ничего нет!

— О, я соврал...

— Ты лжешь и сейчас. Твоя лавка не горит.

Лавочник ушёл, и вернувшись в свой магазин, обнаружил, что там всего лишь дымится мешок с чили.

*

Когда прибыл первый экземпляр книги «Будь здесь и сейчас», я подарил его Махараджи. Он попросил одного из преданных отнести книгу в его комнату, и больше я о ней ничего не слышал. Спустя пять месяцев Махараджи позвал меня к себе. Он сидел на своём тукете и держал в руках мою книгу. Первым его комментарием было: «Ты печатаешь ложь».

— Я не знаю этого, Махараджи. Всё, о чём написано в книге, я считал правдой.

— Нет, там есть ложь, — сказал он обвинительным тоном.

— Это ужасно, — сказал я. Я был в замешательстве, так как не знал, говорит он серьёзно или шутит, поэтому спросил: «Какая ложь, Махараджи?»

— Ты здесь говоришь, что Хари Дас строил храмы?

— Ну, я думал, что это так и было.

Тогда Махараджи знаком подозвал к себе сидевшего неподалёку индийца и спросил его:

— Какое ты имел отношение к храмам?

— Я строил их, Махараджи. — Махараджи посмотрел на меня так, будто эти слова подтверждали тот факт, что я соврал.

Затем он сказал: «Ещё ты написал, что Хари Дас отправился в джунгли в возрасте восьми лет». И он подозвал другого мужчину, который заявил, что Хари Дас в течение нескольких лет работал служащим в департаменте лесного хозяйства.

Я мог только промямлить: «А мне говорили, что, когда ему было восемь лет, он ушёл в джунгли».

Снова и снова Махараджи ставил меня перед фактом, что описанные мною вещи не соответствовали истине.

Наконец он сказал: «Ты веришь всему, что говорят тебе люди. Ты простачок. Большинство западных людей проверили бы эти факты. Что

ты будешь делать с этой неправдой?»

Я лихорадочно размышлял. Что можно с этим сделать? Первое издание в тридцать тысяч экземпляров находилось уже в магазинах, и его нельзя было никак вернуть, но Стив Дюрки написал мне, что они собираются выпустить ещё тридцать тысяч экземпляров. И я сказал Махараджи: «Я могу устранить все неверные данные в следующем издании».

— Прекрасно. Так и сделай. Тебе же будет хуже, если ты будешь связан с ложью. — И после этого он занялся другими вопросами. Я отметил все неточности в книге и подготовил письмо Стиву в «Лама Фаундейшн» в Нью-Мексико, где книга издавалась. Нужно было убрать только два полных абзаца. Хотя эти изменения были малозначительны, я считал «Будь здесь и сейчас» книгой Махараджи, и, если он желал, чтобы в неё были внесены изменения, они должны были быть внесены.

Недели через две от Стива пришёл ответ, в котором говорилось, что никакие изменения в следующее издание внести нельзя. Когда он получил моё письмо в Ламе, расположенной в горах к северу от Таоса, он только что вернулся от издателя в Альбукерке. Во время визита он договорился о повторном издании, и издатель в качестве услуги пообещал ускорить работу и начать её на следующий же день. Печатные станки должны были начать печатать, обрезать и собирать книгу. На обратной дороге в Ламу Стив потратил два дня на другие дела, и, хотя он не говорил с издателем со времени своего отъезда (поскольку в Ламе нет телефонов), он был уверен, что работа уже сделана. Однако он заверил меня, что изменения будут внесены в следующее издание, которое, вероятно, выйдет через три или четыре месяца.

С письмом в *джоле* (наплечной сумке) ранним утром я отправился на автобусе в Каинчи. Как только я вошёл в храм, Махараджи закричал: «Что сказано в письме?» Мне всегда казалось смешным, когда он вёл себя таким образом — ведь если он знал, что Пришло письмо, то он наверняка знал и о его содержании. Он просто хотел, чтобы я сам рассказал ему. Когда я закончил пересказ, он произнёс: «Делай это прямо сейчас». Я терпеливо повторил объяснения о том, что невозможно внести изменение в эти тридцать тысяч экземпляров. Но он всё равно настаивал на своём: «Делай это прямо сейчас». Я объяснил, что в этом случае надо будет выбросить все тридцать тысяч напечатанных книг, что означает потерю по меньшей мере десяти тысяч долларов. Ответ Махараджи был

таков: «Деньги и истина не имеют ничего общего. **Делай это сейчас.** Когда ты печатал книгу первый раз, ты думал, что это правда, но теперь, когда ты знаешь, что это не так, ты не можешь печатать ложь. Это принесёт тебе страдания».

Ну что же, если Махараджи хотел, чтобы книга была изменена прямо **сейчас**, то так тому и быть. Это будет означать потерю издательством всех прибылей, и они не придут от этого в большой восторг; но, в конце концов, деньги были всё равно получены от Махараджи. Хотя ещё не было и девяти часов утра, он отослал меня из храма, ещё раз повторив: «**Делай это сейчас**».

Я добрался на попутке обратно в Наинитал и отправил Стиву телеграмму с новыми указаниями. Примерно через неделю от него пришёл ответ. Он сообщал, что произошли в высшей степени странные вещи. Когда он пришёл на почту, вместе с моей телеграммой пришло и письмо от издателя. Похоже, что сразу же после отъезда Стива он, как и обещал, приступил к печатанию книги, но вскоре обнаружил, что не хватает одной печатной формы — с фотографией Махараджи на всю страницу. Тогда он попытался найти оригинал в архиве, чтобы сделать новую печатную форму, но, к своему огромному удивлению, обнаружил, что и оригинал также исчез. Не зная, что ему делать, издатель остановил работу до получения указаний. Так что, писал Стив в заключении, понадобился всего лишь один телефонный звонок, для того чтобы заменить два параграфа, а не десять тысяч долларов, как я опасался. Я помчался обратно к Махараджи с этой новостью, но и в тот день, и на следующий он так и не дал мне возможности поговорить с ним. (Р. Д.)

*

Когда невестка Дады пришла к Махараджи, он подозвал меня к своему тукету и, указав на неё, спросил, «помню» ли я эту женщину. В действительности я не помнил её, но было как-то невежливо в этом признаваться, и я улыбнулся ей, будто мы были знакомы. Махараджи также улыбнулся — как будто он принял это — и сказал: «Да, она невестка Дады».

Затем я решил поумничать, подумав, что поскольку она является невесткой Дады, я мог встречать её в Аллахабаде, где живёт Дада, и я сказал: «О, да, мы виделись в Аллахабаде». На что она ответила: «Нет, мы никогда не встречались в Аллахабаде. Мы встречались здесь, в Каинчи, прошлой весной». Я был пойман с поличным. Махараджи

повернулся ко мне и поднял один палец вверх, что в данном случае красноречиво означало: «Попался! Имею в виду!» (Р. Д.)

*

В Аллахабаде Махараджи поймал меня на том, что мы на Западе называем «маленькой белой ложью». Мы сидели вокруг него. В нашей группе был важный чиновник, занимавший пост в государственном Верховном Суде. Впервые за все годы пребывания рядом с Махараджи я услышал, как он рассказывает этому чиновнику, какую важную персону я представляю из себя в Соединённых Штатах, что я профессор и пишу книги. Всё это казалось таким неуместным в моём присутствии, и, кроме того, мне было странно слышать, как он превозносит мои добродетели, связанные с ценностями западного общества. Когда он замолчал, чиновник из Верховного Суда сказал мне: «Для меня большая честь познакомиться с вами. Может быть, вы желали бы посетить Верховный Суд!»

В силу того, что я вырос в семье юристов, а также того, что я приехал в Индию с целью погружения в духовное, перспектива такого визита совсем не прельщала меня. Но он всё-таки был важным человеком, и я не мог так просто взять и сказать, что я об этом думаю. И я ответил не вполне определённо: «Это было бы очень хорошо».

Тогда чиновник спросил: «Вам будет удобно завтра в 10 утра?»

Я почувствовал себя в ловушке и смог найти из неё лишь один выход. Я сказал: «Нужно спросить моего гуру. Ему решать».

Чиновник спросил мнение Махараджи, и он ответил: «Если Рам Дас говорит, что это было бы очень хорошо, он должен пойти». А затем он посмотрел на меня таким взглядом, который мог означать только одно: «Опять ты попался».

Рассказ о событиях следующего дня показывает, что даже простые люди типа меня чему-то учатся. Я отправился с этим джентльменом в суд, и там мы зашли в палату пересмотра законов, где собрались все юристы. Это было время драматических событий в отношениях между Америкой и Китаем, и, когда юристы увидели рядом с важным чиновником американца, они окружили меня и начали задавать вопросы о политике Никсона в отношении Китая, которая вызывала в Индии глубокую обеспокоенность. Я дал настолько квалифицированный ответ, насколько мне позволяла моя начитанность по данному вопросу.

В тот же вечер, когда я опять был на даршане у Махараджи, меня отвёл в сторону другой джентльмен важного вида, оказавшийся ведущим адвокатом в городе, и спросил, не хочу ли я выступить в Ротационном клубе и Ассоциации адвокатов. Я с ужасом почувствовал, что, если я не буду осторожен, мне придётся объездить всю Индию, и, вспомнив, в какую ловушку я попал вчера, я сказал: «Я бы предпочёл не выступать, но, конечно, я сделаю всё, что скажет Махараджи».

Адвокат предложил своё дело на рассмотрение Махараджи, и Махараджи, похоже, был в восторге от этих приглашений. Он постоянно говорил о них всем, кто готов был слушать, как будто такие приглашения были чем-то действительно важным, неким большим успехом. Я начал чувствовать, что Махараджи меня предал. Затем он повернулся ко мне и спросил: «О чём ты собираешься говорить?»

Я начал быстро размышлять и ухватился за единственную ассоциацию, которая пришла мне в голову:

— Я буду говорить о Законе и дхарме.

— Ага! — сказал Махараджи. — А ты будешь говорить о Христе?

— Конечно.

— А о Ханумане?

— Обязательно.

— А обо мне?

— Несомненно.

Здесь уже адвокат слегка побледнел и вмешался в разговор: «Махараджи, мы думали, он может рассказать нам о политике Никсона в отношении Китая».

Махараджи выглядел изумлённым. «О, нет! Рам Дас не может сделать этого. Он может говорить только о Боге».

Тогда юрист начал ретироваться со словами: «Понимаете, это будет не совсем уместно. Может быть, я могу собрать несколько адвокатов у себя дома, чтобы побеседовать о Боге». Нет нужды говорить, что этого он так и не сделал. А я получил свой урок. Махараджи всегда поддерживал меня, когда я говорил правду, как бы трудно это ни было». (Р. Д.)

Однако, несмотря на все эти учения, сам Махараджи часто говорил неправду. Поэтому, когда он делал какое-нибудь предсказание, никто не знал, сбудется ли оно в действительности. И хотя те, кто недолюбливал его (а таких было немало из-за того, что он был таким откровенным и прямым), постоянно указывали на эти противоречия, для преданных же они не имели значения. Наверное, урок для нас заключался в осознании того, что свободное существо имеет свои собственные правила; но, пока ты не достиг свободы, тебе лучше всего говорить правду.

Обычно Махараджи соглашался с любой просьбой со стороны преданных. Люди часто приглашали его в гости, чтобы он благословил их дом и отведал приготовленный обед. Он почти всегда принимал эти приглашения, но на самом деле редко ходил в гости.

*

Когда один преданный спросил его о том, почему он даёт обещания и нарушает их, Махараджи ответил: «Я просто большой лжец!»

*

Один преданный спросил Махараджи, почему он говорит людям приятные вещи и предсказывает светлое будущее, когда он знает, что случится как раз противоположное. Махараджи ответил: «Ты что, хочешь, чтобы я говорил людям, что их близкие умрут? Как я могу это сделать? Ну хорошо, если ты мне это советуешь, то с сегодняшнего дня я буду отвечать на все вопросы откровенно». Через некоторое время пришла женщина, чтобы получить его благословение для болеющего мужа. Махараджи начал кричать на неё: «Ма, зачем ты явилась сюда? Твой муж дома, в кровати, он умирает и сейчас находится в коме. Его нельзя спасти. Тебе нужно идти!» Ошеломлённая и обиженная, женщина ушла. Так же резок Махараджи был с несколькими другими людьми. А затем он спросил того преданного: «Как ты можешь хотеть, чтобы я был откровенен с людьми? Как я могу обижать их?»

*

Махараджи мог сказать кому-нибудь неправду, чтобы пощадить его, но затем каким-либо иным путём он доносил до него правду. Когда К. спросил его о своей больной матери, Махараджи сказал: «Кто будет кормить тебя, если её не станет? Она будет жить долго». Но затем он

вызвал специалиста из Агры, чтобы обследовать её. Специалист сказал: «Эта женщина не проживёт больше двадцати восьми дней».

Сам врач очень удивился этим словам, так как он никогда так точно не обозначал время, он говорил «месяц или два». Утром двадцать девятого дня женщина умерла. К. понял, что Махараджи вызвал специалиста, для того чтобы через него дать ему намек. Мудрецы часто делают ясные намеки, но мы не всегда можем понять их.

*

Махараджи мог сказать что-либо, но затем, если он сам себе противоречил и ему указывали на это, он заявлял: «Я этого не говорил».

*

Я написал письмо Махараджи, прося его благословения перед сдачей экзамена. «Сдам ли я его?» — спрашивал я. Но ответа не было. Экзамен я не сдал. Огорчённый своей первой неудачей, я поспешил в Каинчи. Махараджи встретил меня улыбкой. Я сказал ему, что отправил много писем, но не получил ни одного ответа.

Он объяснил мне: «Ты хотел знать правду. Я не могу лгать, а факты были неутешительны».

— Буду ли я снова сдавать экзамен? — спросил я.

Он ответил: «Да, и на этот раз никто тебя не остановит».

И я сдал экзамен.

*

Однажды на даршан пришли два человека. Пока они, стоя перед Махараджи, рассказывали ему всевозможные хвалебные вещи о себе, он всё больше терял терпение. Когда они закончили свой рассказ, Махараджи резким тоном отправил их восвояси. Затем он повернулся к нам и сказал: «Они стоят и рассказывают мне сказки! Они пытались одурачить меня! Они, что, не знают, что это я дурачу весь мир?»

О деньгах

«Канчан (золото)», — говорил Махараджи и грозил пальцем. Это и сексуальное желание — два основные препятствия на пути к

постижению Бога. Снова и снова Махараджи предупреждал нас об этих фатальных влечениях, этих привязанностях, но мало кто из нас мог услышать его. Он называл западных преданных царями. Большинство из нас выросло в экономически благоприятной обстановке, так что мы знали, что финансовая надёжность сама по себе не даёт освобождения от страданий. Осознание этого было большим шагом вперёд. Многие индийские преданные знали лишь финансовые трудности и лишения, и им часто было нелегко слышать, что мирская обеспеченность — это не то же самое, что и свобода. Однако были и такие преданные, которые, даже ни разу не вкусив материального благополучия, казалось, не проявляли никакого интереса к этому. Будто они действительно родились лишь для того, чтобы постичь Бога.

Махараджи по-разному относился к денежным делам, в зависимости от человека. С теми, для кого привязанность к золоту не являлась главным препятствием, он никогда не говорил на эту тему. С другими он обсуждал тему денег постоянно, пробуждая в преданном паранойю и жадность, выкорчевывая липкую карму именно этой привязанности. Чаще всего Махараджи советовал людям оставлять себе столько денег, сколько необходимо для поддержания тела, семьи и общества, а остальное раздавать бедным. Он постоянно напоминал нам, что если мы будем поступать таким образом и будем полагаться на Бога, то ни в чём не будем испытывать нужды.

Иногда он давал нам одну или две рупии, и тогда нам казалось, что он даёт нам гарантию будущей финансовой обеспеченности. Некоторые преданные бережно хранили эти рупии и больше никогда не знали финансовой нужды. Другие тут же отдавали полученные рупии первому встречному нищему, и они также не знали нужды. Такой дар известен как «благословение Лакшми (богини богатства)». Понятно, что такое благословение даровал нам Махараджи.

В 1969 году я написал К. К. письмо, в котором спрашивал, могу ли я послать денег Махараджи. Ответ Махараджи, пришедший ко мне в письме от К. К., сообщал: «Нам не нужны никакие деньги. Индия — это золотая птица. Мы научились «давать», а не «брать». Мы не можем достичь Бога до тех пор, пока у нас остаётся привязанность: к золоту (богатству) (на хинди «канчан») и к женщинам (на хинди «камини»). Нельзя вложить два меча в одни ножны; чем большим мы жертвуем (тяга), тем больше мы обретаем...».

Если вы обладаете достаточной верой, вы можете отказаться от денег и имущества. Бог даст вам всё необходимое для вашего духовного развития.

Маленькая сгорбленная старушка пришла к Махараджи на даршан. Думаю, она была из какой-то местной деревни. Прокönyвляя к порогу, она коснулась головой стоп Махараджи и села на пол. Затем с большим трудом она развязала узел на одном из концов своего сари и, вынув оттуда несколько смятых рупий, положила их на тукет рядом с Махараджи. Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь давал ему деньги, и мне было не по себе от того, что эта женщина была явно бедна, как хрестоматийная церковная мышь. Махараджи отодвинул деньги обратно и жестом велел ей забрать их. Без каких-либо изменений в выражении лица она потянулась за деньгами, а затем начала снова прятать их в сари. Я не мог понять всего смысла происходящего, так как был мало знаком с индийской культурой.

Затем, похоже, Махараджи передумал и потребовал деньги обратно. И Ма снова развязала угол сари своими узловатыми поражёнными артритом пальцами и вручила ему деньги. Там было две купюры под одной рупии и одна купюра в две рупии (четыре рупии соответствуют примерно сорока американским центам). Махараджи взял у неё деньги и тут же отдал их мне. Я не знал, что мне делать. Я был «богатым человеком с Запада» (в Индии даже бедные приезжие с Запада считаются богатыми в силу относительности экономических ценностей), с личной машиной (редкая роскошь в Индии) и с дорожными чеками. Я никак не мог принять эти деньги. Но, когда я попытался вручить деньги обратно женщине, Махараджи запретил мне делать это. Мне было велено оставить их у себя.

В тот вечер я положил эти четыре рупии на свой столик для пуджи и

долгое время размышлял над этой ситуацией, но так ни к чему и не пришёл. Позже один преданный-индус сказал мне, что я должен беречь эти деньги и если я буду так делать, то никогда не буду нуждаться.

В то время ко мне в гостиницу часто приходила одна пожилая сикхская пара. Они держали крошечную лавку по продаже сухофруктов и по всей видимости были очень бедны. Однако во время каждого своего визита они приносили мне подношение в виде высушенных фруктов, становились на колени у моих ног и очень подробно рассказывали мне о своих лишениях. Я понятия не имею, почему они взяли себе в голову, что я могу помочь им — духовно или материально, — но они продолжали приходить. И однажды они сказали мне, что из-за болезни они должны покинуть это место и перебраться в долину, где их финансовые трудности, скорее всего, ещё больше усугубятся. Мне захотелось дать им что-то на дорогу, но я не мог быстро сообразить, что это может быть. И тогда я вспомнил о тех четырёх рупиях. Я взял одну рупию и объяснил им, как она ко мне попала, и что, если они будут беречь её, у них всё будет в порядке. Они уехали из Наинитала, и я больше о них не слышал. Я до сих пор храню оставшиеся три рупии. И пока денег у меня всегда было больше, чем достаточно. (Р. Д.)

*

Д. С. сказал, что он всегда сохранял деньги, которые давал ему Махараджи, и в какое-то время сумма составляла уже свыше двухсот рупий. Но однажды эти деньги оказались украденными из его дома. После этого, каждый раз, когда Махараджи давал ему деньги, он велел ему быть осторожным и не потерять их. Д. С. взял конверт из потайного места, где он их хранил и показал мне. Внутри была небольшая пачка рупий — десятки, пятёрки, купюры по две и одной рупии — и все они были во многих местах скреплены между собой стэплером.

*

Махараджи вытащил две рупии из-под своего одеяла и всунул их мне в руку. При этом он что-то сказал, но я не расслышал его слов. Эти деньги не залежались у меня — одну рупию я пожертвовал в тибетском храме в Манали, другую — отдал нищему.

*

Я не знаю, где он их брал, но он часто давал мне деньги. Однажды, когда он собирался дать мне большую сумму, я спросил, зачем он это

делает, ведь я зарабатываю достаточно, а он садху. Если он даст мне лишнее, я могу использовать их на кино или выпивку. «Вы бы хотели этого?» — спросил я его.

— Нет, — сказал он и денег мне не дал.

*

Однажды он дал мне пять рупий и моей сестре тридцать и сказал, чтобы мы всегда держали их при себе. Сестра берегла эти деньги, а я свои отдал и сказал ему, что не буду хранить такие вещи.

*

Однажды, незадолго до своего исчезновения, он дал мне купюру в сто рупий. Я сказал ему, что она мне не нужна, но он велел мне хранить её у себя, а когда я снова отказался, он сказал: «Хорошо, тогда я буду хранить её». Я не знаю, как это произошло, но когда я ушёл, то обнаружил эту купюру у себя в кармане.

*

Во время первого даршана Свами Н., Махараджи дал ему десять купюр по одной рупии и сказал, чтобы он хранил их как прасад. Свами держал деньги в своём кошельке, и с того самого дня у него не было недостатка в деньгах. В его кошельке их было больше, чем достаточно.

*

Он дал мне две рупии. Это был первый раз, когда он дал мне что-то кроме ладду и прасада. Я отчётливо помню эти две рупии, я был очень удивлён и взволнован, так как не знал, что с ними делать. «Что мне теперь делать? — думал я. — Зачем мне эти деньги».

*

Однажды ко мне домой пришёл один человек, чтобы получить даршан гостившего у меня садху. Он заметил фотографию Махараджи, которую я хранил, и сказал: «Я знаю его. Я знаю его», — и начал рассказывать историю о том, как он получал даршан у Махараджи.

Тогда он был молодым юношей, обиженным на весь мир. Однажды он отправился в старый храм Шивы и неподалёку от храма обнаружил спящего Махараджи. (Он дал точное описание Махараджи — как он лежал на земле, одетый в одно лишь дхоти и укрытый одеялом.) Махараджи проснулся и, сев, тотчас же велел парню принести немного

молока. Юноша рассердился на Бабу за такое обращение, а Махараджи вытащил из-под одеяла тридцать рупий и велел ему купить на эти деньги молока. Юноша убежал и вскоре вернулся с полулитром молока. Сдачу он оставил себе, но Махараджи и не спросил о ней. Так что он так и ушёл с деньгами, в которых его семья очень нуждалась. Махараджи знал, что спрашивать юношу о том, нужны ли ему деньги или давать их ему в качестве подарка бесполезно — юноша был слишком горд, чтобы принять их, и Махараджи хитростью заставил его взять эти деньги.

*

Однажды, когда мы все жили в долине Каинчи, Баларам спросил Махараджи, можно ли попросить у кого-нибудь денег на постройку дома. Махараджи разрешил нам обратиться к Харинаму. Я написал письмо, и прежде, чем отправить его, мы показали письмо Махараджи. Баларам сложил, запечатал и отправил письмо, а когда мы получили ответ от Харинама, в нём говорилось, что деньги он нам пришлёт и что он благодарит нас за вложенную в письмо купюру в две рупии, но, спрашивал он, зачем мы её прислали? Никакой купюры мы в письмо не вкладывали, и, насколько я знаю, Махараджи о ней никогда не упоминал. Это был один из маленьких денежных трюков, которые он так любил разыгрывать.

Деньги никогда не представляют собой проблему. Трудность в их правильном использовании. Рупии приходили бы тысячами и миллионами, если бы их разумно использовали.

Недавно я столкнулся с проблемой — какие материалы использовать для строительства зала медитаций в храме Махараджи, расположенном недалеко от Дели. Однажды по дороге туда я встретил двух мужчин, которые представились архитекторами. Я заинтересовался и спросил, какую работу они выполняют. Они ответили, что в настоящее время они заняты проектированием пятизвёздочного отеля в Патне. Тогда я решил, что они, должно быть, хорошие мастера своего дела и попросил их на десять минут зайти в храм, чтобы дать какой-нибудь совет по моему вопросу. Когда они увидели храм и изображения Махараджи, один из них воскликнул: «Значит, вот где находится ашрам! Я его знаю. Он основа

всей моей жизни!» Я попросил его объяснить, что он имеет в виду.

Он рассказал, что, когда он был маленьким мальчиком, родители повели его к Махараджи. Махараджи повернулся к нему и спросил: «Какие у тебя проблемы? Что ты хочешь?», и мальчик ответил: «Денег».

Тогда Махараджи вынул из-под своего одеяла купюру в десять рупий. Все посмеялись над этой сценой и через некоторое время ушли домой. Близкие мальчика предложили сходить на полученные в качестве прасада деньги в кино, но он отказался расставаться с ними и хранил их до последнего дня. Деньги приходили к нему всегда, когда он в них нуждался. Если к вечеру ему нужны были десять тысяч рупий, днём они уже были у него в руках — и всё это благодаря вере, пришедшей после одного или Двух даршанов.

Этот архитектор предложил спроектировать зал для медитаций бесплатно — в знак благодарности Махараджи.

*

Однажды, когда В. должен был возвращаться домой, он обнаружил, что у него мало денег. Тогда он договорился о том, что возьмёт в долг двести рупий и отправился в Каинчи, чтобы перед отъездом засвидетельствовать своё почтение Махараджи. Махараджи благословил В. и отправил домой, но затем позвал его обратно и сказал: «Ты изменил свою программу. Ты не едешь в Лакнау. У тебя кончились деньги. Тебе не хватает двухсот рупий». Махараджи вызвал к себе пуджари, у которого хранились ключи от ящика с деньгами, но тот был на базаре вместе с ключами. Тогда Махараджи велел В. пойти помолиться Хануману, после чего немедленно позвал его обратно. Затем он полез к себе под одеяло и вынул оттуда двести рупий. В. спросил, где он достал эти деньги, и Махараджи сказал, что, когда В. отправился к Хануману, в комнату зашёл человек и дал их ему.

*

Когда я был совсем юным, своих денег у меня не было, но Махараджи постоянно настаивал на том, что у меня их много. Мой отец и я занимались продажей овощей, и каждый раз, когда я приносил овощи, их стоимость не оплачивалась полностью. То, что мне давал Махараджи, я принимал, но отцу об этом не говорил, так как он был бы недоволен. Я не знал, как поддерживался торговый баланс. Однажды я даже сказал: «Махараджи, это очень маленькая сумма денег за ту еду, что я принёс».

Он ответил: «Всё нормально. Бери деньги». В другой раз он сказал: «У тебя будет дом», а позже: «Раздай всё это». Сейчас у меня есть дом и два магазина. Я богатый человек — и всё это благодаря Махараджи.

*

К. К. приготовил для Махараджи *паттал* (тарелку из листьев) с нарезанными фруктами. Беседуя с ним, он протягивал ему плоды, и Махараджи понемногу ел их. Затем Махараджи позвал меня. «Приведите этого Питера сюда», — сказал он. (Это было ещё до того, как он дал мне новое имя.) Он спросил меня: «Что бы ты дал мне?»

Я ответил: «Баба, я отдал бы вам всё, что у меня есть». Смысл всего сказанного был как-то связан с его беседой с индийцами, и он подозвал меня, для того чтобы подчеркнуть свою идею.

Повернувшись к индийцам, он сказал что-то вроде: «Вы видите это? Вы слышали?» Затем он собрал яблоки с паттала, который держал К. К., и, вложив их в мои руки, заявил: «С этими яблоками я хочу дать тебе много долларов». Слово «доллары» он произнёс на английском. (Позже индусы сказали мне: «Ты знаешь, что он тебе сказал? Ты знаешь, какое благословение ты получил?!»)

Я ответил: «Махараджи, какое богатство? Всё, что я хочу, -это духовное богатство».

Но он сказал: «Нахин! Бохут доллар (нет, много долларов)!

Джао».

Вы можете видеть, какую роль сыграло это благословение в том, что я стал врачом, ведь все думают, что врачи получают кучу денег. Если я действительно стану таким богатым, как сказал Махараджи, я бы хотел заняться таким бизнесом, в котором участвовали бы члены *самсанга* (преданные).

Деньги являются препятствием.

Человек, пребывающий в единстве с Богом, не нуждается в деньгах.

В Каинчи жил один лавочник, дочь которого должна была скоро

выйти замуж, но у него не было достаточно денег для свадьбы. Махараджи велел ему не беспокоиться, сказав, что через три дня он получит большую сумму. Через три дня в их районе сошёл оползень, и дорога оказалась перекрытой, так что всем автомобилям и грузовикам пришлось остановиться. Все те продукты, которые лавочник собрал, готовясь к свадьбе, были раскуплены этими людьми, и он, таким образом, заработал много денег.

*

Махараджи часто останавливался в Канпуре на несколько дней. Там жил один из самых богатых людей Индии, все родственники которого были преданными Махараджи. Махараджи никогда не посещал их дом, шикарный особняк, но во время одного из его визитов в Канпур они настояли на том, чтобы он зашёл к ним. Он явился с целой толпой людей. Семья богача совершила пуджу, а затем устроила шикарный пир со множеством деликатесов. Хозяева пытались давать Махараджи наставления относительно того, в каком порядке необходимо есть выставленные на столе блюда. Однако Махараджи сложил всё — фрукты, овощи, сладости, приправы — в одну тарелку, перемешал это и начал есть. Закончив трапезу, Махараджи позвал водителя этого богача, к которому он очень хорошо относился (тот возил его в Амаркантак, дорога туда занимает несколько дней), и сказал ему: «Давай поедем к тебе».

Водитель, живший в ветхой хижине в очень бедном районе Канпура, не мог поверить в это, но Махараджи настаивал. Приехав на место, Махараджи сказал: «Я голоден. Принеси мне поесть». Семья водителя была очень бедной, и в доме у них ничего не оказалось; все уже пообедали, а на приготовление свежих роти необходимо было какое-то время. Однако Махараджи сказал: «Нет, в том кувшине хранится *гур* (сырой коричневый сахар). Принесите его мне!» Они взяли кувшин и действительно обнаружили в нём гур, который Махараджи с удовольствием съел.

*

Однажды я пожаловался Махараджи, что он посещает только богатых. Тогда он взял меня с собой пожить несколько дней у сапожника в бедной маленькой комнатухе. Хотя мы были очень стеснены, Махараджи был счастлив.

*

Казалось, что лучше всего он чувствовал себя среди бедных людей. Когда он находился рядом с ними, его лицо приобретало мягкое, счастливое выражение.

*

Одному преданному, который жаловался на бедность, Махараджи сказал: «У тебя такая судьба — не иметь денег, что же я могу сделать?»

*

Один богатый человек пришёл на даршан и попросил Махараджи дать ему благословение на получение ещё большего богатства, чем он имел. Человек хотел получить благословение, чтобы стать таким же богатым, как Тата (один из богатейших людей в Индии). Вот что Махараджи ответил ему: «Послушай, у тебя и так уже денег куры не клюют. Я не собираюсь давать тебе благословение на обогащение».

Махараджи начал рассказывать историю о Бирле (другом очень богатом индийце). Бирла когда-то тоже отправился к своему гуру с просьбой сделать его самым богатым человеком в Индии. Гуру велел Бирле ждать и отдать себя служению. И Бирла начал служить ему — чистить туалет, стирать дхоти и т.д. Проходили годы, а гуру всё не давал ему благословение на обретение несметных богатств. На протяжении десяти лет Бирла преданно служил своему гуру, ни разу больше не напомнив о своём желании.

И вот однажды гуру позвал Бирлу к себе и сказал: «Ну, хорошо же. Вот, возьми». Гуру достал лоту, помочился в неё и добавил: «Возьми эту лоту с мочой. Накрой её и садись на поезд до Калькутты. Сойди в Калькутте, а когда сойдёшь с поезда, выпей мочу. Это моё благословение».

И Бирла сделал всё, как ему сказал гуру. Приехав в Калькутту, он выпил мочу, которая к этому времени чудесным образом превратилась в нектар, так что я думаю, ему не пришлось давиться. Одно событие привело к другому, и он-таки стал самым богатым человеком в Индии.

Услышав эту историю, богач воскликнул: «Махараджи, Махараджи! Дай мне выпить твою мочу!»

— Нет, нет, нет, нет. Я не дам тебе мочи!

— Пожалуйста, дайте мне что угодно. Дайте мне мочи!

Но Махараджи сказал: «О, нет. Я не дам тебе благословение на богатство. Я благословлю только твоих внуков. Тебя я не буду благословлять. Ты уже и так имеешь достаточно».

— Хорошо, хорошо. Сделайте хоть это. Сделайте что-нибудь.

И так продолжалось до тех пор, пока Махараджи, наконец, не смягчился и не сказал: «Я не дам тебе мочи — но я дам тебе кусочек роти». Махараджи спросил нас: «Есть у кого-нибудь роти? У кого-нибудь есть роти?» В это время у меня был небольшой кусочек роти; я откусил от роти немного и держал остаток в руке. И я отдал свою наполовину съеденную лепёшку Махараджи, он благословил её и передал богачу.

Тот воскликнул: «О, это чудо». Он был в восторге.

Затем Махараджи занялся другими вопросами, и, пока он говорил, один преданный повернулся к богачу и сказал ему, что полученный им хлеб нечистый (*джутх*), потому что я отъел от него. Всё это происходило за спиной Махараджи. Тогда богач отдал роти мне обратно — роти, в котором было благословение на миллионы! И я его съел!

*

Махараджи всегда говорил мне, чтобы я тратил свои деньги: «Трать их. Не береги. Пусть деньги текут потоком. Давай их нуждающимся. Трать их».

*

Когда я впервые встретил Махараджи, я был совсем без денег и, кроме того, через неделю истекал срок моего обратного авиабилета на Запад. Однако, веря в то, что «привязанность к деньгам является недостатком веры в Бога», я остался. Прошло почти два года, и всё это время я получал всё необходимое, хотя денег у меня никогда и не водилось. А потом я узнал, что получил наследство в тысячу долларов. Я немедленно в глубине сердца предложил их Махараджи и распорядился, чтобы деньги переслали в Индию. Уезжая в Дели, чтобы получить их, я спросил Махараджи, что я могу ему привезти. Он попросил двадцать метел и несколько банок сухого молока, а, когда я уже выходил из дверей, он, позвав меня обратно, попросил привезти ему ещё одеяло. Первое, что я купил на полученные деньги, было одеяло.

Когда я вернулся в Каинчи, Махараджи каждый день просил у меня

какую-нибудь сумму денег, так же как и другие западные преданные. И я давал. Это были не мои деньги, и, когда почти ничего не осталось, кроме дорожного чека на двадцать долларов, Махараджи сказал, чтобы я не обналичивал его. Примерно через неделю он отправил меня в Непал и попросил меня остаться там на четыре месяца.

Конечно, денег на поездку у меня не было, и потому Махараджи попросил нескольких человек дать мне небольшую сумму (всего около пятисот рупий) и я отправился. Путешествуя по Непалу с приятелем, я потерял все свои деньги. Но мы не унывали, поскольку знали, что это всё были проделки Махараджи. Когда мы вернулись в гостиницу, к нам подошёл мальчик с сияющей улыбкой на лице и спросил, всё ли у нас в порядке — точно так же, как это делает Махараджи. У нас обоих было такое ощущение, что это он и есть. В комнате мы обнаружили потерянные деньги. На них мы вернулись в Катманду, где узнали, что Махараджи оставил своё тело.

Деньги нужно использовать на помощь другим.

Однажды летом в Каусани один западный преданный сказал мне, что хочет дать Махараджи некоторую сумму денег. Этот преданный заработал и получил в наследство довольно крупную сумму и очень щедро, но без лишнего шума, помогал другим членам сатсанга, попавшим в затруднительное денежное положение. Преданный спросил меня, как я думаю, сколько ему дать Махараджи.

— Почему бы тебе не отдать все деньги Махараджи? — предложил я. — Ты говоришь, что больше всего хочешь, чтобы твои деньги были использованы разумно. Махараджи — твой гуру, и ты должен принять тот факт, что он разумнее тебя. Это очевидно, что именно он должен решать, что делать с деньгами. Если Махараджи посчитает, что ты сам должен распоряжаться ими, он отдаст их обратно.

Но у преданного были другие соображения на этот счёт, и он отдал Махараджи около двух тысяч долларов. После этого каждый раз во время наших ежедневных посещений Махараджи спрашивал меня, что ему делать с этими деньгами, — может быть, их нужно вернуть обратно хозяину?

Хотя я не понимал всех тонкостей происходящей игры, я советовал Махараджи вернуть деньги преданному — думаю, скорее всего потому, что у меня было такое ощущение, что этот подарок был отражением недостатка веры. И тогда деньги были возвращены. Но чем это всё закончилось, я не знаю... (Р. Д.)

*

А я знаю. На следующий год тот преданный собрался покинуть Индию и попытался ещё раз предложить деньги Махараджи. В Дели он обменял оставшиеся доллары на рупии и отдал их мне, поскольку я оставался в Индии. Я согласился ещё раз попытаться передать деньги Махараджи и в случае, если он их не примет, вернуть их хозяину в Америке. С большой пачкой рупий я вернулся в Каинчи и обсудил вопрос передачи денег наедине с Дадой. Через несколько дней, когда сатсанг собирался отбыть в Наинитал, Дада сказал, чтобы я остался в Каинчи на ночь. Это вызвало всеобщий интерес, так как могло показаться, что меня собираются наделить какой-то особой таинственной милостью. Я был заинтригован не меньше, чем все остальные, так как к этому времени я практически забыл о находящейся при мне пачке рупий. После вечернего даршана и ужина все разошлись по комнатам на ночь. Прорезая ночную тьму светом фонарика, ко мне зашёл Дада и отвёл меня в тёмный храм. И там, когда я медленно просовывал свёрнутые рупии в щелку ящика для сбора пожертвований, мне показалось, что я слышу мягкое дыхание спящего Хануманджи.

*

— Служите бедным, — сказал Махараджи.

— А кто беден, Махараджи?

— Перед Христом все бедны.

*

Праздновали мелу. У Махараджи был свой тент, где всем приходящим постоянно раздавался прасад. Люди готовили пищу с восьми часов утра до двух или трёх часов дня.

На празднование приехал самый богатый миллионер Индии. Махараджи, увидев его, немедленно закричал: «Уходи! Я не хочу видеть твоё лицо! Убирайся! Уходи отсюда!»

Миллионер сказал: «Махараджи, я привёз два мешка муки для вашей бхандары. Примите, пожалуйста».

Махараджи снова закричал: «Нет! Уходи! Не показывай мне своё лицо! Не приходи сюда!»

Однако миллионер по-прежнему не желал уходить. Тогда Махараджи встал и ушёл сам. Но человек всё равно настойчиво следовал за ним и просил: «О, Махараджи, дайте мне какие-нибудь учения. Что мне делать?»

Махараджи парировал: «Какие тебе дать учения? Ты будешь им следовать? Если я дам тебе учения, ты будешь им следовать?»

Человек молчал.

Тогда Махараджи произнёс: «Отдай всё богатство, которым ты обладаешь, бедным. Это моё учение. Ты будешь следовать ему?»

Откажись от денег, и всё богатство будет твоё.

Снова и снова Махараджи повторял, что не нужно привязываться к деньгам, поскольку это вызывает много проблем. Он любил рассказывать историю об одном человеке, зарабатывающем много денег, сын которого был такой жадный, что однажды пришёл к отцу с пистолетом, требуя какую-то сумму. И отец сказал ему: «Забирай всё».

Я множество раз видел в Америке, сколько проблем создают деньги в семьях и какая жадность и неприязнь может возникнуть в отношениях между богатым отцом и его детьми, — и всё из-за богатства. Хотя у меня не было таких чувств к моему богатому отцу, я всё же не забывал о том, что когда-то, после его смерти, я унаследую много денег. Однажды Махараджи позвал меня к себе и спросил: «У твоего отца много денег?»

— Да, Махараджи.

— Он оставит их все тебе?

— Он оставит мне часть. — Я подумал, какую гордость должен испытывать мой отец, думая о том, какую финансовую надёжность он создал для своих детей. Им не придётся столкнуться с теми финансовыми трудностями, с которыми столкнулся он в молодые годы, когда безвременно ушёл из жизни его отец.

— Ты не должен брать свою часть наследства.

Я никогда не думал об этом. Осознание того, что я лично никакой пользы от этих денег не получу, оказало на меня благотворное воздействие. И с того времени мои отношения с отцом стали намного более близкими. (Р. Д.)

Привязанность к деньгам означает недостаток веры в бога.

Махараджи велел брату г-на Д. отдать все свои деньги. Тот воскликнул: «Нет, Махараджи, а как же моя семья?»

Махараджи ответил: «У тебя будет намного больше. Отдай их все мне. Отдай их мне».

Иногда Махараджи передавал брату г-на Д. в Халдвани просьбу купить ему билеты на поезд, но тот где-нибудь прятался, чтобы не делать этого. Наконец, Махараджи сказал: «Я обращаю свою милость на Д. А ты жадный. Теперь ты будешь страдать». В то время Д. был беден, а все его братья — богаты. Но сейчас Д. живёт в достатке, а тот брат разорился и ничего не имеет.

Деньги приносят беспокойство.

В ранние годы жизни Махараджи странствовал с одним садху. Прошло время, и этот садху начал проявлять привязанность к деньгам. Он доверил одному из своих преданных их хранение. Махараджи пришёл к этому преданному и уговорил его потратить половину этих денег на приобретение приданного для дочери. Когда садху узнал об этом, он рассердился на Махараджи. И тогда Махараджи сказал: «Ты губишь себя. Избавься от всего этого». Садху осознал, что действительно попал в сети привязанности и, разведя огромный костер, сжег всё, что имел. Махараджи говорил о нём впоследствии: «Он был хороший санньясин».

*

Однажды я остался наедине с Махараджи и переводчиком. Махараджи начал предостерегать меня в отношении денег: «Иметь деньги — это нормально для *грихастхи* (домовладельца), но для йога нет ничего хуже».

Деньги — твой враг. Ты не должен их касаться».

Я спросил его, можно ли мне иметь достаточную сумму для повседневных нужд. Он сказал: «Оставляй только такую сумму, которая необходима для твоих нужд, а остальное раздавай». Такое наставление давало мне полную свободу, ибо кто может определить «нужды»?

Вскоре Махараджи вновь вернулся к разговору об обладании деньгами.

— Деньги — это твой враг. Ты не должен касаться их.

— Но, Махараджи, разве нельзя иметь достаточную сумму для повседневных нужд?

Однако на этот раз он ответил: «Нет, деньги должны обходить святого, а не проходить через него».

Вернувшись в гостиницу, я начал размышлять над тем, что эти новые указания требуют какого-то действия. И я решил в течение ближайшего времени не касаться денег в буквальном смысле. Не имея денег в кармане, каждый раз, засовывая туда руку, я получал возможность осознанно относиться к их использованию. Но, с другой стороны, я не хотел становиться финансово зависимым от других. Большинство индийцев, так же как и приезжих с Запада, не могли себе этого позволить. В качестве первого эксперимента я отдал все свои деньги одному из западных преданных, и он стал моим «денежным мешком». Он платил за проезд в автобусе и тому подобное. И хотя я понимал, что не в этом был смысл указания Махараджи, по крайней мере, это соответствовало букве закона: «Не касайся денег». Конечно, я знал, что Махараджи имел в виду нечто большее. И сейчас, по прошествии семи лет, я всё ещё учу этот урок. (Р. Д.)

Святой никогда не принимает деньги.

В одной семье состоялась помолвка сына. Семья принесла Махараджи сладости. Махараджи обрадовался: «Я как раз о вас вспоминал. Хорошо, что вы пришли. Значит, ваш сын теперь помолвлен и вы получили деньги от будущей родни. Дяди и тети все получают по сотне — а как насчёт меня? Как насчёт сотни?»

Впервые я услышал имя Махараджи лет десять назад в Канпуре. Мне сказали, что он является махатмой очень высокого ранга и что он знает всё. А мой друг рассказал мне о своём даршане у Махараджи следующее: «Я видел его. Он держит в руке какую-то силу или какого-то духа. Поэтому он всё и знает. Это не духовная сила, это какой-то дух или что-то в этом роде».

Как-то к Махараджи пришло несколько бизнесменов за наставлениями. Он посоветовал им купить определённые товары для продажи. На этой сделке за один день каждый из них заработал от двадцати пяти до тридцати тысяч рупий. Бизнесмены и подумали, что, если они и далее останутся рядом с Махараджи, он будет и впредь сообщать им о перспективах рынка. Они вновь отправились к нему. Увидев их, Махараджи спросил: «Вы заработали что-нибудь?» Каждый назвал заработанную сумму, а после этого бизнесмены попросили Махараджи дать им дальнейшие наставления.

Махараджи подумал и сказал одному преданному: «Что будет, если все придут просить денег? Эти бизнесмены — нехорошие люди. У меня будут из-за них неприятности». Затем он обратился к одному из пришедших: «Хорошо. У тебя есть тридцать тысяч рупий. Принеси мне завтра три тысячи». Второму он велел принести полторы тысячи, а третьему — тысячу двести рупий. Они согласились, но так больше и не появились, думая, что Махараджи жаден до денег. Однако Махараджи деньги не интересовали, просто он хотел избавиться от них. Четвёртого бизнесмена, моего родственника, Махараджи попросил принести девятьсот рупий. На следующий день этот человек пришёл к Махараджи. И Махараджи спросил его: «Ты принёс деньги?»

— Нет, Махараджи, не принёс, — ответил он.

— Почему?

— Махараджи, я пришёл получать, а не давать.

— О, ты пришёл получать, а не давать. Хорошо. Деньги мне не нужны. А остальные пусть больше не приходят. Мой родственник стал его преданным.

Однажды к Махараджи приехала королева Непала. Её муж был очень

глубоко предан Махараджи. Она подарила Махараджи много разных вещей, но он сказал: «Нет, раздайте это людям». Позже он схватил меня и сказал: «У неё очень много денег. Возьмём себе немного?»

Я ответил: «Да». Мы оба засмеялись. Такой был у него юмор. В действительности, люди часто жаловались на Махараджи, что он никогда не прикасается к деньгам.

Махараджи также говорил преданным: «Деньги, которые вы зарабатываете, должны быть честными. Вы, что, хотите навлечь на меня дурную славу?»

*

Один садху, как-то посетивший храм, начал порицать Махараджи за то, что он содержит храмы и привязан к вещам. Садху сел на тукет рядом с Махараджи. Он был в гневе. Махараджи слушал его, велел всем присутствующим соблюдать тишину. После своей гневной речи этот садху принёс *шалиграм*, специальный камень, используемый для проведения пуджи в честь Шивы. Махараджи спросил его: Ты подаришь мне этот камень?»

— Но, Махараджи, он мне нужен для пуджи.

Тогда, обыгрывая высказанное садху обвинение в том, что он материалист, Махараджи спросил: «Ты мне его продашь?»

— О, нет, — ответил садху. Но Махараджи в конце концов уговорил садху продать камень за сорок рупий. Обмен состоялся.

Однако на покупке шалиграма дело не закончилось. Махараджи неожиданно сказал садху: «Дай мне свои деньги».

Садху достал сорок рупий и неохотно протянул их Махараджи. Но Махараджи имел в виду другое и сказал: «Нет, дай мне и остальные». Садху извлёк несколько сот рупий и отдал их Махараджи, не переставая жаловаться, что это всё, что у него есть, и, что если он это отдаст, то как ему жить? Махараджи взял банкноты и бросил их в горевшую перед ним жаровню. Огонь тут же поглотил их. Садху очень расстроился и начал упрекать Махараджи в том, что теперь он умрёт с голоду и так далее.

И тогда Махараджи промолвил: «А я не знал, что ты так привязан к деньгам», — и с этими словами взял *чимптер* (щипцы) и стал выгребать из огня новые, даже не обгоревшие рупии, пока не вернул всё до единой садху. История закончилась тем, что садху больше никогда не садился на

тукет Махараджи, занимая место только у его стоп.

Все деньги в мире мои.

Даже деньги, находящиеся в Америке.

О наркотиках

В Индии с древних времён употребляют чарас. Для его курения используют чиллум (трубка для гашиша) и смешивают с табаком. Его используют многие из странствующих садху. Для почитателей Шивы курение является частью религиозного ритуала. Для других, склонных к поклонению и преданности, курение — средство усиления эмоционального накала практик бхакти.

В ранние годы, когда Махараджи тоже был странствующим садху, он, несомненно, не раз сидел в джунглях у костра с другими садху и, может быть, даже сам использовал чарас, а, может быть, и нет. В более поздние годы, хотя сам он не употреблял чарас, он, бывало, поддерживал тех, кто его курил. Часто он помогал какому-нибудь садху достать чарас или мышьяк (ещё одно вещество, используемое садху в очень малых дозах). Однако он неодобрительно относился к его использованию домовладельцами (семейными людьми). Часто он направлял на них поток обвинений или, по меньшей мере, подшучивал и постоянно «доставал» их по этому поводу. Он говорил, что курение заставляет их забывать о своих обязанностях.

Обычно Махараджи не одобрял употребления западными преданными таких наркотиков, как гашиш и опиум, с целью достижения изменённых состояний сознания («Пицца является лучшим наркотиком», «любовь — лучшее лекарство»). Однако в отношении некоторых людей с Запада, искренне ведущих аскетическую жизнь странствующих садху и привыкших курить чарас для целей духовной практики, он не порицал его использования.

В то время как чарас являлся в Индии местным продуктом, ЛСД таковым не был. Большое число людей с Запада испытали пробуждение духа именно через употребление ЛСД, потому Махараджи и ЛСД

должны были когда-нибудь встретиться. И эта встреча привела к новой лиле, длившейся свыше шести лет.

Махараджи знал, что я курю — он знает всё. Но он никогда не говорил мне, чтобы я бросил эту привычку, что это плохо. Вообще он ничего не говорил на этот счёт.

*

Иногда я сидел с другими садху в моей комнате, рядом с храмом, и курил чиллум. Если Махараджи проходил мимо, он *никогда* не заходил в комнату, когда мы курили. Иногда он проходил мимо дверей и громким ворчливым голосом говорил тому, кто его сопровождал: «Пусть эти сукины дети (букв, «зятя») занимаются своим делом!» — и шёл дальше.

*

Иногда Махараджи даже доставал чарас для меня. Он просил у какого-либо человека, проходящего к нему на даршан, дать тот чарас, который у него был, мне. Таким образом, Махараджи исполнял желания многих людей. Был ли это чарас, деньги, сладости — всё, что они хотели, — Махараджи давал им всё это.

*

Часто, когда в Каинчи на даршан приходил какой-нибудь чиллум-Баба, Махараджи посылал *его* в заднюю часть ашрама покурить вместе со мной.

*

Я видел, как Махараджи своими собственными руками давал гашиш людям.

Когда люди курят гашиш в компании, они забывают обо всём — о семье, долге — и считают сидящего рядом человека своим самым родным братом.

Гашиш вреден для здоровья. Он вселяет в вас похоть, гнев, жадность и привязанность.

Он вреден для сердца и дыхания.

Вы должны курить гашиш только как Господь Шива, только для того, чтобы быть с Богом. Курение гашиша не является необходимостью. Курение не приносит вам пользы. Его действие непродолжительно, и оно вредно для сердца.

Преданность Богу — это опьянение, которое длится бесконечно.

В свои более ранние годы жизни Махараджи часто посещал одного садху, сидевшего у своего *дхуни* (костра) на окраине Алигарха. Этот садху постоянно курил чарас и *ганджу* (марихуану), а также принимал все другие интоксиканты, какие только мог найти. Однажды садху показал Махараджи новый наркотик, который, по его словам, давал наиболее интенсивное и блаженное состояние опьянения. Он дал немного Махараджи, предупредив, что принимать нужно буквально чуть-чуть, однако Махараджи проглотил всё за один раз. Через несколько мгновений он упал без сознания. Садху знал средство от передозировки — четыре литра молока, — и когда молоко было доставлено с базара, он влил его в горло Махараджи. Махараджи пришёл в себя и сел. Увидев сидящего напротив него садху, он нанес ему в порыве ярости сильный удар. «Ты пытался убить меня! Он отравил меня! Злодей!» — кричал Махараджи, убегая прочь.

*

Садху по имени Н. Баба, живший обычно в окрестностях Багешвара, прямо на леднике, считал Махараджи своим гуру и иногда посещал его. Махараджи предлагал ему место на своей кровати, но садху всегда садился на пол. Этот садху принимал мышьяк, чтобы не мерзнуть. Пять или шесть лет назад, когда Баба пришёл навестить Махараджи, тот спросил: «Н., что ты ешь?», и садху ответил, что ест мышьяк. Махараджи предложил: «Давай посмотрим». Садху вынул из своей сумки количество, достаточное, для того чтобы убить двух человек. Махараджи схватил мышьяк и сразу весь проглотил. Все были потрясены, но Махараджи только попросил стакан молока. Никаких признаков отравления у него не было.

*

Однажды Махараджи шёл в одиночестве вдоль Ганги. Там он встретил нескольких садху, сидевших в своих маленьких кути. Они начали расспрашивать его, кто он такой, где живёт, что и где ест. Махараджи рассказал, что он всё время странствует, что у него нет своего дома и он останавливается, где может, что он ест то, что может найти. Садху предложили ему немного посидеть с ними. «Вы накормите меня?» — спросил Махараджи. Садху ответили, что, конечно, накормят, тогда он Сел рядом с ними. Пришёл ещё один садху и начал готовить чиллум на всех. Его передавали по кругу, и когда очередь дошла до Махараджи, он разгневался и начал обзывать всех бездельниками и мошенниками, обвиняя в том, что они пытаются погубить его и губят самих себя. Затем он резко встал и удалился.

Вскоре после этого в кути пришёл ещё один садху. Он удивился, что никто не мог узнать Махараджи. Что это за садху, которые не смогли даже распознать *сиддха махатму* (высочайшего святого), посетившего их?! Они только пробормотали: «Как мы могли его узнать, он так себя вёл...»

*

У некоторых западных преданных был своеобразный вид кармы, связанный с наркотиками. Они занимались контрабандой гашиша. Когда Махараджи узнал об этом, он впутал их в сложную контрабандную операцию, которая на долгое время освободила его от их присутствия.

Вырученные от этого мероприятия деньги должны были пойти на благотворительные цели. Отдаванис Богу плодов того, что контрабандисты делали для собственной выгоды, было очень сильным уроком для участников операции, и они оценили его.

Однако то, что они были лишены возможности собираться вместе с остальными вокруг Махараджи, вызвало в них глубокое разочарование.

Тот факт, что их гуру одобрял и даже поощрял такие действия, наводило их на глубокие размышления относительно их собственных представлений о добре и зле. Его причастность к операции придавала им определённую бравату, ибо они считали, что его защита поможет им выйти сухими из воды. Однако, когда до них дошло, что Махараджи не обязательно вмешивается в карму и что тюрьма может быть их личной кармой, их радость улетучилась. К тому времени, когда операция была

закончена, они были сыты по горло такой незаконной деятельностью.

*

Когда я впервые приехал в Индию в 1967 году, я привёз с собой ЛСД в надежде, что смогу найти кого-нибудь, кто разбирался бы в этих веществах лучше, чем мы на Западе. Через несколько дней после моего знакомства с Махараджи мне в голову пришла мысль, что он является идеальной кандидатурой для моих исследований. На следующий день он вызвал меня к себе и сразу же спросил:

— Ты хочешь у меня что-то спросить?

Конечно, то, что я стоял перед ним, было для меня таким мощным переживанием, что я напрочь забыл свой вопрос, который хотел задать ему накануне. Выглядел я очень глупо. «Нет, Махараджи, у меня нет вопросов», — ответил я.

Казалось, это вызвало у него раздражение, и он спросил: «Где это лекарство?»

Я был в замешательстве, но Бхагаван Дас сказал: «Может быть, он имеет в виду ЛСД». Я спросил Махараджи, так ли это, и он кивнул головой. Пузырек с ЛСД был в машине, и он отправил меня за ним.

Вернувшись, я высыпал все таблетки себе на ладонь. Кроме ЛСД, там были ещё и другие лекарства от тех или иных недугов — поноса, лихорадки, снотворная таблетка и так далее. Он спросил меня о каждой из них.

Затем он поинтересовался, дают ли они силы. Я тогда не понял его и подумал, что под «силами» он, наверное, имеет в виду силу физическую. Я ответил: «Нет». Позже я, конечно, сообразил, что слово «сиддхи», которое он использовал, означает психические силы. И тогда он протянул руку за ЛСД. Я положил одну таблетку ему на ладонь. Каждая из этих таблеток содержала около трёхсот микрограммов чистейшего ЛСД — очень приличную дозу для взрослого человека. Он жестом попросил ещё, и я положил ему на ладонь вторую таблетку, всего шестьсот микрограмм. Он попросил ещё, и я добавил третью таблетку, так что доза теперь составляла девятьсот микрограмм, и это, конечно, была доза не для новичков. Затем Махараджи отправил все таблетки себе в рот. Моей реакцией был шок в сочетании с предвкушающим интересом учёного-социолога, жаждущего увидеть, что из этого выйдет.

Махараджи позволил мне остаться рядом с ним на час — но ничего не случилось. Абсолютно ничего. Он лишь посмеялся надо мной.

Всё это произошло очень быстро и неожиданно. Когда в 1968 году я вернулся в Соединённые Штаты, я рассказал об этом «кислотном подвиге» многим людям. И всё же у меня осталось гложущее сомнение относительно того, что, возможно, он просто одурачил меня и в действительности выбросил таблетки через плечо или спрятал в руке, так как я не видел их у него во рту.

Через три года, когда я вновь приехал в Индию, он однажды спросил меня: «Ты давал мне лекарство, когда был здесь в прошлый раз?»

— Да.

— Я принял его? — спросил он. (Ага, вот мои сомненья и нашли своё выражение!)

— Думаю, да.

— И что произошло?

— Ничего.

— О! Джао! — и он отправил меня восвояси.

На следующее утро я был вызван на веранду перед его комнатой, где он по утрам сидел на тукете. Он спросил: «У тебя есть ещё лекарство?»

У меня с собой как раз было немного ЛСД «на всякий случай», и, по всей видимости, это был как раз тот случай. «Да» — ответил я.

— Неси, — сказал он, и я принёс. В пузырьке было пять таблеток по триста микрограмм каждая. Одна из таблеток была поломана. Я высыпал их себе на ладонь и протянул ему. Он взял четыре таблетки и затем одну за другой очень явственно отправил себе в рот и проглотил — я получил ответ ещё на один свой тайный вопрос.

Проглотив последнюю таблетку, он спросил: «Я могу выпить воды?»

— Да.

— Горячую или холодную?

— Не имеет значения.

Он начал кричать, чтобы ему принесли воды, и выпил одну чашку.

Затем он спросил: «Когда оно начнёт действовать?»

— От двадцати минут до часа.

Он велел позвать одного старичка, своего давнего преданного, у которого были часы. Махараджи взял эти часы и периодически подтягивая их к себе, смотрел, сколько прошло времени. Затем он спросил: «Я сойду от этого с ума?»

Мне всё это казалось таким странным, что я мог только подыгрывать этому представлению, и я сказал: «Может быть».

Он ещё немного подождал, а затем натянул одеяло себе на лицо. Когда он выглянул обратно, его глаза закатились, рот отвис и в целом он выглядел полным идиотом. Я ужаснулся. Что происходит? Как я мог ошибиться в его способностях? В конце концов, он был старым человеком (хотя насколько он был стар, я понятия не имел), а я позволил ему принять тысячу двести микрограммов. Может быть, в прошлый раз он действительно выбросил их, а затем, прочитав мои мысли, попытался доказать мне, что он может это сделать, не зная того, насколько в действительности сильно это «лекарство». Я ощутил глубокое чувство вины и беспокойства. Но когда я вновь взглянул на него, у него был абсолютно нормальный вид и он смотрел на часы.

По прошествии часа стало ясно, что ничего не произошло. Его реакция была розыгрышем. А затем он спросил: «У тебя есть что-нибудь по сильнее?» У меня не было. «Эти лекарства использовались в долине Кулу давным-давно. Но йоги утратили это знание. Их использовали, сочетая с соблюдением поста. Теперь никто об этом не знает. Чтобы они не оказали негативного воздействия, ум должен быть прочно сконцентрирован на Боге. Другие боялись их принимать. Многие святые не принимали их». И на этом тема была закрыта. (Р.Д.)

*

Когда я спросил его, продолжать ли мне принимать ЛСД, он сказал: «Его не следует принимать в жарком климате. Если ты находишься в прохладном и спокойном месте, в одиночестве, и если твой ум направлен на Бога, тогда ты можешь принять это йогическое лекарство». (Р. Д.)

ЛСД хорош для мирского, но не для духовного.

ЛСД позволит вам войти в комнату и совершить пранам перед Христом, но через два часа вы должны уйти.

Лучшее лекарство — это любовь к Христу.

ЛСД — это не истинное самадхи.

Как-то один западный преданный попросил меня быть его переводчиком. Он хотел спросить Махараджи, как он может помочь своему оставшемуся в Америке другу, который находился в состоянии сильного замешательства из-за многочисленных приёмов ЛСД. Махараджи сказал, чтобы я посоветовал другу всё время думать о Боге.

*

Я принёс с собой фотографию юноши, который умер в Америке при странных обстоятельствах. В 1968 году он приехал ко мне в Нью-Гемпшир, став одним из моих первых учеников йоги. Он приходил каждую неделю и моментально впитывал всё то, что я передавал ему из тех знаний, которые я приобрёл в Индии. В конце концов я решил отправить его к Хари Дасу для дальнейшего обучения. Но он предпочёл поселиться в одной из пещер Аризоны и там продолжить свою садхану. Я научил его всему, чему мог, но в течение зимы 1968/69 годов он регулярно писал мне письма и напоминал о себе. Затем какое-то время никаких известий от него не было, и позже я узнал, что он умер. Его мать показала мне последние записи, которые он сделал в своём дневнике, и они были крайне необычными. У меня возникло подозрение, что самая последняя запись была сделана, когда он находился под воздействием ЛСД. Рассказывали, что, когда его нашли мёртвым в пещере, из носа у него текла кровь, на стенах также были следы крови. Наверное, он выполнял *пранаяму* (йогическую дыхательную практику), и у него лопнул кровеносный сосуд. Запись в дневнике сообщала следующее:

«Рамана Махарши и мой гуру направляют моё махасамадхи... никаких волнений... я пребываю в состоянии бесконечного блаженства... и буду направлять вас изнутри... напишите Рам Дасу и сообщите ему хорошую новость, что мне больше не нужно выполнять садхану... я уже там... Любовь, любовь... Я знаю, что происходит, гуру со мной, внутри...

знайте, что я оставил тело, полностью отождествившись с Иисусом... «.

Я пообещал матери этого юноши, что во время своего следующего визита к Махараджи спрошу его о её сыне. Дождавшись подходящего момента, я вытащил его школьную выпускную фотографию и отдал её Махараджи. Он пристально посмотрел на неё и сказал: «Он больше не находится в своём теле».

— Да, это так, Махараджи.

— Он умер от того, что принял лекарство.

— Я так и думал. — (Для меня это означало, что он не вошёл в истинное самадхи, а, скорее всего, выполнял пранаяму, находясь под воздействием ЛСД.)

Махараджи, по всей видимости, понял мои сомнения и сказал: «Нет, всё в порядке. Он не будет больше рождаться. Он завершил свою работу. Сейчас он пребывает в единстве с Христом. Он очень любил тебя. Он плакал о тебе».

Махараджи некоторое время помолчал, а затем добавил: «Ты должен сказать его матери, чтобы она не переживала. Он пребывает в единстве с Христом. Он наблюдает за ней. Он завершил свою работу». (Махараджи в точности процитировал слова из дневника и дал мне понять, что при определённых обстоятельствах ЛСД может стать средством возвращения к Богу.) Затем он закрыл глаза и замолчал. Это было мгновение, наполненное великой силой. (Р. Д.)

*

Однажды утром мы, группа людей, принявших «кислоту», решили пораньше проникнуть в ашрам и занять места в переднем ряду. И мы прошли над ручьем и вдоль стены, прямо через картофельные грядки. Мы совершили своё утреннее омовение под крики «Ситарам (приветствие, в котором используются имена Ситы, супруги Рамы, и самого Рамы)!», надели свежую чистую одежду и заняли первые места перед тукетом. Мы сосредоточились, начали выполнять свои медитации (или занимались тем, чем обычно занимаются преданные, ожидая появления Махараджи). Мы все были под наркотическим воздействием и сидели в один ряд. Моё место было у края тукета. Внезапно дверь очень резко отворилась — бам! — и перед нами предстал Махараджи в новехоньком психоделическом одеяле, подаренном ему одним из преданных. Никто не успел вскочить на ноги. Он появился неожиданно,

сверкая, как звезда. Все пытались встать, а он лишь прокладывал себе путь, пиная нас ногами. Затем он сел на лавку, не обращая на присутствующих никакого внимания.

Он просто сидел, изредка поглядывая на кого-либо, а затем продолжая смотреть в небо. После этого он прошёлся по ряду, бросая взгляд на каждого из сидящих, иногда не более чем на мгновение. Это длилось около десяти минут. Он вышел раньше обычного. Остальные обитатели ашрама поняли, что он уже появился, и бегом прибежали на место проведения даршана. Однако он тут же вернулся в свою комнату.

*

Для меня было неопишваемым переживание, когда мы были с ним, находясь под воздействием ЛСД. Ты видишь его сидящего перед тобой, смотрящего и говорящего, и ощущаешь, что на его месте вообще никого нет. Никто играл в игру, будто он некто! То утро (описанное выше другим преданным) было невероятно блаженным, и весь день был таким же.

*

Во время того «кислотного путешествия» (см. выше) Д. подарил Махараджи своё новое одеяло — сине-жёлто-красно-зелёное. У меня есть фотография этого красочного одеяла. Много людей тогда пребывали в состоянии наркотического дурмана, они сидели вокруг тукета, ожидая, когда он выйдет из своей комнаты. Выйдя, он почти вспрыгнул на тукет, столько энергии у него было. Вот он! Появился! Он ткнул в грудь какую-то женщину в первом ряду и сказал: «Тебе нравится ЛСД?» Это было первое, что он сказал. Затем он начал смеяться, и вскоре смеялись уже все присутствующие. Потом он стал серьёзным, и все начали плакать. Было такое впечатление, будто он нажимает на какие-то кнопки в нас. Когда все заплакали, он сказал: «Что это за плач? Терпеть не могу, когда плачут! Прекратите!»

Однажды произошёл случай, который глубоко оскорбил нравственные чувства преданных-индусов. Он был связан с ЛСД. Молодой западный преданный принял ЛСД и явился в храм. Вся его одежда состояла из шали, которую он обернул вокруг тела. Увидев Махараджи, который шёл, держа за руки двух преданных, этот молодой человек подошёл к нему сзади и попытался обнять его. Когда он поднял руки, его шаль

накрыла головы преданных и одновременно обнажила его собственную ногу. Этот инцидент, который мог показаться наблюдателю возмутительным, самому виновнику таковым не казался. Это явствовало из диалога между ним и присутствовавшим при этом другим преданным.

С: Знаешь, я видел, в каком состоянии ты был в тот день, пытаюсь схватить Махараджи сзади...

Р: Да, я хотел поцеловать его. Я хотел обнять и поцеловать его.

С: А Махараджи смеялся. Когда ты протянул руки, чтобы схватить его сзади, своим красным одеялом ты накрыл лицо Дады и того, кто шёл рядом с ними. Под одеялом ты был обнажённым. Махараджи хихикал и подмигивал, качая головой. Когда он отправился в свою комнату, ты пошёл и совершил пранам перед подметальщиком...

Р: Он был самым маленьким парнем в ашраме, и он стоял там, на моём пути. А я был вообще никем, у меня даже не было тела. А этот парень был Богом! Он стоял там со своей грязной метлой, у него ничего не было — и мне пришлось выполнить перед ним пранам. Этот подметальщик был ростом всего в двенадцать дюймов, вы бы его и не заметили. Он всё время был там, но на самом деле он был невидим.

С: Когда это всё происходило, Махараджи был у себя в комнате один, за закрытой дверью, но он очень сильно смеялся. Я как раз тогда стоял у окна. Махараджи спрашивал нас всех: «Что произошло? Почему он так себя ведёт? Что он сделал?» Я ответил: «Махараджи, я не знаю», а Махараджи сказал: «Он съел слишком много джелеби». Затем он завёл речь об ЛСД, спрашивая каждого из нас, стоящих возле окна: «Ты принимаешь его? Ты принимаешь его?» Нашёлся один приехавший с Запада, который гордо ответил: «Да, принимаю».

Затем прошёл слух, что на тебе совсем ничего нет. На некоторое время воцарилась тишина. Все смотрели на Махараджи, который, оперевшись об окно, пристально всматривался в одного преданного-индуса, а затем произнёс: «Голый!» Шокированный преданный, прикрыв руками свою промежность и сгорбившись, воскликнул: «Махараджи!»

Ты сидел во дворе и вместе со всеми пел. Дада выглянул из дверей и воскликнул: «Вот он! Это он!» Махараджи посмотрел и сказал: «Не знаю. Я так не думаю. Я думаю, что это не он». И так продолжалось

некоторое время. Дада говорил: «Я знаю, это — он. Я уверен, что это он». Махараджи не узнавал тебя. Наконец, примерно через двадцать минут он сказал: «Ну ладно, может быть, это и он». Затем он подозвал тебя к себе и велел уйти.

Р: Да. Мне перевели его слова так: «Махараджи говорит, что ты плохой и должен уйти прямо сейчас». Я сказал: «О'Кей, Махараджи», но я не понимаю, как это вообще могло его расстроить. Я видел его в тот день таким любящим, просто безгранично. Когда меня выносили — идти я не мог, ног у меня не было — я пребывал в полном блаженстве. У меня было ощущение, что меня несут ангелы. Вокруг меня было столько любви, что я не чувствовал никакого смущения.

С: Впервые после того «кислотного путешествия» ты появился в ашраме через месяц. На тебе было дхоти, жилет. Ты вошёл и присоединился к распеваящему сатсангу, сидевшему возле окна.

Р: Я не знаю, как он меня назвал, в то время я очень плохо понимал хинди. Этим словом он всегда называл Даду. Что-то вроде «бадмаш», но другое. Он сказал: «Дурак! Джао!» И тут меня будто громом поразило. Мне стало так обидно. Как будто меня отвергло самое любимое существо; мне было действительно больно. Шатаясь, я вышел из ашрама, обуреваемый мыслями: «Он не может так поступить со мной. Я приду ещё миллион раз». Но произошедший инцидент породил во мне желание измениться. Я начал ощущать вину за то, что я сотворил в возрасте двух лет. Я был настолько преисполнен раскаяния из-за того, что я такой бадмаш, что я ощутил некоего рода решимость вернуть его любовь.

Когда я наконец вернулся, после посещения Ламы Говинды, я пришёл вместе с Анатой. (Это было незадолго до смерти Махараджи.) Все сидели вокруг Махараджи, он давал даршан. Я очень боялся, что он меня прогонит, но сохранял очень спокойный вид. Он взглянул на меня и спросил: «Ты пришёл с ней?» Я ответил: «Да». Он добавил: «Ты был у Ламы Говинды».

— Правильно.

Затем он сказал: «Как долго», и, закатив глаза, посмотрел в сторону, затем — внезапно — повернулся и, взглянув на меня, произнёс: «Джао!» И тогда какой-то парень за мной вскочил и убежал! Я понял, что его крик был направлен выше моей головы. Затем он посмотрел на меня и засмеялся! Я был прощён. После этого он ещё несколько раз смотрел на

меня и просто смеялся. Это было такое блаженство!

*

После этого случая Махараджи начал говорить: «ЛСД заставляет раздеваться догола и пускаться в пляс». Он собрал всех нас в задней части ашрама в Каинчи. Мы сидели большим кругом; присутствовало около тридцати пяти западных преданных. Махараджи подходил к каждому человеку и, назвав его по имени, задавал вопрос: «У тебя когда-нибудь был ЛСД?» И все отвечали: «Да, Махараджи». Все до единого. (Из всей группы был только один человек, который ни разу не принимал ЛСД — француз, который какое-то время жил в Израиле.) Махараджи немного поразмышлял над этим — он просто сидел и медитировал.

В тот же день в ашрам пришли четыре молодых человека. Как только они появились, Махараджи позвал: «Доктор!» Я вошёл в его «кабинет», и он сказал: «Пришли четыре молодых человека. Иди к воротам и прогони их из ашрама, они приняли ЛСД». Я отправился к воротам и сказал: «Привет. А вы, ребята, случайно не приняли ЛСД?»

Все четверо ответили: «Нет, мы никогда не принимали ЛСД»-

Тогда я сказал: «Простите, мне нужно пойти спросить». Я оставил их у ворот и пошёл к Махараджи. «Махараджи, они никогда не принимали ЛСД».

Он сказал: «Вышвырни их из ашрама. Они приняли ЛСД».

Я вернулся и вновь задал им тот же вопрос. Я сказал: «Махараджи говорит, что вы не можете войти. Вы должны покинуть ашрам. Вы приняли ЛСД». Они начали очень яростно спорить, утверждая, что никогда в жизни не принимали ЛСД. Я вновь пошёл к Махараджи и начал просить за них: «Махараджи, мы все принимали много ЛСД, и я сам часто его принимал. Мы все употребляли много ЛСД».

Он сказал: «Эти четыре парня приняли ЛСД. Пойди и вышвырни их из ашрама. Это приказ!» Тогда я пошёл и вышвырнул их. Больше они никогда не приходили. А я так ничего и не понял из этого случая!

*

У К. К. однажды возникло желание попробовать ЛСД, но он посчитал необходимым вначале спросить разрешения у Махараджи. Когда он задал ему этот вопрос, Махараджи сказал: «Что? У тебя что-то не в порядке с умом?»

О медитации

Махараджи часто говорил о ценности медитации как духовной практики — и он сам, казалось, почти всё время пребывал в медитативном состоянии. Однако он делал так, что большинству из нас было трудно медитировать в его присутствии. Но когда нам это удавалось, результаты были поистине поразительные.

Мирские люди идут вовне, а вы должны идти внутрь, подобно черепахе, забираясь в свой панцирь.

Медитация полезна. Можно достичь чистоты ума посредством концентрации и отречения. Медитируйте, собрав всё своё внимание, и вы познаете Бога.

Очистите свой ум от всех мирских вещей.

Если вы не можете контролировать свой ум, как вы достигнете Богореализации?

Иногда Махараджи говорил: «Что я знаю? Англия так далеко». Но иногда он говорил об Англии так, будто лично побывал там. М. попросил его дать ему часть силы, благодаря которой Махараджи мог видеть Англию, и даже дальше. Махараджи засмеялся и сказал: «Нет. Постепенно с помощью практики ты сможешь получить её. Это не является невозможным; необходима регулярная садхана и стойкость по отношению к трудностям, встречающимся на твоём пути».

М. начал выполнять пуджу и медитацию согласно наставлениям Махараджи. Махараджи дал ему мантру и сказал, что он может начинать как угодно, по желанию; это не имеет значения. Некоторое время спустя, когда М. и Махараджи ехали в запряжённой лошадию повозке, М. спросил о блуждающем во время медитации уме: «Он не стоит на одном месте, возникает много разных мыслей. Что мне делать?» Как раз в этот

момент дорогу неожиданно начал перебегать маленький ребёнок, и извозчик резко натянул поводья, чтобы остановить лошадь. Махараджи сказал: «Вот так», указывая на извозчика, крепко держащего поводья. «Как только ум начнёт блуждать то туда, то сюда, ты всегда должен пытаться удержать его на одном месте. Ты должен концентрировать его посредством постоянной практики, и тогда он автоматически будет сосредоточиваться на том, на чём ты хочешь медитировать. В конце концов, после нескольких лет практики, ум становится спокойным».

*

Однажды Махараджи позвал меня в свой «кабинет» в Каинчи и велел мне сесть рядом с ним на кровать. В те дни я думал, что медитация это «нечто особенное», и вот — я сижу рядом с гуру. Я подумал, что настало время медитировать, «настроиться» на духовное. Без использования слов и каких-либо реакций Махараджи разрушал все мои ложные представления о медитации. Все концепции отпадали одна за другой, пока наконец ничего не осталось, а я просто сидел рядом с ним, не испытывая ничего трансцендентального. Была только пустота. И в тот момент, когда я достиг этого, он произнёс своё «Джао!» — и выпроводил меня.

*

Всё время, пока он говорил с вами, он пребывал в состоянии медитации. И вы это чувствовали.

*

Когда Махараджи сидел вместе с нами, мы видели, что он находится в состоянии глубокого самадхи. Кивок головой — и он уносился далеко-далеко; ещё кивок — и он возвращался обратно. Мы всё время чувствовали, что он может быть где угодно. Это то, что мы сами видели; несмотря на то, что он скрывал это, мы просто не могли этого не замечать.

*

Однажды мы сидели в задней части ашрама, все остальные были отправлены по разным делам. Небо над нашими головами было очень красивое — красно-багрового цвета. Махараджи явно пребывал в самадхи. Это было не состояние безмолвия, но это несомненно было

некого рода самадхи. Отклонившись назад, он спросил: «В Америке такое же небо?» И я понял, что когда вернусь в Америку, то обнаружу какую-то связь с этим моментом. Сегодня я как раз думал об этом.

*

Однажды вечером К. К. пригласил меня поехать вместе с ним и его двоюродным братом М. Л. в Каинчи. Они должны были отвезти несколько ламп и другие вещи, купленные по указанию Махараджи, для приближающегося ритуального праздника. Я был в восторге от такой возможности, поскольку мне никогда не позволялось находиться в храме в Каинчи в вечернее время, после закрытия ворот, когда там находился Махараджи.

Это было время, когда сумерки начали сгущаться, всё было мягким и безмолвным. Когда мы прибыли в храм, Махараджи сидел в одиночестве на своём тукете. М. Л. и я присели рядом, пока К. К. пошёл складывать все привезённые нами вещи. На этот раз не было никаких разговоров и подшучиваний. И это было то, о чём я действительно мечтал, — возможность помедитировать в присутствии Махараджи, поскольку постоянная атмосфера слов и яблوك, обычно окружавшая его, удерживала сознание сконцентрированным на физическом плане. И хотя моё стремление встретиться с ним на других планах было всегда сильным и постоянным, когда передо мной разворачивались все эти события, мне не хватало дисциплины не обращать на всё происходящее внимание и направить ум внутрь, сконцентрироваться на *аджне* (третьем глазе) так, чтобы вывести сознание на другие планы.

Сейчас нас окружала тишина, и это была прекрасная возможность. Я сел в позу лотоса и сосредоточил своё внимание на аджне. Почти сразу же я вошёл в состояние глубокой медитации и почувствовал, как физический план уплывает куда-то прочь. И тут я смутно осознал, что Махараджи внезапно лёг на бок и захрапел. Я слегка удивился, поскольку по положению его тела было видно, что на самом деле он не спит. Однако у меня не оказалось времени поразмышлять над этим, так как неожиданно моё тело начали сотрясать резкие и мощные толчки энергии, от которых у меня буквально застучали зубы. Интенсивность толчков, казалось, возрастала, и концентрация была потеряна, так как всё внимание переключилось на трясущееся тело. Внезапно Махараджи сел, повернулся к М. Л. и сказал: «Спроси у Рам Даса, сколько денег зарабатывает Стивен».

Его слова доносились до меня откуда-то издалека, затем я услышал и ответ М. Л. Тот сказал, что не хочет меня беспокоить, так как я медитирую. Однако Махараджи настаивал, и М. Л. легонько потряс меня за колено. Я чувствовал сильное внутреннее сопротивление необходимости «спуститься», и я попытался спуститься только в той степени, чтобы ответить: «Тридцать тысяч в год», надеясь, что потом мне позволят вернуться обратно «наверх». Но как только я оказался внизу, переживание прекратилось. Однако оно ясно продемонстрировало мне, что моя дисциплина ума ещё недостаточна для работы с теми громадными энергиями, которые Махараджи мог запускать во мне посредством одного только храпа.

Вскоре нам было сказано «Джао». Дойдя до угла храма, я оглянулся. Махараджи сидел в темноте, завернутый в своё одеяло, неподвижно, как статуя. В тот момент в нём было что-то неземное. Это был не гот Махараджи, которого мы знали по моментам теплоты и близости; это был далёкий Шива, сидящий на вершине горы Кайлаш в вечной медитации. Это был тот аспект Махараджи, который, подобно Гималаям, казался безграничным и безличностным. Он затронул во мне нечто глубинное и невинное. Эта сила тянула меня к себе. Это была любовь вне пределов любви. (Р. Д.)

Медитируйте для того, чтобы поднять кундалини. Думайте о Боге, и она поднимется.

Для того чтобы увидеть Бога, вам нужны особые глаза, иначе вы не сможете вынести это потрясение.

Когда я был маленьким ребёнком, он часто накрывал мне голову своим одеялом. И я ощущал некоего рода вибрацию — я начинал дрожать от макушки до пят. Вы можете назвать это ощущением, но «ощущение» — это слабое слово для описания того, что я чувствовал. Я не могу выразить это наслаждение.

*

Одна Ма говорила о том, что хотела бы побывать в Читракуте.

Махараджи сказал: «Ты хочешь отправиться в Читракут», — и схватил её за запястье. Следующее, что она осознала, это то, что она находится в Читракуте. Вернувшись обратно в храм, она ещё восемь часов не могла прийти в себя.

*

Когда во время мелы Махараджи впервые ввел Гурудатта Шарма в самадхи, за ним пришлось внимательно наблюдать, поскольку он пребывал в таком экстазе, что мы опасались, как бы он не упал в костер.

*

Купая его, я положил свою руку ему на голову, и всё моё тело оказалось заряженным электричеством.

*

По пути в Джагешвар мы остановились в Алморе, и Махараджи попросил меня помедитировать. Перед тем как потерять осознание, я пережил ощущение полёта и подумал о горе Кайлаш. Через некоторое время я вернулся в своё обычное состояние, и мы отправились дальше. Позже моя жена и другие люди рассказывали, что как раз в это время видели меня и Махараджи в Дели. Они недоумевали, почему мы так быстро исчезли.

*

Как-то во время посещения ашрама Махараджи попросил одного из своих преданных помедитировать. Преданный сел на землю и тут же вошёл в состояние самадхи. Махараджи попросил ашрамитов заглянуть ему в глаза и потрясти его, что вернуть обратно. Они попробовали сделать это, но безуспешно, он был словно каменный. Через десять или пятнадцать минут Махараджи повернулся к преданному и громко закричал: «Поднимайся! Вставай!» Тот сразу же открыл глаза и встал. Махараджи даже не прикоснулся к нему. Позже Махараджи спросил свами, живших в ашраме: «Вы сидите в медитации? Вы можете сидеть вот так?»

*

Его методы обучения концентрации и медитации были уникальны. Иногда он начинал трясти вас как раз в тот момент, когда вы только начинали испытывать удовольствие. Однажды я спросил его, зачем он прервал моё самадхи, и он ответил, что ум имеет свои ограничения, что я

нахожусь в физическом теле и что эти вещи достигаются медленно, постепенно — иначе я могу стать сумасшедшим. Он понимал возможности вашего тела.

*

Махараджи никогда не позволял мне медитировать на него, когда я находился в его присутствии. Даже сейчас, если я пытаюсь сконцентрироваться на нём, происходит какая-нибудь напасть, которая прерывает мою медитацию. Однако нехватки блаженства я не испытываю.

*

Махараджи всегда срывал наши попытки войти в медитацию. Много раз, когда мы сидели и кто-нибудь начинал медитировать, Махараджи насылал двух своих «разрушителей медитации». Первым был его водитель, а вторым — маленьких мальчик, друг этого водителя. Он посылал их, чтобы они трясли людей и выводили их из медитации. Однажды мы сидели рядом с ним, и он сказал: «Ладно, медитируйте», однако примерно через минуту начал рассказывать анекдоты, заставив, таким образом, всех прекратить медитацию. В другой раз Махараджи позвал нас в свой «кабинет» и велел петь. Мы начали петь, но ни у кого не было особого желания это делать, и вскоре мы замолчали. Тогда он закричал из другой комнаты: «Продолжайте петь». Мы вновь затянули песню, и вновь не допели её до конца. И он снова закричал: «Продолжайте петь». И наконец, часа через три дело пошло на лад, и пение было действительно великолепным. Закончив, мы все естественным образом впали в медитативное состояние, но тут же услышали из другой комнаты: «Идите обедать», и нас отвели на обед. Нам никогда не удавалось ухватиться за это медитативное пространство.

*

Я очень высоко ценил медитацию, поэтому, когда я узнал, что один учитель медитации собирается провести дождливый летний сезон в Каусани, небольшой отдалённой деревушке в Гималаях, я вместе с тремя другими западными ищущими начал разрабатывать тщательный план проведения лета в спокойной, но интенсивной практике. Когда я рассказал о своих намерениях Махараджи, всё, что он произнёс, было: «Если ты так хочешь», а затем добавил: «Отправляйся! Я позову тебя».

Домик в Каусани был идеальным местом, и мы поселились в нём с

большой радостью — казалось, наша мечта о летней медитации сбудется. Мы вырыли туалет, по очереди носили воду и готовили пищу, в блаженстве взирали на Гималаи и ждали прибытия нашего учителя — Анагорики Муниндры.

В начале второй недели нашего пребывания мы услышали, что в деревню прибыло ещё несколько европейцев, которые остановились в небольшой гостинице, расположенной внизу. Мы пришли к единодушному мнению, что их не следует приглашать в наш дом, так как мы должны беречь своё пространство для той работы, которую мы начнём с приездом Муниндры. Но европейцы продолжали прибывать в Каусани, и им вовсе не хотелось оставаться внизу. Нет никаких сомнений, что это Махараджи велел им приехать сюда. Он говорил им: «Поезжайте в Каусани и присоединяйтесь к Рам Дасу. Это курс для новичков. Не для Рам Даса».

Я был в ярости. Махараджи знал, что мы хотели побыть в одиночестве, и всё же он намеренно посылал к нам людей, количество которых уже выросло до двадцати. Однако, несмотря ни на что, мы решили придерживаться своего первоначального плана.

Но мы недооценивали масштабов лилы Махараджи, ибо в конце второй недели нашего пребывания от Муниндры пришло письмо: «В связи с некоторыми административными делами, которые мне необходимо решить здесь, в Бодх Гайе, я не смогу приехать в Каусани этим летом». Вот и все наши мечты. Выбросив свои фантазии о спокойном лете, проведённом в медитации, мы присоединились к другим западным ищущим, приехавшим в деревню, и переселились в ашрам на другой стороне долины, где продуктивно и интенсивно провели лето.

Мы вернулись в Каинчи ближе к осени, по зову Махараджи. Когда мы предстали перед ним на даршане, он засмеялся и сказал: «Рам Дас — учитель, Рам Дас — учитель. Буддийский учитель так и не приехал. Рам Дас — учитель, Рам Дас — учитель». Он хихикал и тянул меня за бороду. У меня нет никаких сомнений — летние события были не случайным крушением наших планов. Кое-кто приложил к этому руку. (Р. Д.)

*

Махараджи наставлял меня быть самим собой и не говорить слишком много. Он также сказал, чтобы я концентрировался на аджне и думал о нём. И вот однажды летом, когда мы были в Каусани (примерно в

пятидесяти милях от того места, где жил тогда Махараджи), я остался один в своей комнате и решил провести ритрит. Я постился в течение пяти дней. Со мной было много фотографий Махараджи.

Перед началом этого ритрита я прочёл историю из Махабхараты о братьях Пандавах, из которых Арджуна был самым искусным. Братья, как гласит эпос, завидовали мастерству Арджуны и спросили своего гуру, почему он настолько превосходит их в своих умениях. Гуру сказал: «В этом нет ничего особенного. Просто он хочет этого больше, чем вы». Чтобы продемонстрировать им свою идею, гуру дал им задание подстрелить из лука птицу прямо в глаз. Арджуна легко справился с этой задачей. После этого гуру спросил каждого из братьев, что он видел. Один описал дерево, на котором сидела птица, второй описал птицу и расцветку её оперенья. Арджуна же сказал: «Я видел глаз птицы».

Я хотел видеть Махараджи так же, как Арджуна видел глаз той птицы. Я должен был сделать Махараджи объектом своей медитации, так как концентрация на нём автоматически приводила к сосредоточению взгляда, ума и сердца. Через день или два фотографии Махараджи, казалось, потеряли свою ценность, и я их отложил, однако я по-прежнему чувствовал его присутствие в моей комнате. На четвёртый день я ощутил его так близко, будто он стоял прямо за моей спиной.

Пост сделал меня эмоционально очень чувствительным, поэтому, когда я почувствовал, что его больше нет ни за моей спиной, ни в комнате, я очень расстроился. Затем я осознал, что Махараджи отсутствовал лишь как обособленная сущность; ибо всё произошедшее за эти дни медитации было проявлением того факта, что он приближался ко мне всё ближе и ближе, пока не проник внутрь меня. Я чувствовал, что я один, не одинок, а именно один. Я ощущал силу, ясность и полноту, а также безмолвие — даже в присутствии звуков. У меня было чувство, будто я остался единственным человеком на земле. Когда я наконец вышел из комнаты и оказался в компании других людей, это чувство постепенно оставило меня, но теперь я знаю, что на пути слияния с Махараджи лежит моя свобода. (Р. Д.)

Кундалини покоится ниже пупа.

Она может быть поднята милостью гуру, простым, мягким

О служении

Когда Махараджи спросили, почему его окружает так много «бадмашей», он сказал: «Только больной человек идёт к врачу». И подобно старому и надёжному семейному доктору, Махараджи был готов прийти на помощь своим преданным днём и ночью. Он даже наносил визиты на дом. Так что его собственное поведение было идеальным примером той садханы, которую он поощрял в своих преданных, — бескорыстное служение с любовью. Домовладельцам, которые составляли большую часть его преданных, Махараджи обычно не предписывал суровые аскетические методы, длительную медитативную практику или проведение сложных ритуалов. Он указывал нам путь карма йоги, путь сближения с Богом через жизнь, исполненную преданного служения. Таким образом, Махараджи отражал учения великих книг — Рамаяны, Бхагавад Гиты и Библии. Однако он подчёркивал, что одна лишь упорная работа — это не главное. Необходима работа, выполняемая с мыслями о Боге; то есть работа, совершаемая с любовью, в присутствии Божественной милости.

Один человек так много работал в ашраме, что он почти никогда не получал даршан Махараджи. Но однажды, поздно вечером, случилось так, что все преданные, один за другим, разошлись, и Махараджи остался один на своём тукете. И тогда тот человек подошёл к нему и сел рядом. Махараджи выглядел удивлённым — ведь, казалось, что у этого преданного никогда не было времени на даршан, и он спросил: «Что бы ты хотел?»

Тот ответил: «Атма-гьян (знание о своём истинном «Я»»).

Махараджи сказал: «Служение всем — это и есть атма-гьян».

*

Махараджи иногда цитировал Гиту, то место, которое касалось очищения сердца, и говорил: «Вы можете достичь сосредоточенности

посредством работы; Гита утверждает, а вы затем постигаете это».

Служите бедным и думайте о Боге, и вы станете едины с Христом.

— Давал ли вам Махараджи особые учения? Мягко улыбнувшись, Брахмачари Баба ответил на это так: «Он учил меня служению».

После этого мы некоторое время пребывали в молчании.

*

Махараджи спросил Х. С. как, по его мнению, человек достигает успеха в мире. Х. С. ответил: «Прилежной и искренней работой». Махараджи сказал, что при этом необходима также милость Бога. Без Божественной милости никакая упорная работа успеха не принесёт.

*

Однажды я спросил Махараджи, как это возможно, — всё время думать о Боге? И он рассказал мне историю о Нараде (небесном мудреце) и мяснике:

Вишну (один из аспектов Бога) всегда хвалил мясника, и Нарада недоумевал по этому поводу, ведь мясник всегда был занят своими делами, а он, Нарада, двадцать четыре часа в сутки восхвалял Вишну. И тогда Вишну дал Нараде задание — отнести чашу, наполненную до краев маслом, на вершину горы, не пролив при этом ни капли. Когда задача была выполнена, Вишну спросил, сколько раз Нарада вспомнил о Нём. Нарада сказал, что не мог этого сделать, так как ему пришлось полностью сосредоточиться на чаше и подъёме в гору. Тогда Вишну отправил его к мяснику и тот поведал, что, когда работает, всегда думает о Боге.

Закончив рассказ, Махараджи сказал: «Какую бы работу вам и пришлось делать, выполняйте её, но тренируйте свой ум так, чтобы в подсознании вы всегда помнили о Боге».

*

Махараджи часто говорил мне, чтобы я пребывал в одиночестве, поменьше контактировал с людьми, но вместе с тем, чтобы я служил людям и кормил их. Однажды я оставался в своей комнате, так как Махараджи сказал, что я должен есть в одиночестве и отказаться от компании других людей. В тот вечер одна западная пара затеяла драку. Позже, неодобрительно глядя на меня, Махараджи спросил их: «А где же был Рам Дас? Почему его не было, чтобы помочь вам?» (Р. Д.)

*

Я спросил Махараджи о своей садхане, и он сказал: «Служить людям — единственный путь к твоему освобождению. Тебе не нужно выполнять *дхьяну* (медитацию) или пуджу. Служи всем живым существам».

Если человек работает для бога, его работа будет выполнена сама по себе.

Работа — это Бог.

Работа — это поклонение.

Ум должен быть всегда занят работой.

— Махараджи, как я могу познать Бога?

— Служи людям.

*

— Махараджи, как я могу стать просветлённым?

— Корми людей.

*

Махараджи, как я могу поднять кундалини?

— Служи людям и корми их.

*

Махараджи открыл нам истинную радость служения как путь к единству с Богом. Интересно наблюдать, как окружающие люди критически воспринимают нас, ведь они не понимают, почему мы работаем так упорно и с такой радостью.

*

Махараджи дарует вам привилегию делать его работу.

*

Один преданный сказал: «Это большая честь — иметь возможность служить Махараджи».

О гневе и любви (Магистр оскорблений)

Махараджи по-разному реагировал на тех из нас, кто был подвержен действию гнева. Но все его реакции рано или поздно выносили этот гнев на поверхность и помогали нам начать избавление от него. Иногда преданный становился объектом беспрестанного шквала оскорблений со стороны Махараджи. Эти оскорбления, с лежащей в их основе любовью, были великолепной панацеей даже от самого скрытого и глубоко укоренившегося гнева. В других случаях казалось, что ситуации вокруг Махараджи сами складываются так, что выталкивают весь наш гнев на поверхность, это было подобно гною, прорвавшему сильно загноившийся фурункул. А Махараджи оказывался рядом как раз в нужный момент, с соответствующим словом или взглядом, чтобы выпустить этот гнев, — а также с чашкой молока, чтобы успокоить душу после произведённой хирургической операции.

В течение двух лет Махараджи поручал Даде выполнять много разных дел по поддержанию порядка в храме, то, чего он так тщательно избегал у себя дома. И всё это время Махараджи с утра до вечера оскорблял его как в лицо, так и за спиной. В процессе такой практики Дада научился хорошо контролировать гнев.

Спустя два года Махараджи спросил жену Дады, проявляет ли он свой гнев, и она ответила, что это случается очень редко.

*

Махараджи сказал Даде, что если бы был на месте его жены, то уже давным-давно прогнал Даду из дома.

*

Махараджи повернулся к Даде и сказал: «Ты дурак». Дада согласился. Тогда Махараджи сказал: «Ты не дурак». И Дада снова согласился.

*

То, что Дада стал философски относиться к оскорблениям Махараджи в свой адрес, явствует из состоявшегося между ними разговора. Неподальёку всё время слышались звуки выстрелов, и Махараджи спросил: «Что это?»

Дада ответил: «Они просто стреляют вхолостую, Баба».

— Что ты имеешь в виду под «вхолостую»?

— Это то же, что делаете вы.

— О, — сказал Махараджи с восторгом, — я тоже часто стреляю вхолостую.

*

— Дада — магистр искусств, — сказал Махараджи. Дада ответил: «А вы — магистр оскорблений».

*

Однажды, когда Махараджи своим поведением довёл до слёз одну Ма, он сказал: «Только когда вы достаточно сильны, чтобы выслушивать мои обвинения, только тогда вы можете противостоять миру».

Человек, который близок ко мне, может получить нагоняй.

Святой никогда не гневается.

Я не мог бы рассердиться на вас, даже во сне.

Однажды, когда нас, западных преданных, отправили на территорию, располагавшуюся за храмом, как это обычно бывало в течение дня, я решил (по сентиментальным соображениям) подняться в мою старую комнату. Там я жил в 1967 году. Одно из окон этой комнаты выходило на ту часть храмовой территории, которую сзади никак нельзя было

увидеть. Когда я выглядывал из окна, моё внимание привлекло нечто, что заставило меня остолбенеть, но в то же время отступить назад, чтобы меня не заметили снаружи.

Внизу, у окна комнаты Махараджи, сидел и горько плакал преданный, который работал в храме и часто был нашим переводчиком. Он явно разговаривал с Махараджи. Затем он поднялся и ушёл, весь в слезах. Когда он исчез из вида, в дверях показался Махараджи. Он вышел во двор и встал там с видом разъярённого льва или слона, и, хотя я не слышал его, скорее всего, он громко кричал, в ярости поворачиваясь во все стороны. Казалось, что все люди перед храмом дрожали от страха. Мне это всё не показалось «дхармическим» — в конце концов, Махараджи конкретно мне говорил, что святой никогда не гневается.

Меня охватило чувство, будто меня предали, ибо я собственными глазами видел Махараджи, явно пребывающего в ярости. Значит, и он не святой. Что же он за гуру? Он говорит одно, а делает другое. Я сам страшно рассердился и впервые с 1967 года ощутил в сердце холод по отношению к Махараджи. Мне в голову пришла мысль, что, наверное, мне придётся оставить его и продолжать свой путь в одиночестве. Испытывая глубокое разочарование, я спустился по лестнице и молча сел рядом с другими преданными. Позже я узнал, что сразу же после сцены, свидетелем которой я был, Махараджи вернулся в свою комнату, позвал Даду и спросил его: «Рам Дас видел, как я сердился?» Тот ответил: «Думаю, что нет». Но Махараджи настаивал на том, что я видел его гнев и послал Даду ко мне.

Найдя меня сидящим в мрачном расположении духа, Дада сказал: «Махараджи хочет знать — видел ли ты, как он сердился».

— Да — ответил я.

— Он велел передать тебе, что если у тебя есть какие-то вопросы, ответы на них ты получишь позже. — И он ушёл.

Спустя несколько минут появился тот плачущий преданный, с сумкой в руке. Он сообщил нам, что его прогоняют за то, что он якобы, как мы позже узнали, допустил порчу сорока фунтов картофеля в кладовой. Со слезами на глазах он попросился с нами и ушёл. В общем-то, этот человек не был большим специалистом своего дела, и хотя он был очень милым, но отличался большой надоедливостью. И я бы не расстроился, увидев, что он уходит, так как он постоянно заискивал перед

европейцами. Однако при данных обстоятельствах я внезапно почувствовал, что должен поддержать несчастного. Я встал и проводил его на территорию, располагавшуюся перед храмом. Появление там без разрешения уже было актом неповиновения. И когда этот убитый горем человек уже собирался выйти из ворот, я намеренно подошёл к нему, обнял, дал ему немного денег и свой адрес в Дели, на тот случай, если ему что-нибудь понадобится. Когда он ушёл, я с вызовом прошествовал обратно в храм, на территорию, располагавшуюся за ним, что напоминало сцену из кинофильма «В разгар полудня». Все поняли, что я встал в оппозицию Махараджи.

Я прождал весь день, но никаких разъяснений не последовало. Как правило, нас вызывали на территорию перед храмом только за несколько минут до отправления последнего автобуса. Как раз в то время у одной из пар были какие-то семейные трудности, и Махараджи вёл с ними беседу. Он сказал, что они должны видеть друг в друге Бога и отбросить свой гнев. Я ухмыльнулся в глубине души, вспоминая сцену, которую недавно наблюдал. Затем он сказал, перефразируя слова Кабира: «Делай с другим человеком всё, что делаешь, но никогда не выбрасывай его из своего сердца». Говоря это, он многозначительно смотрел прямо на меня. Эти слова горели в моём сердце огнём. Они подходили и к ситуации семейной пары, и к поведению Махараджи по отношению к преданному, и к моей собственной реакции на ту сцену. И я снова позволил себе оказаться вовлечённым в эту мелодраму и забыть, что всё это является иллюзией, — и о стоящей за всем этим любовью. Махараджи никогда больше ничего не говорил о том инциденте. Это делает то, что он тогда сказал, ещё более весомым. (Р. Д.)

*

Иногда поведение Махараджи напоминает мне историю, рассказанную Рамакришной о святом, который попросил змею никого не кусать и всех любить. Змея согласилась, но после этого люди стали бросать в змею камни и всё, что попадало под руки. Когда святой обнаружил змею всю израненную и побитую, он сказал ей: «Я ведь не говорил тебе, чтобы ты не шипела».

*

Я очень сердилась на Махараджи, так как мне надоело постоянно слышать от него, какая я хорошая. Я так устала от его слов: «Бохут ачча». Однажды, когда он в течение десяти минут расхваливал меня

перед одним человеком, я просто встала и ушла. И пока я шла, я продолжала слышать, как он выкрикивал подобно мантре это «бохут ачча».

Вернувшись, я села возле хавана. Позже пришёл и Махараджи. Он позвал меня к себе. Я всё ещё сердилась, размышляя: «Почему он не может оставить меня в покое? Я хочу посидеть здесь в одиночестве!» Но я всё равно подошла. Он сказал: «О, нет. Она сердится. Ей нужно выпить молока». И он велел принести молока, а мне пришлось его выпить.

*

Каждый раз, когда я очень сердился, Махараджи просил кого-нибудь принести мне тёплого молока, сладостей или кожуру кардамона, чтобы я пожевал. Он говорил, что всё это смягчает гнев.

*

Однажды, когда я находился в храме Махараджи, меня охватил сильный гнев, большая часть которого была направлена против других западных преданных. Хотя, возможно, для этого гнева и были какие-то веские причины, через две недели он достиг такой степени, которая поразила даже меня. Именно тогда я и отправился в храм. Я прибыл туда с опозданием. Все западные преданные уже расположились, как обычно, в один ряд на крыльце. Сидя там, они могли наблюдать за Махараджи и принимать прасад (в данном случае второй завтрак). Когда я сел рядом с ними, один из преданных принёс оставленную для меня тарелку из листьев с едой. И в этот момент мой гнев прорвался наружу, и я, схватив тарелку, отшвырнул её прочь. Махараджи наблюдал всё это с другого конца двора.

Почти немедленно мне было велено предстать перед ним. Я пересёк двор и встал перед ним на колени.

— Тебя что-то беспокоит? — спросил он.

— Да, — ответил я, оглядываясь на преданных. — Я не могу выносить *адхарму* (все те действия, которые отдаляют людей от Бога). Я не могу это выносить в них (указывая на западных преданных), и я не могу выносить это в себе. И вообще, я никого не могу выносить, кроме вас. — Глядя на него, я чувствовал, что он единственная безопасная гавань в этой тьме моей души, и я начал плакать. Нет, не просто плакать, а завывать.

Махараджи энергично похлопал меня по голове и послал за молоком. Когда я смог видеть сквозь пелену своих слёз, я увидел, что он тоже плачет.

Он напоил меня молоком и спросил, люблю ли я его. Я заверил его, что люблю. Затем, когда я в достаточной степени успокоился, он близко наклонился ко мне и сказал: «Я говорил тебе, чтобы ты любил всех».

— Да, Махараджи, но вы также велели мне говорить правду. А правда заключается в том, что я не люблю всех. — Тогда Махараджи ещё больше приблизился ко мне, так что наши носы почти соприкоснулись, и сказал: «Люби всех и говори правду».

То, как он это произнёс, не оставляло никаких сомнений относительно того, как это должно быть. На какое-то мгновение перед моим взором предстал образ гроба — наверное, символ моей смерти, — но его форма отличалась от формы моего тела. Похоже, это был символ нашего разговора, в котором я возражал, утверждая, что тот, кем я себя считаю, не может любить всех и говорить правду, а Махараджи говорил: «Когда ты перестанешь быть тем, кем ты себя считаешь, вот кем ты будешь. Когда ты умрёшь, ты возродишься для того, чтобы любить всех и говорить правду».

Махараджи добавил: «Иногда самый сильный гнев является отражением самой сильной любви».

Взглянув на сидящих на другом конце двора преданных, по отношению к которым я питал праведный гнев, я внезапно увидел, что гнев был только на одном уровне моего существа, тогда как непосредственно под этим уровнем, на чуть более глубоком уровне, находилась невероятная любовь. Это были два плана отношений, с которых человек может сказать: «Я люблю тебя», по и «Я тебя не люблю». И если указания Махараджи должны быть выполнены — а они должны быть выполнены вне всякого сомнения, ибо он является моим гуру, что бы ни случилось, — от гнева необходимо отказаться, чтобы открыть дорогу любви.

Затем Махараджи предложил мне своего рода сделку: «Чтобы увидеть Бога, ты должен отполировать зеркало, очистив его от гнева. Если ты каждый день будешь понемногу избавляться от гнева, я буду помогать тебе». Это была более чем справедливая сделка. Я с радостью принял его условия. И он был верен своим обязательствам до самого конца. (Р. Д.)

Как-то я очень рассердился на одного преданного в ашраме и отправился за помощью прямо к Махараджи. Он сидел на камне у дороги. Я встал перед ним на колени и склонил голову к его стопам. Он положил руку мне на голову. Так продолжалось в течение всего даршана. Когда мне нужно было уже уходить, он помог мне подняться на ноги. Мои колени были в синяках и вмятинах от гравия. Но я этого даже не чувствовал. А гнев улетучился.

**Всепрощение — великое оружие, вооружённый им святой
всегда невозмутим...**

Он может отбросить гнев немедленно.

Как-то к Махараджи пришёл один молодой человек. Махараджи спросил его, как он поживает. Парень ответил: «О, Махараджи, я преодолел свой гнев». Махараджи сказал: «О, прекрасно!» — и стал расхваливать его.

Как раз в это время пришёл и другой молодой человек, который в течение многих лет просил Махараджи посетить его дом, но Махараджи так ни разу и не был у него, так как у отца этого парня не было веры в святых и садху. Но на сей раз Махараджи повернулся к нему и спросил: «Ты всё ещё хочешь, чтобы я пришёл к тебе домой?» Парень ответил: «Да, но позвольте мне согласовать это с моим отцом». Махараджи сказал: «Иди, а затем мы все пойдём к тебе». Такое посещение, конечно, означало, что почётное место в доме будет отдано Махараджи, а отцу придётся сидеть в другом месте.

И вот, в дом молодого человека явилась вся компания. Махараджи занял место на тукете, принадлежавшем отцу юноши. После этого он наклонился и, заглянув в глаза хозяину дома, сказал: «Ты великий святой». Махараджи использовал на хинди очень личную форму, которая употребляется только по отношению к очень близким людям или людям более низкой касты. Так что использование этой формы по отношению к пожилому мужчине выглядело как оскорбление. Отец расстроился, но

держал себя в руках. Через некоторое время Махараджи снова наклонился к нему и сказал: «Ты великий святой». На этот раз к лицу хозяина прилила кровь, внутри он уже «закипал», хотя продолжал сдерживать себя. Прошло несколько минут, и Махараджи, наклонившись, вновь повторил ту же фразу. И тогда отца прорвало. Он вскочил и начал орать на Махараджи: «Ты не святой, ты просто приходишь и ешь чужую пищу, занимаешь чужие кровати, ты обманщик».

В этот момент молодой человек, который, как он заявил, преодолел свой гнев, вскочил на ноги, схватил разгневанного хозяина дома за воротник и, начав трясти его, закричал: «Замолчи, ты не знаешь, с кем ты разговариваешь. Он великий святой; если ты не замолчишь, я убью тебя».

В этот момент Махараджи встал со своего места, осмотрелся с изумлённым видом и сказал: «Что такое, что такое? Они не хотят, чтобы я здесь находился? Нам лучше уйти — они не хотят, чтобы я был тут». Уходя, он повернулся к молодому человеку и сказал: «Очень трудно преодолеть гнев. Даже некоторые из величайших святых не могут преодолеть гнев».

Парень возразил: «Но, Махараджи, он оскорблял вас».

— Да, он оскорблял меня. А почему рассердился ты?

Язык сердца

Махараджи любил, когда вслух читали главу из Рамаяны, которая называлась «Сундераканд». В ней повествуется о том, как Сита (жена и преданная) получает послание от Рама (мужа и Бога), с которым она была разлучена. Рама описывает свои страдания от разлуки с такой чистой преданной: «Агонию в некоторой степени можно смягчить, если говорить о ней; но кому я могу о ней поведать? Нет никого, кто бы меня понял. Лишь моя душа знает о той нити любви, которая связывает тебя, моя дорогая, и меня; и моя душа навеки пребывает с тобой. Знай, что это сущность моей любви». Когда читали этот эпизод, по щекам Махараджи катились слёзы, и он часто погружался в состояние блаженства.

Именно такое качество любви связывало нас с Махараджи. В основе

всех этих яблок, доброты, подшучивания, приходов и уходов, оскорблений лежала любовь. Время от времени он говорил о любви, но всегда — являлся любовью.

Один преданный сказал: «Он знает язык наших сердец».

*

Махараджи часто цитировал Кабира: «Как легко окрасить свою ткань, но как тяжело окрасить своё сердце».

*

Однажды, вечером, в Каинчи я вместе с одним преданным сидел рядом с Махараджи. Другой преданный в это время монотонным голосом читал Махараджи газету. Я подумал: «Махараджи, как можно выносить этого зануду? Почему ты вообще его терпишь?» И вдруг я начал ощущать, как в глубине моей души возникает невероятная любовь. Она становилась всё сильнее и сильнее, пока я не почувствовал, что моё сердце вот-вот разорвётся. Затем Махараджи положил свою руку мне на голову, и ощущение исчезло. Когда я попытался воссоздать его, мне это не удалось сделать. Я взглянул на Махараджи. Он улыбался мне, излучая сострадание. Мне захотелось плакать.

Сердце никогда не стареет.

Я очень хотел, чтобы Махараджи пришёл ко мне домой, но всё время откладывал приглашение. Я рассказал о своём, желании Даде, надеясь, что он поможет мне. Я познакомился с Махараджи всего несколько недель назад.

Однажды, когда я стоял возле окна комнаты Махараджи, он позвал меня и сказал, чтобы я вошёл. В комнате был только он и Дада. Войдя, я почувствовал, что попал в другое состояние сознания. Большая часть моего осознания была направлена на большое отверстие в области сердечной чакры, оно было похоже на зияющую, пустую темноту. Я почти ничего не видел и не слышал, а моя нижняя челюсть, я уверен, находилась тогда в отвисшем состоянии, глаза не мигали.

Они разговаривали. Махараджи смотрел на меня, а затем обращался к

Даде. Тот переводил его слова мне. Махараджи говорил, что не может посетить мой дом, так как жители деревни, в которой я живу, очень злые и не любят его. Затем он отправил меня из комнаты.

Позже, когда я вернулся в более привычное для меня состояние сознания, я почувствовал, что Махараджи имел в виду другое, что он не может посетить моё сердце, так как оно наполнено мирскими желаниями и в нём нет места для любви к нему. Я также ощутил, что посредством этого даршана он так очистил моё сердце, что мог влиться в него широким мощным потоком.

Очистите зеркало своего сердца, и вы увидите Бога.

Даже если человек делает вам больно, давайте ему любовь. Худшее наказание выбросить кого-то из своего сердца... Вы должны любить всех, как Бога, и вы должны любить друг друга. Если вы не можете любить друг друга, вы не сможете достичь своей цели.

Кумбхака (задержка дыхания) может быть достигнута также посредством бхакти (поклонения и преданности). Когда эмоции достигают высочайшего накала, дыхание останавливается и ум входит в состояние концентрации.

Такого покоя и любви я не получал ни от кого в мире, ни от матери, ни от отца, ни от жены, ни от кого. Потрясающе!

Никогда не доставляйте боль сердцу другого человека.

Сердце святого тает как масло. Нет.

Оно тает ещё легче, чем масло. Масло тает только тогда,

**когда вы подносите его к огню, а сердце святого тает, когда
чьё-то сердце приближается к огню.**

— *Махараджи цитирует Кабира*

Когда одного преданного попросили рассказать какие-нибудь истории о Махараджи, он сказал: «Я был с ним совсем недолго (двадцать восемь лет), потому я не знаю никаких историй. Что я могу рассказать? Всё, что я знаю, — это то, что он дал моей семье особую любовь, которая, в силу того, что находится вне слов и формы, не может быть выражена».

*

— Почему ты любишь меня? — спросил Махараджи одну женщину.

— Я не знаю, Махараджи.

Но он продолжал повторять свой вопрос снова и снова, и наконец сказал: «Ты любишь меня, потому что я люблю тебя».

*

Один преданный спросил: «Может ли наша любовь друг к другу помешать нашей любви к вам?»

Махараджи ответил: «Если любовь чиста, она не может помешать ничему».

*

Одна западная преданная отправилась на даршан Деориа Бабы, известного и уважаемого святого из северной Индии. Вернувшись обратно, она сказала Махараджи, что этот святой назвал его воплощением любви.

— Ой, ну и злодей! Что он знает? А кто, по его мнению, он такой? — раскричался Махараджи в ответ на комплимент.

*

Один преданный сказал: «Махараджи был воплощением любви. Никакой религии, одна лишь любовь».

Любовь — самое сильное лекарство.

Она обладает большей мощью, чем электричество.

Один преданный спросил: «Что нам делать, если мы ощущаем тьму или отдельность?»

— Если вы любите Бога в достаточной степени, отдельности не будет,
— ответил Махараджи. — Если вы любите всех, никаких демонов быть не может.

Любите всех людей, как Бога, даже если они навлекают на вас страдания или позор. Будьте как Ганди или Христос.

— Что если боишься Бога больше, чем любишь Его? -спросил один преданный.

— Богобоязненность — это просто другой вид любви, — ответил Махараджи.

Я мог бы быть таким великим святым, если бы не был таким сострадательным.

Храните меня в своём сердце.

Подобный ветру

Махараджи постоянно находился в движении, он всё время передвигался: из одного города в другой, из одного дома — в другой, из одной комнаты — в другую, из одного положения — в другое. До самых последних лет своей жизни он пребывал в постоянном движении. Подобно реке или, как он сказал сам о себе: «Я подобен ветру. Никто не может удержать меня».

Ухватить Махараджи было абсолютно невозможно — он был очень ловок и легко уворачивался. Часто, когда он хотел уйти, он говорил, что ему нужно в туалет, и убегал. Позже мы, давние преданные, раскусили эту его уловку, и ему пришлось придумывать новые.

По-моему, всё то время, которое я был с ним, я или плакал, или смеялся, или пел. В 1965 году я видел его семь или восемь раз, никогда не более одного дня и всегда в разных местах. Он всё время вёл себя поразному. Он непрерывно путешествовал в северную Индию из Калькутты и обратно, а под покровом ночи он, подобно вору, мог совершить побег в «мерседесе» одного из преданных. Он нигде не оставался надолго.

Каждый раз, когда Махараджи выходил из машины, его глаза сияли невероятной открытостью. Все, кто путешествовал с ним, говорили, что когда он ехал в машине, то был очень внимателен, наполовину высовывался из окна и рассматривал всё, что попадалось на пути. А когда он выходил из машины, его глаза были широко открыты, и он оглядывал всё вокруг. Я помню, как Дада однажды со смехом вспоминал свою поездку в машине с Махараджи. У Махараджи рот не закрывался — он хотел знать всё, расспрашивал обо всём, что встречалось на пути, в точности как ребёнок. Нужно было постоянно уделять ему полнейшее внимание. А он во время всего пути давал водителю подробные указания: «Поворачивай направо, поворачивай налево, разворачивайся, поезжай обратно».

Мы выехали часа за два до отправления поезда, но он всё равно твердил: «О, мы опаздываем, мы опаздываем! Нам нужно было выехать раньше!» Махараджи постоянно так сокрушался:

«О, дер хо гай, дер хо гай — уже поздно, уже поздно!» На этот раз он просто выходил из себя. Мы все сидели и ничего не могли возразить. А Махараджи продолжал: «Нам надо было взять билеты заранее. Мы не попадём на поезд...» Это было так смешно! Мы приехали на вокзал за полтора часа до отправления поезда.

*

Х. С. рассказал: во время длительных поездок на поезде, когда с Махараджи ехали Ма, они часто сидели вокруг пего. Иногда Махараджи сидел на полу отдельного купе, и Ма часами распевали бхаджаны под стук колёс. Одно из любимых их песнопений (я даже сейчас слышал, как одна Ма повторяла его во время работы) взято из Кабира: «Дина Бандху, Дина Натх, Мере доре тере натх (сострадательный друг, сострадательный Господь, в своих руках ты держишь струны меня-марионетки)».

*

Махараджи ехал с нами в поезде. Он был в соседнем куне. Часа в три ночи кто-то начал громко колотить в нашу дверь кулаками. Я сразу же понял, что это Махараджи. Я вскочил и, распахнув двери, увидел стоящего передо мной Махараджи — одна его рука была вытянута вдоль края двери, другая — упиралась в бедро. Он спросил: «Кья тайм хога (который час)?» Было почти 3:30, и вскоре нам нужно было сходить. На станции Матхура люди спали прямо на земле, и нам пришлось переступить через них. Махараджи приговаривал: «Суб сота хайн (все спят). Суб сота хайн». Он смотрел то вперёд, то назад, повторяя эту фразу снова и снова. «Кйон (почему)? Почему все спят?»

Шив Чаран сказал: «Баба, сейчас 3:30 ночи. Бохут дер хо гай (очень поздно)»...

Я думал: «Ну вот, мы все спим. Спим в иллюзии». Это был чудесный момент. Особенно чудесным было то, что он нас разбудил. Такое случилось со мною единственный раз в жизни. Махараджи будит вас: «Давай, пошли!»

*

Махараджи часто покупал билеты в одно место, а затем, зная, что

преданные пошлют туда телеграмму о его прибытии, выходил на одну остановку раньше. Махараджи часто говорил о другой великой святой, Анандс Майи Ма, постоянно окружённой толпами людей, чей график передвижений даже публиковался: «Это ужасно, что с ней делают преданные, они держат её взаперти между восемью воротами». Он имел в виду то, что она была пленницей их любви.

*

Махараджи подобен Ганге: она течёт к Харидвару, и люди устраивают место паломничества, но реку не волнует паломнический центр. Она просто продолжает течь. То же и в Аллахабаде, и в Бенаресе.

*

Когда Махараджи был в городе Барейли, один преданный сказал ему, что должен на несколько дней лететь в Англию по делам. Он попросил Махараджи сопровождать его. Махараджи ответил: «Давай полетим!» Они отправились в Англию и провели три дня в хорошем отеле. Через три дня Махараджи начал настаивать на том, чтобы немедленно вернуться в Индию. Преданный стал возражать, говоря, что его работа ещё не закончена и ему нужно ещё два дня. Но Махараджи был непреклонен: «Нет, полетели». И вскоре пришла телеграмма, сообщающая, что жена этого преданного очень больна. Они вылетели тем же вечером. Впоследствии, когда его спрашивали о поездке, Махараджи смеялся и говорил: «Я полетел туда. Я пил молоко и ел фрукты».

*

Как-то Махараджи сопровождал одного своего преданного, индийского посла в Саудовской Аравии, во время хаджа (паломничества) в священный мусульманский центр, Мекку. Они вылетели из Индии в столицу Джидду и остановились в индийском посольстве. Оттуда они направились к святым местам ислама. Позже Махараджи рассказывал, что, когда некоторые мусульмане обнаружили, что он не мусульманин, его избили. «И тогда я сразу же вернулся», — сказал он.

*

Патрульные, охранявшие индо-тибетскую границу, рассказали, что однажды Махараджи пересёк границу, отправившись в Тибет, а затем вернулся обратно.

*

Мы можем спросить — почему он посещает эти места и что он там делает?

*

Мне было очень уютно в гостинице в Наинитале. У меня была своя «пещера» — маленькая комнатка на верхнем этаже с индусскими гравюрами и картинками из священного календаря, несколькими книгами, свечами и обогревателем. Я предвкушал погружение на несколько месяцев в приятную медитацию. Но от Махараджи прибыл указ: «Скажите Рам Дасу, чтобы он уезжал. Он не должен так долго оставаться на одном месте. Он может вернуться». На следующий день мы выехали в Дели.

Ещё он говорил: «Вся Вселенная — твой дом», и «Все люди — твоя семья». Однажды, когда мы хотели остаться с ним, он сказал: «Вам не нужно оставаться здесь, Свет есть везде». (Р. Д.)

Для садху нехорошо оставаться в одном месте. Движущийся йогин подобен движущейся реке... осадок и грязь не могут образоваться там. Если я останусь здесь, создастся привязанность.

Ранее, до того как был построен Каинчи, Махараджи часто бывал в Наинитале. Он нередко посещал нас в нашем правительственном доме, приезжая на машине или в *данди* (носилки). И тогда собиралась вся семья, соседи и многие преданные, жившие в Наинитале. Каждый раз, когда он появлялся, устраивалась своего рода бхандара — готовилась еда, люди приносили сладости. Махараджи обедал с нами, а затем уезжал. В те дни он постоянно странствовал — иногда приходил в Наинитал, иногда — в Бховали и т.д. Люди всегда искали встречи с ним, приводили к себе домой.

*

Махараджи приехал в Аджмир, в дом моего отца. Он сказал: «Дайте мне дхоти. Мне нужна тёплая вода, а также дал и чапатти. Я поем у вас

на кухне».

*

Миссис Сони впервые встретила с Махараджи, когда ей было около двадцати четырёх лет. Она была очень стеснительна.

Махараджи гостил тогда в соседнем доме. Отправляясь к нему на даршан, Сони взяла с собой трёх своих малышек. Как только она вошла, Махараджи сказал: «Я приду к тебе». Она промолчала. В глубине души она не хотела, чтобы он приходил к ней домой, так как очень стеснялась. Другие женщины начали убеждать её пригласить его, говоря, что многие люди просят Махараджи посетить их дом, и он не приходит, а здесь он сам хочет прийти. Но она всё равно не хотела, чтобы он приходил. Наконец, Махараджи сказал: «Вставай! Пошли!» — и пошёл к ней домой. К счастью, это был какой-то праздничный день, и у неё уже были готовы традиционные блюда. Махараджи ел всё, что ему было предложено.

*

Говоря о *ятрах* (паломничествах), Р. сказал, что когда Махараджи путешествовал по югу страны, он всегда избегал навещать своих преданных и никогда не говорил о них. «У него повсюду есть преданные. Никто не знает, сколько их и где они находятся».

*

Впервые я встретился с Махараджи году в 1930, когда я был ещё школьником. Мой отец был его большим преданным. Махараджи навещал нашу семью в Файзабаде (недалеко от Айдахьи). После ухода отца на пенсию я занял пост старшего тюремного офицера. Меня назначали на должность — в Агре, Барейлли, Канпуре, Лакнау и других местах. Махараджи появлялся в тех городах. Одну комнату в своём доме мы всегда оставляли свободной для него. Мы ежедневно готовили его любимое блюдо — овощное *локи* (пюре) и дал — на случай, если он зайдёт к нам. Если Махараджи не появлялся, мы съедали эту еду как прасад. С того времени, 30-х годов, я не заметил никаких значительных изменений во внешности Махараджи.

*

Махараджи посещал наш дом в Лакнау более двадцати пяти лет. Он

появлялся по меньшей мере раз в году и оставался у нас на несколько часов или несколько недель. Для каждого из членов нашей семьи он был одновременно и гуру, и дедушкой. Все дети рождались и вырастали под его руководством. Он говорил о них как о своих собственных детях, и они, в свою очередь, чувствовали себя с ним очень свободно.

*

Это было такое счастье — привести Махараджи к себе домой. Он никого не оставлял без внимания, играл с маленькими детьми...

*

Я спросил, что значило быть ребёнком рядом с Махараджи, и она ответила: «О, он сам становился ребёнком. Это было так чудесно. Я приносила ему молоко и сидела возле тукета. Мы никогда не знали заранее, когда он появится у нас в доме и когда уйдёт. Он просто приходил. Иногда он уходил посреди ночи, а утром мы заглядывали в его комнату и обнаруживали, что она пуста, не считая сидящих там преданных». И она смеялась, особенно когда вспоминала, как преданные сидели и ждали его там.

*

Махараджи редко оставался в одном месте дольше чем на несколько часов. Иногда преданные уговаривали его остаться на ночь или даже на несколько дней, и он соглашался. Когда он наконец покидал это место, то с облегчением вздыхал и говорил: «О, я выбрался из тюрьмы». Однажды Махараджи пробыл в доме одного преданного шесть дней. После своего ухода оттуда он сказал: «О, сегодня сила желания освободила меня. Этот человек запер меня и держал за решёткой».

*

Однажды мы пригласили Махараджи к себе в гости, и он сказал, что придёт. Мы приготовили свой дом к его приходу, навели порядок, разложили всё необходимое для приёма — прасад и всё остальное. Мы ждали его пять дней, но он так и не пришёл. Позже, когда мы вновь встретились с ним и спросили, почему он не пришёл, он сказал: «Мне не хотелось».

*

Один человек сказал Махараджи: «Вы уже много лет обещаете посетить мой дом, но так ни разу и не пришли. Я больше не буду

приходить к вам, раз вы не приходите ко мне».

Махараджи ответил: «О, я и не понял! Значит, это твой дом. А я думал, что это *мой* дом и поэтому мне не нужно его посещать».

*

В 1937 году Махараджи пришёл в дом одной семьи преданных. Некоторое время он ходил вдоль веранды, затем, заглянув в большую комнату, которая служила кабинетом главе семьи, попросил, чтобы её освободили. «Ты можешь занять другую комнату, а эту оставь мне». И он прожил в этой комнате три или четыре месяца, выходя из неё всего на один час, утром и вечером. И он никому не позволял заходить внутрь.

*

Махараджи мог появиться в доме кого-либо из своих преданных совершенно неожиданно, в любое время дня и ночи. Однажды, в начале 40-х годов, он подошёл среди ночи к дому одного преданного и начал стучать в дверь. Разбудив хозяина, Махараджи сказал ему, что его преследуют преданные, что они не дают ему покоя и попросил убежища. Хозяин ответил: «Как я могу помочь вам? Они явятся сюда, как только начнут скучать по вам».

— Всё будет хорошо, — сказал Махараджи. — Я спрячусь под твою кровать. Закрой все окна и двери, дай мне подстилку и одеяло, а когда они придут, скажи, что ты меня не видел. Хозяин сделал, как велел Махараджи. Когда прибежали преданные, он стал браниться, что его разбудили и затем в гневе прогнал их. Махараджи спал под его кроватью, закрывшись простыней, чтобы быть незаметным.

В 4 часа утра хозяин проснулся. Махараджи под кроватью не было. Хозяин стал искать его в других комнатах. Хотя двери и окна оставались закрытыми, Махараджи исчез. Позже хозяин дома узнал, что он вернулся в тот дом, откуда сбежал в ту ночь. Относительно запертых дверей и окон Махараджи уточнил: «О, я не хотел тебя беспокоить».

*

Когда Махараджи хотел скрыться от своих преследователей, он выбирал кратчайшие пути, а также тропы, ведущие через джунгли. Во всей округе не было ни одного кульверта, под которым он не провёл хотя бы часть ночи. Особенно часто он ночевал в тех, которые находились между Гетхией и Бхумнадхаром, поскольку он бегал из Наинитала в

Гетхию каждую ночь. Махараджи путешествовал то туда, то обратно. У него везде появлялись преданные, и каждый, кого он встречал, становился его преданным — он был экспертом в этом искусстве, — но, когда наступало время уходить, он оставлял своего нового преданного.

*

В Бхумнадхаре, после того как все засыпали, Махараджи выходил на середину дороги и сидел там с двумя-тремя преданными. По мере того как другие просыпались, они присоединялись к группе. Затем Махараджи просил их остановить грузовик, и на попутных машинах они проезжали несколько километров по дороге. После этого процесс начинался заново.

*

Брахмачари Баба начал вспоминать о Махараджи в Кумаонских горах. Мы сидели недалеко от храма Бхумнадхара, и он делал широкие жесты руками, указывая на отдельные места в пределах бескрайней панорамы, раскинувшейся перед нашим взором. Он говорил быстро, одно описание следовало за другим: «А вон под тем деревом он часто сидел до того, как здесь был построен храм. Это место напоминало *дарбар* (царский двор). К нему приходило множество людей. Мы исходили все эти горы, никогда не останавливаясь на одном месте на долгое время. Махараджи мог спать в любых местах. Он ложился на кучу цемента у края дороги и, велев мне оставаться в бодрствующем состоянии, засыпал. Если я случайно впадал в дремоту, он тут же отчитывал меня, а затем снова засыпал. И так продолжалось без конца. Он не позволял мне спать. Мы путешествовали по всевозможным местам. Где бы он ни появлялся, вокруг него собиралось много людей. Затем они следовали за ним по пятам. Приходили и Ма, когда у них была такая возможность. Благодаря им устраивалось множество пиршеств».

*

В доме, который я и Махараджи посетили, мне выделили внутреннюю комнату. Поздно вечером Махараджи сказал пожилой паре, которой принадлежал этот дом: «Как вы позволяете молодому человеку спать там? Откуда вы знаете, кто он такой? В наши дни нельзя доверять молодёжи». И тогда они переселили меня в наружную комнату. Через два часа явился Махараджи и, разбудив меня, сказал: «Мы должны тихонько удалиться, чтобы они не проснулись». И он объяснил мне, что именно поэтому настоял на том, чтобы меня перевели в наружную комнату. Он

также позаботился о том, чтобы двери были открыты, так что никакого скрипа не было.

Мы шли по дороге в полной темноте, держась за руки. Подойдя к перекрёстку, мы увидели спящего водителя рикши. Махараджи начал ласково упрашивать его поехать, но тот отказывался. После некоторых уговоров он, наконец, согласился, и Махараджи начал торговаться, постепенно снижая цену. В конце концов они сошлись на двадцати шести аннах. Поездка заняла около двадцати минут. Махараджи попросил меня сойти и подождать, а он и водитель отправились дальше. Махараджи посетил какой-то дом, а затем вернулся и попросил отвезти нас на поезд; он как раз готовился к отправлению, когда мы прибыли на станцию. Махараджи отдал водителю своё одеяло, лоту и двадцать или тридцать рупий. И тот заплакал.

*

Махараджи путешествовал в горах в сопровождении Д. Б., когда его встретил один преданный из Алморе. Преданный сказал Махараджи, что тот не был у него дома уже очень долгое время и теперь, когда он его нашёл, он его так легко не отпустит. Преданный отвёл Махараджи домой, накормил его и поместил в комнате наверху. Семье он сказал, что запер Махараджи на ночь, чтобы тот не убежал.

Когда в доме все легли спать, Махараджи сказал Д. Б.: «Пошли!» — и затем заставил его снять дхоти. Используя дхоти в качестве верёвки, они выбрались из дома через окно и убежали. За городом беглецы набрали на небольшую хижину, в которой горела крохотная лампочка. Махараджи постучал в дверь, и на стук вышла маленькая старушка. Она начала бранить Махараджи за то, что он пришёл так поздно, ведь она ждала его уже очень долго и давно приготовила еду. Махараджи зашёл в дом и поел.

Он был странник, это понятно. Он постоянно странствовал... Он навещал своих преданных. Не вы идёте к нему. Он приходит к вам.

Семейный человек

Хотя Махараджи постоянно странствовал, он всё же оставался семейным человеком, причём на многих уровнях, хотя преимущественно он относил себя к семье Бога.

Все женщины — матери и сёстры, и все мужчины — отцы и братья в семье Бога.

Вся Вселенная является вашим домом. И все люди — ваша семья.

То, как Махараджи говорил некоторые вещи, часто создавало у нас впечатление, что он обладал полным пониманием реинкарнации и делился с нами знаниями о наших связях друг с другом в течение многих рождений.

На более мирском уровне Махараджи во многом был дедушкой для своих преданных, особенно индийских. И как таковой, он часто давал советы по семейным вопросам. В основе его советов лежала идея поддержания крепости семьи и проявления должного уважения к той роли, которую каждый в ней играет.

Жена должна служить Богу через служение своему мужу.

Махараджи очень часто учил женщин быть верными и терпеливыми, говоря, что именно это способствует сохранению брака, независимо от того, хорош муж или плох. Например, однажды к нему пришла богатая семья вместе с дочкой, одетой в современный брючный костюм (в Индии это не принято). Она недавно оставила своего мужа. Махараджи сказал ей прямо перед всеми: «Да, он был неправ, но тебе не нужно было терять

терпение и так сердиться». Он был очень строг по отношению к молодым женщинам. Он считал, что если произойдут перемены или женщины больше не будут стремиться к сохранению семьи, вес будет потерян. Он говорил: «Поэтому у нас и нет разводов».

Женщины выше йогов, если они сохраняют верность своим мужьям.

— Ты никогда не заботишься о своём старом отце, — сказал Махараджи одному преданному. — Каждый день ты должен носить ему сладости. Если у человека есть отец и мать, ему не нужен Бог. Легко молиться мурти, трудно, когда мурти отзывается на твои слова». Затем он вынудил этого человека подержаться за уши (индийская форма клятвы, подобная западному «вот тс крест!») и пообещать, что он будет ежедневно навещать своего отца и приносить ему сладости. На следующее утро к Махараджи пришёл отец преданного. «Что такое? — сказал Махараджи. — Твой сын любит тебя, служит тебе, а ты ничего для него не делаешь. Ты должен купить ему новый костюм. Он твой преданный».

*

Махараджи говорил, что матери — это почти Бог и что он создал их в этой форме, чтобы отдавать людям часть себя, ведь только Бог и мать могут прощать все ошибки.

*

(Мать одного из западных преданных приехала в Индию, и её спросили о переживаниях, связанных с Махараджи).

Я чувствовала, что обладаю определённым «статусом». Слово «статус» имеет некий негативный смысл для меня, я не люблю его использовать, но думаю, здесь оно уместно. По отношению ко мне было проявлено своего рода уважение за то, что я мать, и я думаю, это исходило от Махараджи. Я никогда не получала этого от других, в Америке уж точно. Это было чудесно.

Я знаю, что Махараджи проявлял такое же уважение к матери Кришна Даса. Святость материнства подчёркивалась особым образом. Все

женщины являются матерями. Интеллектуально я считала, что есть хорошие матери и есть плохие матери и то, что ты дала кому-то рождение, не говорит о многом. Однако рядом с ним было приятно ощущать значение и важность этого.

*

Если голова у моей матери была непокрыта, Махараджи говорил: «Нет, Ма. Так не годится», — и помогал ей закрепить ткань должным образом.

*

Я часто видел, как пожилые женщины кормят Махараджи. Он говорил: «Я не могу кормить мужчин, но женщины должны меня кормить, поскольку вес женщины — это Мать».

*

— Ты сердисься на свою жену. Ты плохо с ней обращаешься. Она — Лакшми! Ты не должен так дурно вести себя по отношению к ней, — сказал Махараджи одному преданному.

*

Зять М. приехал в Каинчи, для того чтобы получить даршан, но Махараджи не стал с ним разговаривать. Наконец он спросил:

«Где моя дочь? Ты приехал, чтобы насладиться горами. Возвращайся домой и привези мою дочь». Этот человек уехал и позже вернулся с женой.

Отношение Махараджи к молодым индусам скорее казалось отношением дедушки, дающим советы по всем мирским вопросам, но в то же время оно было проникнуто определённым духом.

Махараджи приходил и сидел в моей комнате, а я никогда не заходил туда в это время, так как боялся, что он начнёт всё рассказывать, а я не хотел, чтобы мои родители это знали.

*

Когда К. была рядом с Махараджи, она играла как ребёнок. Хотя она относилась к нему с большой любовью и преданностью, он часто журил

её: «Ты не читаешь книг, а затем сердишься на меня за свои плохие оценки».

*

Махараджи сказал одному студенту, что, если он хочет сдать экзамены, он должен ежедневно поклоняться своей матери. Он этого не делал — и экзамены не сдал.

*

Сын одной Ма сказал, что, когда он был совсем юным, Махараджи всегда давал ему скорее мирские советы, чем духовные. Ещё он сказал, что тогда его не интересовали духовные вопросы, но теперь у него возникли определённые духовные чувства, и он часто вспоминает Махараджи.

*

Однажды в ашрам пришло несколько студентов и, поглядев на Махараджи с равнодушным видом, собрались уходить. Махараджи позвал их и сказал: «Вы наслаждаетесь жизнью по-своему, а я — по-своему». Уходили они неохотно. А после ухода ещё долго в замешательстве бродили в окрестностях ашрама. Через некоторое время они пришли ещё на один даршан. На этот раз их лица были мягче и выразительнее. Его работа с сердцами была настолько тонкой!

Молодые люди подобны львам.

Когда мне было девять или десять лет, Махараджи какое-то время жил в нашем доме в Халдвани. Каждый раз, когда я входила, он говорил: «Пришла моя дочь, пришла моя дочь». День, когда он уходил, был очень печальным, он даже не взглянул на меня. В тот вечер я была так расстроена, что не могла даже съесть свой ужин. В 4 часа утра послышался стук в дверь. Мама увидела, что это Махараджи и впустила его. Он сказал ей: «Я вернулся из-за своей дочери. Она не съела четыре чапатти и овощи. Принеси их, и мы поедем вместе».

*

К Махараджи привели старика, который раньше никогда у него не был. Старик не хотел к нему идти. Когда он вошёл, Махараджи сказал

ему: «Прекрати так избивать своего сына. Это не делает его лучше». Этот человек действительно очень часто бил своего сына, но об этом знала только его жена. Придя домой, старик начал ругать жену за то, что она рассказала обо всём Махараджи. Но она ничего не говорила Махараджи. Когда в очередной раз старик собрался бить сына, то смог ударить его лишь один раз, после чего вдруг начал наносить удары по своему собственному лицу. Он бил себя до тех пор, пока всё его лицо не покрылось синяками. После этого случая человек никогда больше не бил сына.

Пожилым людям, которые жили вместе со своими детьми, Махараджи часто говорил: «Маун! Наун! Каун!», что переводится как «молчание» (то есть, не жалуйтесь и не ворчите); «соль» (то есть, не указывайте на ошибки и не придирайтесь, например, «пища недосолена»); и «угол» (не вмешивайтесь в семейную жизнь, избегайте мира, сидя в углу, в уединении).

Махараджи часто играл роль устроителя браков. А к тем немногим, которые уже были связаны узами с Богом, он проявлял заступничество, помогая избежать давления со стороны родителей в отношении женитьбы. Но большую часть молодёжи он побуждал к браку и даже настаивал на нём.

Рабу заявил, что он не будет жениться, но когда Махараджи сказал, что он бережёт эту девушку для него уже пять лет, Рабу женился на ней.

*

Один из сыновей Ма упорно отказывался жениться, и тогда Ма пришла к Махараджи за помощью. Махараджи встретил юношу на мосту, накрыл его голову одеялом и сказал: «Он женится. Теперь он готов». И тот действительно женился.

*

Однажды Махараджи попросил преданного позвать к нему женщину, жившую по соседству с преданным. Она была христианкой, работала врачом. Муж этой женщины умер, оставив её одну с тремя дочерьми. Как только она вошла в комнату, Махараджи спросил: «Твоя дочь ещё не вышла замуж? Ты встретила подходящего молодого человека в Керале?»

Его семья хочет двадцать тысяч рупий? Ты не можешь достать двадцать тысяч». Она ответила, что всё действительно обстоит так, как он сказал. На следующий день Махараджи снова вызвал её к себе. «Тебе нужно ещё раз встретиться с семьёй этого юноши. Они не будут просить денег. Дай им, что можешь. Они примут». И она отправилась в Кералу. Отец юноши объяснил ей, что деньги — это не главное, что они хотят получить только хорошую жену для своего сына, и после этого они договорились о свадьбе.

*

Индианка, в традиционном индийском одеянии, и её дочь, обе явно чем-то очень обеспокоенные, ждали возможности поговорить с Махараджи наедине. Но как только они вошли, Махараджи сказал матери прямо перед всеми: «Послушай, ей следует выйти замуж за тёмного мужчину, так как она не очень красива. Твоя дочь не красавица, а если непривлекательная женщина выходит замуж за красавца, он всегда будет смотреть на других. Пусть она выходит замуж за тёмного».

*

Лицо моей тети было покрыто оспинами, и красотой она не отличалась. Она очень печалилась из-за того, что не была замужем. Махараджи обнял её и сказал: «Ты моя». Наполненная блаженством, она больше не испытывала желания выходить замуж. Однако через месяц она обручилась с очень хорошим человеком.

*

В юности, когда умерла моя тетья, которая воспитывала меня, я поклялся себе, что никогда не женюсь. Моя семья пыталась женить меня, но я был непреклонен. Когда я был в возрасте между двадцатью пятью и тридцатью годами, Махараджи говорил мне, чтобы я не женился, а людям твердил, что я болен туберкулёзом или раком и что я умираю. Когда мне исполнилось тридцать, Махараджи спросил меня: «Ты хочешь жениться?»

— Нет, — ответил я. — Мы оставили эту тему, и Махараджи выразил восхищение моей рубашкой. Он попросил её у меня. Он также спросил, какие рубашки у меня были до поступления в колледж, на что я ответил, что у меня была только одна старая порванная рубашка, но мне её хватало. Тогда Махараджи спросил, сколько рубашек у меня сейчас, и я ответил: «Двенадцать». Махараджи поинтересовался, почему так много,

и я сказал, что как учитель средней школы я должен придерживаться определённого стиля в одежде, иначе меня могут уволить. «Нет, причина не в этом, — сказал Махараджи. — Сейчас ты хочешь жениться. Ты мог бы обойтись и одной рубашкой. Если я попрошу тебя жениться, что ты сделаешь?» Я сказал, что в этом случае мне придётся жениться, но вся ответственность будет лежать на нём. В течение восьми дней Махараджи продолжал настаивать на моей женитьбе.

Утром восьмого дня Махараджи отправился на поезд, но по пути на станцию свернул с дороги и, подойдя к дому, где жила одна молодая женщина, знаком велел мне войти вместе с ним. Во время киртана в этом доме Махараджи позвал меня и хозяйку в комнату для проведения пуджи и спросил меня, женюсь ли я на этой женщине. Я отказался. Тогда он спросил: «А если я попрошу тебя?» Я снова ответил, что вся ответственность тогда будет лежать на нём.

Вначале Махараджи сказал: «Я этого не сделаю», но потом согласился: «Хорошо, хорошо, я проведу торжественную церемонию заключения вашего брака». Он поставил нам обоим на лоб тилак и сказал: «Ну вот, вы женаты! Вы принимаете это?»

— Да.

Позже он сказал: «Не думай, что это сделал я или ты. Бог предается лиле по-своему. Здесь нет ни моей роли, ни твоей. Так должно было произойти!»

Моя жена и я живём счастливо вот уже более двадцати пяти лет.

*

Однажды Сиддхи Ма описала лилу, связанную с браком одного из давних преданных Махараджи. В день свадьбы (которую Махараджи организовал и на которой настоял, несмотря на возражения преданного) этот человек сидел перед Махараджи и ни за что не хотел покидать его. Однако Махараджи настаивал с такой решительностью, что в конце концов сопротивляющегося преданного удалось одеть в костюм жениха и усадить на лошадь, чтобы он отправился к дому невесты. Проезжая через джунгли, жених заметил там Махараджи и, соскочив с лошади, бросился бежать к нему. И снова Махараджи заставил его вернуться и продолжить путь к дому невесты.

(Этот человек, чьи дети сейчас уже женятся, говорит, что этот брак оказался для него духовным благом и что он освободил его от многих

ошибочных представлений. Только после свадьбы, по его словам, он начал свою садхану по-настоящему.)

Услышав эту историю, другой преданный рассказал историю о человеке, свадьба которого также была намечена, но в день свадьбы процессия жениха проходила мимо Каинчи. Увидев там Махараджи, жених остановился с намерением получить его благословение. К его удивлению, Махараджи стал всячески задерживать его, не позволяя продолжить свой путь к дому невесты. И этот человек так никогда и не женился.

Отношение Махараджи к индийским бракам отличалось традиционностью и формальностью. Но он явно признавал огромные культурные различия, которые были по отношению к браку у его западных преданных. Некоторых он постоянно заставлял вступить в брак, снова и снова настаивая на этом и предлагая одного партнёра за другим. Было несколько случаев, когда он объявлял двух людей, практически незнакомых, женихом и невестой или женил их.

Иногда Махараджи так много говорил с потенциальными партнёрами об их союзе, что они психологически принимали это как свершившийся факт. После этого Махараджи больше не вспоминал об этом, и брак не заключался. Иногда, когда таким образом устроенная жениться оказывалась неудачной, он живо аннулировал её.

Махараджи трижды спрашивал меня, хочу ли я выйти замуж. Первый раз речь шла об Айене. Каждый вечер после даршана мы проходили с ним две мили по прекрасной долине Каинчи к нашим домам в Нинглате. Айен был подобен астральному существу — когда я находилась рядом с ним, всё вокруг казалось каким-то волшебством — везде грезились розы и крылатые феи. Однажды вечером, когда Айен пришёл ко мне домой, атмосфера наполнилась большим количеством сексуальной энергии. Я отстранилась от него, так как это было не то время и не то место. Но когда он ушёл, моё тело было наполнено желанием. Я лежала с этим ощущением и пыталась думать о Махараджи. На следующее утро, как только я вошла в храм, Махараджи позвал меня к себе в комнату. Он сидел вместе с Дадой. Махараджи спросил меня: «Ты хочешь выйти замуж?»

Я ответила: «Нет».

Он спросил: «Ты хочешь выйти замуж за Айена?»

— Нет, нет. — У меня не было и мысли об этом. Я никак не связывала этот даршан с предыдущей ночью. Может, такой связи и не было. Но когда Махараджи обращался ко мне, его взгляд проникал вглубь меня, будто исследуя всё моё существо. Затем он повернулся к Даде и сказал: «Она очень хорошая», после чего легонько стукнул меня по голове и произнёс: «Ты очень хорошая. Не выходи замуж. Джао». Я начала подниматься, но он сказал: «Сядь». И затем снова начал стучать меня по голове, приговаривая: «Ты очень хорошая. Не выходи замуж. Джао», и снова повторил всё это, прежде чем я покинула комнату.

Второй раз он задал мне вопрос о замужестве, когда я приехала на попутных машинах из Вриндавана в Каинчи вместе с Карло-сом Вишванатхом. Мы путешествовали всю ночь и спали на платформе какой-то железнодорожной станции. Как только мы прибыли в Каинчи, Махараджи сразу же затащил меня в свою комнату и спросил: «Ты хочешь выйти замуж за Вишванатха?» Но опять же — я об этом даже не думала. Тогда Махараджи сказал: «Ачча, хорошо. Не выходи замуж. Джао».

Третий раз это случилось, когда один преданный игриво сказал Махараджи: «Сарасвати всё ещё не замужем. Вы ещё не нашли ей мужа. Вам следует выдать её замуж за Рави Даса (Майкла)».

Махараджи ответил: «Ачча. Это очень хорошо. Приведите её сюда». Когда я пришла, он спросил: «Ты хочешь выйти замуж за Рави Даса?» Преданный начал смеяться, а я сказала: «Но, Махараджи, он мне как отец». И Махараджи снова произнёс: «Ачча, очень хорошо. Не выходи замуж», и отправил меня из комнаты.

Затем он позвал Рави Даса и задал ему тот же вопрос обо мне. Рави Дас ответил: «Махараджи, я хочу жениться только на вас».

*

Махараджи постоянно спрашивал меня, хочу ли я жениться, а я постоянно отвечал, что хочу жениться только на нём. Тогда он говорил: «Но как ты сможешь потакать своим желаниям, если женишься на мне?»

*

В те дни у нас сложилась поговорка: «Не приводи свою девушку или

парня к Махараджи, он может вас поженить».

*

На свой первый даршан к Махараджи я пришла со своим давним другом, которого знала ещё с Америки. Как только мы подошли к воротам, он испугался и сказал: «Я не могу войти вместе с тобой. Пойдём по отдельности. Он может женить нас».

*

Когда Махараджи устроил бракосочетание Д. и К., он сказал, что брак — это не нечто, что следует праздновать. Брак, сказал он, означает, что вы прикованы стопами к миру.

Ещё на одном уровне Махараджи был семейным человеком в прямом смысле этого слова, хотя большинство преданных никогда не слышали о его семейных отношениях во время его жизни и не верили в это, когда слышали. До того как он убежал из дома и стал садху, в возрасте восьми лет, он был помолвлен. Хотя он так и не вернулся домой, женщина, с которой он был помолвлен ещё ребёнком, выполняла интенсивную тапасью и молилась о его возвращении, чтобы её жизнь как женщины могла быть реализована. И он вернулся на время. У них родилось двое детей. Но он никогда не оставался с семьёй как домохозяин.

Его семья, в которую сейчас входят несколько правнуков, говорит о том, что Махараджи всегда заботился об их материальном благополучии и всегда являлся для выполнения ритуальных обрядов, которых требовала его роль отца и главы семьи. Вся семья в первую очередь считала его своим гуру.

Прикосновение милости

В Индии, где отсутствует система социального обеспечения пожилых людей, сыновья заботятся о своих родителях. Когда мужчина и женщина вступают в брак, жена идёт жить в дом мужа, так чтобы он оставался со своей семьёй. К Махараджи приходило множество людей, стремящихся иметь ребёнка, особенно сына. Махараджи был известен тем, что мог давать беременность бесплодным и легко определял пол будущего ребёнка. Чаще всего он не вмешивался в эти процессы, но время от времени он наделял преданных тем, что считалось великим благом.

После того как я женился, у нас с женой родились три дочери. Меня это не особенно беспокоило, но моя мать очень хотела внука. Махараджи сказал мне, что у меня будет сын. Я признался, что у меня нет большого желания иметь сына. На это он ответил: «У тебя нет такого желания, а у твоей матери есть. Теперь у тебя будут сыновья. Много сыновей. Если ты захочешь сыновей, они у тебя будут. Если ты захочешь, у тебя будут сыновья, сыновья и сыновья». Когда моя жена снова забеременела и была примерно на седьмом месяце, Махараджи прибыл в Каинчи и сказал: «Ну, Сиддхи Ма! У Шив Сингха сын! Родился сын». Но сын ещё не родился тогда. Он появился на свет через два месяца. Мы положили его на колени Махараджи: «Махараджи, это ваш плод». Он благословил мальчика и сказал: «Теперь у тебя будут сыновья. У Бога сыновья не в дефиците. Теперь ты будешь производить на свет сыновей. Больше никаких дочерей. Сыновья и сыновья».

*

Вам не обязательно обладать верой, чтобы получить милость. Однажды Махараджи сказал семейной паре, приехавшей как туристы в Каинчи из восточного района штата Уттар-Прадеш: «У вас три дочери. Вы хотите сына. Хорошо. Доставьте мне десять мешков муки».

— Махараджи, как я вам их пришлю? Я приехал издалека.

— Я знаю, что вы приехали издалека. Отправляйтесь в магазин в Халдвани (город в Уттар-Прадеше), там сделают всё, что надо.

Человек отправился в магазин и договорился об отправке муки. Всё это стоило столько денег, что у него осталась сумма, достаточная только для того, чтобы вернуться домой. Через некоторое время у него родился сын.

*

Адвокат и его жена, не имевшие детей, пришли к Махараджи за помощью. Он вручил мужу плод гуавы, велел дать его жене, и сказал, что теперь у них будут дети. Адвокат думал о том, что пятеро детей его брата для него как родные, — зачем ему ещё собственные? И он положил гуаву на стол для проведения пуджи. Через месяц он отдал плод (который был вес ещё в отличном состоянии) своему другу, у которого тоже не было детей. Друг и его жена съели его. Сейчас у них трое детей.

*

К Махараджи пришёл человек, у которого не было детей, и Махараджи сказал ему: «Сделай здесь возле храма колодец, и у тебя будут дети». Так и случилось. Я встретил сына этого человека, который сам сейчас имеет двух сыновей. Махараджи сказал тогда его отцу: «Выкопай колодец, и твоя лодка продолжит свой путь», имея в виду, что семейная линия этого человека продлится и далее.

*

Однажды шофёр повёз Махараджи в Наинитал, он хотел навестить некоторых преданных. Подъехав к крутой горе, водитель стал размышлять, стоит ли слишком напрягать мотор, чтобы преодолеть подъём. Он не хотел рисковать, но поскольку у него на первом сидении был Махараджи, он решил попробовать. Когда они прибыли на место, Махараджи сказал: «У тебя нет детей».

— Нет, Махараджи.

— Как долго ты женат?

— Девятнадцать лет.

— Вот, съешь это яблоко. У тебя будет ребёнок.

Спустя десять месяцев его жена родила сына. Водитель говорил: «За такую малость Махараджи сделал великую вещь».

Но прикосновение милости Махараджи распространялось не только на процессы рождения детей. Его прикосновение исцеляло, приносило

экономическое процветание, а также духовный рост.

Один мой родственник, довольно крепкий молодой парень, серьёзно заболел и попал в больницу. Его состояние ухудшилось до такой степени, что врачи оставили все надежды спасти его жизнь. Тогда Махараджи пришёл в больницу, он коснулся головы юноши и некоторое время оставался рядом с ним. Весь персонал больницы и все пациенты собрались вокруг Махараджи, чтобы получить его даршан. Он раздал всем прасад и уехал в Каинчи. Юноша начал сразу же выздоравливать. Для него это было второе рождение.

*

Брат Д. сказал: «Мы исполняли киртан и ждали прихода Д. (который очень много пил). Как только он появился, то сразу бросился к Махараджи. От первого же его касания Д. полностью преобразился. Он бросил пить и с тех пор ни разу не брал в рот спиртное. Это случилось несколько лет назад.

*

Миссис П. рассказала: «У меня не было желания навещать каких-либо гуру, когда я пришла в ашрам. Я решила просто пойти и сфотографировать Махараджи. Но когда я пришла, дверь в его комнату оказалась закрытой. Прошло некоторое время, и кто-то посоветовал мне походить перед дверью, тогда Махараджи откроет её. Внезапно дверь отворилась, и Махараджи сказал: «Уходи отсюда».

Я ответила: «Я не уйду».

— О, Господи, ты очень упрямая. Чего ты хочешь?»

Я сказала, что хочу сделать снимок. Он согласился, но я попросила: «Пожалуйста, выйдите наружу. В комнате очень темно».

Махараджи ответил: «Снимок получится». Я начала спорить с ним, и он снова сказал: «Ты очень упрямая. Ты хочешь стать врачом?»

Я ответила: «Даже в своих мечтах я не могла бы стать врачом, так как я плохо учусь».

Тогда Махараджи коснулся моей головы и произнёс какую-то мантру. Вскоре после этого я поступила в медицинский колледж. Там я училась с отличием».

*

В ашраме остановился один человек. У него недавно умерла жена, а бизнес пошёл прахом. Махараджи вызвал к себе этого несчастного и попросил его сыграть на флейте. Человек заиграл «Рагхупати Рагаха Радха Рам». Махараджи сидел неподвижно, из его глаз текли слёзы. Затем Махараджи отвёл человека в отдельную комнату, а когда тот вышел из неё, то весь сиял от счастья. Он рассказал, что Махараджи коснулся своей стопой его головы.

Махараджи также велел одному из преданных дать этому человеку некоторую сумму денег и отправил его домой. Благословение Махараджи до сих пор служит опорой этому человеку и его семье.

*

Однажды (это было в 1968 году) Махараджи объявил, что девять преданных отправляются в поездку на «лэндровере». Мы остановились во фруктовом саду, а затем поднялись в горы, в дом отдыха, который принадлежал лесничеству. Обслуживающий персонал явно ждал нашего приезда и был в восторге от присутствия Махараджи.

Махараджи сразу же вошёл в дом, вместе с ним скрылся и Гурудатт Шарма. Мы все уселись на лужайке. Вскоре Гурудатт позвал меня к Махараджи. Я вбежал в комнату и, увидев сидящего на тукете Махараджи, склонился перед его стопами. Нас было только трое. Махараджи пристально посмотрел на меня, а затем, закрыв на мгновение глаза, сказал: «Ты заставляешь многих людей в Америке смеяться».

Я подумал, что он имеет в виду мою манеру чтения лекций, характеризующуюся изрядной долей юмора, и ответил: «Да, кажется, это так».

— Ты любишь кормить детей.

— Хм. Странно, — подумал я. — Я люблю готовить пищу для людей и, конечно, люблю детей. Поэтому я сказал: «Да, думаю, это так».

Затем Махараджи потянулся ко мне и три раза легонько постучал по моему лбу.

Следующее, что я помню, так это то, как Гурудатт Шарма вёл меня за руку обратно во двор и сияние света снаружи. Через несколько минут мы все снова погрузились в «лэнд ровер» и вернулись в храм.

Что всё это значило? Может, это была инициация? Что произошло со

мной? Я вспомнил историю о том, как Рамакришна коснулся груди Вивекананды своей стопой и ввел его в состояние самадхи. Вивекананда закричал: «А что будет с моей семьёй?» так как они все зависели от него. В тот момент Рамакришна убрал стопу, и Вивекананда вернулся в обычное состояние сознания.

Было ли это чем-то подобным? Много месяцев спустя, в письме, которое Хари Дас написал мне в Америку, он вспоминал: «В тот день ты был в очень возвышенном состоянии. Когда ты вышел от Махараджи, по щекам у тебя струились слёзы». Я сам не помню этого.

В течение многих лет после того случая я спрашивал о происшедшем многих преданных, но так и не получил ни от кого ясного ответа. Некоторые говорили, что это было благословение, другие указывали на то, что Махараджи часто маскировал важные инициации, чтобы всё выглядело так, будто ничего не случилось. Один преданный сказал мне, что гуру может пробудить энергию кундалини в преданном посредством прикосновения. Однако то, что происходило со мной, остаётся для меня по-прежнему открытым. А тогда случившееся только усилило моё замешательство — но таков был Махараджи. (Р. Д.)

*

Я преподавал в Америке, но у меня было такое чувство, будто моя недостаточная чистота ухудшает качество моей деятельности. Когда в 1971 году я предстал перед Махараджи, я попросил дать мне возможность как-то послужить ему в деле распространения дхармы на Западе. Тогда он шлепнул меня по голове и сказал: «Она у тебя будет». Это показалось мне истинным благословением, и я принял его как таковое. Но спустя несколько месяцев, будучи ещё в Индии, я по-прежнему продолжал сталкиваться со своими несовершенствами. Недовольство собой переполняло меня. И я снова попросил Махараджи дать мне чистоту. Тогда он внимательно осмотрел меня и сказал: «Я не вижу ничего нечистого».

С его стороны было мило говорить так — в конце концов, он видел Бога в каждом человеке, — но я не чувствовал удовлетворения. Я хотел *ощущать* чистоту. Во всяком случае, я продолжал жаловаться. И однажды меня вызвали в заднюю комнату, где я раньше никогда не был, там Махараджи оставался на ночь. Махараджи сидел на своём тукете. В комнате также находился С. Л. Сах, достигший больших успехов в изучении Рамаяны. Он был моим близким другом и уважаемым

учителем. Махараджи спросил, что я хочу, и я ответил, что хочу обладать достаточной чистотой, чтобы служить ему. Тогда он забрался к себе под одеяло. Там происходили какие-то странные движения, а затем послышался храп. Я ощущал глубокий покой, и в то же время любопытство. Затем Махараджи вылез из-под одеяла, постучал по моей голове и сказал: «Ты будешь чист». Позже С. Л. сказал мне, что под одеялом Махараджи выполнял мудры (специальные тантрические движения, предназначенные для достижения определённых целей).

Незадолго до этого, как мне рассказали, Махараджи сказал К. К. обо мне: «Я кое-что для него сделаю». Может быть, это была ещё одна из обычных скрытых инициации. Похоже, никто не знает ответа, Махараджи ничего не объяснил на этот счёт, а я по-прежнему ощущал отсутствие чистоты.

В последний день моего пребывания с Махараджи я сказал: «Махараджи, вы обещали мне, что я буду обладать достаточной чистотой, чтобы работать на Западе, а я не чувствую, что я чист». Это заявление, казалось, вызвало у Махараджи некоторый интерес. Он протянул мне плод манго, который держал в руке, и сказал: «Вот, съешь это».

Я часто слышал о том, что Махараджи даст благословение людям, и иногда, по рассказам, он делал это, используя какой-нибудь плод. При первой же возможности я отправился в укромное место, чтобы, ни с кем не делись, съесть это манго. Затем я начал размышлять над тем, стоит ли мне сохранить косточку, чтобы ещё больше усилить действие мангового благословения. В конце концов я отбросил эту мысль, как слишком «умную».

Уже прошло шесть лет с того дня, и медленно, очень медленно, нечистое отходит от меня. (Р. Д.)

Игра Кришны

Различия в отношениях Махараджи к мужчинам и женщинам были очевидными и нередко вызывающими удивление. С мужчинами он путешествовал, сплетничал, часто ругал и направлял — как друг, отец и мудрец. С женщинами, помимо всего этого, он, похоже, часто играл роль Кришны (одна из форм Бога в индусском пантеоне). Подобно Кришине, он вёл себя как ребёнок, партнёр по игре и возлюбленный. Такое поведение со стороны Махараджи, конечно же, вызывало некоторый испуг и смущение среди преданных, а также давало повод для критики тем, кто не любил Махараджи или не доверял ему. Для женщин-преданных, которые непосредственно участвовали в этой игре Махараджи, его действия служили катализатором, способствующим их стремительному продвижению на пути к Богу.

С женщинами

Однажды, когда Махараджи входил в комнату, Ма решили спрятаться за дверь, чтобы он не увидел их. Войдя, он начал причитать: «Где они? Как они могли уйти? Как они могли оставить меня? Они не могут меня оставить. Что мне теперь делать? Как я смогу жить без них?» При этом он беспомощно пытался натянуть на ногу носок. В конце концов Ма стало так жалко его, что они выбежали к нему из своего укрытия.

Как-то, когда после пребывания на другом плане сознания Махараджи возвращался обратно, Ма начинали кричать ему, как дети кричат вернувшемуся с работы отцу: «Что вы принесли нам, Махараджи?»

Несколько Ма отправились в храм на даршан. Там они обнаружили Махараджи и мужчину-преданного. Они сидели за оградой из колючей проволоки. Махараджи сказал им: «Вот вы, женщины, говорите, что Баба ничего из себя не представляет и только и делает, что заставляет женщин растирать ему стопы — а теперь видите, вы не можете перебраться через проволоку». Преданный, растиравший в это время стопы Махараджи,

начал читать строки Рамаяны. Это понравилось Махараджи. Он попросил Ма подойти поближе. Тогда одна из Ма сказала: «Вы явились для нас в этот мир как божественное воплощение в смертной форме!»

*

Один человек рассказывал: «Моя жена очень хотела просто быть рядом с Махараджи. Но не хотела говорить об этом. Она очень стеснялась».

*

Жена Р. очень неохотно рассказывала о Махараджи и своих чувствах к нему, и лишь глазами и лёгкими кивками головы она отвечала на расспросы. Но выражение её лица говорило о глубокой любви. Когда её спросили, не казался ли ей Махараджи её собственным сыном, её взгляд стал особенно тёплым. Улыбнувшись, она кивнула головой.

*

Мы сидели во дворе, и Махараджи брал мои руки и, засовывая их к себе под одеяло, заставлял меня массировать ему ноги. Иногда я почти целиком оказывалась у него под одеялом. Мне очень нравилось прикасаться к нему, но я не знала, где лежит граница дозволенного. Я растирала стопы и икры Махараджи, а он брал мою руку и тянул выше, к своему бедру. Тогда я немного массировала его бёдра и постепенно опять возвращалась к его икрам, так как, внезапно, оглянувшись, я замечала, что все присутствующие смотрят на меня, не сводя глаз. Какая-то индианка даже открыла рот от изумления, и мне стало очень неловко. Я снова возвращалась к его стопам. Но его рука вновь опускалась вниз и, схватив мою кисть, тянула её вверх.

Махараджи часто совершал со мной этот загадочный ритуал. И если я пыталась объяснить себе самой происходящее, то при первой же мысли об этом он поворачивался ко мне и громко кричал: «Нахин! (Нет!)», после чего продолжал вести свой разговор с преданными.

*

К Махараджи как-то пришла бездетная вдова-индианка. Она была обеспокоена тем, что о ней некому заботиться. Махараджи предложил: «Ма, я буду твоим ребёнком». Она начала обращаться с ним, как с ребёнком, и тогда он сказал: «Знаешь, Хайрикхан Баба часто сосал грудь у женщин. Я посижу у тебя на руках». Он сел ей на колени и оказался

таким лёгким и маленьким, как ребёнок. Он сосал её грудь, и из груди полилось молоко, хотя женщине было шестьдесят пять лет. Молока было столько, что можно было наполнить целый стакан. После этого случая женщина никогда не сокрушалась по поводу того, что у неё нет детей.

*

Я испытывала глубокий страх перед Махараджи и чувствовала некоторую неловкость в отношениях с ним — мне так хотелось делать всё правильно, но я не знала, что именно я должна делать. Однажды — это было в Каинчи — он позвал меня к себе в комнату. (Конечно, такое случилось именно в те дни, когда вы действительно нуждались в этом.) Махараджи велел мне закрыть дверь. Он сидел на тукете, а я — на полу, и он наклонился, чтобы обнять меня. Я протянула руки, чтобы тоже его обнять, а он сказал: «Иди ближе, иди ближе, ты недостаточно близко». И он буквально поднял меня с пола и усадил рядом с собой. Он обнял меня и завернул в своё одеяло. Он полностью укрыл меня своим одеялом и всем своим существом. Он как будто целиком поглотил меня! И я растаяла — все мои страхи, всё растворилось в океане Махараджи. Я полностью забыла о своём теле и полностью погрузилась в него. Вот как он ответил на все мои вопросы: одним лишь объятием!

*

Я стояла перед Махараджи на коленях, когда он схватил моё сари и начал тянуть. Затем он взял меня за грудь, приговаривая: «Ма, Ма». Впервые в жизни я ощутила, что переживаю близость, свободную от похоти.

*

Есть много историй о гуру, которые имели с женщинами особые отношения. Но вокруг Махараджи было ощущение такой чистоты, что люди могли рассказывать мне, что угодно о его действиях, это не могло поколебать моей абсолютной веры в него. Было ясно, что ему ничего не было нужно, у него не было никаких личных желаний.

Я думаю, Махараджи касался интимных вопросов в отношениях с теми женщинами, у которых были сексуальные проблемы. Глядя на это в ретроспективе, можно сказать, что это очень помогло им.

*

Все сидели перед Махараджи и пели, а я массировала его руку, когда

вдруг у меня появилась сексуальная мысль, связанная с ним. Я ужасно смутилась, так как он смотрел прямо мне в глаза. Тогда я немедленно прекратила массаж и начала пальцем писать на хинди слово «Рам» на своей руке, снова и снова — продолжая при этом удерживать его взгляд. И тогда эта мысль постепенно исчезла. Махараджи подался вперёд и легонько потянул за кольцо, которое я в то время носила в носу. Он начал вертеть мою голову в разные стороны и показал моё кольцо сидевшей рядом индианке. «Смотри, — сказал он с милой улыбкой, — она очень хорошая».

*

Когда я впервые оказалась с ним наедине в комнате, я сидела рядом с ним на тукете, а он вёл себя как лёгкомысленный семнадцатилетний повеса! Я ощущала себя невинной пятнадцатилетней девушкой. Он начал заигрывать со мной — и это было так мило и отличалось такой чистотой. На несколько мгновений я увлеклась игрой — а затем внезапно осеклась: «Постой! Это же мой гуру. С гуру так себя не ведут!» И я отпрянула от него. Тогда Махараджи начал наклонять голову то в одну, то в другую сторону, он наморщил лоб и придал своему лицу милое лукаво-нежное выражение. Он ничего не говорил, но всё его существо вопрошало: «Разве я тебе не нравлюсь?»

Когда я вышла от него после даршана, мне стало так плохо, что к концу дня я чувствовала, будто вырвала всё, что было в моём теле. Из ашрама меня выносили на руках. По пути мы остановились у комнаты Махараджи, и я смогла сделать ему пранам. Я встала на колени около его тукета и склонила голову к его стопам — но он оттолкнул меня ногами и сказал: «Уберите её отсюда!»

В течение последующих трёх дней я не могла двигаться, но затем полностью поправилась. В те дни я пережила множество различных реакций на тот даршан: отвращение, смущение и т.д.

Это произошло, а мне предстояло находиться в ашраме два года. Во время последнего месяца моего пребывания я каждый день оставалась с ним наедине в его комнате. Моё понимание постепенно углублялось. Казалось, он способствовал моему превращению в Ма и помогал мне понять, что в сексе нет ничего плохого. Иногда он дотрагивался до моей груди и касался между ног, говоря: «Это моё, это моё, это моё. Всё моё. Ты моя». Вы можете толковать это, как хотите, но после этих даршанов у меня было ощущение, что он мой ребёнок. Иногда мне казалось, что я

кормлю грудью младенца. Хотя он не менялся физически, в моих руках он как будто становился очень маленьким. Это было прекрасное преобразование.

*

В Каинчи Махараджи вызвал меня в свою маленькую комнатку и попросил сесть рядом с ним на тукет. Он начал приговаривать: «Ма, Ма», и произносить наполовину по-английски, наполовину на хинди: «Мери Мать, мери Мать». При этом казалось, что его тело прямо у меня на глазах уменьшается до размеров ребёнка, завернутого в пеленки. Я держала его у себя на руках и качала как дитя.

*

Я сидела на полу, глядя на Махараджи, а он сидел на тукете, глядя на меня. Он начал говорить со мной, и я понимала каждое его слово. Затем он постучал ладонью по тукету, показывая, чтобы я села рядом. Я начала размышлять, где мне лучше сесть, — разве можно сидеть на тукете вместе с ним? Он постучал по тукету ближе к себе, и я немного придвинулась, а затем решила — будь что будет! — и села со скрещенными ногами прямо перед ним. Я понимала всё, что он говорил, но как только мой ум начинал работать, я, естественно, уже ничего не могла понять.

Затем Махараджи поцеловал мои ладони, схватил меня и, обнимая, начал тянуть к себе. Знаменитое объятие. У меня возникло ощущение, будто я смотрю на мир его глазами. Я видела всё, что было в комнате, включая вещи, расположенные позади меня. Мне казалось, что я сижу внутри Махараджи, полностью погружившись в него. Я не знаю, как долго мы находились в этом состоянии.

*

Махараджи был единственным существом из всех, кого я встречала, который, казалось, делал всё, чтобы помочь тебе обрести свободу. И это был не какой-то имидж, который ему нужно было поддерживать; его учение было вне пределов какой-либо формы или организации. Все другие учителя — это или индусы, или буддисты, или кто-то ещё, но Махараджи был совсем иным.

*

Незадолго до того как Махараджи оставил своё тело, в храм пришла

пожилая женщина со своими детьми и внуками. Она положила руку на голову Махараджи и дала ему благословение на очень долгую жизнь. Она дважды произнесла на санскрите: «Да будете вы благословлены многими годами долгой жизни».

Махараджи плакал. «Вы слышали, что она сказала, вы слышали, что она сказала?» Его восторг был чистым восторгом ребёнка.

С мужчинами

Махараджи часто беседовал с мужчинами-преданными о женщинах. Посредством множества противоречивых заявлений он, казалось, передавал нам учение, отмеченное особой тонкостью.

Один из вселенских вопросов, которые он задавал мне ни с того ни с сего, был таков: «Что такое женщина?»

Христос и Хануман рассматривали всех женщин как матерей. для постижения бога вам нужно достичь понимания Матери.

Махараджи так комментировал строительство школы для девочек: «Дайте образование девочкам, и они дадут образование обществу».

С другой стороны, он говорил:

**Смотрите на всех женщин как на матерей.
Служите им как своей матери. Когда весь мир рассматривается как мать, эго устраняется.**

Чистая женщина лучше, чем сто йогов. Женщины более

открыты для любви к Богу.

Необходимо соблюдать брахмачарью (безбрачие), но этого можно достичь и живя с одной женщиной. Чистая сати (жена) может приблизить вас к Богу в одно мгновение.

В то же время он говорил и следующее:

Женщины и золото — это камни преткновения на пути к Богу.

Женщина — это змея. Вы не должны даже прикасаться к ней.

Наверное, это был тот случай, о котором говорится: «Когда туфли не жмут...»

Как-то один преданный выразил свою растерянность в связи с тем, что вокруг столько привлекательных женщин. Махараджи ответил на это: «Твоё видение должно быть безупречным».

*

Один преданный очень смутился, когда Махараджи зашёл в его университетскую комнату и увидел висевший на стене календарь с фотографией красотки. Махараджи поинтересовался, кто она такая, и преданный ответил: «Никто», собираясь перевернуть фотографию лицом к стене. Но Махараджи остановил его, сказав: «Она — Ма. Ты не должен унижать её».

*

Всё то время, пока я был в Индии, у меня почти не возникали никакие сексуальные мысли. Я их не подавлял, просто меня не интересовала эта сфера. Когда мы возвращались в гостиницу, я не стремился к компании других людей. Я совсем не замечал женщин как женщин, хотя, наверное,

некоторые мужчины всё же обращали на них внимание.

Я не помню, чтобы Махараджи давал мужчинам такие учения, какие он давал женщинам. Я не помню никаких наставлений, непосредственно связанных с сексуальностью. Он много говорил о женщинах и о *золоте*, о том, что похоть — это яд и что одним из величайших ядов йогов является похоть.

*

Как раз в то время, когда у меня разворачивался роман с одной женщиной (с ним мы вместе путешествовали), Махараджи быстро положил ему конец. Когда мы увидели его впервые после начала нашей связи, он сказал нам принять брахмачарью.

С тех пор как я начал говорить на хинди, мы обычно сидели с ним и болтали о том — о сём, это было нечто вроде беседы «мужчины с женщиной». Часто он разрешал мне фотографировать. Иногда, однако, он наклонялся ко мне и притягивал меня к себе, заключая в Космическое Объятие.

*

Однажды, утром, после того как я испытал физическую близость с одной преданной, мы оказались рядом с Махараджи. Не ожидая такой скорой встречи с ним, я ощущал сильную вину от наложения этих двух событий. Махараджи указал на женщину и сказал мне: «Ей ты даёшь свои лучшие учения». Затем он сказал, чтобы мы соблюдали брахмачарью и вернулся к другим темам. Мне осталось теряться в догадках. (Р. Д.)

*

Во всех ашрамах мужчины и женщины спали отдельно, пока не вступали в брак. Однажды вечером Махараджи отправил одну женатую пару и *холостых* мужчину и женщину ночевать в двухкомнатную гостиницу лесничества, которую мы иногда использовали для этих целей. Я посчитал, что западные преданные будут придерживаться принятых в ашрамах правил, согласно которым женщины останавливаются в одной комнате, а мужчины — в другой. (В то время я ощущал ответственность за поведение всех, прибывших с Запада.) На следующее утро я узнал, что они не последовали этим правилам. Я очень рассердился и сказал, что

они проявляют пренебрежение к индийской культуре. В ту же минуту нас вызвали к Махараджи, который начал расспрашивать, как все спали. Повернувшись к людям, ночевавшим в гостинице, он спросил, в какой комнате спал каждый из них. Они ответили ему, и он сказал: «Очень хорошо».

Махараджи часто повторял: «Рам Дасу не следует прикасаться к женщинам. Женщины для Рам Даса подобны змеям». Скорее всего он прекрасно знал, что я не мог рассматривать всех женщин как Божественную Мать; и вообще мой страх перед женщинами заставлял меня поддерживать отношения в основном с мужчинами. Однако его предупреждение не помогло с решением этого вопроса.

Но самое сильное его увещевание, которое он повторял снова и снова, поднимая для весомости один палец вверх, звучало так: «Рам Дас, *канчанкамини* (золото и женщины)». Каждый раз, когда Махараджи произносил эту фразу, — часто используемую и другими святыми, такими, например, как Рамакришна, в качестве предупреждения об опасностях, таящихся в привязанности к сексу и деньгам, — я начинал заново пересматривать своё поведение, связанное с желаниями всего этого. И хотя эти желания укоренились во мне глубоко-глубоко, я чувствовал, что им противостоит желание просветления и что рано или поздно они проиграют в этой борьбе. Но, боюсь, я был тогда (сейчас?) подобен аббату монастыря, который молился: «Боже, освободи меня от желаний, чтобы я мог стать таким, как святые отцы в пустынях, — но не прямо сейчас». Я хотел ещё немного позабавиться сексом и деньгами.

Но Махараджи был неумолим. Часто он вызывал меня по несколько раз в день, и каждый раз я делал ему пранам, а он многозначительно смотрел на меня и нараспев произносил: «канчанкамини», после чего отсылал обратно. Было почти очевидно, что он предупреждает меня против чего-то конкретного, но в то время я истолковывал его слова как общие наставления. Я испробовал множество способов, чтобы освободиться от похоти. Я предлагал свою похоть огню в самых различных ритуалах и просил Бога с помощью разнообразнейших метафор освободить меня от этой привязанности. Но, по-видимому, я не был ещё готов к тому, чтобы обрести свободу, так как привязанность к этим желаниям оставалась.

В 1974 году я встретил женщину — духовного учителя, которая объяснила мне, что её послал Махараджи (астрально) помочь мне в моей

внутренней работе. Основная часть нашей совместной работы превратилась в сексуальные тантрические практики. Это очень помогло мне в ослаблении цепей привязанности к желанию, с которым я так долго боролся.

Казалось, что во время нашей совместной работы ей было трудно оставаться в теле. Её сознание постоянно уплывало. Поскольку промелькнула идея, что такой драгоценный металл, как золото поможет удержать её сознание на земном плане, я решил купить ей золотые браслет и кольцо. И как раз в ювелирном магазине я вспомнил напоминание Махараджи насчёт «женщин и золота». Вскоре я почувствовал, что благодаря этим отношениям, большая часть моего страха перед женщинами исчезла. Это ослабило мою привязанность к похоти, и я смог продолжать свой духовный путь — и тогда я оставил эти учения. Я ощущал, что к этой женщине меня привела милость Махараджи, и благодаря его же милости я оставил её. (Р. Д.)

*

Однажды Махараджи посетил наш дом. В то время у нас жил один скульптор. Вся гостиная была заполнена огромными скульптурами и картинами обнажённых людей. Я немного переживал, что они могут не понравиться Махараджи, и хотел, чтобы он сразу прошёл в спальню. Но он сел на диван, огляделся и выразил восхищение увиденным. Он сказал: «Как прекрасно! Это очень хорошие работы». А затем непринуждённо начал вести беседу об искусстве как настоящий знаток. Я почувствовал такую раскрепощённость, что полностью забыл о своих переживаниях. А Махараджи, давая свою оценку произведениям искусства, спрашивал: «Откуда ты берёшь дерево? Как ты это делаешь? Когда ты этим занимаешься?» и так далее. Махараджи был на высоте в любой ситуации.

Сексуальная энергия — это сила, дающая возможность достичь Бога.

Если вы поднимите эту энергию, вы сможете ощутить Брахму и встретиться с Ним.

Отвезите его в Дели

Отношения между гуру и преданным, возникающие на самом тонком плане, во многом зависят от веры. Чем глубже вера и доверие, которые преданный питает к своему гуру, тем больше вероятность, что гуру пробудит в нём духовные качества.

В духовной литературе часто упоминается, что истинное отдавание себя — это в действительности не отдавание себя, то есть, ученик раскрывается — через веру и доверие — определённому методу (и такому, как гуру) только в том случае, если его вера входит в резонанс с истиной, коренящейся в глубине его сущности. Тогда есть готовность к открытию. Если же человек по-прежнему пребывает во власти интеллекта или эмоций, то любой акт самоотдавания будет лишь ещё одним актом эго и, будучи основанным на неверном суждении, может привести к ужасающим последствиям. Так что нельзя принять решение отдать себя во власть гуру. Но когда происходит встреча преданного и гуру в глубинах сущности, тогда такое самоотдавание в действительности является не отдаванием себя на милость другого человека, а отдаванием себя своей собственной Божественной природе.

Преданные Махараджи часто рассказывают о самоотдавании историю, связанную с другим святым, Самбари Махараджем, который жил в прежние времена. Махараджи очень высоко почитал его.

Как-то Самбари Баба дал одному из своих преданных две картофелины и велел их съесть. Это указание было очень строгим. Преданный отправился к ручью и принялся есть одну из картофелин. Но тут рядом оказался очень бедный старик, он стал просить вторую картофелину. «У тебя есть еда, а у меня — нет». Преданный не мог отказать бедняку и отдал ему вторую картофелину. Когда он вернулся, Самбари Махарадж как следует отругал его за то, что он не сделал так, как ему было велено. Его речь закончилась словами: «Значит, это была не твоя бхагья (больше чем удача; возможно, судьба) съесть вторую картофелину». Позже этот человек достиг больших успехов в мире, но не смог добиться успехов в своих духовных устремлениях, ибо это и была его вторая картофелина.

Эта история, в которой благодеяние противопоставляется

отдаванию себя во власть гуру, является отражением сурового учения. Однако в конечном счёте мы должны отказаться от эгоцентрированной благотворительности, для того чтобы стать самой этой благотворительностью.

Некоторые истории, отражающие абсолютную веру и основанное на ней самоотдавание со стороны индийских преданных Махараджи, вызывают благоговейный трепет, так же как и истории, повествующие о недостатке веры. Махараджи никому из нас, преданных, не облегал жизнь, постоянно сея сомнения по отношению к себе и тем самым, подрывая те проблески веры, какие могли в нас зарождаться. И всё же мы наблюдали, как наши сомнения постепенно поглощаются всё углубляющимся доверием к нему. Казалось, он вёл нас к осознанию того, что Рамана Махарши однажды выразил словами: «Бог, Гуру и «Я» — едины». Таким образом, мы обнаруживали, что доверие и открытость по отношению к Махараджи вела нас лишь в глубину нашего собственного существа и к более глубокой вере в самих себя.

Махараджи сеет сомнения

Я вспоминаю, как однажды привёл к Махараджи человека, только что прибывшего с Запада. Этот человек мне нравился, и я хотел, чтобы встреча с Махараджи произвела на него глубокое впечатление, то есть я хотел, чтобы Махараджи продемонстрировал свои «трюки».

Махараджи взглянул на него и спросил: «Ты приехал из Канады?»

— Нет, Махараджи, я приехал из Соединённых Штатов. Махараджи кивнул так, будто теперь он узнал его, и сказал:

«У тебя три сестры».

— Нет, Махараджи, я единственный ребёнок в семье.

Мне стало не по себе. Но Махараджи продолжал в том же духе, высказывая неверные предположения о его поездке, его работе. После этого он отпустил нас.

Уходя, тот человек посмотрел на меня и сказал с лёгкой жалостью: «Я уверен, что твой гуру очень хороший». Больше он не появлялся. (Р.Д.)

*

Осенью 1972 года мы гостили в Дели, в доме главного лесничего инспектора Индии, который был давним преданным Махараджи. Много людей приходило и уходило, и среди них была одна женщина со слегка надменным видом. Войдя в дом, она совершила пранам Махараджи и спросила: «Вы помните меня * мы встречались в доме такого-то».

Махараджи ответил со смущённым видом: «Эх (Что)?» Женщина: «О, Махараджи, вы тогда говорили то-то и то-то. Вы должны помнить».

Махараджи: «Кья (Что)?»

Женщина была явно раздосадована, так как она пришла с важными друзьями и явно хотела произвести на них впечатление. В конце концов она и её друзья ушли. Махараджи тут же приосанился и рассказал нам всё об отце, дедушке этой женщины, о её материальном положении и всю её биографию.

*

Махараджи сказал одному девятнадцатилетнему парню, который пришёл к нему со своей семьёй: «Ты не прошёл, ты провалился».

— Нет, Махараджи! Я не провалился! Я получил средний балл.

— Ты провалился. Думаешь, средний балл тебе поможет? Затем он добавил: «Нет, ты не провалился, ты получил высший балл, но ты его не заслуживаешь. Ты слишком много споришь со своими родителями, вместо того чтобы заниматься, и ты не заслуживаешь высшего балла, хоть ты его и получил. Теперь ты должен хорошо заниматься».

Махараджи был очень суров. Миссис Сони, которая дружила с этой семьёй, испытывала сильное смущение, так как она знала, что результаты экзаменов были уже напечатаны в газете, что юноша получил средний балл и что это были окончательные результаты. Замешательство по поводу того, что твой гуру ошибается (якобы) — просто мучение. Все члены семьи считали Махараджи очень хорошим человеком, но сам юноша относился к нему снисходительно. Мистер Сони велел водителю отвезти мальчика и его родителей домой. Когда водитель вернулся обратно, он привёз с собой записку, в которой говорилось, что случилось невозможное: все четыре экзаменационные работы юноши были пересмотрены и оценка была изменена — он получил высший балл.

*

Однажды Махараджи сказал мне: «В Индию приезжает очень возвышенная женщина, которая сильно тебя любит». Я начал размышлять об этом и всё больше приходил в замешательство. Единственной возвышенной женщиной, любившей меня, была Каролина, с которой я жил до приезда в Индию, но которая, насколько мне было известно, не собиралась предпринимать путешествие в эту страну. Больше никого не было. Что это могло значить? Или, может быть, Махараджи может ошибаться и просто заблуждается? И только в 1970 году всё прояснилось, когда Каролина рассказала, что она действительно ездила в Индию, когда я был там в 1968 году. Она посещала храмы, изучала архитектуру и не хотела меня беспокоить. (Р. Д.)

*

Во время моей второй поездки в Индию в 1971 году я встретился с Махараджи в Аллахабаде. Спустя несколько дней он отправил нас в Дели. Когда мы уже уезжали, Махараджи очень тихо сказал мне: «Встретимся во Вриндаване».

Мы провели около недели в Дели, а затем решили совершить паломничество по храмам Шивы на юге. Наш путь пролегал через Вриндаван, где мы могли увидеться с Махараджи и получить его благословение.

Мы покинули Дели и заночевали в Матхуре, предвкушая встречу с Махараджи во Вриндаване на следующий день. Рано утром мы прибыли в храм, принеся с собой много фруктов и цветов. Пуджари объяснил нам, что Махараджи нет и неизвестно, когда он появится. Даже зная о широко известной репутации Махараджи как существа непредсказуемого, я почувствовал сильное разочарование, ведь он сам сказал: «Встретимся во Вриндаване». И я также знал, что к тому времени, когда мы вернёмся с юга (где-то в апреле), Махараджи будет высоко в горах, поскольку в долине, где расположен Вриндаван, уже начнётся жара. Что же он тогда имел в виду?

Сидя в то утро в храме, я слушал, как несколько пожилых женщин распевали бесконечное «Харе Кришна, Харе Рама», которое можно было слышать там с раннего утра до позднего вечера. И тут вдруг, пролетая у меня над головой, маленькая птичка уронила небольшую соломинку, которая упала мне прямо на колени. Может, это Махараджи и подарок от него?

Оставив фрукты и цветы в качестве подношения перед мурти Ханумана, мы отправились дальше. В конце своего паломничества мы взяли направление на север. Тут среди нас развернулась дискуссия по поводу выбора маршрута: прямой путь пролегал через горы и Наинитал, если же ехать через Вриндаван, придётся следовать окольным путём, и на это потребуется дополнительный день. Была уже середина апреля, и Махараджи, скорее всего, был в горах. Но с другой стороны, он сказал, что мы увидимся во Вриндаване (хотя я никак не мог освободиться от того ощущения разочарования, какое я испытал, когда мы не застали его в храме по дороге на юг). Я был за то, чтобы идти прямо в горы, но большинством голосов было решено направиться во Вриндаван.

Мы снова провели ночь в Матхуре, а утром накупили фруктов и цветов, хотя на этот раз не в таком изобилии, так как не очень надеялись застать Махараджи. Мы побродили по базару, насладились свежесжатыми фруктовыми соками и, наконец, в восемь тридцать направились в храм. Прибыв, мы обнаружили, что он выглядит подозрительно пустым. Мы припарковались перед главными воротами и вошли внутрь. Нас встретил пуджари. Совершив перед ним пранам, мы спросили, на месте ли Махараджи.

— О, нет, — ответил он. — Махараджи не было здесь уже несколько недель. Он, наверное, сейчас где-то в горах. Здесь его нет. — Наше общее сердце сжалось от досады, но затем мы вновь предложили фрукты и цветы Хануману и, пробыв в храме минут пять, поспешили обратно к машине. Мы полагали, что, если будем ехать без остановок, к вечеру доберёмся до Наинитала. Когда мы уже закрывали дверцы, на дороге появился мчащийся небольшой «фиат-седан», который остановился как раз рядом с нами. Водитель показался нам немного знакомым — а рядом с ним сидел Махараджи. Он вышел из машины и направился в храм, не обратив на нас ни малейшего внимания.

Мы бросились к машине. На заднем сидении находился Гурудатт Шарма, который часто сопровождал Махараджи в поездках. Обычно Шармаджи настроен дружелюбно, хотя ничего не рассказывает о делах Махараджи. И всё же нам удалось выудить из него, что вечером предыдущего дня они были в одном далеко расположенном от Вриндавана городе. В 2 часа ночи Махараджи разбудил его и водителя и сказал: «Поехали. Нам нужно торопиться. Мы должны быть во Вриндаванс». Они ехали всю ночь и в 7 часов утра прибыли в Агру, где

Махараджи сказал: «У нас ещё есть немного времени. Мы можем навестить такого-то и такого-то». После короткого визита Махараджи снова начал торопить их с отправкой во Вриндаван. В конце концов, он ведь сказал мне, что увидимся во Вриндаване. (Р. Д.)

Вера преданных

Я не посещаю других святых, так как у меня есть Махараджи. Мне никто не нужен.

*

Если вы думаете о Махараджи, с вами не может произойти ничего плохого. Если вы забываете его, вы можете испытывать страх.

*

Машина, в которой находился Махараджи, подъехала к мосту. Навстречу двигались запряжённые волами телеги с сахарным тростником, полностью преграждая проезд через мост. Водитель замедлил ход, и Махараджи спросил: «Зачем ты притормаживаешь?»

Водитель ответил: «Махараджи, я никак не смогу проехать».

Махараджи велел: «Поезжай!» Водитель начал протестовать, но Махараджи scomандовал: «Закрывай глаза и езжай!» Тогда водитель закрыл глаза и нажал на педаль газа. Когда он вновь открыл глаза, они были уже на другом конце моста.

*

Каждого, кто приближался к нему, он наделял милостью. Если вы обладаете чистой верой, он сделает всё, что вам нужно.

*

Это он наделил меня верой, я не развивал её.

*

Шив Сингх должен был однажды днём ехать домой, но Махараджи сказал, чтобы он этого не делал. На следующий день он снова велел ему остаться и на третий день также. «Дада, что мне делать? — спросил Шив Сингх. — У меня есть один контракт на приобретение яблоневого сада.

Конкуренция большая. Речь идёт о ста тысячах рупий. Если я не поеду, я не получу этот сад». Но Махараджи продолжал удерживать его в Каинчи в течение пяти или шести дней. Шив Сингх снова обратился к Даде: «Ну вот, теперь мне не видать этого контракта». Сказать об этом Махараджи ему не хватало смелости.

Закончилось всё тем, что Махараджи просто-напросто отругал его: «Ты уже столько дней не появляешься дома. Тебе нужно ехать и заняться работой». Шив Сингх даже почувствовал себя виноватым в этой задержке. Он уехал, а через несколько дней вернулся обратно счастливый и радостный. Пока он по милости Махараджи сидел в ашраме, в местности, где он жил, прошли бури с градом и причинили большой ущерб саду, из-за этого цена на него была снижена наполовину. И Шив Сингх приобрёл его.

*

Если у вас есть какие-то нужды, не просите о помощи людей, обращайтесь прямо к Махараджи. Махараджи сделает всё.

Если вы обладаете достаточной верой, вы можете отречься от денег и имущества.

В поезде моя невеста разговорилась с сидящими рядом с ней женщинами о Махараджи. Одна женщина из южной Индии очень разволновалась и настояла на том, чтобы приехать к нам и встретиться с ним. Она принадлежала к высшему обществу. Женщина вела себя необычно и очень таинственно. Она поступала так, будто была членом нашей семьи, и даже входила в комнату моей жены, брала её сари и отдавала их другим женщинам. Эта дама прожила у нас около недели, но Махараджи всё не появлялся, и тогда она отправилась в Каинчи. Когда Махараджи наконец приехал к нам, она была в его сопровождении. Преданные в Наинитале, а также в Лакнау жаловались на то, что она располагалась у них дома и раздавала ценные вещи. Махараджи спросил, почему я позволил ей остановиться в своём доме. Я сказал, что её послал Махараджи, а всё, кого он посылает, являются желанными гостями в моём доме, я не могу прогонять посланцев Махараджи. Однако Махараджи отрицал, что это он послал её. Я возразил: «Как она могла

прийти без вашего ведома?» (Как она могла? Махараджи знает всё, это его дом. Конечно же, это он послал её!)

Этого Махараджи отрицать не стал, однако заявил в ответ: «Но ведь она раздавала ваши ценные вещи!» Я сказал: «Они не могли быть такими уж ценными, такими уж необходимыми, если у нас их больше нет. Это, наверное, были бесполезные вещи, иначе они бы по-прежнему были у нас — разве это не так?» Махараджи промолчал. Что он мог сказать? Другие преданные были удивлены, что Махараджи признал, что он знает обо всём происходящем.

*

Однажды в отделе, где я работаю, проводились экзамены. Мне было сорок четыре года, и я считал, что я слишком стар, для того чтобы сдавать экзамены, мне также не хотелось ударить лицом в грязь перед своей семьёй. Первую контрольную работу я выполнил без энтузиазма и всё испортил. Махараджи тогда здесь не было. Когда я вернулся с экзамена, на пороге дома Дады я увидел Сиддхи Ма и понял, что Махараджи приехал. Я вошёл в дом и положил ручку и карандаш к его стопам. Махараджи спросил: «Ты сдаёшь экзамены?»

— Да.

— Ты их сдашь.

Перед вторым экзаменом я плакал. Махараджи спросил: «Почему ты плачешь?»

— Я боюсь, что провалюсь.

Махараджи усадил меня и заверил: «Ты пройдёшь».

Тогда Хубба сказал: «Иди. Имей веру».

На экзамене было пять вопросов, и на четыре с половиной из них я ответил неправильно. После третьего экзамена я снова встретился с Махараджи. Он спросил меня, как дела, и я солгал: «Превосходно». Потом я подумал: «Как я могу ему врать?»

Через три месяца стали известны результаты — я прошёл.

*

У одного человека на глазу было воспаление, которое не смогло устранить даже хирургическое вмешательство, но позже он сказал Махараджи: «Когда я прочитал *Чандипат* (книга мантр, посвящённых

Матери), глаз зажил сам по себе».

Махараджи стал разыгрывать скептицизм, говоря присутствующим Ма и другим преданным: «Вы можете поверить, что он просто прочёл Чандипат и воспаление прошло? Вы верите в это? Это возможно? Такое могло случиться? Ма, как ты думаешь?»

*

Снова и снова на протяжении многих лет Махараджи учил меня иметь веру в то, что он будет направлять меня через моё собственное сердце. Мне нужно только слушать тот высший голос интуиции. В эти минуты я ощущаю его с наибольшей силой. Вот пример того, как он учил меня этому:

Среди садху, живших во Вриндаване, был один молодой парень, немного говоривший по-английски и друживший со многими западными преданными Махараджи. Он сопровождал их по городу, показывая малоизвестные храмы и особые святы места. Вечерами западные преданные иногда приходили к нему на песнопения. Меня часто приглашали принять в них участие, но я не ощущал особого желания — мне хватало ежедневного пребывания рядом с Махараджи. В остальное время я довольствовался тем, что бродил по городу и думал о нём и о том, что произошло во время даршана.

Но этот молодой садху продолжал передавать мне через других преданных приглашения на песнопения, которые я всё время отклонял. Однажды вечером один преданный принёс мне тарелку из листьев, полную еды, её мне послал этот садху. От такого внимания мне стало не по себе. Я с недоверием относился к мотивам его поведения, и в то же время я с недоверием относился к своему собственному недоверию по отношению к нему. Может быть, где-то глубоко внутри я ощущал в нём конкурента.

Вскоре мы отправились в Аллахабад, город, расположенный примерно в двухстах километрах от Вриндавана. Там нас поселили в доме одного преданного, и мы ежедневно посещали Махараджи, живущего в доме Дады, расположенном в миле от нас. Однажды мы, трое преданных, приехали к Даде на рикше. Его дом был обнесен забором с воротами, а за воротами росло одинокое дерево. Подъехав к дому, мы увидели под деревом того молодого садху из Вриндавана. Два моих спутника, которые питали к нему симпатию, выскочили из рикши и, подбежав к

нему, совершили пранам. Расплатившись, я подошёл к воротам. В этот момент садху поднялся на ноги, и мы поклонились друг другу. Я не мог понять, почему он сидит за воротами. Если он приехал повидаться с Махараджи, почему он не в доме с остальными преданными? Может быть, он относился к какой-то секте, члены которой не могли входить в дом? Или, может быть, он ждал приглашения? Теперь, когда он поднялся, должен ли я пригласить его войти? Я не мог проигнорировать его и войти в дом, оставив его на улице. И всё же что-то в моём сердце — то же ощущение душевного дискомфорта, которое я испытывал раньше во Вриндаване, — удерживало меня от того, чтобы пригласить его. Моё сомнение в его чистоте мешало мне привести его к Махараджи.

Мы стояли лицом друг к другу, и я чувствовал, как нерешительность сковала меня. И тут неожиданно из дома вышел индус и с большой радостью и глубоким почтением поприветствовал молодого садху и провёл его в дом. И тогда я осознал, что этот садху действительно обладает чистотой, а моя сдержанность по отношению к нему была проявлением моей собственной нечистоты. Я тихо прокрался в дом и сел в передней комнате, без особого энтузиазма присоединившись к песнопениям других присутствующих. Молодого садху нигде не было видно. Вскоре после этого я увидел его среди поющих, а после этого он больше не попадался мне на глаза. Я ощущал тяжесть на сердце, осознавая свою вину за то, что позволил чувству соперничества или чему-то ещё овладеть мною в виде интуитивного суждения о нечистоте другого человека.

Затем меня вызвали на кухню, где Махараджи сидел в окружении индийских преданных. Я упал к его стопам, а он легонько стукнул меня по голове и сказал индусам: «Рам Дас умеет хорошо говорить, он хороший лектор, но людей он не понимает». Его слова перевели на английский, и я понял, что Махараджи не собирается оставлять сцену, произошедшую за воротами, без внимания. Я мог лишь согласиться с ним и ещё больше погрузиться в переживание вины и собственной нечистоты. А Махараджи снова и снова повторял своё заявление о том, что, хотя я и умею хорошо говорить, о других людях я сужу неверно. Все соглашались с ним и смотрели на меня с любовью и жалостью. Я всем сердцем снова и снова соглашался с ним. Наконец, когда Махараджи проработал этот момент полностью, он сказал: «Да, он не понимает людей. Он должен был пригласить этого садху в дом. Но этот человек не обладает чистотой — он хочет иметь то, что принадлежит его

преданным».

С этими словами он ударил меня по голове и радостно рассмеялся. Голова у меня пошла кругом, и сквозь туман вины, жалости к себе и сомнений внезапно прорвались яркие лучи понимания. Махараджи в своей уникальной, неподражаемой манере говорил мне, что на этот раз я был прав. Он учил меня доверять своему сердцу. (Р. Д.)

Самоотдавание преданных

Махараджи часто повторял строки из Рамаяны, из того места, где Рама говорит одному из своих преданных: «Друг, зачем ты беспокоишься? Отдай все свои мысли мне, и все твои приоритеты определятся сами по себе». Он произнёс эти строки в тот день, когда покидал Наинитал в последний раз.

*

К Махараджи пришёл один важный человек. Он постоянно смотрел на часы, так как у него была назначена встреча с министром финансов. А Махараджи всячески задерживал его, заставляя всё больше и больше нервничать. Наконец, когда уже вне всякого сомнения стало ясно, что он опоздал, Махараджи отпустил его. Человек помчался на место встречи. Прибыв, он узнал, что у министра финансов появились какие-то срочные дела и он распорядился перенести встречу на более позднее время.

*

Обычно, когда Махараджи останавливался у меня в доме дней на семь-восемь, преданные приходили к нам, но в тот вечер не было никого. Была уже полночь, я устал, но Махараджи всё ещё продолжал беседу, и я сидел и массируя его стопы. Через некоторое время Махараджи захрапел. Я подумал, что он уснул, и тоже решил пойти спать. Я начал потихоньку вставать, когда через храп услышал: «Сурадж, куда это ты собрался?» Тогда я снова сел у *его* ног. И так повторялось много раз. В конце концов я решил отказаться от сна вообще и оставаться рядом с ним всю ночь. И в этот момент Махараджи сказал: «Сурадж, иди ложись спать».

*

Однажды я решил, что в качестве садханы буду выполнять всё, что скажет Махараджи. Мгновенное повиновение его слову! В то время я жил на горе за Каинчи и всегда уходил с даршана раньше, чтобы добраться домой до наступления темноты, когда выползают змеи. Однажды вечером все сидели вокруг Махараджи, и это был чудесный исполненный любви даршан. Автобус ещё не прибыл. Махараджи повернулся ко мне и сказал: «Джао». Я решил беспрекословно повиноваться ему, но было ещё светло. Все преданные ещё оставались в ашраме, а он велел мне немедленно идти домой на гору. В тот вечер я очень нехотя покидал его, а он наблюдал мою внутреннюю борьбу с лукавым огоньком в глазах.

*

Мы сидели в доме Дады. Махараджи откомандировывал нас в разные места. Передо мной сидел Вишвамбар, с которым мы, ещё до приезда в Индию, долгое время провели в совместных путешествиях. Махараджи велел Вишвамбару отправляться в Бенарес. У меня не было особого желания ехать туда, я хотел побыть какое-то время один. Но когда я поднялся, Махараджи сказал: «Ты отправляешься в Бенарес».

Я спросил: «А можно мне поехать в Айодхью?»

Он ответил: «Нет, ты едешь в Бенарес». Я был так глуп, что подумал, что всё равно поеду в Айодхью, хотя он ясно сказал не делать этого. Я пошёл на вокзал и купил билет на «Файзабад экспресс», идущий в Айодхью. Поезд должен был прибыть на десятый путь в 15 часов. Я отправился на платформу задолго до этого времени. В 16 часов поезда всё ещё не было, и я решил узнать, в чём дело. Мне сказали, что в тот день «Файзабад экспресс» прибыл на восьмой путь и об этом было объявлено на хинди. Я не понимал хинди, так что поезд я пропустил.

Пока я стоял на вокзале и думал, что мне делать дальше, за моей спиной остановился какой-то поезд. Я обернулся и увидел на вагонах надпись: «Бенарес экспресс». И я поехал в Бенарес. Сейчас это большой город, со множеством отелей, но я направился в дешёвую гостиницу, которую мне посоветовал один мой друг. Сидя у себя в номере, я услышал, как кто-то поёт Чалису (гимн Хануману). Оказалось, что это Вишвамбар. Мне пришлось смириться с этим, сдавшись на волю обстоятельств. Мы провели целую неделю вместе, и за это время ещё больше сблизились.

*

Мы были в Дели на вечеринке, устроенной семьёй Сони, давними преданными Махараджи. Мистер Сони занимал должность главы департамента лесного хозяйства Индии, и на празднике присутствовали не только преданные, но также служащие департамента и члены их семей. Это была вечеринка в старом стиле. Миссис Сони сама предлагала гостям бутерброды. Когда она подошла ко мне, она промолвила: «На днях мне приснился сон, и когда я проснулась, я поняла, что Махараджи хочет, чтобы я что-то вам сказала».

— Да?

И тогда, глядя на меня своими тёмными красивыми глазами и говоря в такой манере и таким голосом, которые никак не вязались с атмосферой вечеринки, она произнесла с глубочайшей настоятельностью: «Знаете, Махараджи требует полного самоотдавания». Через мгновение, будто пробудившись ото сна, она спросила с милой улыбкой: «Не желаете бутерброд? Они просто великолепны». И отошла от меня. (Р. Д.)

*

Мы жили в горах в Каинчи и регулярно посещали Махараджи. Микроавтобус «Фольксваген» ежедневно совершал свою обычную безупречную службу, отвозя западных преданных по утрам из Наинитала в Каинчи, а по вечерам возвращая их обратно домой. Вскоре количество пассажиров стало для автобуса чрезмерным и некоторым из нас пришлось ездить маршрутным автобусом, но человек двадцать всё же умудрялись втиснуться внутрь «Фольксвагена» или на крышу, и машина, отважно улыбаясь, — как это умеют «Фольксвагены» — делала своё дело. Но однажды, как раз возле Бховали, «Фольксваген» остановился и больше не завёлся. Нам пришлось оставить его там. На следующий день мы рассказали об этом Махараджи. Он сказал: «Отвезите его в Дели».

В Дели, за сто девяносто миль? Мне это показалось абсурдным. Разве здесь нет никого, кто бы мог его починить? Но всё, что он говорил, было: «Отвезите его в Дели».

В тот же день, вечером, в Наинитале я говорил с семьёй Сах, которые были владельцами гостиницы. Они знали одного механика, и я договорился, чтобы он пришёл и осмотрел машину. На следующий день механик проверил в «Фольксвагене» всё, что можно, но завести его так и не смог. И я снова обратился к Махараджи, и он снова ответил:

«Отвезите его в Дели». Тогда я сказал ему, что в Алморе, в тридцати километрах от Каинчи, находится немецкое представительство какой-то экономической фирмы, служащие которой пользуются «Фольксвагенами», и что у них есть свой механик. Может быть, я попробую уговорить его посмотреть машину. Но Махараджи снова сказал: «Отвезите его в Дели».

Я написал письмо своим знакомым в Алморе и попросил их связаться с немецким авторемонтным центром, и пока письма ходили туда-сюда, прошло почти две недели. Наконец стало ясно, что механик в Бховали не приедет и что он не собирается смотреть наш «Фольксваген», даже если я доставлю его в Алмору. Я рассказал обо всём этом Махараджи, и, как вы можете сами догадаться, его ответ был тем же: «Отвезите его в Дели».

Я же снова отправился к механику в Наинитале, и он ещё раз пришёл осмотреть машину. На этот раз ему удалось завести её и выехать на ней из Бховали в Наинитал, но в окрестностях города машина снова заглохла и завести её ещё раз он не смог.

С большим энтузиазмом я рассказал о случившемся Махараджи, но его рекомендации от этого ничуть не изменились.

Прошло четыре недели со дня поломки, когда мне стало ясно, что механик из Наинитала не в состоянии починить «Фольксваген». Поскольку больше ничего не оставалось делать, было решено «отвезти его в Дели». Наняли грузовик с водителями-сикхами, и в его кузов погрузили «Фольксваген». С Кришна Дасом в качестве пассажира грузовик отправился в Дели. Позже Кришна Дас рассказывал жуткие истории, связанные с этой поездкой, — о пьянстве водителей, о том, как «Фольксваген» пришлось переносить с одного грузовика в другой и так далее, но в конце концов он был доставлен в Дели. Машину выкатили из грузовика, механик подошёл к ней, взглянул разок на двигатель, соединил какой-то проводок, и машина завелась и поехала.

После этого случая в качестве синонима моей неспособности к самоотдаванию использовалась фраза: «Отвезите его в Дели».

Кармические последствия неповиновения

Точно так же, как родители предупреждают ребёнка не делать то или это (даже если последствия его действия и так очевидны), Махараджи часто предупреждал и наставлял людей в том или ином вопросе. Но как и в случае с ребёнком, настаивающем на своём, родители наблюдают неизбежное происходящее, так и в случае с преданными Махараджи, которые, бывало, не обращали должного внимания на его слова, он наблюдал... и позволял им поступать по-своему. И часто говорил: «Я же тебя предупреждал».

Однажды Махараджи отругал одного человека, приехавшего в храм навестить своего друга. Он, несмотря на поздний час, велел этому человеку немедленно уезжать на своём грузовике домой. Человек очень обиделся, так как посчитал, что Махараджи просто решил его унижить. Было уже поздно, и он заночевал в своей машине прямо за воротами храма. Вернувшись домой, он обнаружил, что ночью его дом обворовали.

*

Однажды Махараджи и группа преданных целый месяц прожили в священном городе Читракуте. Как-то Махараджи повел преданных в хижину одного садху, тот питался мизерным количеством корней редкого растения, растущего в джунглях. Обычную пищу он не ел. Махараджи попросил у садху немного корня, и тот дал ему небольшой кусочек. Махараджи закричал: «Да не жадничай так. Дай больше. Я знаю, что у тебя есть ещё». И садху дал ему два больших куска этого ценного корня. Махараджи разделил их на множество кусочков и дал каждому из преданных, кроме одного, которому, как он сказал, этот корень мог принести большой вред. Преданный умолял дать ему хотя бы крошечный кусочек того, что теперь было прасадом, и тогда Махараджи, смягчившись, дал ему немного.

В тот же вечер был киртан — все пели «Шри Рам Джай Рам, Джай Джай Рам». Махараджи пел громче всех. Преданный, которому корень мог причинить вред, вдруг почувствовал себя очень плохо и ушёл в свою комнату. Некоторое время спустя Махараджи вошёл к нему, поднял и повел на киртан. Тот немного посидел, но снова почувствовал себя плохо и вернулся в комнату. Махараджи опять пошёл за ним и привёл обратно. Киртан продолжался до поздней ночи. К этому времени большинство преданных заснули, но Махараджи продолжал петь. Преданный, чувствующий недомогание, сидел рядом. Наконец, Махараджи разрешил

ему вернуться в свою комнату и лечь спать. Преданный быстро заснул. А проснувшись, он увидел, что Махараджи сидит рядом с его кроватью. «С тобой всё в порядке? Я говорил тебе, чтобы ты не ел корень. Когда я был болен, ты спал всю ночь; когда ты заболел, я всю ночь не спал и молился».

*

Это произошло в Аллахабаде во время Кумбха Мелы. Поздно вечером Махараджи давал даршан в своей палатке. Следующий день был самым благоприятным днём во всём десятилетии для омовения в Сангаме. Одному из преданных Махараджи, офицеру полиции, было поручено отвечать за безопасность миллионной толпы. В тот вечер он был рядом с Махараджи. Неожиданно Махараджи поднялся и сказал: «Поехали». Он попросил отвезти его на железнодорожную станцию, где он стал ожидать прибытия первого следующего в западном направлении поезда. Преданный-полицейский и другие стали уговаривать Махараджи задержаться до следующего дня и остаться на такое знаменательное событие. Он отказался и предупредил их, чтобы они были очень осторожны, так как на следующий день произойдёт большая беда.

Махараджи уехал, а преданные вернулись обратно, отнёсшись к его словам без особого внимания. В 4 часа утра тысячи людей повалили к реке, чтобы совершить омовение в такой редкий и особенный момент. Во время шествия нагих садху случилось несчастье. Дорогу перегородили, и гигантские толпы людей стали напирать на тех, кто оказался впереди у праздничных барьеров. Во время этого столпотворения умерло и было ранено большое количество людей.

*

Однажды в Лакнау Махараджи пригласил нескольких преданных сходить вместе с ним к одному человеку, который жил в другой части города. Махараджи предложил идти пешком, но на первом же углу преданные увидели повозку с лошастью и выразили желание продолжить свой путь на ней. Махараджи отказался, заявив: «Я в неё не сяду». Преданные настаивали, говоря, что другого транспорта нет, а добираться им предстоит далеко. Махараджи в конце концов смягчился и сел на заднее сиденье, повернувшись спиной к погонщику. Погонщик и два преданных сели впереди.

Как только погонщик стегнул лошадь, давая ей знак трогаться, она

неожиданно вскочила на дыбы, подняв переднюю часть повозки. Поскольку Махараджи сидел сзади, он легко прыгнул на дорогу. Лошадь продолжала вскакивать и лягаться, отчего повозка чуть было не перевернулась. Преданные на переднем сидении были напуганы до смерти. Тогда Махараджи сказал им: «Я же говорил вам, что нам не следует ехать на этой тонге. Вы хотели на ней ехать. Не хотите ли вы теперь слезть обратно?»

*

По счастливой случайности в июне 1963 года в Гандже я встретился с Махараджи. На его расспросы я ответил, что еду из Ришикеша во Вриндаван. Тогда он сказал: «Твой Гурудэв (гуру) развлекается как сам Правитель Вриндавана. Но скоро это всё закончится. Ты воспринимаешь своего гуру как самого Господа, не так ли? Возвращайся обратно». И он дал мне денег на дорогу. Но я тогда не понял его. Лишь несколько дней спустя из английской газеты я узнал о болезни своего учителя. Я тут же помчался обратно в Ришикеш, и через две недели после моего приезда Гурудэв вошёл в состояние *махасамадхи* (умер). Позже я снова случайно встретился с Махараджи, и он спросил меня, успел ли я тогда вовремя вернуться в ашрам. И я с благодарностью ответил: «Да».

*

У Х. Р. на глазах образовалась катаракта. Он поехал к Ананде Майи Ма за помощью. Она сказала, что ему нужно ехать в Алигарх и делать операцию. Но в Лакнау он встретил Махараджи, и тот сказал, чтобы он ехал в Ситапур и делал операцию там. Х. Р. последовал совету Ма, но после операции полностью потерял зрение. Позже он ещё раз встретил Махараджи, тот сетовал: «Почему ты поехал в Алигарх, если я велел тебе ехать в Ситапур?»

Перед своей свадьбой я пришёл к Махараджи, и он спросил меня, как собираюсь добираться до места проведения праздника. Я ответил, что поеду автобусом, но он возразил: «Нет, тебе лучше ехать на поезде». Однако я был упрям, я всё уже спланировал и поэтому отказался ехать на поезде. Тогда Махараджи спросил, каким маршрутом будет следовать мой автобус, и затем попросил изменить маршрут и остаться на ночь в ашраме. Я сделал, как он сказал, но всё равно уехал на автобусе. Во время поездки наш автобус попал в аварию и дважды перевернулся. Хотя в салоне были незакреплённые металлические ящики, никто не пострадал. Мы все вылезли из окна водителя. А когда мы вернулись

обратно, Махараджи послал за нами джип и встретил нас с приветствиями.

*

Один преданный сказал: «Очень трудно находиться в присутствии святого. Если ты слушаешься его, за этим определённо последует страдание».

*

Помню однажды, когда я был у Махараджи, ему сказали, что один человек использует его имя для сбора средств на школу. Собирать деньги без разрешения Махараджи — неблагоприятное занятие, и реакция Махараджи была такова, что навечно врезалось мне в сознание, всплывая с тех пор в виде образов или кошмаров. Он сказал: «Я ничего с ним не сделаю. Но за то, что он совершил, он будет вращаться во вселенной в течение множества эонов».

*

Один человек, который прислуживал Махараджи, стал очень высокомерным и начал унижать некоторых преданных. Махараджи страшно рассердился, он сидел с ужасающим видом и производил рычащие звуки, подобно обезьяне. Он вызвал этого человека к себе в кабинет, и следующее, что увидели люди — это как здоровяк вылетел из дверей и, пролетев пять футов, приземлился на камень. На арати он не явился. А на следующий день, когда Махараджи шёл по дороге, мимо него проехала машина, в которой сидел этот человек и его жена. Она поклонилась Махараджи, а он даже не взглянул на него. Говорят, что Махараджи печально произнёс: «Он больше не вернётся ко мне». Позже этот человек стал пьяницей.

*

Один охотник решил посмеяться над Махараджи в присутствии своих друзей, сказав им, что может достать для него мяса, хотя он знал, что Махараджи вегетарианец. Позже, когда друзья этого охотника стали преданными Махараджи, он также стал делать попытки встретиться с ним. Однако в течение пяти лет ему не удавалось оказаться в нужном месте в нужное время, хотя его жена и дети часто попадали на даршан. Наконец, одна из Ма вступилась за него, и Махараджи сказал: «Ну хорошо». И тогда тот человек смог найти его.

*

Много лет назад, во время проведения ежегодной мелы, в деревне Ниб Карори один Баба рассердился и начал посылать Махараджи проклятия. (Махараджи превзошёл его, демонстрируя льющийся из лоты непрерывный поток молока.) В результате проклятия, насланного тем Бабой, в следующем году на деревню обрушился циклон и каждый год после этого бушевала стихия. Но жители деревни знали, что если прибегать к имени Махараджи, ничего плохого не может произойти. Говорят, что Махараджи сказал тому Бабе: «Бог накажет тебя, разрезав твой язык на куски». Спустя несколько лет того Бабу нашли мёртвым в Фаррукхабаде с отрезанным языком.

*

Однажды к Махараджи в Ниб Карори пришёл человек и пожаловался на то, что у него нет сына. Он обещал построить храм и вырыть колодец, и Махараджи сказал, что Бог благословляет его. Однако после рождения сына этот человек ничего из обещанного не выполнил. Махараджи отреагировал так: «Что мне остаётся делать с этим?» И вскоре после этого дом этого человека сгорел дотла, уничтожив всё его имущество и деньги.

*

Один старик, живший в городе, где остановился Махараджи, ослеп. Люди обратились к Махараджи за помощью в исцелении, но он сказал: «Самарт Гуру Рам Дас излечил его мать от слепоты, но таких святых больше нет». Затем Махараджи попросил плод граната, выжал из него сок и выпил. Он натянул одеяло себе на лицо. Все увидели, как у него из глаз потекла кровь. Махараджи сказал слепому, что если Бог вернёт ему зрение, он должен будет оставить свой бизнес и посвятить свою жизнь духовному развитию. И вскоре после этого зрение человека восстановилось.

Врач, пришедший осмотреть глаза старика, воскликнул: «Это невозможно! Кто это сделал?» Ему сказали, что это дело рук Махараджи, и он помчался на вокзал, чтобы встретиться с ним. Махараджи был уже в вагоне, врач запрыгнул в поезд и стал делать пранам, а Махараджи всё твердил: «Это тот врач, который вылечил слепого. Он очень хороший врач, очень хороший врач». Месяца через три-четыре, однако, тот старик не удержался и вернулся к своей работе — и почти сразу же потерял

зрение вновь.

*

В пустом доме, принадлежавшем одному преданному-индусу, поселили большое количество западных преданных. Мы заполнили его своими телами от стенки до стенки. Каждый день мы направлялись к дому Дады, где остановился Махараджи. Мы встречались с ним, и нас щедро кормили пищей, сладостями и поили чаем. Но затем Махараджи прекратил встречаться с нами. Мы продолжали ежедневно ходить в дом Дады, и нас по-прежнему кормили; но без даршана Махараджи такие посещения потеряли всю свою прелесть. Хотя я очень любил быть рядом с ним, я не был очень огорчён, но среди нас было много тех, кто только недавно прилетел в Индию, и некоторые из них вообще ни разу не встречались с Махараджи. День за днём они пребывали в ожидании, следуя за нами из дома в дом, но я видел, что скоро они устанут от этой игры и уедут. Однако я ничего не мог сделать.

И вот однажды я был вызван в комнату Махараджи. Мне было сказано: «Главкомандующий Рам Дас, завтра не приводите сюда никого до шести часов вечера». Вернувшись на место нашей дислокации, я объявил, что на следующий день мы пойдём к Махараджи после шести.

Вечером следующего дня все новички и большинство старых преданных пришли, как было велено, в шесть часов. Мы обнаружили, что некоторые из старых преданных, проигнорировав мои указания, явились в четыре часа. Этим людям накормили и, что более важно, они много времени провели с Махараджи. А когда мы прибыли в шесть, нас, хотя и накормили, но к Махараджи не пропустили.

Позже меня снова вызвали к Махараджи. На этот раз он выглядел сердитым и сказал: «Рам Дас, люди сегодня явились в четыре часа. Я хочу, чтобы завтра никто не приходил до шести». Когда мы вернулись домой, я снова проинформировал всех о желании Махараджи, особенно обратив на это внимание тех, кто в тот день их проигнорировал.

На следующий день всё было ещё хуже. Не только те, кто послушался в прошлый раз, отправились к Махараджи в четыре; теперь бунт стал распространяться, и к ним присоединились другие старые преданные. В шесть часов я прибыл с теми из новых преданных, которые считались с моими указаниями; поддержали меня и несколько старых преданных. И снова мы столкнулись с той же ситуацией. Группа, прибывшая раньше,

получила длительный даршан Махараджи, а мы не получили ничего. Я начал сердиться.

О следующем дне указаний дано не было, поэтому мы все пришли рано. Нас держали в гостиной, мы пели, пока Махараджи беседовал с индусами-преданными на кухне. Через некоторое время нам сообщили, что Махараджи собирается встретиться с женщинами — и они все помчались на даршан. Ещё через какое-то время, в течение которого мы продолжали петь, было объявлено, что на даршан приглашается половина мужчин. Конечно, все хотели попасть на него, но самые робкие и совестливые, а также несколько новичков остались со мной, продолжая слабо тянуть песнопения и одновременно с ревностью слушая смех и разговоры, доносившиеся из соседней комнаты.

Затем пришло сообщение, что в этот вечер Махараджи больше ни с кем встречаться не будет. И тогда я расвирепел от такого произвола. То, что несколько новых преданных, согласившихся подождать, будут лишены даршана, казалось мне вопиющей несправедливостью, и я, разыскав Даду, вылил на него всё своё возмущение. Свой гнев я и не скрывал, но Дада сказал: «Думаю, тебе лучше самому поговорить с Махараджи».

— Я поговорю, — ответил я.

Дада вошёл в комнату Махараджи, и вскоре меня пригласили внутрь. Нас было только трое. Махараджи посмотрел на меня и спросил: «Кья?»

Я, конечно, знал, что он знает все мои мысли, и у меня не было настроения играть в игры, поэтому я сказал: «Махараджи, вы знаете, что у меня на сердце».

Но он всё же хотел, чтобы я объяснил всё сам и повторил: «Кья?»

Тогда я ответил: «Махараджи, вы поступаете несправедливо», — и рассказал ему о тех новых преданных, которые так и не смогли увидеться с ним. Закончив свою речь, я сел, ожидая его ответа. Наверное, я чувствовал, что заслуживаю объяснений и ждал их. В конце концов, Махараджи нарушал мои представления о гуру.

Он смотрел на меня с любопытством, затем взглянул на Даду, как будто не понимая, о чём идёт речь; после чего протянул руку и, дёрнув меня за бороду, сказал: «Рам Дас сердится». И это всё. Затем он посмотрел мне прямо в глаза, и мы некоторое время удерживали взгляд друг друга.

В эти мгновения я ясно увидел, в какое положение я попал. Действия Махараджи не были «рациональными» или во всяком случае «справедливыми», и он не извинялся за них. У меня был выбор. Я мог подняться и выйти из комнаты, оставив его; и в этом случае я бы остался со своей праведностью — но без гуру. Или же я мог принять его «нерациональность» и «несправедливость». Сознавая, что он знает, а я — нет, я поклонился, коснувшись головой его стоп и снова отдал себя в его руки. (Р. Д.)

Карма получения виз

Для западных преданных «игра» с Махараджи часто сосредоточивалась вокруг вопросов, связанных с визами и пропусками. Будучи гостями в стране, и так несущей бремя миллионов голодных людей, мы, духовные ищущие с худыми кошельками, были не самым желанным контингентом туристической популяции. И каждые три месяца мы проводили значительное количество времени в отдалённых городах и деревнях, выискивая дружелюбно настроенных иммиграционных чиновников, которые продлили бы наши визы.

Обращение к Махараджи было последним средством, и он, если нас постигало полное поражение, мог отправить нас к какому-нибудь преданному, работавшему или начальником полиции в большом городе, или министром в Дели, и таинственным образом виза продлевалась... обычно. Но иногда Махараджи посылал преданного то в одно учреждение, то в другое, и ничего не помогало. Казалось, что Махараджи совсем ничего не мог сделать против каменной непреклонности отдела виз, и преданному приходилось возвращаться обратно в Америку или ехать в Непал, чтобы позже снова появиться в Индии.

Этот «визовый танец», казалось, углублял сомнения и замешательство об относительной силе мирского в противостоянии духовным гигантам. Однако большинство из нас видели в этом часть игры Махараджи с нашими привязанностями, а также ещё одну ситуацию, в которой мы должны были учиться самоотдаванию и повиновению.

Когда я спросил его, что мне делать для того, чтобы получить визу, он вначале велел мне отправляться в Канпур. Затем он сказал: «Нет, не в Канпур. Езжай в Матхуру. Или нет, отправляйся в Лакнау». В течение двух минут он назвал мне три разных места. В конце концов он сказал: «Не имеет значения, куда ты поедешь, так как тебя всё равно вышвырнут», что, конечно, и было сделано.

*

Однажды меня охватило беспокойство по поводу визы, и я начал давить на Махараджи. Он находился в своём «кабинете», а я и Дада беседовали с ним через окно. Я постоянно спрашивал: «Куда мне идти? Она почти истекла. Куда мне идти? Что мне делать?» Махараджи ничего мне не отвечал, а когда я особенно сильно нажимал на него, он только клал голову себе на руки. Дада увидел, что происходит, и прошептал мне: «Уходи отсюда. Уходи прямо сейчас, иначе он может отправить тебя обратно в Америку. Отойди от окна».

Позже, конечно, всё уладилось — самым чудесным образом: я сажусь на поезд, отходящий в день истечения моей визы; в отделе виз мне говорят, что продлить её невозможно; я плачу, и чиновник говорит: «Одну вещь я могу для вас сделать». Так я остался в Индии на два года. Как сказано в «Дао Дэ Цзин»: «Действуя, выбирай правильно время».

*

Когда я пришёл к Махараджи, моя виза была просрочена на три месяца. Но всё пошло как по маслу. В отделе виз у меня не было абсолютно никаких проблем.

*

Наступило время продления шестимесячного пропуска для нашего автобуса «Фольксваген». Тот шестимесячный пропуск, который я получил весной, стоил мне полутора недель беготни и сотни долларов. Сейчас же «Фольксваген» уже достиг стадии утомления — так же, как и я — и я решил просто отдать его индийскому правительству. Но Махараджи и слышать об этом не хотел. Ставя меня перед фактом моих материальных привязанностей, он настаивал на том, что пропуск необходимо продлить. И мне пришлось вступить в бой с министерством финансов за право содержать машину, которая мне даже не была нужна. Мои объяснения относительно того, что я делаю это по приказу моего

гуру, привлекли на мою сторону мало сочувствующих. Продление пропуска, которое обычно выполняется в течение нескольких дней, заняло почти три недели. Эта процедура требует сбора не менее двадцати трёх подписей, последняя из которых принадлежит самому министру финансов. Это значило, что член кабинета премьер-министра должен был лично поставить подпись под разрешением в течение шести месяцев пользоваться одним разбитым автобусом «Фольксваген» 1964 года выпуска. Конечно, всё это вдобавок к пошлине, которую нужно было заплатить и которая к этому времени равнялась стоимости машины.

В первые несколько дней я пускал в ход уговоры, убеждения, «праведный гнев» в качестве инструментов, для того чтобы заставить систему продлить пропуск. Но ничего не помогало. Однажды, прочитав на прощание речь о том, «что так нельзя обращаться с гостями в своей стране» и выскочив из одного такого учреждения, я вернулся к себе в гостиницу и понял, что, взорвавшись, я совершил промах, так как пойти в обход данной инстанции просто невозможно. И на следующий день мне пришлось идти туда вновь и извиняться.

И так всю дорогу. Вначале человек, чью подпись мне нужно было получить, уехал на несколько дней на свадьбу своего племянника, затем или моё заявление терялось, или чиновники не могли принять решение о налоге, или мне нужно было принести два различных документа, оценивающих стоимость машины... Я должен был ходить по конторам ежедневно, иначе моё заявление могло легко затеряться в брюхе этого громадного бюрократического монстра, и так по уши погрязшего в папках и бумагах, сложенных в готовую вот-вот завалиться огромную кипу, протянувшуюся от пола до потолка. Я никак не мог вырваться из Дели.

Какой урок относительно обладания вещами! Какой бы удобной ни была машина, она не стоила всего этого... Карма¹. Я уже слышал, как Махараджи смеётся над моей «кучей кирпичей».

Однако весь этот процесс содержал в себе одно интересное учение, постигаемое на уровне интуиции. Ожидая получения пропуска для машины, мы остановились в очаровательно захудалой гостинице в стиле полу-хиппи. Вначале мы жили, что называется, «на чемоданах», каждый день надеясь на то, что сможем уехать из Дели и вернуться в «святое

---

¹ Игра слов в оригинале (*car* — «машина», *karma* — «карма»). — Прим. пер.

место». Но по мере того, как этот нудный процесс затягивался и дни шли своим чередом, мы начали обосновываться. Всё больше и больше западных туристов, проезжавших через Дели, попадали в нашу комнату — пока ежедневное число членов сатсанга не достигло тридцати и более человек; мы пели, медитировали и вели духовные беседы. Вскоре люди стали приносить индийские покрывала в качестве настенных ковров, картины и фрукты. Жена владельца гостиницы даже готовила масло гхи для наших ламп, используемых для проведения пуджи. В конце концов мы достигли такого состояния, что не имело никакого значения, уедем ли мы вообще когда-либо из Дели. И вот на этой стадии моё заявление на визу было подписано, и я получил пропуск для машины — мы были свободны и могли отправляться обратно во Вриндаван. (Р. Д.)

Садхана

Махараджи начал свою духовную работу в очень раннем возрасте. Он рассказывал одному преданному, что маленьким ребёнком, лет семи-восьми, он пропускал уроки в школе, так как отправлялся в джунгли для выполнения тапасы. О его детстве сохранились лишь отрывочные сведения. Они говорят о том, что он родился в семье достаточно зажиточных землевладельцев. Семья жила в достатке, в каменном доме. Но Махараджи очень рано оставил домашний уют и безопасность и стал странствующим садху.

В годы странствий Махараджи не имел практически ничего. Он был одет в единственное дхоти, которое у него имелось, а ел и пил из выброшенного кем-то куска разбитого кувшина, который он носил на голове, как кепку. В то время он был известен как «Ханди Валла Баба (Баба с горшком)».

На одном из этапов своего духовного развития он жил недалеко от Алигарха и Манпури. Здесь он выполнял духовные практики, сидя в воде. Потому местные жители называли его «Тикония Валла Баба». («Тикония» означает треугольный резервуар). Вероятно, в этот же период жизни он провёл какое-то время в городке Ниб Карори (от названия которого он и получил своё имя, по которому мы знали его). Там он обитал в различных пещерах, лишь иногда оставляя их в жаркое время года, чтобы посидеть в кругу огня на палящем солнце.

Только в 30-х годах Махараджи начал часто появляться в деревнях у подножия Гималаев и в северных равнинах.

В ранние годы часто случалось так, что он играл с детьми, а затем исчезал в лесу. Впоследствии он начал позволять индийским домовладельцам приводить его к себе домой и кормить. Эти люди быстро распознали его уникальность и стали следовать за ним, желая получить исцеление и духовное руководство.

Часто видели, как Махараджи посещает храмы, построенные в честь Ханумана; позже по его инициативе его преданные построили много таких храмов. Казалось, что он постоянно находится в

паломничестве, призывая и других посещать священные храмы Индии. Его особая любовь к Хануману и Раме отражалась в постоянном повторении этих имён Бога, а также в тех историях, которые он любил рассказывать, и так любил, когда ему их читали. Однако, несмотря на своё пристрастие к Раме и Хануману, Махараджи с почтением относился ко всем аспектам Бога и находил истинную духовность во всех формах поклонения.

Во время выполнения своей собственной садханы он соблюдал суровую аскезу. Однако позже он сказал, что такие практики не являются необходимыми. Он с уважением относился к тем, кто их выполнял, но по большей части наставлял своих преданных о том, чтобы служить людям, кормить их, жить в соответствии с дхармой и главное — думать о Боге и любить Его.

Предписания, которые Махараджи давал отдельным преданным, были предназначены конкретно для них.

Как-то я спросил Брахмачари Бабу, обучал ли Махараджи его тапасье. Я привёл пример той тапасьи, какую, по его рассказам, выполнял сам Махараджи — сидение в озере по шею в воде или сидение на летнем полуденном солнце в окружении четырёх костров. Брахмачари Баба дал немедленный ответ: «Нет. Только обычные вещи — различные йогические асаны (позы), медитации и пранаямы». Однако я продолжал допытываться, и он сказал: «Махараджи велел мне соблюдать *мауну* (молчание). Я пребывал в безмолвии в течение трёх лет... После этого Махараджи *велел мне* выполнять тапасью стоя — то есть я не должен был ни садиться, ни ложиться, всё время быть на ногах. Я также выполнял эту практику в течение трёх лет. Я делал эту тапасью в Бхумнадхаре ещё до того, как там был построен храмовый комплекс. У меня было специальное приспособление для поддержания тела в положении стоя во время сна. Я засыпал, а мои ноги раздувались и становились огромными. Махараджи также велел мне стать *пхалахари* (не есть зерновых, только овощи и фрукты). Я питался так около восьми лет».

*

До встречи с Махараджи в течение многих лет я пребывал в духовном поиске, путешествовал по всей стране, изучал различные учения. Я начал

следовать строгому йогическому кодексу — брахмачарья: подъём в 3 часа утра, холодное омовение, асаны и дхьяна. С Махараджи я встретился в то время, когда я отказался от кофе и чая. Нам всем предложили чай, и я не знал, что мне делать. Я ничего не сказал, но чашку не взял. Махараджи наклонился ко мне и сказал: «Ты не будешь пить чай? Пей! Тебе нужно пить чай. Он будет полезен для тебя в такую погоду. Пей чай!» И я выпил его. И с этой чашкой чая ушла вся моя строгая дисциплина и мой режим! Они показались мне бессмысленными и ненужными; я почувствовал, что истинная работа лежит вне этого. Теперь я делаю то, что возникает в моей жизни само по себе.

*

Когда несколько преданных спросили Махараджи о хатха-йоге (метод достижения единства с Богом через работу с телом), он сказал им: «Хатха-йога полезна в том случае, если вы соблюдаете строгую брахмачарью. Если нет — она опасна. Это трудный путь поднятия кундалины. Вы можете поднять кундалины посредством поклонения и преданности, а также если будете кормить людей. Пробуждение кундалины не обязательно проявляется в виде внешних признаков; она может быть пробуждена тихо и спокойно». Другому преданному он сказал: «Если ты собираешься стоять на голове, ешь масло. Если ты принимаешь нечистую пищу, ты не должен выполнять стойку на голове. Нечистая пища проникает в ум и оказывает на него негативное воздействие».

Некоторые западные ищущие, приехавшие в Каинчи из Ришикеша, практиковали хатха-йогу по полной программе, с глотанием дхоти, протягиванием бечевки через нос и так далее. Махараджи советовал им, не быть столь усердными в хатха-йоге, говоря: «Я сам проделывал все эти вещи. Это не тот путь, который нужен».

Йога — это ничто. Вы можете достичь очень многого и без неё.

Махараджи часто говорил, что способность к самообладанию во всех жизненных ситуациях поможет вам достичь высшего пути. Он также заявлял, что идущие левым путём и поедающие человеческое мясо с

трупов у горящих костров, а также другую грязную пищу, свободны от загрязнений, если концентрируются на Боге. Физическая нечистота возможна, но важным является именно состояние ума.

Хатха-йога не работает, если есть желания.

Сейчас никто не знает хатха-йогу по-настоящему. Ей не научишься через книги. Раньше йогины отказывались от пищи и использовали травы.

Одна западная преданная решила принять *саньясу* (встать на путь отречения). Махараджи перечислил ей всё то, что необходимо было подготовить для проведения церемонии. Она купила ткань, покрасила её в оранжевый цвет, приобрела малу, сандаловую пасту и камень. Когда она всё приготовила, Махараджи больше ни разу не упомянул о проведении церемонии.

*

Сидя рядом с Махараджи и читая Гиту, преданный сделал паузу и спросил его, какой метод быстрее всего позволяет увидеть Бога. Махараджи засмеялся и в свою очередь спросил этого человека, умеет ли он плавать. Тот ответил утвердительно. Тогда Махараджи сказал, что он должен связать себе руки и ноги и привязать себя к большому валуну, и после этого броситься в воду. «Тогда ты сразу увидишь Бога», — добавил Махараджи и рассмеялся. Затем, став более серьёзным, он продолжал: «Арджуна ни разу не видел Бога таким образом. Я никогда не видел Бога. Его нельзя увидеть с помощью этих двух глаз. Лишь после многих лет практики и упорной работы можно надеяться на то, что увидишь Его».

Человек достигает той стадии, когда может сидеть в медитации в течение шести месяцев и не испытывать нужды в пище, туалете или отдыхе, лишь капля амриты (нектара), стекающая из макушки головы в тело, поддерживает в нём жизнь. если тигр съест это тело, никаких переживаний по этому

**поводу не будет. Лишь когда жизнь возвращается в тело,
появляется боль.**

Мы, западные преданные, проводили дни в своих обычных занятиях — ели, спали, пили чай, болтали и гуляли. Махараджи часто в шутку перечислял эти пять действий как всё, на что способны приехавшие с Запада люди. На самом деле мы также медитировали, изучали книги, пели бхаджаны и стирали одежду.

Хотя большинство из нас считали своим главным духовным методом взаимоотношения с Махараджи как со своим гуру, он редко признавал это, продолжая пускать нам пыль в глаза.

Махараджи постоянно говорил мне, что другие люди являются моими гуру. Вначале я воспринимал его слова серьезно. Но, в конце концов, я сказал: «Махараджи, они могут быть *упа-гуру* (учителями на пути), но вы — мой *Сам Гуру* (высший учитель). Нравится вам это или нет, мой гуру — это вы». Он просто рассмеялся. (Р. Д.)

*

Однажды преданный спросил Махараджи: «Как мне узнать, является ли человек моим гуру?» «Чувствуешь ли ты, что он (гуру) может помочь тебе в полной мере удовлетворить твои духовные устремления? Чувствуешь ли ты, что он способен освободить тебя от всех желаний, привязанностей и так далее? Чувствуешь ли ты, что он сможет привести тебя к окончательному освобождению? «

Когда одного преданного спросили, как он встретился с Махараджи, он улыбнулся и ответил так:

У одного бенгальского джентльмена, с которым я познакомился во время проведения мелы, были видения некого Бабы каждый раз, когда он совершал омовение в Ганге. И на меле бенгалец искал этого человека. «Он мой гуру», — сказал он мне. В конце концов бенгалец описал мне того Бабу, которого искал, и я показал ему фотографию Махараджи. Он

воскликнул : «Это он!»

Позже Махараджи прибыл в город и бенгальцу удалось встретиться с ним. Когда он предстал перед Махараджи, то спросил, когда произошло наше с Махараджи знакомство. Вначале Махараджи не ответил. Наконец, после того, как человек повторил свой вопрос несколько раз, он сказал: «Мы были вместе на протяжении бесчисленного количества жизней». Позже Махараджи спросил меня: «Я правильно сказал? Разве это не правда?»

Нет необходимости встречаться со своим гуру на физическом плане.

Гуру — это не нечто внешнее.

Гуру может быть кем угодно — это может быть сумасшедший или обычный человек.

Как только вы приняли его, он для вас Бог из Богов.

Впервые я увидел Махараджи, когда его привёл один ученик. Я подошёл к Махараджи, чтобы получить его благословение на исцеление от болезни и сказал: «Вы будете моим гуру!», на что он ответил: «Но я не твой гуру. По милости Бога ты будешь здоров. Твой учитель — другой человек».

На следующий день я спросил у Махараджи, кто является моим гуру, сказав, что я очень хочу встретиться с ним. Затем я добавил: «Если вы можете сделать меня здоровым, вы должны быть моим учителем».

Махараджи ответил: «Нет. Я верну тебе здоровье. Только молись Богу. Твой учитель — другой человек. Это — Свами Шивананда». Я отправился в Ришикеш и встретился с Шиванандой. Я передал ему слова Махараджи, и он принял меня своим учеником.

*

Я знал одного великого махатму, который провёл тридцать лет в пещере в позе льва (на коленях, выгнув спину, вытянув язык и сконцентрировав глаза на кончике носа). Я сказал ему, что Махараджи —

мой гуру. Он ответил, что Махараджи — великий махатма, но дал мне понять, что Махараджи никогда не берёт учеников. Когда я спросил Махараджи, является ли такой-то и такой-то садху его учеником, он ответил: «О чём ты говоришь? Конечно, нет. Это очень личное. Это результат собственного устремления к тому, чтобы стать сиддха махатмой».

*

Хотя он никогда не признавал, что является нашим гуру, иногда он говорил нечто такое, из чего ясно следовало, что это так. Однажды он сказал мне: «Оставайся в *аджна чакре* (точке между бровями) и думай только обо мне». (Р. Д.)

Махараджи снова и снова отправлял нас в особые паломничества. Это часто вызывало ощущение, что нас выпроводили «восвояси», но, наверное, за этим стояло нечто большее. Паломничество в святые места никогда не играло существенной роли в американской жизни. Некоторые христиане и евреи посетили Иерусалим, некоторые мусульмане совершили паломничество в Мекку. Многие из нас получили духовную подпитку от таких мест, как мемориал Линкольна, и от поездок в горы или к океану, хотя мы не называем это «святыми местами». В Индии паломничества к священным храмам и к местам великой духовной силы всегда играли важную роль в культурной жизни. Для людей семейных и работающих, не имеющих, таким образом, возможности проводить много времени в духовных ритритах, самыми обычными формами духовной практики являются благотворительная деятельность и совершение паломничеств. И Махараджи всячески поощрял такие паломничества.

Когда Махараджи и Дада шли по месту проведения мелы, Махараджи сказал: «Святые приходили сюда в течение многих тысячелетий. Дада, возьми землю и коснись её своей головой».

*

Мы отправились с Махараджи в Читракут. Когда мы достигли святого места, Махараджи сел на землю, осмотрелся и сказал: «Вот здесь гуляли Рама и Сита». Продвинувшись немного дальше по сухой земле, Махараджи загнал себе в стопу колючку. Наклонившись и вытянув её, он

сказал: «Должно быть, много таких колючек вонзались в ногу Господа». Он произнёс это настолько эмоционально, что у всех присутствующих появились слёзы на глазах. Это была мелочь, но с таким духовным зарядом, что все были глубоко тронуты. Позже, придя в себя, мы посмеялись над своими слезами, не понимая, что могло их вызвать.

*

Как-то Махараджи сказал одному преданному, чтобы он обязательно снимал обувь, находясь в святых местах, так как вибрации этих мест могут передаваться человеку через стопы.

*

Перед тем как встретиться с Махараджи, я совершил паломничество в пещеру Амарнатх в Кашмире. В этой пещере находится *лингам* (фаллический символ Шивы) из льда, меняющий свой размер в соответствии с циклами луны. Считается, что эта пещера осталась ещё со времён прошлой *юги* (эпохи), что ей сотни тысяч лет и что здесь останавливались Шива и Парвати (его супруга). Когда мы прибыли в Амарнатх, шёл дождь, и я так устал от двухдневного пребывания в седле, что ничего не чувствовал.

Когда я встретился с Махараджи, во время обсуждения темы паломничества, он как-то сказал мне:

— Ты был в пещере Амарнатх?

— Да, Махараджи.

— Но ты не понял её.

— Да, Махараджи.

— Ты поймёшь. (Р. Д.)

*

В сопровождении нескольких Ма и преданных Махараджи в течение одиннадцати дней жил в дхармасалле в Амаркантаке. Каждое утро, после завтрака, все посещали различные святые места, расположенные в этой местности — храм, Капилдхару, Дудх-дхару, Сонмуду и другие. Часто мы бродили по джунглям, и Махараджи навещал старого садху, жившего в полном одиночестве в пещере. У этого садху была белая борода и длинная *джетта* (копна спутанных волос), а также необычайно длинные

ногти. Он готовил роти и собственноручно кормил ими Махараджи, а также поил молоком от собственной коровы. Махараджи велел всем совершить омовение в священных водах Нармады Маты. А затем сам разделся и, держась за руку одного из преданных, трижды погрузился в воду, выкрикивая: «Она очень холодная, очень холодная!»

Махараджи часто давал нам новые имена, чтобы помочь нам проникнуть вглубь своей сущности. Приехав, мы были Джоаной, Джеффом, Джо, Дэнни и Барбарой, а затем — целым индусским пантеоном.

Присвоение имён западным преданным отражало различие лилы Махараджи по отношению к мужчинам и женщинам. В то время как многие западные мужчины получали имена со словом *Дас* (слуга) — такие, как Рам Дас, Кришна Дас, Баларам Дас, — насколько мы знаем, ни одной женщине не было дано имя со словом *Дасу* (женский вариант). Всё, что делал Махараджи, имело какое-то особое значение, однако тонкость этих различий объяснить сложно.

Женщинам Махараджи давал наставления о служении так же часто, как и мужчинам. Независимо от индивидуальных имён женщин, Махараджи часто называл всех их просто «Ма». Независимо от возраста или условий жизни мы становимся Матерями, а эта роль всегда подразумевала исполненное любви служение.

И всё же, наверное, не этот аспект мы хотели подчеркнуть более всего; наверное, нам нужно было видеть себя богинями, шакти, чьё главное служение адресовано её повелителю, который является Богом.

*

Однажды, в период некоего кризиса, я пожаловалась на то, что Махараджи игнорирует меня и никогда, наверное, уже не даст мне имя. Баларам очень разволновался и сказал: «О, попроси его, попроси его. Многие люди просят его. Я попрошу его за тебя. Это хороший повод побыть тебе с ним, хороший повод поговорить с Махараджи». И хотя я подумала, что лучше подожду, пока он сам даст мне имя, всё же попросила Баларама прозондировать почву.

Во время следующего же даршана Махараджи сказал: «Она хочет

получить имя». Я была так смущена, что уже не хотела никакого имени, мне хотелось одного — убежать и спрятаться. Но Махараджи всё-таки дал мне имя, произнеся: «Рукмини!» Его голос прозвучал как-то резко, и я отнеслась к новому имени с прохладой. Это было не то, что я хотела. Я чувствовала, что он дал мне его не по собственной воле, что его подтолкнули к этому, и я очень расстроилась.

Я никому ничего об этом не сказала, и в течение нескольких дней испытывала глубокое огорчение. Конечно, Махараджи почувствовал моё состояние. Он вызвал меня к себе в комнату и, взглянув на меня, произнёс с такой нежностью: «Мира, Мира», что мне захотелось растаять. Это имя звучало для меня как музыка.

*

Когда он дал мне моё имя, я отнёсся к нему как к какой-то колючке. Это случилось в тот день, когда я был поглощён чувством жалости к себе и ощущением, что я лишний в сатсанге. Он дал мне имя «Прия Дас», любимый слуга. Я всегда чувствовал, что во многом выбор имени был связан с моим собственным состоянием ума в тот момент.

*

Однажды Хари Дас написал на своей дощечке, что Махараджи дал мне имя «Рам Дас». Я спросил его, хорошее ли это имя. Он сказал, что хорошее, что это имя Ханумана, означающее «слуга Бога». Позже я обнаружил, что это имя в большой степени послужило мне напоминанием о том, каким путём я должен следовать, — и я постепенно дорастаю до него. (Р. Д.)

*

Я стоял в одиночестве возле Ханумана, когда Махараджи вышел из-за угла храма. Облокотившись о перила рядом со мной, посмотрев на меня, он сказал: «Генерал Махавир Сингх», — и исчез. Я был ошеломлён.

Несколько дней спустя, утром, мы шли по дороге, покрытие которой накалилось на солнце и липло к ногам. Он сел, все остальные сели рядом с ним. Многие полностью испачкали свою чистую одежду и очень разволновались по этому поводу. Прямо посреди разговора с людьми он вдруг повернулся и, взглянув на меня, спросил: «Как тебя зовут?» Очень робко я ответил: «Генерал Махавир Сингх». Он наклонил голову и, улыбнувшись, сказал: «На-хин! Аб её, Кришна (Нет! С этих пор — Кришна)». Затем немного помолчав, он добавил: «Кришна Дас».

Махараджи считал, что мысли о Боге и повторение имени Бога являются царским путём. Бог всегда находился на расстоянии выдоха, снова и снова оказываясь на губах Махараджи.

Лучшее служение, какое вы можете исполнять, — это направлять свои мысли на Бога. Каждую минуту думайте о Боге.

Всё является волей Бога, но майя мешает вам постичь, что всё это воля Бога. Он дал нам глаза, уши, нос, рот, мудрость, чтобы мы использовали их для достижения Бога.

Храните Бога в своём сердце, как вы храните деньги в сейфе.

Тот, кто знает Бога, знает всё.

Рам Рам Рам Рам Рам Рам Рам Рам

Однажды преданный спросил у Махараджи, какую мантру ему использовать. «Ум не может концентрироваться. Используй любую мантру — используй её, используй её», — повторил Махараджи.

*

Махараджи учил меня предельной простоте и силе мантры, вовлекая меня в какую-нибудь ситуацию, а затем помогая мне выйти из неё посредством имени Бога. И чтобы это учение дошло до меня, он устроил мне три ситуации.

Однажды, утром, когда я сидел перед ним, массируя его стопы, я внезапно ощутил глубокую депрессию и раскаяние. Это произошло так неожиданно, что я полностью погрузился в это состояние, ни пытаюсь найти его источник, ни пытаюсь выйти из него. Затем, где-то внутри, я услышал голос, повторяющий имя Бога. Я в отчаянии ухватился за него и, к моему удивлению, депрессия прошла. Я спокойно продолжал массировать стопы Махараджи.

Через некоторое время на меня снова навалилась тоска, полностью поглотив меня. И снова, услышав, как какой-то голос внутри меня повторяет имя Бога, я ухватился за него. Депрессия снова прошла. Я посмеялся про себя над этим странным происшествием — и вдруг обнаружил, что я вновь испытываю глубокое страдание. Однако на этот раз я немедленно сосредоточился на мантре. Я больше не отождествлялся с состоянием ума, так как оно было подобно временно набежавшей туче. Повторяя про себя мантру, я взглянул на Махараджи. Он улыбался и подмигивал мне. Этот же молчаливый метод обучения Махараджи использовал, для того чтобы показать мне, что не следует отождествляться с сексуальными мыслями.

*

Около 10 часов утра ко мне домой пришёл человек и сказал, что Махараджи гуляет возле Ганги и зовёт меня к себе. Взяв с собой мальчика, я немедленно отправился на поиски. Когда мы пришли к Ганге, несколько находившихся там преданных сказали, что Махараджи отправился прогуляться к Сангаму и его нет уже два часа, — слишком долго для такого короткого пути. Затем они выразили предположение, что он мог вернуться ко мне домой. Я ответил: «Нет. Он послал за мной, сказав, чтобы я пришёл сюда. Он должен быть здесь». Через некоторое время мальчик стал просить меня вернуться домой; дважды он обращался ко мне, и дважды я настаивал, что нам нужно продолжать поиски. Когда он стал просить в третий раз, я почувствовал, что попал в тупик, — я не мог ни идти дальше, так как волновался за мальчика, и не мог вернуться, так как хотел встретить Махараджи. Не зная, что мне делать, я беспомощно стоял на месте.

И вдруг мальчик закричал: «Вон он!» И я увидел Махараджи, плывущего в лодке неподалёку от нас с двумя мужчинами. Лодка причалила к берегу, и Махараджи, выйдя из неё, начал подробно расспрашивать меня обо всём. Затем мы отправились к преданным. Как

только мы подошли, Махараджи отправил всех прочь, велел мне остаться. И он снова начал в деталях расспрашивать меня о том, как всё произошло, — как за мной пришли, как я добрался до Ганги, как я шёл по берегу, пытаюсь отыскать *его*, как мальчик умолял меня вернуться, — но в этот раз Махараджи настаивал на том, чтобы я рассказал ему, что было у меня на уме, когда я оказался в затруднительном положении с мальчиком. Я ответил: «Ну, я начал повторять «Рам, Рам»».

Махараджи тут же наклонился ко мне и прошептал на ухо: «Прими имя Рамы, и все твои желания будут исполнены». Он специально создал всю эту ситуацию, чтобы преподнести мне этот урок!

*

Я часто до самой ночи сидела в медитации, повторяя имя Рамы. Утром, во время даршана Махараджи, раздавали прасад. Я уже давно не получала прасада и уже почти отбросила все надежды на то, что когда-нибудь получу его. Разносил прасад кто-то из преданных, и он положил немного мне на колени. Махараджи сказал: «Дай ей ещё, дай ей ещё. Ей нужно дать ещё, ведь она произносит «Рам», она произносит «Рам». Она приняла имя Рамы». Я была так счастлива, что он знает! Он действительно знал!

*

Когда мне было восемнадцать лет, я попросил его дать мне мантру. Он сказал: «Что? Я ничего не знаю об этих мантрах. Я знаю только «Рам»». Тогда я дал ему его фотографию, и он исписал всю обратную сторону именем «Рам». Такие личные моменты имеют особое значение. Смотрите! Я ношу с собой этот снимок всё время.

*

Он дал мантры моей жене и детям до того, как дал мантру мне. Когда он дал её мне, я подумал: «Я не могу её принять, так как я её недостоин, во мне столько грехов».

*

У меня была рубашка, по всему воротнику которой Сиху вышила ярко-красными нитками РАМ РАМ РАМ. Я сидел у тукета в одиночестве, когда Махараджи в середине дня вышел от себя. Увидев мою рубашку, он схватил её. «Посмотрите на это! — сказал он индусам, пришедшим на даршан. — Посмотрите, что у него на рубашке! Там написано: РАМ РАМ

РАМ РАМ РАМ РАМ РАМ!» Затем он начал упрекать индусов: «Индия для него действительно хорошая страна! Почему вы не любите Индию? Посмотрите, как он её любит! Там написано: РАМ РАМ РАМ РАМ РАМ. Он приехал сюда из самой Америки! Там написано: РАМ РАМ РА РАМ РАМ. Почему вы не любите Индию?»

*

Не могу не рассказать о том, как Махараджи велел мне и Найме отправиться в обход Каинчи, в место, где жили несколько молодых садху, и совершить перед ними полный дунда пранам. В то время мы оба носили особые тилаки, символизирующие связь с Рамой. Мы увидели пять садху, сгрудившихся вокруг костра и курящих чиллум. Было очень дымно, и их обнажённые тела — не считая *ланготи* (набедренных повязок) — были покрыты пеплом. Они не обратили на нас почти никакого внимания, хотя я и совершил дунда пранам. Между собой они говорили о том, что всё, что человеку нужно, — это принять имя Рамы, и у него не будет в этой жизни никаких трудностей. Один из них в качестве примера рассказал о том, как он прыгнул в ледяную воду Ганги у Ганготри. Всё, что нужно было сделать, — это повторять имя Рамы, и поэтому это было совсем не трудно. У всех садху был такой же тилак, как и у меня.

*

Махараджи послал одного Бабу на базар во Вриндаване купить малы. Позже этот Баба отчитывал одного преданного: «Ты непослушный. Я купил малы. И ты думаешь, что Махараджи наденет одну из них на тебя?» А сам Махараджи сказал этому преданному: «Ты должен совершить омовение и пуджу». Затем он собственноручно нанес тилак на голову преданного и повесил ему на шею малу. Преданный попросил: «Махараджи, теперь вы должны дать мне мантру». И Махараджи дал ему мантру.

*

Одна Ма в молодости была преданной Ананды Майи Ма. Через некоторое время она встретила с Махараджи, и между ними установились глубокие отношения, но она была в замешательстве относительно того, кто же является её гуру. Однажды

Махараджи явился ей во сне и дал мантру. Она встала с постели и записала её. Он сказал: «Эта мантра от Ма». Позже Ананда Майи Ма

подтвердила, что это именно та мантра, которая нужна.

*

Аннапурна очень хотела получить от Махараджи посвящение в мантру. И Махараджи сам организовал всю церемонию, дав ей инициацию с соблюдением всех формальностей: мантра, мала и всё, что необходимо.

*

После того как Махараджи оставил своё тело, у одной преданной было три сновидения. В первом Махараджи давал ей мантру. Во втором сновидении он рассказывал ей, как использовать мантру с космическим слогом Ом на вдохе. В третьем сновидении, после июньского праздника, он сказал, что она очень напряжённо работала и сделала больше, чем ей следовало.

*

В течение последних двух лет Махараджи проводил много времени у себя в комнате. Он хотел всё время слышать имя Бога как внутри, так и снаружи. Мы часто сидели с ним в его комнате. Все думали, что мы говорим с ним, однако на самом деле он почти всё время молчал и, закрыв глаза, слушал, как западные преданные исполняют киртан во дворе. Время от времени он открывал глаза и, оглядываясь, спрашивал нас: «Что-то нужно сказать? У вас есть какие-нибудь вопросы?» — после чего снова переходил на другой план.

*

Во время празднования дня рождения Кришны в 1973 году все западные преданные соблюдали пост и исполняли киртан. В полночь они совершили арати в честь Махараджи. Через закрытое окно он постоянно кричал им: «Джао», однако они не уходили, продолжая свой великолепный киртан. Наконец он открыл окно, и все увидели, как по его лицу текут слёзы. Он очень долго сидел неподвижно и слушал. Начался дождь, как будто Бог посылал на землю цветы, — очень благоприятный знак.

Люди быстро берут чапатти, но мешкают с принятием имени бога

По просьбе Махараджи ежедневно в течение месяца один пандит читал в храме *Шримад Бхагаватам* (одну из великих священных книг). Я не понимал его слов, но сердцем чувствовал глубокую искренность пандита. Время от времени он вставлял в текст несколько повторений мантры «Харе Кришна». Махараджи спросил меня: «Что он говорит?» — Махараджи, он произносит: «Харе Кришна, Харе Рама».

Махараджи был в восторге: «Рам Дас услышал самую суть».

*

Во время путешествия по южной Индии, которое я совершал с одним свами он дал мне мантра-*дикишу* (посвящение) в очень сильную мантру Шивы, которая, как он сказал, даст мне огромные богатства и власть. Я был в восторге и повторял эту мантру днём и ночью в течение многих недель, в результате чего я начал путешествовать за пределами тела. Пятью годами ранее Махараджи спросил меня, хочу ли я летать, и сказал, что я буду это делать И вот сейчас я действительно мог покинуть своё *тело*. Иногда во время повторения мантры я выходил из тела и попадал на другой план где встречал того свами. Как-то после целого месяца выполнения этой практики в одной из пещер Сурата я медитировал Но я не мог прекратить повторение мантры. И я снова вышел из тела и на этот раз я попал в комнату, где сидел Махараджи

*

Я ощутил экстатическую радость и бросился к его стопам Он сидел на своём тукете, завернувшись в одеяло. Затем он натянул одеяло себе на лицо, и я услышал, как он три раза подул, как будто задувая свечи. Одновременно с этим я почувствовал, как с каждым его выдохом моё тело раздувается, подобно шлангу воздушного насоса. После третьего выдоха всё исчезло, и я снова оказался у себя в пещере... по мантры больше не было — не в том смысле, что я не мог её вспомнить, но она как-то утратила свою сверхзначимость. Я больше не был в её власти; у меня больше не было желания её повторять. Махараджи отобрал её у меня. (Р. Д.)

*

Одна преданная занималась повторением мантры с самого детства. За пятнадцать дней до того, как Махараджи оставил своё тело, он позвал её к себе и сказал: «Вот тебе новая мантра. Повторяй её».

— Махараджи, как я могу теперь изменить свою мантру?

Он сказал: «Коснись моих стоп». После этого она практикует только новую мантру.

*

Когда в 1968 году я улетал в Америку, Хари Дас дал мне свои мала, с которыми он работал в течение многих лет. Их большие бусины стали тёмными от длительного использования. Сделаны они были из ствола священного растения тулси. И тогда же он сказал мне, что Махараджи дал ему эти чётки много лет назад. О, каким сокровищем они были для меня! Я не расставался с ними ни днём ни ночью, используя их как постоянное напоминание о мантре «Шри Рам», которая была для меня временами как спасательная нить, связывающая с «кислородом», которого я так жаждал.

Позже, в 1971 году, я вернулся обратно в Индию. С группой других ищущих я направлялся в храм Ханумана, расположенный примерно в миле от Наинитала. Там мы останавливались при посещении Каинчи. С собой у нас были разные ударные инструменты и цимбалы, и по дороге мы исполняли киртан. Я играл на цимбалах, и, по всей видимости, нить малы каким-то образом зацепилась за инструмент и порвалась. Был вечер, и в темноте я не заметил, как бусины одна за другой попадали на обочину дороги. Когда я наконец заметил это, более двадцати бусин из священных ста восьми не хватало. На следующий день с болью в сердце я обыскал отрезок дороги, где это могло произойти, но ни одной из них не нашёл.

Я никогда раньше не видел таких больших бусин на четках и не представлял, как их можно заменить, поэтому я обратился к Махараджи. Вначале он отрицал, что вообще когда-либо давал эти мала Хари Дасу, но я не верил ему; затем он сказал, что эти чётки всё равно плохие, а нужные я могу достать у Сита Рам Бабы в Айодхье.

Многими месяцами ранее в Аллахабаде Махараджи велел мне найти святого по имени Сита Рам Баба, о котором я никогда не слышал. По всей видимости, то было преддверие теперешней ситуации.

Я никогда раньше не был в Айодхье, месте, где было когда-то расположено царство Рамы, и мысль о получении «особых» чёток от «особого» Бабы по наставлению гуру вызывала восторг духовного материалиста (подобного мне).

На следующий день я уже сидел в поезде, следующем в Айодхью.

Первое, что нужно было сделать по приезде, — найти того Сита Рам Бабу, что нужно. Махараджи сказал, что он стар, так что я решил, что это не будет очень трудным делом. Но поколесив по улицам города в тонге (с моим плохим хинди) я понял, что это не так-то легко. Через несколько часов меня направили в дом, расположенный примерно в миле от черты города. Стоящий у ворот молодой человек лет двадцати с лишним сказал, что Сита Рам Баба — его дядя, но сейчас он отдыхает, так что мне лучше прийти позже. Однако, подобно Хануману, я был неуправляем и сказал, что я буду сидеть на улице и ждать, пока он не примет меня. Было очень жарко, но моя решимость была тверда.

По всей видимости, парень всё-таки сказал обо мне своему дяде, так как меня пригласили войти. Сита Рам лежал в гамаке, и он действительно был очень стар. Его племянник сказал, что ему сто двадцать восемь лет. На этот возраст он и выглядел: прозрачная кожа, костлявые, как у скелета, кисти рук, голос не громче шепота. Он сказал, что знает Махараджи и добавил, что на заходе солнца я могу вернуться обратно. Я был очень разочарован, ведь я хотел получить чётки и только потом вернуться к Махараджи. Похоже, Сита Рам слишком стар и немощен, чтобы помочь мне, но мне не оставалось ничего, кроме ожидания.

И я ушёл, решив посетить знаменитое мурти Ханумана в Айодхье. Я сел в тонгу и поехал. Но как только тонга проехала по улице метров пятьдесят, я оглянулся и увидел, что Сита Рам Баба в буквальном смысле бежит вслед за повозкой. Впрыгнув на нёс, он сказал, что достанет мне чётки. Я был в восторге, но переживал, что езда в тонге может оказаться тяжёлым испытанием для старого человека. Однако теперь, когда он поднялся со своего гамака и стал более активным, он казался сильнее и энергичнее.

Вскоре меня настигло следующее разочарование. Когда мы приехали в лавочку, где должны были быть чётки, то обнаружили, что она закрыта. Старик сказал, что нам ничего не остаётся, как вернуться сюда вечером, и мы направились обратно к его дому. Не успели мы проехать по дороге метров сто, как нам встретился хозяин лавочки, и Сита Раме удалось уговорить его вернуться обратно. Войдя в лавочку, я почувствовал, что моя цель близка. Продавец показал Сита Раме несколько мал, но — хотя мне они показались чудесными — он отверг их, сказав, что это «не то, что надо». Затем он что-то долго объяснял продавцу. В конце концов тот

весь просиял и, подойдя к столу, открыл крошечный выдвижной ящик. Я был охвачен волнением — так как во всех оккультных книгах рассказывалось, что именно так происходят подобные вещи.

Но те чётки, которые он принёс, имели очень дешёвый вид: они были безвкусно окрашены в яркий оранжевый или зелёный цвет, и каждая бусина была отделана грубой резьбой с санскритскими символами Ситы и Рамы. Я видел такие дешёвенькие чётки во многих местах, но они меня всегда отталкивали своим видом. Однако Сита Рам сказал, что это именно те чётки, «что надо», и мне пришлось, заодно улыбаясь, купить три штуки по пятьдесят центов за каждую. Затем я отвёз Сита Рам Бабу домой, поблагодарил его и, сев на дневной поезд, на следующее утро вернулся к стопам Махараджи.

Увидев меня, Махараджи спросил о четках, и я положил их перед ним. Всё, что он сказал, было: «Это не те чётки. Придётся мне самому доставать их для тебя». Но он так и не сделал этого. (Р. Д.)

Ритуалы всегда играли в Индии важную роль в поддержании духовности. Но очень часто бывает так, что эти же самые ритуалы просто подавляют тот дух, который они призваны сохранить. Махараджи считал, что к ритуалам следует относиться с почтением, однако без привязанности.

В Каинчи готовились к проведению огненной церемонии. Должен был присутствовать и Махараджи, и я решил что буду участвовать в этой церемонии на протяжении всех девяти дней и посмотрю, смогу ли я устранить своё прошлое отношение к ритуалам (по большей части негативное) и открыть своё сердце этому процессу. Если Махараджи является инициатором всего этого, значит в этом должен быть какой-то смысл.

Главными участниками церемонии были два священника-брамина и два мирянина-домовладельца, давние преданные Махараджи. Дни тянулись очень медленно. Возле огня было очень жарко и вся эта жара, повторяемость процесса, усталость, напряжение и визуальное воздействие зрелища — медленно, постепенно раскрывали меня эмоционально, пока я не почувствовал, что всё это действие, подобно космическому кораблю, уносит нас всё выше и выше.

В первые шесть дней Махараджи на церемонии не появлялся, хотя его постоянно информировали о ходе её проведения. На седьмой день, когда весь этот ритуал действительно ожил в моих глазах, глубоко захватив меня, внезапно послышался его громкий крик с другого конца храмовой территории, где он сидел. Казалось, что он обращается к одному из главных участников, мирянину-домовладельцу. Причём голос его звучал как-то странно и резко. Почти полных семь дней эти четыре человека пребывали в безостановочном действии, а Махараджи взял и внезапно нарушил весь этот процесс. Не раздумывая ни секунды, этот преданный встал и подошёл к нему. Моя концентрация была утрачена, и я последовал за ним, чтобы посмотреть, зачем Махараджи понадобилось отвлекать этого человека от церемонии. И я увидел, что преданный раздаёт прасад (маленькие пакетики с пури и картофелем) местным детям, которые каждый день приходили в храм за едой. На церемонии присутствовали десятки других преданных, которые могли сделать это, но Махараджи решил позвать именно этого человека. Позже, всё ещё испытывая недоумение и некоторую досаду от того, что Махараджи прервал то, что наконец стало для меня священным ритуалом, я обратился по этому поводу к тому преданному, которого Махараджи тогда отозвал. Он просто сказал: «Махараджи вне всяких ритуалов». (Р. Д.)

*

Мы посещали ягью (огненную церемонию), хотя всем ритуалам всегда предпочитали общество Махараджи, поскольку его даршан — это наилучшая пуджа. Но он постоянно говорил: «Иди туда, дьявол, злодей, кровопийца!» Всё то, что он действительно хотел, нам было нетрудно выполнить. Одного преданного он спросил, хочет ли он посетить пуджу, и тот ответил, что не очень. Тогда Махараджи сказал: «Несчастный! Там все эти пандиты, и ты думаешь, что ты должен платить им. Нет! Я им заплачу». Это задело преданного, и на следующий день он пошёл на церемонию. В огонь в качестве подношений бросали всё предусмотренное ритуалом и при этом распевали: «Сваха! Сваха!» И вдруг послышался крик Махараджи: «Хап! Зачем им нужно это ваше «сваха-сваха»? Идите и раздайте людям еду! Какая польза от того, что вы бросаете что-то в огонь?»

*

Он с большим вниманием относился к каждому человеку. Хотя он

никогда никого не заставлял совершать пуджу или другие ритуалы, если для кого-то это стало привычкой, то он поддерживал такие действия. Я лично каждое утро выполнял пуджу, но когда Махараджи гостил у нас, то моей пуджей было служение ему. Однако он каждое утро уходил из дома, чтобы навестить других преданных, или просто на прогулку, давая мне таким образом возможность выполнить мой обычный ритуал пуджи.

*

Днём и в ночь Шиваратри (день оказания почестей Шиве) я соблюдал полный пост, воздерживаясь даже от питья воды и сна. В течение всей пуджи в честь Господа Шивы я оставался на ногах.

Однажды случилось так, что за день до Шиваратри в Наинитал приехал Махараджи, — и в конце концов все мы оказались в доме одного преданного. Он приготовил к приезду Махараджи особые блюда. Махараджи пригласил всех к трапезе и, когда увидел, что я не ем, спросил почему. Я ответил, что у меня пост. Он воскликнул: «Какой пост? Давай! Ешь!» Тогда я сказал ему, что буду есть только с его разрешения. Он ответил: «Да, разрешаю! Ешь», и я забрал его еду.

После трапезы Махараджи сказал: «А теперь выполняй свою пуджу». Я собрался уходить и попросил его благословить меня на дорогу, но он ответил: «Нет, делай её здесь — передо мной». И я начал свою пуджу.

Махараджи сидел и разговаривал с другими преданными, люди приходили и уходили. Три или четыре человека, которые раньше никогда не читали этих молитв, были так очарованы, что начали также повторять их. Махараджи повернулся ко мне и сказал: «Да ты же просто рисуешься. Какая польза от всех этих постов и ритуалов? Господь находится внутри тебя. Ты не можешь думать о нём, пока не будет на то Его милости. Если есть Его милость, то есть всё. Всегда думай о Нём и пытайся достичь Его. Если есть Его милость...»

Он замолчал и так и просидел в безмолвии два с половиной часа. Вся атмосфера была особым образом заряжена. Из года в год я очень скрупулёзно относился к этому дню — соблюдал пост, молился и так далее, но на этот раз он всё разрушил.

Были случаи, когда он просто не позволял мне выполнять мою пуджу. Я говорил ему, что, если он мне не позволит, я не буду этого делать, но в то же время я не буду принимать пищу до тех пор, пока моя пуджа не будет совершена. Тогда он кричал: «Закрой дверь, злодей! Заканчивай

свою пуджу. К чему эта пуджа, к чему беспокоить Господа? Молитва и пост? Ты что, не можешь на секунду вспомнить о Господе? Какая польза от этой пуджи? Я не понимаю!»

*

Ежедневно, утром и вечером, в храме проводились ритуалы, в них использовались зерна риса и красная паста. После завершения церемонии пуджари наносил немного этой пасты и несколько зернышек риса на лоб каждого из участников. Самым главным моментом церемонии для старого священнослужителя было нанесение тилака на лоб Махараджи. Конечно, во время всей этой процедуры Махараджи всё время был занят разговорами с людьми, и как только старик-пуджари с величайшей серьёзностью и сосредоточенностью начинал накладывать пасту, Махараджи обязательно поворачивал голову в сторону кого-нибудь из преданных, и краска размазывалась по всему лбу. Пуджари никогда не удавалось удержать Махараджи в неподвижном положении для проведения ритуала.

Наряду с огненными церемониями не меньшую важность имеют ритуальные омовения в священных водах Ганги. Махараджи действовал в качестве подрывного элемента и здесь.

Во время мелы два пожилых человека собрались идти к Ганге, так как искупаться в ней в такой момент считается очень священным действием. Однако Махараджи заявил им следующее: «Нет, купайтесь здесь. Ганга везде».

*

Один преданный как раз направлялся к Ганге, чтобы совершить ритуальное омовение, когда встретил Махараджи. И Махараджи отослал его обратно, сказав: «Служение людям лучше, чем ритуальное омовение в Ганге».

Махараджи часто говорил:

«Все действия являются молитвой.

Все деревья являются исполняющими желания. Вся вода — это Ганга, вся земля — это Варанаси (другое название

Бенареса). Любите всё».

Те уроки, которые Махараджи преподносил преданным относительно ритуалов, как и огромное число других его учений, таили в себе парадокс, который ставил рациональный ум в тупик. Казалось, он придавал значение тому, чтобы ритуалы проводились должным образом, и сам же нарушал все правила. Но как сказал один преданный: «Когда нужно было сделать какую-то работу, он откладывал ритуалы в сторону, но, как только работа была выполнена, он посылал вас на пуджу». Наверное, он нарушал правила — как это было в случае с огненной церемонией — с той целью, чтобы показать людям, что главное не ритуал, а дух: выполняй ритуал, чтобы должным образом настроиться, но не привязывайся.

Два пожилых мужчины, выполнив все свои семейные обязательства, приняли саньясу и пустились в странствие. Они провели много месяцев в храме в Каинчи. Махараджи каждое утро заставлял их в течение нескольких часов распевать «Сита Рам». Когда они собирались покидать храм, Махараджи вызвал их к себе и стал кричать на них — якобы в ярости — за то, что они во время арати перед мурти били в железную кастрюлю. (В писаниях сказано о том, что железо не должно использоваться в храмах.) Он сказал им, что они не умеют себя вести, поэтому он их прогоняет. Когда они уже повернулись, чтобы уйти, Махараджи широко заулыбался и нежно запел высоким фальцетом: «Вы били в гонг, а я прогнал вас».

*

Один человек принёс к Махараджи своего ребёнка, чтобы получить его благословение, но всё, что Махараджи сделал, — похлопал младенца по головке. Человек рассердился и сказал, что он хотел бы, чтобы Махараджи произвёл церемонию благословения должным образом. Махараджи ответил, что он не знает такой церемонии, что он благословил ребёнка и что, если отец хочет проведения церемонии, ему нужно обратиться к тому, кто знает, как это делается.

*

Однажды преданные подготовились к проведению большой пуджи в

честь Махараджи, намереваясь омыть его ноги во *всех* необходимых ингредиентах, для того чтобы получить амриту. Они разделили между собой обязанности и с большим волнением ждали начала церемонии. Когда Махараджи вышел из своей комнаты, на нём были носки — и он заставил преданных выполнить церемонию, используя вместо стоп его указательный палец.

*

Когда строительство храма Махараджи во Вриндаване было завершено, он сказал Б., что тот будет выполнять в нём обязанности пуджари. Этот молодой парень не был брамином (по традиции священнослужители являются представителями именно этой касты) и ничего не знал о пуджах и ритуалах. Махараджи вызвал одного пандита и велел ему обучить юношу молитвам, после чего послал Б. на базар купить священную нить и чётки из ствола тулси. Затем Махараджи надел это всё на него и велел выполнить пуджу в честь Ханумана, с тем чтобы он теперь мог стать *пукка-пуджари* (первоклассным священнослужителем).

Однажды, когда Махараджи не было в храме, Д., человек, построивший этот храм, подошёл к Б. и начал расспрашивать его о том, к какой касте он принадлежит, знает ли он санскрит и так далее. Юноша ответил, что он является не брамином, а *тхакур* (представителем одной из низших индуистских каст). Д. расстроился, услышав такой ответ. В это время появился Махараджи и отозвал его в сторону. Д. начал жаловаться Махараджи, и в большом зале на глазах у многих людей развернулась дискуссия. Тогда Махараджи спросил Б., знает ли он санскрит, может ли он читать Бхагavad Гиту. Б. ответил отрицательно. Но Махараджи посмотрел на него внимательно и сказал: «Не ври». Затем Махараджи сказал Д., что Б. знает восемнадцать глав Гиты на память. Д. выразил желание услышать одиннадцатую и двенадцатую главы. Махараджи набросил на голову Б. своё одеяло, несколько раз постучал по его голове — и тот начал распевать Гиту на безупречном санскрите, что произвело глубочайшее впечатление на всех присутствующих браминов. Д. не выдержал и бросился к стопам Махараджи. Б. оставался в должности пуджари в течение полутора лет. И хотя он никогда больше не читал Гиту, во время пуджи он пребывал в такой близости к Богу, что всех, кто принимал участие в церемонии, охватывал глубокий покой.

Как хранитель дхармы, Махараджи не только помогал преданным не потеряться в ритуалах, но немедленно указывал нам на наши духовные промахи — обман, фальшь, материализм, — когда ему удавалось их выявить.

Как-то, во время мелы, Махараджи и один преданный проходили мимо садху, который якобы пребывал в глубокой медитации. Рядом с ним лежала его лота. Тогда Махараджи сказал: «Он обманщик», — и велел маленькому мальчику утащить лоту у этого садху. Как только мальчик взял лоту, садху вышел из состояния медитации и вскочил на ноги. А Махараджи закричал мальчику: «Брось её, брось, иначе он побьёт тебя».

*

— Пошли, я покажу тебе очень большого махатму, — сказал как-то Махараджи преданному, не без доли сарказма. — Ты получишь даршан очень великого святого.

Они добрались на машине до ашрама этого Бабы, и Махараджи подвел преданного к молодому человеку, одетому в шафрановые шёлковые одеяния. Баба курил сигарету. Увидев Махараджи, он швырнул сигарету прочь и выполнил перед ним пранам. Махараджи и преданный сели, а садху пошёл в свою комнату и принёс оттуда очень дорогое одеяло (на Махараджи тогда было старое, очень простое одеяло). Садху снял с Махараджи старое одеяло и накинул на него новое.

— Что это? — спросил Махараджи.

— Это новое одеяло, очень красивое и дорогое. Приходила мать одного миллионера, она и дала его мне. Я хранил его для вас, Махараджи. Вот оно. Это великолепное одеяло. Никому его не давайте.

Махараджи не потребовалось и секунды, чтобы вскочить на ноги. Он отбросил дорогое одеяло прочь и сказал: «Ты садху? Какое может быть различие между одеялами? Это хорошее, а это плохое? Одеяло есть одеяло».

Он взял своё старое одеяло и сказал преданному: «Пошли. Он — садху, а видит различия в одеялах. Что же он может увидеть в людях?» И Махараджи направился к машине, ворча: «Что это такое? Хап!»

*

Один преданный рассказывал о нечестных садху. Махараджи со слезами на глазах сказал: «Посмотрите, что они сделали якобы во имя дхармы».

Глаза святого всегда направлены на Высшее «Я». Как только он начинает осознавать своё индивидуальное «я», его святости как не бывало.

Один человек одолжил садху около двух тысяч рупий и не получил их назад. Махараджи сказал: «Когда даёшь деньги займа святому, не ожидай, что получишь их обратно».

Махараджи часто говорил:
«Подобно тому как вы фильтруете воду, применяйте различающее знание по отношению к гуру».

У двоюродного брата В. остановился один большой садху из Лакнау, который был известен своим умом и способностью делать предсказания по линиям на ладони. В. показал ему свою ладонь, и садху предсказал ему много хороших вещей, но короткую жизнь, не более 60-65 лет. В. очень расстроился. Позже Махараджи поинтересовался, что случилось, и сказал: «Не надо лгать, скажи мне правду. Ты думаешь, что доживёшь только до шестидесяти пяти лет. Нет, нет. Я скажу тебе, что ты проживёшь не менее восьмидесяти пяти лет. Когда к вам приходят садху, демонстрируйте им великое почтение и, если есть возможность, кормите их. Однако не позволяйте себе слишком вовлекаться в отношения с ними».

*

Говоря о приятеле своей юности, он сказал так: «Он был таким возвышенным, но его майя была так сильна».

*

Начальник полиции Канпура, преданный Махараджи, однажды

пришёл к нему с ордером на арест одного Бабы (который также был преданным Махараджи). Он обвинялся в дезертирстве из армии и в незаконной деятельности в Канпуре. Махараджи сказал, что может быть можно не вручать ордер, ведь, в конце концов, этот человек сейчас является садху, потому его нельзя судить за дезертирство.

Позже Махараджи отчитал самого Бабу: «Что ты делаешь? Ты притворяешься садху, а сам занимаешься этими делами. Брось это».

Через какое-то время Баба перебрался из Канпура в Наинитал, где Махараджи также часто бывал. Обладая очень внушительной внешностью и прекрасным певучим голосом, этот садху очень быстро собрал вокруг себя группу последователей, от которых стал получать большие суммы денег. Махараджи вызвал его к себе и, отругав, велел оставить это занятие и уезжать из города, но Баба продолжал использовать свою власть и, манипулируя ею, собирать деньги. Затем Баба дважды женился и дважды оставил своих жён одних с детьми. До той поры Махараджи был добр к нему, относился с сочувствием и всегда интересовался, как его дела в качестве «свами». На этот раз Махараджи отчитал его за распутство. Баба, порвав с Махараджи, больше не возвращался.

*

Путешествуя по югу Индии, Махараджи и С. М. зашли в один ашрам. Пройдя сквозь ворота, Махараджи увидел под деревом мурти Кришны, которое находилось в очень запущенном состоянии. Тогда он сказал своему попутчику: «Ты оставайся, а я уйду. Мурти — это то же, что и живой Бог, и так к нему и нужно относиться — я не хочу находиться в месте, где некоторые думают, что они выше Бога».

В силу того, что вокруг было столько духовной фальши, Махараджи искренне радовался и выражал своё почтение, когда встречал людей истинной духовной чистоты.

Один преданный рассказал, что каждый раз, когда они на джипе проезжали мимо храма, Махараджи останавливал машину и совершал пранам. Также, когда мимо проходил какой-нибудь садху, Махараджи под одеялом складывал руки в знак приветствия.

*

Я привёл на даршан Махараджи во Вриндаване одного известного певца, свами, и пять сопровождающих его женщин. Прежде чем я успел представить их, Махараджи сказал: «Я их знаю. Зови их сюда. Их нужно напоить чаем». Потом он спросил: «Он хочет исполнить бхаджан?» Раньше я ничего не говорил Махараджи об этом известном певце из южной Индии. Махараджи велел подать чай, затем завёл меня к себе в комнату и сказал: «Он очень хороший певец. Смог бы он спеть для меня? Это доставило бы мне большое удовольствие. Ему не трудно было бы исполнить киртан?»

Я ответил: «Баба, какие могут быть трудности в вашем присутствии?»

Махараджи вышел и попросил свами спеть. Свами спел несколько бхаджанов, посвящённых Радхе (возлюбленной и преданной Кришны) и Кришне. При этом он явно ощущал глубокую связь с Махараджи. Затем Махараджи сказал: «Ты устал. Вы будете есть *самбар* и *расам* (южная пища) здесь! Мас! Вы будете готовить пищу здесь?» Махараджи смеялся. Женщины не понимали хинди. «Говорите же! Скажите, вы будете приходить сюда каждый день на обед? Самбар, расам — ежедневно».

Я объяснил Махараджи, что мы не можем остаться в ашраме, так как мы хотим побывать во многих местах и планируем посетить храмы Вриндавана.

— Ачча! Тогда сделаем так — вы будете ежедневно приходить сюда и получать прасад!

И мы каждый день посещали Махараджи, и он всё время пытался сполна накормить нас прасадом. Он проявлял особую заботу по отношению к этому свами, говоря: «Он очень хороший Махатма. Таких святых больше не встретишь».

*

Свами Шивананда считался одним из величайших святых Индии. Он оставил после себя много учеников и большой ашрам в Ришикеше. Махараджи время от времени посещал этот ашрам без предупреждения. И во время каждого его визита происходила какая-нибудь история, о которой в ашраме ещё долго потом вспоминали. Иногда глава ашрама собственноручно готовил пищу для Махараджи.

Как-то в ашраме Махараджи подозвал к себе одного очень старого

свами, к которому все испытывали глубочайшее почтение. Этот свами с благоговением относился только к памяти великого Шивананды и никому другому даже не кланялся. Когда он подошёл, Махараджи закричал: «Веда Вьяс (великий исторический святой Индии)! Веда Вьяс пришёл!» В этот момент свами преобразился и выполнил перед Махараджи полный дунда пранам. Где-то в глубине души они узнали друг друга.

К святым высшего ранга Махараджи питал самое глубокое уважение и любовь. Если кому-то выпадала удача послушать, как он говорит о таких существах, то у него возникало впечатление, что Махараджи говорит о членах одной семьи, связанных узами близости и любви. Само качество его голоса, когда он говорил или вспоминал, или размышлял на эту тему, отражало глубину этой связи. В этом духе он говорил о таких святых, как Христос, Рамакришна, Хайриахсан Баба, Трайланга Свами, Ширди Саи Баба, Рамана Махарши, Нитьянанда, Ананда Майи Ма, Сомбари Махарадж, Деория Баба, Шивананда, а также о других.

Махараджи преподнесли портрет Ширди Саи Бабы и положили подарок у его стоп. Махараджи немедленно взял портрет, сказав: «Его место не здесь. Он был очень хороший Баба», — и положил его у себя в изголовье.

*

Известно, что Махараджи иногда навещал одного великого святого по имени Ганготри Баба. Тот всё время обитал в снегах Ганготри, в Гималаях. Никто не может сказать, кто был чьим преданным. На определённом этапе поведение святых становится непредсказуемым.

*

Однажды в Аллахабаде к Махараджи пришёл глава религиозной группы Горакнатха, история которой насчитывает пятьсот лет. Она была организована вскоре после смерти Шанкары. Махараджи велел Даде и другим преданным коснуться его стоп. Этот человек отличался большой скромностью. Он сказал: «Я нахожусь перед святым всех святых, а вы называете святым меня».

*

Однажды Махараджи рассказал нам следующее: «Как-то я проходил мимо Раманы Махарши. Он встал и попытался следовать за мной, но я убежал».

*

Махараджи сказал, чтобы я не шёл на Кумбха Мелу один. И я был с ним, держась за его одеяло, чтобы не потеряться. Вдруг к Махараджи подошёл одетый в лохмотья человек и фамильярно обнял его. Они начали танцевать, держась за руки и распевая «лилльи ри». Это длилось около двух минут, и это был единственный раз, когда я видел Махараджи танцующим. Я попытался коснуться стоп этого человека, так как я слышал, что на этой меле присутствуют Хануман и другие великие риши, но я не смог этого сделать. Это был такой экстатический восторг, что я не смог. Затем человек исчез, и я до сих пор жалею, что не заставил себя прикоснуться к нему.

*

Махараджи прошёл через храм Бехариджи, вышел через задние ворота и, войдя в один из домов, попросил еды. На улице какой-то человек кричал: «Одну роти!», и Махараджи пригласил его войти. Это был садху, который просил в качестве подаяния всего две роти в день. Махараджи спросил его: «Где твои роти?» — и затем, взяв роти, съел его. Махараджи сказал, что этот садху — уроженец Ирака, что он приехал во Вриндаван сорок лет назад. Преданным, которые присутствовали при этом, этот человек показался не от мира сего.

*

Однажды в храм пришёл покрытый пеплом садху с трезубцем в руке (атрибуты Шивы). Махараджи тут же подбежал к нему и выполнил низкий поклон, после чего человек исчез.

*

В другой раз один человек поздно ночью пришёл к воротам храма и попросил фонарь, сказав, что у него сломалась машина. Дада дал ему фонарь, человек через некоторое время вернулся и отдал фонарь обратно. На следующий день Махараджи спросил: «Вы пригласили его в храм поесть?» Нет, не пригласили. Тогда он сказал: «Глупцы! Знаете, кто это был? Это был Сомбари Махарадж (давно умерший святой)».

*

К. К. очень много работал во время бхандары. Позже Махараджи сказал ему, что там он получил даршан самого Сомбари Махараджа. К. К. очень сердился из-за того, что не узнал его. А Махараджи сказал ему: «Зачем тебе знать?» — и гнев прошёл.

*

Как-то Махараджи отправился с некоей Ма посмотреть, как будут устанавливать новое мурти одной из Вайшнавских Дэви. Статуя была ещё запакована, выглядывало одно лишь лицо. Махараджи заговорил с ней, и Ма ясно видела, как глаза мурти моргнули. Это было истинное священнодействие.

*

Рабу заболел и потерял голос. Махараджи велел ему выполнять *Дэви пуджу* (ритуал поклонения женскому аспекту Бога) в честь Дурги в течение четырёх дней. Когда была произнесена последняя строка, Махараджи открыл окно и прокричал: «Я сказал Матери (Богине Дурге), и теперь ты поправишься».

Любовь Махараджи к Христу была неземной. Когда его спросили: «Кем был Христос?» — Махараджи ответил:

Он был един со всеми существами, и он питал безграничную любовь ко всему сущему в этом мире. Он был един с Богом.

Вы должны принять учения Христа и следовать им. Христос сказал быть подобными маленьким детям — никогда не думайте и не говорите такого, что может принести кому-то вред.

Никто не верит в Христа, а я — верю.

Он был распят, с тем чтобы его дух мог распространиться по всему миру. Он пожертвовал своим телом ради дхармы.

Он не умер, он не умер. Он — Атман (душа), обитающий в сердцах всех существ.

Никогда нельзя было заранее предугадать, какую реакцию вызовут у него слова преданных. Как-то к Махараджи пришёл один парень и спросил: «Махараджи, Иисус действительно гневался?»

Как только Махараджи услышал имя «Иисус», его глаза наполнились слезами. Когда ему задавали вопрос, он сидел. После того как вопрос прозвучал, он опёрся о локоть и трижды ударил себя в грудь в области сердца, из его глаз катились слёзы. На какое-то мгновение наступила полная тишина. Махараджи дал каждому осознать реальность Христа. Он ответил так: «Христос никогда не гневался. Когда его распяли, он ощущал лишь любовь. Христос никогда не был ни к чему привязан; он отдал даже своё тело». И тут все заплакали — мы были полностью охвачены Страстью Христовой. Но затем он внезапно снова сел прямо и произнёс: «Ум может в мгновение ока преодолеть расстояние в миллион миль — это сказал Будда».

*

Как-то Махараджи спросили: «Почему Христос подвергался такой клевете?»

— Так было со всеми святыми, но он видел во всех только любовь. Вы не должны слышать и видеть зло, вы не должны злословить. Вы должны видеть любовь везде и во всех. И вы должны видеть во всех только хорошее.

*

Однажды Махараджи посетил католическую мессу и принял там прасад.

В то рождественское утро Махараджи, Т. и Б. Д. находились в Лакнау. Они решили сходить на мессу, посвящённую Иисусу. Махараджи отправился на мессу в своём обычном виде — босиком, в дхоти и одеяле. Подойдя к церкви, Махараджи пропустил Б. Д. первым (так как он был гостем с Запада). Б. Д. стал на колени перед купелью со святой водой. Ему окропили голову. Махараджи и Т. последовали его примеру. Они приняли участие в праздничной церемонии и в обряде причастия.

Как-то один преданный спросил у Махараджи, как медитировал Христос. Махараджи выпрямился и на некоторое время закрыл глаза. Пока он сидел так в безмолвии, из его глаз текли слёзы. Затем он сказал: «Он растворялся в океане любви».

Махараджи высоко ценил чистоту духа, не взирая на различия религиозных традиций. Он постоянно учил нас не ограничиваться формой, часто повторяя: ««Суб эк (всё едино)!»»

Все религии сходны. Все они ведут к Богу.

Бог — в каждом... в каждом из нас течёт одна и та же кровь; руки, ноги, сердце — всё у нас одинаково. Не смотрите на различия. Вы должны видеть, что мы все одинаковы.

Поклоняйтесь Шиве с любовью, Рама и Шива едины. Рама поклонялся Шиве, Шива поклонялся Рама. Они есть одно.

Давать учения, основанные на индивидуальных различиях и карме — это обман.

Вы должны видеть единство всех существ.

Вы не можете постичь бога, если вы видите различия. Ищите любовь внутри себя.

Один мусульманин-преданный пригласил Махараджи на религиозный праздник, который должен был проводиться в его доме. Собрались все члены семьи и множество их друзей, чтобы исполнить суфийские песнопения и послушать чтение отрывков из Корана. На празднике присутствовали мусульманские священнослужители и знатоки веры, они совершали ритуалы и читали писания. Когда прибыл Махараджи, преданный сопровождал его на самое почётное место, прямо перед собравшимися там знатоками веры. Те немедленно прекратили своё пение и заявили хозяину, что не могут продолжать обряд в присутствии

индуиста. Тогда Махараджи отчитал их за предрассудки и ограниченность. Он процитировал несколько фраз из Корана и высказывания некоторых великих суфийских поэтов-святых о единстве всех религий, после чего попросил немного прасада. Когда прасад принесли, он раздал пищу, сладости и деньги знатокам веры, и те, счастливые, возобновили свои песнопения. Махараджи подпевал им в течение многих часов, повторяя: «Ла Ил Аха Эл Ил Аллах Ху».

Лучшая форма поклонения — поклоняться Богу во всех формах.

Вы должны принять всех людей, и вы должны видеть в них Господа.

Святому больше не нужно ничего.

Каждый человек — отражение моего лица.

Хануман

Из всех священных книг Индии для Махараджи несомненно самой любимой была Рамаяна. В ней он особенно любил главу «Сундараканд».

В Лакнау Махараджи постоянно приходил навещать один пожилой человек. Махараджи каждый раз просил его почитать из Рамаяны: «Спой эту часть! Спой отрывок, где...» и т. д. Старик пел, а Махараджи слушал. Он никогда не всхлипывал, но из глаз его текли слёзы, как у ребёнка. Любимой его частью была глава «Сундараканд».

*

Когда в Каинчи проводились чтения Рамаяны, он всегда слегка приоткрывал окно, чтобы послушать.

В «Сундараканде» описываются подвиги Ханумана — необычайно очаровательного, мудрого и любящего существа в облике обезьяны. Его основной заботой было служение Богу в форме Рамы. Махараджи никогда не надоедало слушать о приключениях Ханумана и затем перечислять их, как это описано в Рамайне и в особой молитве к Хануману — «Хануман Чалисе».

Махараджи часто цитировал из Рамаяны. Например, такие вещи: «Я низко кланяюсь Хануману, хвалу которому может воспевать только Рама. Истории о Раме так прекрасны, что птицы сомнений в испуге разлетаются».

*

Он очень любил слушать, как рано утром западные преданные исполняли «Хануман Чалису». Он был так счастлив, что посреди исполнения начинал шутить и вызывать всеобщий смех.

*

Он очень любил «Хануман Чалису». Когда собиралось много преданных, он заставлял исполнять «Хануман Чалису». Но частенько,

когда все с воодушевлением начинали предаваться этому занятию, он вставал и уходил в другое место.

Если во время чтения этих историй вы находились рядом с Махараджи, то вам казалось, что они превращаются в вызывающую трепет живую истину.

Обычно, когда мы читали «Хануман Чалису», ничего нас особенно не задевало. Но иногда Махараджи говорил: «Здесь написано, что Хануман будет жить вечно... что он вечен. Как?» Одних этих слов Махараджи хватало, чтобы заставить всех задуматься. Махараджи приносил искру в чтение.

*

Однажды мы сидели с Махараджи в доме Дады, и один преданный читал отрывки из Рамаяны. Из глаз Махараджи потекли слёзы, и он вошёл в блаженное состояние самадхи. Мы все были переполнены атмосферой этого момента. Когда чтение завершилось, Дада внезапно поднялся со своего места, отвёл Махараджи в другую комнату и закрыл дверь.

Махараджи не только с благоговением относился к историям о Ханумане, в течение многих лет он поощрял преданных на сооружение храмов в честь Ханумана в различных районах Индии. Некоторые эти храмы совсем маленькие и расположены в домах преданных, другие — большие, ежедневно собирающие сотни людей. Невозможно определить, сколько храмов было построено под влиянием Махараджи, если не по его прямому указанию. Казалось странным, что человек, глубоко осознающий ограниченный характер ритуалов, был так привязан к идее их создания, особенно, в последние годы своей жизни. Однако всё, что было связано с храмами, начиная от их строительства, содержало тонкие учения. Появление каждого храма сопровождалось теми или иными драматическими событиями. И все трудности способствовали вовлечению в данный процесс большого числа преданных. В каждом случае это способствовало в конечном счёте укреплению их веры в дух.

Большой храм в Наинитале сооружён на месте, где раньше были густые джунгли, населённые дикими животными. Часть этой местности использовалась для захоронения совсем маленьких детей (их в Индии не кремируют). Местные жители верили в то, что здесь обитают привидения. Когда Махараджи пришёл на это место и заявил, что хочет построить здесь храм, местные чиновники резко воспротивились этому. Никому и в голову не приходило, что там может быть когда-либо построен храм.

И тогда Махараджи просто разбил лагерь у дороги. Каждый день на это место приходило множество преданных, чтобы быть рядом с ним. Медленно, очень постепенно вибрации местности изменились. Однажды Махараджи показал на сарай, в котором держали мулов и который был единственным строением в округе, и сказал: «Там будет большой храм, и к нему будут приходить люди со всего мира». Все только посмеялись, так как это казалось абсурдным. Тогда через какое-то время Махараджи велел Хари

Дас Бабе принести на это место сделанное им небольшое мурти Ханумана. Оно было установлено там должным образом. Это было началом того, что сейчас является большим храмовым комплексом на вершине высокой горы, куда люди со всех концов света приходят на даршан.

*

Большой храм в Каинчи построен на том месте, где жил в одной из пещер великий святой этой части Индии, Сомбари Махарадж. Эта пещера до сих пор находится в задней части храма, и в ней очень сильно ощущается вечность духа.

Однажды Махараджи, Сиддхи Ма и Дживанти Ма отправились ночью на место, где позже появился храм Каинчи. Ма сидели у дороги, а Махараджи пересёк реку. Он вернулся лишь спустя четыре или пять часов и сказал: «Я слышу *здесь* звук. У нас будет храм».

*

Когда Махараджи спросили, почему он не строит ашрам на таком-то месте, считающемся святым, он сказал, что это должен делать не такой святой, как он. Это было очень древнее храмовое место, и он не хотел нарушать уже установившиеся там вибрации.

*

То место, где сейчас в нашем городе стоит храм, когда-то служило людям туалетом. Там было очень грязно. Пришёл Махараджи, бросил клочок очистить это место и остался там. Собрались люди, почистили всё и построили храм.

*

Махараджи часто посещал старый храм Ханумана в Лакнау, расположенный на берегу реки Гомати. Этот храм был построен до 1960 года одним преданным Махараджи по его просьбе. Махараджи часто сидел в нём и давал даршан. Хотя этот храм стал знаменитым, пуджа и бхандара в честь его открытия так и не были проведены. Однажды М. задал Махараджи об этом вопрос, и Махараджи ответил: «Нет, нет. Не этот храм. У нас будет больший храм».

Однажды, когда преданные везли Махараджи на машине к кому-то в гости, они увидели, как старый мост заменяют новым. Махараджи указал на берег, где велось строительство, и сказал: «Там будет наш новый храм!» Позже, когда он ехал в Канпур, он внезапно объявил: «Был создан план чудесного храма в Лакнау!»

Спустя два года в правительстве произошли изменения, и один давний преданный Махараджи стал министром общественных работ. Он пришёл к Махараджи и сказал, что старый храм в Лакнау слишком мал. На это Махараджи ответил: «Поступай, как знаешь». Через несколько дней человек опять пришёл к Махараджи, на этот раз принеся с собой прекрасную модель того храма, который мы сейчас имеем. Махараджи сказал: «Да, стройте его».

Когда новый мост был построен, старый оказался заброшенным, а река начала затапливать старый храм. Правительство предложило уничтожить *его*, но Махараджи сказал, что этого делать не нужно, пусть природа следует своим путём.

Правительство приобрело храм за тридцать пять тысяч рупий в качестве компенсации. Когда Махараджи спросил министра, сколько будет стоить строительство нового храма, тот ответил, что это обойдётся в восемьдесят пять тысяч рупий. Махараджи спросили, как оплатить остаток и он сказал: «Всё будет сделано». Шесть месяцев спустя государство выплатило большую часть денег, а владелец компании, с которой был заключён договор, предложил оплатить остаток. И тогда на земле, которую выделил министр общественных работ, и был построен

храм. Судьба старого храма такова — два года назад произошло наводнение в результате разлива Гомати, и задняя часть старого храмового комплекса была затоплена.

Самой главной чертой храмов, которые возводили преданные Махараджи, являлось то, что они все содержали статую Ханумана. Строили их из камня или бетона и наполняли посредством молитв, мантр и песнопений духом Ханумана. Таким образом, они были превращены в мурти. Обращались с ними так же, как если это был настоящий Хануман во плоти.

С течением лет Махараджи проводил всё больше и больше времени в этих храмах в периоды своих странствий, и это способствовало тому, что в умах людей закреплялась ассоциация между Хануманом и Махараджи. А зарождение этой ассоциации связано с ранними историями о Махараджи, произошедшими задолго до строительства храмов. В умах преданных также постоянно прорываются те или иные ассоциации между Махараджи и Хануманом. Он мог говорить о Ханумане бесконечно и многим из нас давал то или иное имя, относящееся к Хануману, в том числе те имена Бога, к которым добавлялось слово «дас (слуга)». Многих людей, следующих по пути служения и преданности, он наставлял таким образом, чтобы они ещё больше сблизились с Хануманом.

Один человек спросил Махараджи: «Какую садхану мне выполнять?» Махараджи ответил: «Не забивай себе голову этими мыслями, просто повторяй имя Рамы, как это делал Хануман». Этот человек был его давним преданным.

Служите так, как служил Хануман.

Некоторые преданные считают, что особое отношение Махараджи к Хануману объясняется тем, что Махараджи был последователем индийской традиции, практикующей преданность, в которой отношение преданного к Богу уподобляется отношению слуги к своему хозяину — а Хануман как раз и считается идеальным воплощением такой формы

поклонения. Главное внимание в этой духовной традиции уделяется поклонению Хануману, служившему Богу с предельной целеустремлённостью. Его подвиги, отражающие его преданное служение, привели его к такой близости с Богом, что он стал известен как «дыхание самого Рамы».

Другие преданные рассматривают глубокую близость, которая проявлялась в отношении Махараджи к Хануману, как отражение такой связи между ними, которая выходила далеко за пределы обычных форм поклонения.

*

Рассказывают, что, когда Махараджи останавливался в Ниб Карори, он разговаривал с Хануманом так, будто он действительно находился перед ним.

*

Махараджи часто посещал древний храм Ханумана в Лакнау (возраст этого храма составлял восемьсот или тысячу лет), и он подолгу просиживал под огромным тенистым деревом рядом с Хануманом.

*

Вдоль горного хребта, где позже соорудили храм Ханумана, часто происходили опасные обвалы. Махараджи постоянно говорил К., что всё это прекратится, когда сюда придёт Хануман, что он будет охранять этот район. С тех пор как был построен храм, ни одного обвала здесь больше не было.

*

Махараджи пригласил одного знаменитого пандита приехать в Каинчи, чтобы провести чтения «Шримад Бхагаватам». Этот человек привык к выступлениям перед большой и понимающей аудиторией, и он пожаловался Махараджи, что если он приедет, то ему придётся проводить чтение перед несколькими безграмотными сельскими жителями. Махараджи мягко отчитал его и сказал: «Не переживай. Тебя слушает Хануман».

*

В опасной близости к храму, в горах, начался лесной пожар, но дойдя до храмовой территории, пожар остановился. Махараджи сказал: «Армия обезьян защищала нас. Это они погасили огонь».

Во время освящения мурти Ханумана в Каинчи Махараджи отсутствовал большую часть дня. Вечером он сказал нескольким преданным: «Давайте получим даршан Ханумана. Принесите ведро молока, мы его угостим». Стала собираться толпа, но Махараджи закрыл дверь в комнату, оставив внутри лишь трёх или четырёх преданных.

Один из преданных подумал: «Я всегда хотел увидеть, как кормят мурти». Тут же Махараджи повернулся к присутствующим и сказал: «Все отвернитесь лицом к стене и закройте глаза». Они повиновались, но всё тот же преданный подумал, что он всё равно откроет глаза и посмотрит. И в этот же момент Махараджи сказал: «А если вы откроете глаза, вы ослепнете». И тут они внезапно ощутили, что атмосфера в комнате изменилась. Через закрытые глаза они увидели яркий свет, а также услышали звук, будто кто-то пьёт. Когда им было позволено оглянуться, они увидели опустевшее ведро и небольшую лужицу молока на полу, несколько капель стекало с губ Ханумана. Махараджи велел им собрать молоко с пола и раздать его в качестве прасада от Ханумана.

Махараджи часто рассказывал приведённую ниже историю, а некоторые преданные подозревали, что речь в ней идёт о нём самом.

В одной маленькой деревушке был крошечный храм Ханумана. Его посещали местные жители. Практика состояла в том, что преданный приносил сладости и предлагал их в качестве подношения мурти, отдавая их священнослужителю. Тот относил сладости в комнату или альков, где находилось мурти, и задёргивал за собой занавесь. Затем он предлагал сладости мурти, произнося соответствующие мантры. После этого священнослужитель обычно брал немного сладостей и откладывал их для угощения проживающих в этой местности бедных детей. Остаток он приносил обратно преданному в качестве прасада, которые тот затем съедал, чтобы таким образом получить благословение Ханумана.

Случилось так, что старому священнослужителю этой деревни пришлось отлучиться домой из-за болезни родственника, и он оставил вместо себя молодого парня, который любил присматривать за храмом в его отсутствие. Вскоре пришли несколько преданных и принесли сладости. Юноша взял их, как это делал священник, и пошёл за занавесь.

Хотя он раньше никогда не был рядом с Хануманом за задёрнутой занавесью, он предложил сладости мурти. Однако Хануман не взял их. Юноша расстроился и потребовал, чтобы Хануман принял сладости. Он даже взял палку и начал колотить ею мурти. И тогда внезапно сладости исчезли с блюда, а юноша вернулся к преданным и радостно сообщил, что Хануман принял их подношение. Преданные, зная, что они всегда получают часть подношения обратно, решили, что юноша присвоил себе все их подарки и, избив его, прогнали прочь. Когда священнослужитель вернулся в храм и услышал о происшедшем, он сказал: «Всю свою жизнь я надеялся обрести такую чистоту, чтобы Хануман принял мои подношения. Но мне так и не удалось этого достичь. Этот же юноша наделён такой чистотой, и он получил благословение».

*

В последний день своего пребывания в Каинчи Махараджи на две минуты остановился перед Хануманом и сложил ладони. На нём было только дхоти. Вокруг стояла полная тишина. Один давний преданный сказал, что это был второй раз за всё время, когда он видел Махараджи, совершающего подобное действие. Первый раз был во время освящения этого мурти.

Для большинства из нас та связь, которую мы ощущали, была ещё более глубинной, чем можно предположить на основании этих историй. Для нас Махараджи — это Хануман.

Качества Ханумана так описываются в текстах, повествующих о нём.

Я кланяюсь сыну бога ветра, любимому преданному Шри Рамы, предводителю обезьян, вместилищу всех добродетелей, первейшему из мудрых, огню, призванному поглотить расу демонов, обладателя тела, которое сияет подобно горе золота, и обители неизмеримой силы. (Гулсидас, «Шри Рамачаритаманаса».)

*

Кто такой этот Хануман в облике обезьяны? Рама дал ему свободу в этом мире. Он знает Раму, а Рама знает его. Хануман может вломиться куда угодно и вырваться откуда угодно. Его нельзя остановить, как

нельзя остановить вольный ветер в полёте. Хануман может заметить тирана, он смотрит не на слова, а на поступки, и он пойдёт и вырвет ему бороду. Никакая маскировка и пустые слова не могут ввести в заблуждение дикое животное... Хануман возьмёт вашу печальную мелодию и с её помощью создаст весёлый танец. Сильна его охрана... Сына Ветра. (Уильям Бак, Рамаяна.)

*

Хануман не обезьяна, он — божество в форме обезьяны. Никто не может сравниться с ним. Он смелый и добрый, он излучает свет, он друг кротких, он сильный и умный, он знает всё о времени и месте (из сочинений Тулсидаса и работ Бака).

Необходимо напоминать Хануману о его собственной силе и способностях, так как он о себе никогда не думает.

— Послушай, всемогущий Хануман, почему ты пребываешь в безмолвии? Сын бога-ветра, ты силён, как твой отец, и ты есть вместилище ума, благоразумия и духовной мудрости. Есть ли что-либо в этом мире, что тебе трудно было бы исполнить, милое дитя? Ради служения Шри Раме ты спустился на землю. — Как только Хануман услышал эти слова, он вырос до размера горы; тело его сияло подобно золоту, оно было полно блеска и великолепия, будто он был ещё одним царём гор. (Тулсидас.)

*

Ты принял крошечную форму, чтобы предстать перед Ситой, — а затем ты стал огромным и устрашающим, чтобы сжечь Ланку. («Хануман Чалиса».)

*

— Но, сын мой, все обезьяны, должно быть, пигмеи, подобно тебе, в то время как демоны могущественны, они великие воины. По этому поводу в моём сердце таятся серьёзные опасения, — сказала Сита.

Услышав это, существо в облике обезьяны продемонстрировало свою истинную форму, грандиозную и сияющую, подобно золотой горе,

устрашающую в битве, обладающую великой мощью и исполненную доблести. (Тулсидас.)

*

Он вошёл в рощу, начал лакомиться плодами и ломать деревья. Позже он сказал Раване: «Я ел плоды, так как был голоден, и я ломал ветви, как это по обыкновению делают обезьяны».

Равана засмеялся и произнёс саркастическим тоном: «В этой обезьяне мы нашли мудрейшего Гуру!» (Из сочинений Тулсидаса.)

Его о жажда любви неуголима

Сита, Мать Вселенной, охвачена желанием кормить Ханумана в силу своей глубочайшей любви к нему. Хануман ест. А она продолжает готовить пищу и предлагать ему. Он продолжает есть — пока кладовая не пустеет. Тогда Сита одалживает продуктов и снова готовит. А Хануман всё повторяет: «Ещё, Ма, ещё!» Наконец свекровь Ситы, чтобы выручить её, приносит подносы с готовой пищей. Сита подносит еду Хануману, но тот отказывается есть. Обладая силой различения, он видит разницу и говорит: «Нет, Ма, это приготовлено не твоими руками». (Фольклор.)

*

Глаза Ханумана наполнялись слезами, когда он вспоминал добродетели Господа. Он всегда наслаждался нектаром историй о Господе. Его единственным желанием было иметь возможность оставаться преданным Рама. Снова и снова Господь пытался возвысить его, однако он так был поглощён любовью, что не возвышался. Когда Рама спросил, чего он желает, Хануман ответил: «Надели меня безграничной преданностью, являющейся источником высшего блаженства».

Рама ответил: «Да будет так». (Из сочинений Тулсидаса и «Хануман Чалисы».)

*

Хануман говорит Рама: «Великая доблесть обезьяны состоит в том, чтобы прыгать с ветки на ветку. Я смог перепрыгнуть через океан, сжечь золотой город, убить демона и опустошить рощу Амоки. Всё это

благодаря твоей мощи; не моя заслуга в этом, мой Господь». (Тулсидас.)

*

И тогда своими острыми когтями Хануман разорвал себе грудь — и, смотрите, на каждой косточке мелкими буквами у него было написано... «Рама, Рама, Рама»... , а в сердце его — Рама и Сита. (Из работ Бака и сочинений Тулсидаса.)

*

Хануман, да возрадуются все те, кто пребывает под покровом твоей милости, и любая работа мира, какой бы трудной она ни была, становится легко выполнимой. («Хануман Чалиса».)

*

И тогда, подобно буре, Хануман изгнал злых духов и, подобно свету, принёс отвагу. (Из работ Бака.)

*

Мне, тонувшему в океане отчаяния и одиночества, ты, дорогой Хануман, явился как истинный корабль спасения. (Тулсидас.)

*

Один твой взгляд, о, дорогой Хануман, освободил меня от всех грехов. (Тулсидас.)

*

— О, Хануман.

— Царь мой, — Хануман преклонил колени перед Рамой. И сказал Рама: «Пока люди будут говорить о тебе, ты будешь

жить на Земле. Никто не может сравниться с тобой. Твоё сердце истинно, твои руки сильны, в тебе столько энергии, что ты можешь исполнить всё, что угодно. Ты служил мне верой и правдой, и ты совершал ради меня то, что сделать невозможно».

— Это всё пустое, — ответил Хануман. — Я твой друг, и это главное. (Из работ Бака.)

*

Хануман и по сей день живёт высоко в сосновых лесах. Он всегда будет слышать, когда произносится имя Рамы, и он будет без конца

слушать о своих старых приключениях и свои собственные правдивые истории. Так что будьте внимательны. Он здесь. (Из работ Бака.)

Как это всё напоминает... Махараджи, игриво собирающего и бросающего фрукты, чьё тело, с необычайно длинными руками, может менять свою форму и свой размер, то становясь крошечным, как комар, то огромным, как гора золота; Махараджи, который постоянно перемещается с одного места на другое с поразительной ловкостью и внушительной силой, который является для своих преданных безбрежным океаном сострадания, который, как кажется, не знает или не признаёт своих собственных уникальных способностей, но который никогда не забывает о своей безграничной любви к Раме.

Вот как преданные видят всё это...

Однажды я сидел с Махараджи на стене возле храма в Каинчи. Пандит читал истории из Рамаяны собравшимся слушателям, когда я внезапно почувствовал какое-то беспокойство. Махараджи схватил меня за руку и отвёл к храму Шивы. Мы сели перед ним. Я взглянул на Махараджи, но вместо него я увидел огромную обезьяну. И это всё, что я помню. Другие вспоминают, что в это мгновение мы оба исчезли. Несколько часов спустя Махараджи вошёл в храм с криками: «Где Дада? Где Дада?» Начались поиски. Меня нашли приходящим в сознание на берегу реки. Больше я ничего не помню.

*

Махараджи утверждает, что все камни в Читракуте подобны драгоценным камням. Однако С. М. на это сказала так: «Зачем собирать камни, если у тебя есть Махараджи?» Сразу же после этого разговора Махараджи вышел из храма и отправился в туалет, после чего С.М. помогла ему вымыть руки. Когда он выходил, на камешках остались мокрые следы от его стоп. С.М. собрала их и спрятала у себя в сари. Когда пришла её дочь, С.М. велела взять эти камешки и отнести домой. Спустя несколько дней С.М. вернулась домой и открыла коробку, в которой хранились камни. На каждом из них было изображение Ханумана. Муж не поверил ей, но когда посмотрел на камни через увеличительное стекло, то убедился, что это действительно так. Позже эта коробочка вместе со всеми камнями таинственным образом исчезла.

*

Однажды Махараджи сидел в зале, а Дада был на кухне. Вдруг Махараджи закричал: «Дада!» Дада побежал в зал и увидел, что Махараджи стоит у двери без одеяла, со свисающим сзади, подобно хвосту, дхоти. Его тело было огромного размера и заполняло собой весь зал. Дада упал к его стопам, после этого Махараджи вернулся к себе в комнату.

*

Однажды вокруг Махараджи собралось много людей. Казалось, он пребывал в возвышенном состоянии. У его ног сидела маленькая девочка. Внезапно она начала плакать. Когда её спросили, в чём причина её слёз, она ответила: «Я не могу сказать! Я только что увидела в груди Махараджи Раму и Ситу». Затем она начала подробно описывать, во что была одета Сита и как выглядело её одеяние. Махараджи не проронил ни слова.

*

Некоторые преданные при виде Махараджи входили в состояние самадхи, и тогда другие просили ввести их в это состояние. Однажды, когда это произошло, Махараджи рассердился, но позже, принимая ванну, он начал скрести себе спину, и эти преданные увидели у него на спине шерсть и слышали, как он издаёт рычавший звук, подобно обезьяне. И они все наполнились благоговейным трепетом.

*

Один преданный каждый раз, когда подходил к Махараджи и бросал на него один-единственный взгляд, терял сознание. Когда его приводили в чувство, всё, что он говорил, было: «Я видел только огромную обезьяну».

*

Один преданный сказал: «Тело Махараджи пульсировало Рамой».

*

Как-то одна женщина сказала своему мужу, что слышит в соседней комнате какие-то звуки. Их спальня находилась рядом с комнатой Махараджи, но в то время его там не было. Они пошли посмотреть, что является причиной этого шума, и увидели следы, очень похожие на отпечатки стоп Махараджи — и следы эти тянулись по всей стене до

самого потолка.

*

С. М. сказала, что однажды она видела тело Махараджи, каждая клеточка которого вибрировала «Рам».

*

Как-то, будучи в Харидваре, Махараджи обосновался у порога дома одного санньясина. Этот человек недолюбливал Махараджи и пытался прогнать его, но безуспешно. В один прекрасный день этот садху занялся приготовлением чудесных сладостей из изюма, миндаля и других продуктов. Махараджи следил за процессом и давал свои советы. На что садху сказал, что всё равно не будет делиться сладостями и велел Махараджи убраться, но Махараджи остался на том же месте. Когда сладости были готовы, садху отправился к Ганге искупаться, Махараджи остался на месте. Когда садху вернулся, то обнаружил, что большая часть его сладостей исчезла. Махараджи сказал, что они выглядели так аппетитно, что он решил попробовать, — а они оказались такими вкусными, что он не мог остановиться и ел до тех пор, пока почти ничего не осталось.

*

Дада, профессор экономики, рассказал, как однажды он допоздна проверял экзаменационные работы у себя в кабинете, а затем отправился спать. Дом был закрыт на все замки, а Махараджи был в сотнях миль отсюда, в другой части Индии. Проснувшись утром, Дада обнаружил, что на верхней работе через всю страницу были написаны слова — «Рам, Рам, Рам». Скорее всего, это была просто игра Ханумана.

Некоторые преданные не только видели Ханумана в Махараджи, но и слышали его...

Однажды во время чтения Рамаяны преданный спросил, какую главу ему читать. Махараджи ответил: «Читай ту часть, где я беседую с Вибхишаном». (Конечно, с Вибхишаном беседовал Хануман.)

*

Во время обсуждения вопросов, связанных с храмом в Каинчи,

Махараджи сказал: «Вы думаете, что я собираю всевозможное имущество и хочу стать землевладельцем? Я полностью свободен от каких-либо привязанностей. Я мог бы оставить всё, как я оставил Ланку». (В Рамаяне повествуется о том, что Хануман сжег Ланку.)

*

Однажды, когда Махараджи жил у Дады, он притворился больным и велел запереть двери своей комнаты снаружи. Однако, через некоторое время, его увидели бегущим по улице. Когда его спросили, как он прошёл через закрытые на замок двери, он сказал: «Обезьяна стала крошечной, как комар, и вылетела в окно».

*

— Махараджи, вы можете сделать всё. Вы — Хануман.

— Я не Хануман. Я ничего не могу сделать... Я есть всё. Я могу сделать для всех что угодно.

**Махараджи сказал: «Куда бы я ни взглянул, я везде вижу
только Раму, поэтому я всегда
Ко всему отношусь с почтением».**

Я не делаю ничего. Всё делает бог.

*Хануман, надели нас своей милостью,
Божественный Гуру.
О, Сын Ветра,
несущий освобождение от страданий,
воплощение благодати,
вовсеки пребывай в наших сердцах.*

— Хануман Чалиса

Джао!

Я слышал о нём, ещё будучи в Америке и, накопив необходимую сумму денег, совершил паломничество в Индию, чтобы лично встретиться с ним. Я прибыл в храм, принеся с собой, как мне посоветовали, фрукты в качестве подношения. Привратник отвёл меня в заднюю часть храма, где я увидел его сидящим на деревянной кровати, обёрнутым в плед. Вокруг него на земле сидело много индийцев и приезжих с Запада. Я немного нервничал и, пройдя через двор, подошёл к его кровати и положил на неё фрукты — он в это время смотрел в другую сторону. Я поклонился, подражая тому, как это делали другие, а когда я поднял голову, он смотрел прямо на меня. На какое-то время всё остановилось. Затем он произнёс: «Джао!»

Хинди я владел очень плохо, но это слово я знал! Именно его я использовал, чтобы прогонять попрошаек, толпой собиравшихся вокруг меня в Дели. Оно означало: «Уходи!» или «Убирайся!»

Я стоял в оцепенении, переживая последовательно неверие, смущение, гнев и чувство вины. Я не знал, смеяться мне или плакать. Я прибыл сюда из далёкой Америки, и первое, что он мне сказал, было: «Убирайся!» Но затем я подумал: «О'кей. Вам лучше знать». А он бросил мне один из плодов и снова произнёс: «Джао!» Только на этот раз всё было по-другому, это не было «Убирайся», это было: «Всё прекрасно. Я люблю тебя. Иди».

Теперь я вижу, что всё произошло в те несколько минут. Он делал то, что нужно, а я получил то, что должен был получить. Все остальные даршаны во время моего пребывания с ним были чудесными, но они были лишь украшениями на торте.

Вариации использования Махараджи слова «джао» были бесконечны — от рычания (иногда с добавлением слова «Ап (Ты)!» для нежелающих повиноваться) до нежного «Джао, Ма...» с мягким похлопыванием преданной по спине, склонившейся у его стоп.

Обычно, когда преданные приходили к нему в течение дня, он вручал им фрукты или какие-нибудь сладости или задавал один-два вопроса,

после чего выпроваживал своим «джао». Другим дозволялось сидеть с ним во время даршана. Интересно, что слово, которое якобы означает отвержение — «уходи» — можно произнести с такой огромной любовью, что оно будет звучать как: «иди с благословением» или «иди с милостью», или «иди с моей любовью».

«Джао» означало также указание отправляться в другую часть ашрама, приступать к приёму пищи, отдыхать или выполнять какое-то задание; и это «джао» можно было попытаться отложить, если удавалось придумать хороший вопрос, — или даже проигнорировать, если помогал какой-нибудь отвлекающий фактор, например, прибывало срочное сообщение. Иногда «джао» означало отлучение от милости или изгнание в качестве наказания за проступок (часто, как только провинившийся выходил за пределы слышимости, раздавался смешок).

Благодаря своей всеобъемлющей природе это слово приобрело дзэнское качество. Когда же оно произносилось рычащим тоном безо всяких видимых причин, как только преданный появлялся у входа в ашрам, его дзэнский эффект приобретал абсолютный характер.

«Джао» могло означать расставание на мгновение или навсегда — при отъезде в соседний город Наинитал на ночь или, чего больше всего боялись западные преданные, Махаджао (великое джао) — в Америку. Можно было даже затеять спор о «джао», если человек был готов играть в эту опасную игру. «Джао» можно было с успехом оспаривать, но бывало и так, что «джао» расставания на неделю для посещения священного Бенареса могло — в ответ на тяжёлый вздох со стоном — превратиться в «джао» расставания на месяц для совершения паломничества в Рамешварам на самом юге Индии. И это никогда не было просто: «Иди», это всегда было: «Иди с любовью».

Мы сидели на горе, напротив ашрама, и наблюдали в бинокль за Махараджи. Он сидел на крыше здания в задней части ашрама. Мы увидели, как один индеец, желая побыть рядом с Махараджи, прокрался по лестнице, низко наклонив голову, и затем быстро пробежал по крыше по направлению к Махараджи. И даже с такого большого расстояния, хотя мы ничего не слышали, мы увидели, как произошло «джао», — и тот человек отправился в обратный путь. «Оп-ля, вон он идёт!» Мы сидели на своей крыше, курили чарас, поедали йогурт и получали даршан через бинокль. Когда Махараджи узнал, что за ним наблюдали через бинокль,

он тоже взглянул через него, и он ему понравился.

*

Мы часто сидели с Махараджи, и, когда он говорил, чтобы мы уходили, я был единственным, кто вставал и уходил. Я всегда считал, что должен делать то, что говорит учитель. И я оказывался единственным, кто выходил на улицу. Остальные продолжали смеяться и беседовать с ним внутри, как будто он и не произносил «джао». Чайтанья любил хвастаться, сколько таких «джао» он пережил, будто это были боевые шрамы. Мне же было очень трудно слышать «джао» и оставаться. Тогда я начал прятаться за других, пытаюсь выяснить, действительно ли он выпроваживает нас. Позже я понял, что иногда он говорил это тебе, и ты знал, что он действительно хочет, чтобы ты ушёл, а иногда он говорил это, и смысл был уже иным.

*

Однажды Махараджи начал выпроваживать нас своим «джао» на неделю в Дели, чтобы мы послушали Кришнамурти, или «Рам-Мурти», как он его называл. Мне совсем не хотелось ехать, поэтому я начал прятаться, но выйдя из-за колонны, я столкнулся прямо со стоящим в одиночестве Махараджи. Он взглянул на меня, и всё его тело затряслось от глубоких всхлипываний: «Ох-хо-хо-хо», как будто на него обрушилось большое горе. Проливая крокодиловы слёзы, он всё время повторял: «Дели, Дели». Конечно, я не выдержал и рассмеялся — и в итоге отправился в Дели.

Одной из мыслей, которую Кришнамурти произнёс тогда во время встречи с огромной душевной силой, была: «Я питаю отвращение ко *всем* гуру!» Превосходно!

*

По окончании месячного паломничества в южную Индию мы вернулись в Аллахабад. Было раннее утро, и мы предвкушали новый период длительного пребывания с Махараджи. Когда я вошёл в его комнату в 6:30 утра, его первыми словами были: «Тебе продлили визу?»

— Я не знаю, Махараджи. Я написал заявление.

— Нет, её не продлили. Джао! Отправляйся в Дели.

— Сейчас? — я остолбенел от того, что меня прогоняют ещё до того, как я услышал: «Добро пожаловать домой».

— Поезжай утренним поездом в 9:30.

Когда эта ледящая мою душу часть была улажена, Махараджи стал самой нежностью, катаясь по своему тукету, раздавая чётки из рудракши, которые мы привезли из храма в Рамешвараме. Он игриво дергал меня за бороду и похлопывал по спине. Как я ни пытался уговорить его изменить своё решение о моей поездке, в 9:30 я уже снова сидел в поезде.

Махараджи договорился о том, чтобы в Дели я получил помощь от одного правительственного чиновника низкого ранга. И начался новый раунд бюрократической волокиты. Мои перспективы на продление визы всё ухудшались. Ещё в начале осени, находясь в горах, я попытался привлечь к этому вопросу К. К., который тогда устроил мне встречу с местным начальником отдела виз — и сейчас это ещё больше осложнило мои дела в Дели. Все эти махинации с К. К., проходившие за спиной Махараджи, не были оставлены без внимания. Он нещадно подшучивал надо мной, заявляя, что теперь моим советчиком, моим гуру является К. К., и что, если бы я не пытался уладить вопрос с визой через К. К., сейчас всё было бы в порядке.

Приближался конец февраля, и ситуация с визой казалась безнадежной. И тогда я внезапно вспомнил февраль прошлого года когда я впервые встретился с Махараджи во время этой поездки в Индию.

— На какой срок ты хочешь остаться? — спросил он тогда

— Навсегда.

— До апреля?

— Вы имеете в виду только один месяц?

— Хорошо, тогда на год после марта.

И вот сейчас, в начале марта — спустя год, — несмотря на все кажущиеся настоящими попытки К. К. и Махараджи помочь мне, я получил уведомление от правительства, требующее «покинуть Индию». Никаких сомнений не было: Махараджи использовал правительство для осуществления своей грязной работы. Всё что я мог сделать, — посмеяться и вновь смириться. Он всё предусмотрел

Обычно в присутствии истинной чистоты, или дхармы, я начинаю плакать. Я не могу точно сказать, что это такое, но я чувствую что такую чистоту трудно спокойно вынести. Я также плачу, когда испытываю

экстатическое ощущение счастья, и в редких случаях когда пребываю в глубокой депрессии. Уезжая от Махараджи я плакал и плакал, и опять же, я не знаю в точности почему Мой плач тронул миссис Сопи, и она сказала: «Не плачь. Ты сможешь вернуться. Правда, Махараджи?»

Махараджи ответил: «Он может приехать через год... или шесть месяцев». Но на самом деле я плакал не от горя; если что-то и было причиной моего плача, то это была радость, ведь Махараджи сказал мне, что служение людям является моей дхармой. Моя работа была мне ясна, и он, казалось, говорил, чтобы я принимался за неё.

В тот день Махараджи сказал ещё две вещи, которые я до сих пор помню. Первое, он сказал: «Я всегда буду находиться с тобой в контакте», и второе: «Джао». (Р. Д.)

В силу индивидуальной кармы людей нужно отсылать от святых. Это случается по-разному. Когда время отношений заканчивается, происходит расставание.

Через месяц я вернулся в Америку, не ощущая абсолютно никакого сожаления. Я действительно был счастлив оттого, что уезжаю. Махараджи мог дать вам такую энергию, что отъезд вас не огорчал и вы переживали восторг по поводу возвращения.

Я отсылаю людей по той причине, что привязанность возникает с обеих сторон.

Я никогда не позволю ни одному из своих людей убежать от меня.

Великий побег

Тот день, который оказался последним днём Махараджи, проведённым в Каинчи, прошёл в пении бхаджанов и молитвах. Махараджи также давал даршан. Собрались как индийцы, так и западные преданные. Махараджи спрашивал обо всех, кто находился в храме и в других местах. Дважды он ввел одного из своих индийских преданных в самадхи и вывел из него, набросив на голову этого человека своё одеяло. Он даже сказал собравшимся: «Он — ваш гуру. Он молод, а я стар. Он будет жить, а я умру!» Все тогда засмеялись. Затем он попросил западных преданных спеть в честь Ханумана. На глазах у него были слёзы. Индийская женщина совершила перед ним арати, после чего на лоб каждого из присутствующих был нанесён тилак.

Затем он отправился искупаться и поесть, намекнув, что уходит на четыре или пять дней. Выйдя из своей комнаты, он направился в храм и минуты две-три молча стоял перед мурти Ханумана со сложенными у груди ладонями. После этого он обошёл все другие мурти в храме, также выразив им своё почтение. Проходя по мосту, который уводил с территории ашрама, Махараджи встретил своего давнего преданного-фотографа. Дав ему свою старую фотографию, он велел сделать с неё копии, а затем бесплатно раздать их преданным. После этого он дал указание прекратить ежедневную раздачу пищи и отвезти всех Ма в Наинитал. Затем он тихо произнёс: «Сегодня я освобождаюсь из центральной тюрьмы навсегда». Когда он подошёл к машине, которая должна была везти его на железнодорожную станцию, одеяло соскользнуло с его плеч и упало на землю. Один преданный попытался поднять его, но Махараджи сказал: «Оставь его. Не нужно ни к чему привязываться». Другие преданные свернули одеяло и положили в машину.

Как только Махараджи сел в машину, из соседней деревни Бховали пришла пожилая женщина. Махараджи сказал: «Ма, я ждал тебя». Он коснулся её головы и произнёс: «Я ухожу». Он был весел и всё время шутил.

Водителем машины был другой давний и верный преданный. Он рассказывал, как по дороге на станцию он вдруг почувствовал, что стопы Махараджи стали громадными. «Я испугался», — сказал он.

Махараджи продолжал повторять, обращаясь к нему: «Что такое судьба? Что случится с нами? Мы даже не знаем, что будет завтра». На станцию они прибыли задолго до отправления поезда, поэтому они ещё два часа просидели в машине. Махараджи показал на красивую радугу и сказал: «Взгляните на эту природную красоту. Как прекрасно творение Бога, человек никогда не сможет создать такое чудо».

Купили два билета до Агры — для него и для Рави, молодого преданного. В поезде Махараджи за всю ночь ни разу не сомкнул глаз и постоянно будил своего попутчика словами: «Я не устал, поговори со мной». Рави попросил его попить молока, которое Ма передали в термосе, но оно испортилось. «Вылей его, — сказал Махараджи. — И термос тоже выбрось». Рави не хотел этого делать, тогда Махараджи выбросил термос сам, сказав: «Он мне больше не понадобится». В течение ночи он говорил о многих вещах и многих людях. В том числе он произнёс такую фразу: «Я явился на Землю, чтобы распространять дхарму».

Когда они прибыли в Агру, Махараджи быстро соскочил с поезда, а Рави тащился сзади с багажом. Вместо того чтобы идти по платформе, Махараджи спрыгнул с неё и, перейдя через шесть путей, вспрыгнул на главную платформу. Рави догнал его уже возле контролёра, который остановил Махараджи, потребовав у него билет. Затем Махараджи начал торговаться с водителями рикши: один хотел три рупии (около тридцати центов), а Махараджи стал спорить, утверждая, что это слишком дорого. Наконец они сошлись в цене и отправились в путь, маршрут которого был известен одному только Махараджи. По дороге Махараджи указал на один из домов, мимо которых они проезжали, и сказал: «Их сын уехал в Америку, и семья очень печалится. Сыновья больше не служат своим отцам». Когда они прибыли на место, он велел Рави отдать водителю рикши наполненное водой Ганги молочное ведро, которое Махараджи всегда возил с собой. И снова он произнёс: «Не нужно ни к чему привязываться».

Махараджи находился в доме С. с 6 утра до 9 вечера, отлучившись только на час, чтобы посетить врача-кардиолога (он жаловался на боли в груди). Врач сказал, что сердце Махараджи находится в прекрасном состоянии и ему нужно просто отдохнуть. В 9 часов вечера он отправился на станцию, чтобы сесть на поезд, который должен был отвезти его к подножию Гималаев, в Катгодам. Его сопровождали Рави

и ещё один преданный, Д. Через некоторое время после посадки на поезд Махараджи попросил Рави пойти в соседнее купе и посидеть там. Рави отправился туда, но пассажиры этого купе приняли его за вора и, нажав на стоп-кран, вызвали остановку поезда. Рави схватили и поместили в полицейский фургон, который был частью состава. Ему удалось уговорить полицейских на следующей станции спросить Махараджи, действительно ли Рави едет вместе с ним. Махараджи был очень нежен по отношению к Рави и сказал: «Мы выйдем в Матхуре, позвоним заместителю главного полицейского инспектора и всё уладим». В Матхуре, что недалеко от Агры, они сошли с поезда. Некоторые люди кланялись им. На станции Махараджи, облокотившись о двери туалета, сел на ступени. Д. отправился искать такси. Рави остался ждать с Махараджи. Вскоре Махараджи уже лежал на ступенях, у него начались судороги. Глаза его были закрыты, а тело похолодело и покрылось потом. Д. дал ему проглотить какие-то таблетки, и Махараджи сказал: «Выключите свет». Затем он попросил дать ему воды и отвезти в расположенный рядом с Матхурой Вриндаван. Его отнесли к такси на носилках и уложили на заднее сидение. В течение всего пути Махараджи, казалось, находился в бессознательном состоянии, хотя время от времени он бормотал какие-то вещи, которые никто не мог разобрать. Его отвезли в больницу и поместили в палату экстренной помощи. Врач сделал ему несколько уколов и надел на лицо кислородную маску. Персонал больницы объяснил преданным, что у Махараджи диабетическая кома, но пульс прекрасный. Придя в сознание, Махараджи стянул с лица кислородную маску, снял с руки ленту манометра и произнёс: «Бекар (бесполезно)». Затем он попросил воды из Ранги. Поскольку в больнице такой воды не было, ему принесли обычную воду. Он несколько раз повторил — каждый раз всё более низким тоном: «Джайя Джагадиша Харе (Хвала Господу Вселенной)». Его лицо стало очень спокойным, все признаки боли исчезли. Он был мертв. Никто из находящихся в больнице не узнал его. Персонал покинул палату, а Рави и Д. вынесли тело из здания, положили в такси и отвезли в храм Ханумана. Это было примерно в 1:15 дня 11 сентября.

Х. С. рассказывал, что в сентябре 1973 года, незадолго до махасамадхи Махараджи, он ощутил глубочайшее желание увидеть его. Он и его жена отправились в Каинчи за два дня до ухода Махараджи. В этом не было ничего странного — никакого чуда — так он сказал об этом

совпадении. Но позже он глубоко задумался о случившемся и решил, что этот случай был «чем-то исключительным».

Во время этого визита Махараджи сказал ему: «Проси что хочешь», а затем: «Мне нужно уходить». Х. С. сказал, что в тот момент всё, что было у него в уме, испарилось. Он не попросил ничего, и намек он тоже не понял.

*

О, Махараджи говорил нам, что собирается покинуть этот мир. Однажды он сказал, что когда он уйдёт, то заставит нас всех смеяться! Затем он добавил, что, когда он покинет Сиддхи Ма, она будет плакать. Как только он это произнёс, Сиддхи Ма начала плакать. Но Махараджи сказал ей, чтобы она не переживала, — он никому не позволит причинить ей вред, и что она будет излучать его любовь.

*

Друг Х. С. сказал, что Махараджи и ему ясно намекал о предстоящем махасамадхи. Махараджи объяснил ему: «Что я могу сделать, если Бог призывает меня обратно?»

*

Д. говорит, что он ощущал, что последние два года Махараджи постоянно пребывал в состоянии глубокого самадхи, полностью забывая об окружающем мире. Общение с людьми происходило автоматически, пока сам Махараджи отсутствовал в этом мире. Он даже забывал о телесной необходимости посещения туалета и мог весь день обходиться без этого. Когда ему, наконец, напоминали об этом, он мчался в туалет бегом, иногда мочась прямо на ходу. Его одеяло и дхоти небрежно сидели на нём, хотя раньше он был очень аккуратен.

*

В субботу, перед своим уходом, он сказал мне: «Это план духов. Все должны умереть. Люди плачут из-за своего эгоизма. Даже умирающий человек плачет из-за своей семьи. Это всё пустое, глупость».

*

Миссис С. очень переживала по поводу состояния сердца Махараджи. И тогда Б. решил узнать всё у самого Махараджи. Когда они оказались вдвоём в машине, Б. «залил» карбюратор и сказал: «Махараджи, машина «залита», и потребуется одно из ваших чудес — или я задам вам вопрос,

и если вы ответите на него прямо, машина, возможно, заведётся. Вы действительно больны?»

— Нет, я не болен.

Тогда Б. сказал: «Сделайте мне одно одолжение. Если вы заболите, скажете мне об этом?» В ответ Махараджи положил свою руку ему на голову.

Ровно за месяц до того, как Махараджи оставил своё тело, он сказал группе преданных: «Вчера ночью моё сердце остановилось». Он повторил это дважды, и кто-то даже хихикнул. Это рассердило Б., и он не стал уточнять у Махараджи, что случилось. Тогда Махараджи сказал это в третий раз, но вокруг него царил атмосфера такой бурной деятельности, что Б. не смог спросить его о самочувствии и на сей раз. Затем Б. уехал в Европу по делам и вернулся лишь за несколько дней до того, как Махараджи оставил тело. Он собирался пойти на даршан и вдруг вспомнил, что обещал помочь одному человеку. Он подумал, что если Махараджи оказывает помощь тысячам людей, то он может помочь этому одному человеку. Он пошёл к нему вместо даршана — и так и не увидел Махараджи перед его махасамадхи.

*

В тот последний день Махараджи позволял всем мыть ему ноги и пить оставшуюся воду, кто сколько хочет. Он был очень доволен. Затем он сказал: «Я сегодня не еду», — но после получасового отдыха изменил решение: «Нет, я еду. Давайте машину». Тогда Т. сказал, что должен проверить пульс Махараджи, на что Махараджи отреагировал вопросом: «Ты тоже становишься врачом?» Т. попытался найти пульс, но не смог. И тогда он сказал: «Махараджи, если вы будете продолжать свои фокусы...»

Махараджи ответил: «Хорошо, пятнадцать секунд, не более». На этот раз пульс был абсолютно в норме. В тот последний день он выглядел очень счастливым и радостным, в то время как раньше он часто покидал ашрам, делая вид, что никого из присутствующих не знает.

Т. и Д., беседа между собой, даже отметили: «Он выглядит чересчур счастливым. Это странно».

Махараджи сказал: «Когда вы возвращаетесь домой, вы всегда ощущаете счастье».

*

В 1971 или 1972 году Махараджи подарили дневник, и с тех пор он ежедневно исписывал две страницы именем «Рам». Он попросил, чтобы этот дневник хранился в его комнате. Каждое утро его оставляли на час одного, и он заполнял свой дневник. Во время путешествий он брал дневник с собой. 9 сентября, в свой последний день в Каинчи, он заполнил страницу, затем на следующей странице написал дату — 10 сентября — и слово «Рам». И наконец, на чистой странице он сделал надпись: «11 сентября», но слова «Рам» на ней не написал. Затем он отдал книгу С. М. и сказал ей: «Теперь это твоя книга. Теперь ты пиши в ней».

*

Б. записал на магнитофонную ленту песнопения в исполнении Махараджи, но Махараджи сказал ему: «Ты не должен никому давать её слушать в течение двух лет». Это случилось ровно за два года до его смерти.

*

За несколько дней до отъезда из Каинчи Махараджи сказал С. М.: «Храм должен находиться внутри ашрама».

Он ответил: «Зачем Вам ещё один храм. У вас уже есть здесь пять храмов». Он только рассмеялся. Сейчас во дворе, где западные преданные обычно исполняли киртан в честь Махараджи, расположен храм Самадхи.

*

Утром 8 сентября Махараджи вызвал меня к себе. Мы проговорили с ним на различные темы три четверти часа. После этого я видел его снова в четыре часа в его комнате в присутствии двух или трёх преданных. Он говорил нам: «Все, кто приходит в этот мир, должны уйти. Никто здесь не останется. Все должны уйти. Почему, зная это, люди во время смерти рыдают? Они должны уходить с радостью. Они должны уходить со смехом. Они не должны плакать». После небольшой беседы общего характера он сказал: «Теперь я уйду. Я не останусь здесь, и я больше никому не буду давать даршан».

Один преданный спросил: «Махараджи, куда вы можете уйти, что мы не сможем получить ваш даршан?»

— О, очень далеко! Очень далеко! — ответил Махараджи.

— Куда? — снова спросил всё тот же преданный.

— О, туда... недалеко от реки Нармады, — сказал Махараджи. (Река Нармада берёт своё начало в Амаркантаке; традиционно считается, что она течёт из горла Шивы.) Вскоре после этого пришёл водитель автобуса, чтобы развезти по домам людей, живущих в других местах. Пришёл какой-то человек и выразил пожелание получить персональный даршан, но Махараджи сказал: «Баба Ним Кароли мертв! С кем вы теперь будете беседовать?» Тот человек засмеялся и ответил: «Хорошо, если вы приказываете мне уходить, я уйду, но я вернусь завтра в восемь утра и тогда поговорю с вами!»

Махараджи сказал: «Хорошо. Приходи. Если я буду жив, то поговорю с тобой».

Во дворе ашрама западные преданные исполняли песнопения, и они начали выкрикивать в унисон традиционное приветствие: «Шри Шри Шри Тысяча восемь раз Ним Кароли Баба Санта Махарадж ки джай!» Махараджи, сидя в своей комнате, комментировал: «Баба Ним Кароли мертв! Теперь их голоса должны будут быть направлены туда», — сказал он, указывая пальцем на небеса.

*

Махараджи сказал мне: «Дада, я убегу. Что такое привязанность для святого?»

*

За несколько дней до того, как он оставил тело, в ашраме кипела бурная деятельность. Он всем говорил «Джао». Я находилась возле Ханумана, исполняя песнопения, а когда оглянулась, то увидела, что все преданные покинули храм. Может, им всем было сказано «Джао», или они ушли в заднюю часть ашрама, но храм был пуст. Я увидела сидящего в одиночестве Махараджи, подошла к нему и выполнила пранам — и, конечно, услышала от него в ответ «Джао». Но никогда раньше такого сладостного «Джао» я ещё не получала. Это было сладчайшее «Джао» в мире. Он назвал меня «дочь моя» — «хамари бети». И взгляд его был переполнен любовью.

«Дочь моя...». Я не могла встать на ноги, мне потребовалось несколько минут, чтобы подняться. Он больше не повторил своё «Джао»,

его взгляд, исполненный безграничного сострадания, проник мне глубоко в душу. Я почувствовала, что за эти последние дни он взял на себя огромную тяжесть кармы. На его лице отражалась такая сильная боль.

Эти последние дни были весьма странными. Приходил один индус и выполнял пуджи, и пока он распевал «Рам», терял сознание. Однажды днём Махараджи сидел в комнате этого человека. Там была такая толпа, что я не видела, что происходит, но слышала, как этот индеец кричал голосом, исполненным глубокого страдания: «Натх! Натх! (Господь! Господь!)» Я не знаю, что это было. Может быть, он предчувствовал то, что скоро должно было произойти. Пока этот человек кричал, Махараджи просто сидел рядом. Мы знали, что что-то происходит, но не понимали, что это на самом деле.

*

Дварка Шах спросил меня, был ли я в Каинчи на последнем даршане, и, поскольку я там не был, он рассказал мне о своих личных переживаниях в тот день. После того как Махараджи удалился в свой «кабинет», чтобы отдохнуть, Дварка, почувствовав непреодолимую сонливость, уснул прямо за его дверью. Проснулся он оттого, что Махараджи резко открыл дверь и закричал: «Дварка! Вставай!» Махараджи взял его за руку, а другой преданный, Рави, взял Махараджи за другую руку, и они вместе отправились в храм Ханумана. Здесь Махараджи несколько минут стоял в полном молчании со сложенными в знак приветствия ладонями. В это время его одеяло упало на пол. Дварка, подняв его, обернул его вновь вокруг Махараджи. Затем Махараджи перешёл к Лакшми-Нараяне, после этого — к Шиве, каждый раз стоя какое-то время в полном молчании. Затем он быстрым шагом покинул храмовую территорию, и, когда он переходил через мост, одеяло снова соскользнуло с его плеч. На этот раз он не разрешил возвращать его на плечи. Он сел в ожидавшую его машину, взяв с собой Рави, а Дварка остался.

*

Когда мы расставались, Махараджи сказал мне: «Если я не встречу тебя в этой форме, то встречу в другой».

*

Летом из Дели приехал врач, специалист по аюрведе, чтобы посетить Махараджи и провести две недели в Каинчи. Не успел он распаковать

свои вещи, как Махараджи безо всяких объяснений отправил его домой. Он засунул в машину врача, пять ящиков с яблоками и сказал: «Езжай немедленно». Врач был сердит и очень смущён. Махараджи также сказал ему: «Это последний раз, когда я вижу тебя». Вернувшись домой, врач неожиданно получил возможность заработать семь тысяч рупий как раз за тот период, когда он мог находиться в Каинчи. Но он боялся, что скоро умрёт, ведь Махараджи сказал, что они больше не увидятся. Поэтому он написал завещание и постарался уладить все свои дела. В сентябре он узнал, что умер Махараджи. Позже, во время посещения храма в Дели, он потерял сознание, так как вместо мурти Ханумана он увидел Махараджи. Такое случилось с ним дважды.

*

Во время последнего группового даршана он сидел на тукете, раскачиваясь вперёд и назад, как будто собираясь встать, а мы думали: «О, нет, не нужно вставать», и он снова сел, а мы думали: «О, хорошо». Когда он вновь делал попытки уйти, мы молили: «О, нет! Не уходи!» Он снова сел, и можно было почувствовать наполнявшие воздух мысли: «О, хорошо, он ещё остаётся». Это был долгий даршан. Когда Махараджи наконец поднялся и стал удаляться, что-то в его походке говорило о том, что ему не хочется этого делать. Помню, что после этого даршана мы чувствовали себя очень изможденными.

*

После того даршана объектив кинокамеры Драунади был устремлён ввысь, к небу, к вершинам храмов, к тому, что было выражением состояния наших душ в тот момент. Нам хотелось вскинуть руки вверх. Это было ощущение глубочайшей радости, хотя и чрезвычайно утомительное. После этого наступил полнейший покой. Я редко сплю днём. Но тогда мы все заснули. Проснувшись, мы обнаружили, что Махараджи ушёл. По-моему, Джанаки сказала, что она видела, как перед уходом он совершал пранам перед всеми мурти.

После смерти Махараджи во Вриндаване, его тело уложили на большой кусок льда на веранде ашрама. Вечером его на носилках положили на крышу машины и провезли по улицам. Тысячи людей наблюдали эту процессию, которую сопровождал духовой оркестр и факельное шествие. Примерно в 9 часов вечера тело Махараджи

возложили на погребальный костер.

Из газетной статьи, вышедшей во Вриндаване 12 сентября 1973 года:

«Церемония кремации земного тела известного «чудотворца» и святого, Бабы из Ним Кароли, была совершена со всеми необходимыми религиозными почестями в ашраме, где он прожил многие годы, на площадке напротив храма Шри Ханумана.

По дороге из Агры в Наинитал у него внезапно ухудшилось самочувствие, после этого сердце его остановилось.

Перед кремацией по городу прошла прощальная процессия, во время которой мёртвое тело Бабы везли на украшенной цветами машине. Вопрос относительно места проведения последних ритуалов был решён Пагал Бабой (Шри Лила Нанд Тхакур). Он сказал, что Вриндаван является царём всех священных мест и что для данной церемонии лучшего места быть не может. Одна пожилая Ма, прибывшая из ашрама в Каинчи, настаивала на том, чтобы произвести кремацию либо в Каинчи, либо в Харидваре.

Погребальный костер горел до трёх часов утра. К этому времени на месте кремации собралось большое число преданных, прибывших для оказания последних почестей Бабе. Ашрам был погружен в атмосферу глубокого траура. Преданные всё продолжали прибывать.

В 6 часов утра во Вриндаван прибыл президент Комитета Всеиндийского Конгресса д-р С. Д. Шарма. Он провёл некоторое время, сидя возле места кремации. Он был преданным Бабы с 1957 года. С. Д. Шарма выразил пожелание, чтобы ашрамиты начали собирать литературу о жизни Бабы. Был организован комитет, который назначил день бхандары — 22 сентября. Пепел решено было не бросать в Ямуну. Он будет погребен в его храме. Некоторая часть пепла была отложена для погребения в других местах паломничества.

Существуют значительные разногласия относительно возраста Бабы. Люди говорят, что ему могло быть от 250 до 300 лет.

Жители Вриндавана всегда были настроены против него. Они обращались к нему — «Чаматраки Баба» (чудотворец).

Как только известие о смерти Бабы достигло Америки, оттуда стало

поступать множество телефонных звонков.

Высокопоставленные официальные лица Индии направляются во Вриндаван, чтобы выразить своё почтение ушедшему.»

*

В какой-то мере мы просто оцепенели. Мы прибыли во Вриндаван в 8 вечера. В это время процессия как раз возвращалась после *парикрамы* (обхода Вриндавана). Я видел только его тело на крыше машины. Затем его сняли, чтобы все могли взглянуть на него в последний раз, перед тем как оно будет возложено на погребальный костер. Мы подошли, чтобы коснуться его стоп. Что-то во всём этом казалось каким-то далёким. Не было ощущения того, что что-то изменилось, — то, что случилось с его телом, казалось просто нереальным.

Он ввел нас в какое-то оцепенение. Мы чувствовали сильнейшее горе и мы плакали, но какая-то часть нас просто не могла в это поверить. Лишь по прошествии времени мы начинали понимать, что, хотя Махараджи по-прежнему с нами, его тело ушло от нас. Но в то время даже тот факт, что его тело ушло, казался нереальным.

Для прощальной процессии тело Махараджи, покрытое цветами, поместили на крышу «плимута» 55 года. Во время следования процессии по узким улочкам города люди бросали монеты из окон домов. Дети бежали вслед за машиной, ловя монеты или поднимая их с дороги. Оркестр играл громкую музыку. Мы ощущали оцепенение и замешательство. Но, когда машина проезжала мимо нас, мы заметили в правом углу заднего стекла три переводные картинки: одну — с Микки Маусом, другую — с Дональдом Даком и третью — с Гуфи. Это сразу же изменило восприятие всего происходящего. Мы вспомнили, как наш друг Вейви Грейви всегда говорил, что смерть — это Дональд Дак. И у нас появилось такое ощущение, что это мы получили секретное послание от Махараджи.

*

Один старый преданный провёл всю ночь, сидя у костра, где сжигалось тело Махараджи. Он во весь голос распевал «Шри Рам, Джай Рам». Преданный сказал, что видел сидящего над огнём Махараджи, а по бокам у него Раму и Шиву. Они лили ему на голову масло гхи, чтобы он лучше горел, а сверху его засыпали цветами всевозможные дэвы (божества). Все были так счастливы!

*

Одна Ма смотрела на огонь и увидела, что Махараджи сел и направил на неё свой взгляд, указывая пальцем и облокотившись на локоть, что было его характерным жестом.

Мне и раньше приходилось переживать смерть близких, но сейчас это было нечто совсем иное. Присутствие Махараджи было намного более сильным. В тот вечер и на следующую ночь мы совершили парикраму вокруг Вриндавана, но мы чувствовали себя как-то очень странно. Я не мог ни есть, ни спать. Я бродил по городу, ожидая, что он вернётся к жизни, и я увижу его идущим по улице или сидящим на своём тукете.

*

С. сказал, что смерть была лилой Махараджи, и никто во время его смерти не додумался, что, если бы они с глубочайшим почтением и от всего сердца обратились к нему со словами: «Вставай, Махараджи, ты не мертв», он бы так и сделал.

Известие о смерти Махараджи с невиданной быстротой достигло тех из нас, кто покинул Индию, и реакция на неё была так же разнообразна, как любой другой аспект его лилы.

Летом 1973 года я жил на ферме отца в Нью-Гемпшире. Я был там в сентябре, когда прибыла телеграмма. Мой отец и мачеха встретили меня с глубоким беспокойством, когда я вернулся из деревни, где делал покупки. Отец сказал: «Только что пришла телеграмма из Индии. Я не понимаю, о чём в ней идёт речь, но я переписал её слово в слово, как мне передал оператор».

«11 сентября в 1:15 Бабаджи оставил свой бодтхай во Вриндаване...» В телеграмме содержались дальнейшие подробности. Отец спросил: «Что это значит?»

— Это значит, — ответил я, — что Махараджи умер.

Они тут же принялись утешать меня и выражать соболезнования, но их слова звучали для меня как-то бессмысленно, потому что я не ощущал абсолютно ничего — ни печали, ни счастья. Не было чувства потери. Наверно, я просто оцепенел. Меня ждала пара, у которой были проблемы в семейной жизни, и я отправился к ним и начал помогать им разбираться

во всех хитросплетениях их отношений. Время от времени мой ум отвлекался от обсуждения, и я думал: «Махараджи больше не находится в своём теле. Разве это не странно?» или «Что же теперь будет?» Но я отгонял эти мысли и заставлял своё внимание возвращаться к тому, чем я был занят в тот момент, ведь что бы ни ожидало нас в будущем, не было смысла в том, чтобы прекращать служение другим людям.

В течение всего того дня и множество раз после этого я вспоминал слова великого Раманы Махарши. Он умирал от рака, хотя в прошлом демонстрировал способность исцелять других. И преданные умоляли его вылечить самого себя. Он всё отказывался, а они все плакали: «Не оставляй нас, не оставляй нас», на это он ответил: «Не будьте такими глупыми. Куда я могу уйти?»

В конце концов, куда *мог* уйти Махараджи? Он был у меня в сердце. Каждое мгновение жизни я был вместе с ним, хотя и не в его физическом присутствии — так какая же разница? Я точно не знал.

Когда супружеская пара ушла, я начал звонить другим преданным из Соединённых Штатов и Канады и просил их в свою очередь сообщить это известие другим. Было решено, что те, кто находится от меня в радиусе трёхсот или четырёхсот миль, присоединятся ко мне в Нью-Гемпшире. К полудню следующего дня нас собралось около двадцати человек. Это была уникальная встреча. Мы все были потрясены и многие плакали, но в то же время мы были счастливы, что собрались вместе и очень сильно ощущали присутствие Махараджи рядом с нами. Мы приготовили много еды и ели её, сидя вокруг костра. Но прежде чем приступить к принятию пищи, мы поднялись в комнату, где посидели перед столиком для совершения пуджи, помедитировали и провели арати.

В то время как мы распевали древнюю санскритскую молитву, мы по очереди делали подношение света (в форме пламени), раскачивая масляную лампу перед портретом Махараджи. Выполнив свою часть церемонии, я отошёл назад и стал наблюдать. В отражении пламени я видел на лицах моих духовных братьев и сестёр выражение любви и чистоты сердца. И тогда я наконец смог заплакать — не от горя и боли потери, а скорее от присутствия той чистой и совершенной любви, воплощением которой является Махараджи и которую я так глубоко ощущал на этой встрече сердец. (Р. Д.)

Получив это известие, я пережил множество различных реакций. Одна из них, как ни странно, была такой: «О, бедный Махараджи». Самой первой моей реакцией было горе, которое тут же сменилось осознанием того, что ничего не изменилось («О чём горевать?»). Затем я пережил другие реакции, такие как «Что это всё значит? Если он не есть тело, то почему я — тело? Почему я всё ещё играю в эту игру, которая сосредоточена вокруг него? Если его больше нет, я не хочу продолжать играть».

*

Когда он оставил своё тело, я был в лесу, на горе Шаства. Там был ещё один человек, которого я встретил на даршане. Известие о смерти Махараджи распространилось с быстротой молнии, так что мы все знали о происшедшем.

Тот человек отправился в город, чтобы позвонить, и, узнав эту новость, принёс её мне, хотя я был далеко в лесу. Я говорил со многими людьми, которые в то время были в Америке, — с ними всё произошло подобным образом, — где бы они тогда ни находились, все узнали о случившемся почти сразу же.

*

Всё то лето я провёл путешествуя, однако в конечном итоге я решил вернуться в Америку. Первого сентября я приехал в Сан-Франциско из Британской Колумбии, чтобы встретиться со своей суфийской семьёй, с которой я общался в прошлые годы в Калифорнии. Через день или два я почувствовал недомогание и подумал, что это, возможно, рецидив гепатита, который отослал меня из Индии домой. Но у меня не было ни лихорадки, ни каких-либо следов желтухи, ничего такого — я просто ужасно себя чувствовал. Поскольку я находился в доме Саула, который был *хакимом* (целителем), мне уделили много внимания и уложили в постель. Примерно через неделю моя «болезнь» исчезла таким же таинственным образом, как и появилась. Через два дня позвонила близкая мне Гурубахина (духовная сестра по линии гуру).

— Сожалею, что именно мне приходится сообщать тебе это, — сказала она. — Махараджи оставил своё тело.

В тот момент я почувствовал только досаду и изумление — он снова сбежал!

— Ну и негодник! — это всё, что я мог сказать.

Как только я повесил трубку, вошёл Саул. «Махараджи оставил своё тело», — сказал я ему.

*

— Хвала Богу! — закричал он и крепко обнял меня.

Трудно объяснить, какое воздействие на меня оказало это сообщение. Это было похоже на то, что вы чувствуете, оказавшись жертвой воров в Индии: вместо того чтобы испытывать возмущение и гнев, вы просто принимаете всё случившееся. Позже у меня возникли и другие чувства.

Ещё до того, как он оставил тело, я испытал очень сильное ощущение. Это было во Вриндаване, когда Махараджи всех отсылал. Перед тем как сказать всем своё «джао», он объяснил нам, что мы заняты тем, что поклоняемся глиняному горшку. «Что произойдёт, когда глиняный горшок разобьётся?» — спросил он. Он отсылал нас в разные места, мы плакали, и я чувствовал, что Махараджи просто хочет сбежать, что его пребывание в теле закончено. Я чувствовал, что это должно произойти в тот день, поэтому, когда он оставил тело, это не было для меня неожиданностью. Это была очень сильная вещь, чтобы вызвать просто какую-то внешнюю реакцию.

Сожжение тела Махараджи произошло так скоро после его смерти, что мало кто из преданных успел добраться к месту кремации вовремя, поэтому многие из них решили посетить похоронную бхандару, которая должна была состояться через одиннадцать дней во Вриндаване, Около тридцати западных преданных решили прилететь в Индию на эту церемонию, чтобы доставить некоторую часть пепла в ашрам Каинчи.

К тому времени, когда мы прилетели из Америки, во Вриндаване уже собрались сотни людей. Глубина любви и открытость всех преданных были просто поразительны. Все мелкие различия между преданными были забыты, так же как и различия между Востоком и Западом. Все проявления зависти и осуждения, которые были в нас по отношению друг к другу и которые сам же Махараджи создавал и усугублял на каждом шагу, снова и снова демонстрируя нам наши мелочные отражения в своём огромном зеркале, в тот момент исчезли. У нас была общая потеря и, что более важно, мы поняли, что нам всем крупно повезло, — ведь мы получили даршан Бога на земле. (Р. Д.)

Одна из самых поразительных вещей произошла во время похоронной бхандары, ведической церемонии, проводимой через одиннадцать дней после смерти. По традиции считается, что душа к этому времени проходит через всё *бардо* (планы существования) и наконец обретает свободу.

Весь двор был заполнен палатками. В одном конце двора водрузили небольшую платформу, на которой должен был быть разожжен жертвенный огонь. Как раз в тот момент, когда разжигали огонь, с востока, прямо среди ясного неба, появилась большая чёрная туча. Она двигалась очень быстро. По мере её приближения ветер усилился, и брезентовые крыши начали вздуваться и хлопать. Помню, что в это время я подумал: «Махараджи, если это знак от тебя, то этого недостаточно». Даже если он явился в какой-то другой форме, я всё равно хотел полного погружения, я желал получить полный даршан.

Туча всё приближалась, а ветер всё усиливался — и неожиданно мы оказались в центре мощного урагана! Брезент рвался в клочья, поддерживающие навесы жерди ломались пополам, священный огонь взвивался высоко в небо. Всё это было настолько захватывающим, настолько экстаичным, что люди прыгали, обнимались и плакали. Все поняли, что это благословение Махараджи. После того как ураган прошёл и церемония возобновилась, я всё ещё был настолько взволнован, что помчался в одну из комнат в задней части ашрама. Я не знаю, почему я туда пошёл, но, вбежав в комнату, я разбудил Молли Скотт. Она только недавно приехала и никогда не видела Махараджи живым. Я ворвался, бурля от волнения, вызванного ураганом, и разбудил её. Позже она мне сказала, что проснулась как раз в тот момент, когда в её голове звучала песня. «Смерти нет. Я ощущаю присутствие вас всех вокруг себя. В каждом вдохе я буду с вами. В моём сердце, в моём уме, в цветке, в ребёнке, в дожде, в ветре (и так далее — все куплеты разные), вы рождаетесь заново. Вы рождаетесь заново». Это была песня, пришедшая с ураганом.

Махараджи так часто говорил с нами о смерти, что у нас есть его собственные слова, с которыми мы можем работать.

Пока время не придёт, человек не может умереть.

Тело умирает. Всё непостоянно, кроме любви Бога.

Махараджи часто говорил, что тела следует кремировать, для того чтобы свести к минимуму стремление души вернуться обратно. Устраняется последний объект собственности.

*

Однажды Махараджи спросил преданного: «Что такое это тело? Из чего оно сделано? Что происходит, когда вы умираете?» И затем сам же ответил на свой вопрос: «Тело состоит из пяти элементов. Тело умирает, душа — нет. Атман, истинная сущность человека, не умирает».

Почему в вас так много эго? Когда-то вам придётся покинуть этот мир и стать едиными с землей.

— *Махараджи цитирует Кабира*

Махараджи часто говорил: «Тогда придёт время», имея в виду час своей смерти. Но в других случаях он говорил так: «Разве я умру? Никогда! Я неумирающий».

Существует множество историй о том, как Махараджи предсказывал смерть своих преданных или как он реагировал на эти сообщения.

Махараджи сказал об одной женщине из Алморы, что она умрёт, но её врач, также преданный, настаивал на том, что она пребывает в добром здравии. Тогда Махараджи и этот врач отправились к ней домой. Во время приёма пищи хозяйка отправилась на кухню, подавилась и умерла. Махараджи плакал, не переставая.

*

Однажды Махараджи беседовал с господином Тевари, стоя на парапете у Хануман Гарха. Вдруг Махараджи поднял глаза вверх, закрыл их на какое-то мгновение и сказал Тевари, что одна из его преданных, жившая в долине, только что умерла. Затем он начал хихикать и безудержно смеяться. Тевари, знавший Махараджи много лет, был ошеломлён. «Вы бездушный! Как вы можете смеяться над смертью человеческого существа?» — воскликнул он. Махараджи с удивлением взглянул на него и сказал: «А ты бы хотел, чтобы я притворился одной из марионеток?»

*

Однажды Махараджи сказал, что мы совершаем длительное путешествие: от одного рождения — к другому, третьему и так далее. В каждой жизни мы встречаемся именно с теми людьми, с кем нам суждено встретиться.

Предопределённым является и то, как долго вы будете с тем или иным человеком, поэтому вам не нужно привязываться, пытаюсь удержать его или испытывать печаль по поводу потери. Осознайте, что однажды вы расстанетесь, и тогда вы избежите этого переживания боли.

*

Сидя в компании нескольких преданных, Махараджи неожиданно спросил: «Кто пришёл?» — Никто, Махараджи.

— Нет, кто-то пришёл.

Через мгновение вошёл слуга одного из его преданных. Прежде чем он успел что-то произнести, Махараджи сказал: «Я знаю, что он болен, но я не пойду». Слуга был потрясён, так как его хозяин заболел всего несколько минут назад, он и послал его за Махараджи. Все стали просить Махараджи пойти, но он был непреклонен. Наконец он сказал: «Вот, отнеси ему этот банан. С ним будет всё в порядке». Слуга помчался домой с бананом, ибо все знали, какой силой Махараджи часто наполняет плоды. Банан размяли и дали больному. Как только тот проглотил последний кусочек — он сразу умер.

*

Одна женщина привела Махараджи к своему находившемуся в бессознательном состоянии мужу и попросила его положить руки ему на голову. Махараджи явно колебался и спросил её, что она хочет.

— Вашего благословения! — ответила она.

— Ты хочешь, чтобы я дал благословение?

Он повторил этот вопрос три раза с небольшими паузами. «Ма хочет, чтобы я дал благословение. Что мне делать?» — спросил он стоявшего рядом преданного. Преданный сказал, чтобы он дал благословение. «Хорошо, я дам благословение». Махараджи встал со стула — и в этот момент погас свет, и дом погрузился в темноту. Хозяйка побежала за фонарём. Махараджи повернулся к преданному и сказал: «Если Бог дал этому дому тьму, как я могу дать свет?» После чего побежал прочь из дома. Женщина пыталась остановить его, но он сказал: «Я ещё приду. Я ещё приду». И удалился. Тот человек умер в ту же ночь. Никогда раньше Махараджи так долго не препирался относительно благословения. Тому человеку было суждено умереть, а его жена пыталась заставить Махараджи дать ему благословение, чтобы он жил.

*

Однажды к Махараджи пришёл старый лесничий и со слезами на глазах сказал: «Мой сын умер. Что мне теперь делать?» Махараджи сказал, что у его сына был рак и что это была воля Бога. «Но вы могли бы спасти его», — сказал старик.

— То, что повелевает Бог, должно произойти, — сказал Махараджи. Когда посетитель ушёл, он сказал: «Если человек совершил зло, карма должна вернуться — может, отец или дети, но кто-то должен заплатить».

Отказ Махараджи вмешиваться в карму смерти явно не имел исключений.

Поздно ночью я сидел с Махараджи у края дороги, рядом с храмом в Бхумнадхаре, что недалеко от Наинитала. Вдруг на дороге появился странного вида человек в лохмотьях и пепле, который начал выкрикивать оскорбления в адрес Махараджи. Я подумал, что он пьян. Он очень долго изливал свои обвинения в том, что Махараджи слишком покровительствует своим преданным. «На этот раз, — кричал он, — ты зашёл слишком далеко! Через шесть дней я доберусь до него». Махараджи казался очень взволнованным и велел мне пойти в храм и принести незнакомцу еды. Я побежал за едой, а когда возвращался

обратно, увидел, как тот человек перешёл через дорогу и будто бы растворился, поднявшись в воздух. Махараджи кричал: «Посмотри, куда он ушёл, посмотри куда он ушёл!» Но я больше не видел его. Затем Махараджи сказал мне, что этим незнакомцем была Смерть. А через шесть дней умер один из самых близких преданных Махараджи.

И всё же сам он предпочёл умереть так же, как он и жил — способом, который не представлял из себя ничего особенного.

Он делал всё согласно природе. Ребёнок живёт, молодой человек много путешествует, старик умирает. Он действовал в соответствии с законами природы. Если бы он только захотел, он мог бы изменить природу для себя, но я не думаю, что он это делал. Когда он был болен, он просил лекарства, когда он уставал, то отдыхал. Когда же он состарился, он умер.

Послесловие

Махараджи отправился в храм Ширди Саи Бабы в Мадрасе. В то время как он молча сидел там, какая-то женщина с ребёнком плакала перед изображением Ширди Саи Бабы, оставившего своё тело много лет назад. Махараджи сказал: «Знаете, что она делает? Она просит его излечить её ребёнка, и он сделает это, так как гуру никогда не оставляет своих преданных. Гуру бессмертен, неразрушим, и он не подвластен старости и смерти».

Мы, преданные, которые знали Махараджи и были знакомы с его лилой, не можем с полной уверенностью сказать, что же произошло 11 сентября. Мы знаем, что тело было сожжено, но мы не знаем, какое из тел Махараджи это было. Может быть, он облек мысль о себе плотностью, чтобы она могла быть сожжена. Он учил нас не верить своим чувствам и разуму, когда дело касалось его, и мы хорошо выучили этот урок. Сейчас мы даже колеблемся относительно принятия реальности кремированного тела. Так, многие из нас не удивляются,

когда возникают различные истории о том, что всё это на самом деле не то, чем кажется.

Через несколько дней после махасамадхи Махараджи в храм Ханумана в Лакнау пришёл незнакомец. Он начал расспрашивать священнослужителя о четках, висевших у него на шее, и тот ответил, что это чётки из растения тулси, которые ему подарил Махараджи. Тогда незнакомец сказал, что он знает Махараджи и что считает его великой душой. Он попросил, чтобы ему показали ашрам. Когда он вошёл в комнату Махараджи, то указал на стоящую на кровати урну и спросил о её назначении. Священнослужитель понял, что этот человек не знает о махасамадхи Махараджи и объяснил, что в урне хранится пепел, оставшийся после кремации тела. Незнакомец был в шоке и сказал, что это невозможно, так как он собственными глазами видел Махараджи в Амаркантаке несколько дней назад. Талия Махараджи была тогда обёрнута джутовой мешковиной, и больше на нём ничего не было. Махараджи сказал ему, что оставил своё одеяло в Каинчи и что он больше никогда не будет носить дорогие дхоти. Ещё он сказал, что ашрамы — это тюрьмы и что они вызывают привязанность в умах садху, которые, как считалось, должны были освободиться от привязанности. Затем он добавил, что убежал от всех этих ашрамов и никогда больше не вернётся в них, и что с этих пор будет жить в джунглях и у него будет время петь и молиться без помех.

Священнослужитель был поражён, услышав этот рассказ. Через какое-то мгновение он повернулся, чтобы задать незнакомцу вопрос, но обнаружил, что тот исчез.

*

Два или три года назад Махараджи сказал, что принесёт мне три вещи. Он так ничего мне и не принёс, а я и не напоминал ему, поскольку он делает то, что он делает. Я никогда ни о чём его не просил. Всё, что он делал для меня, исходило от него самого. Теми тремя вещами, которые он хотел мне дать, были: сделанные из рудракши чётки из Пашупатинатха, Шива-лингам из реки Нармады и особая раковина.

После смерти Махараджи ко мне пришёл один садху и отдал мне эти вещи. Он сказал: «Их передали для тебя». Этот молодой садху приходил трижды. В последний свой приход он изложил всё предельно ясно: «Всё

совершается согласно велению Бабы Ним Кароли!» Больше я его никогда не видел.

Я не пытался узнать что-либо об этом садху. Если мы начинаем расспрашивать, это значит, что мы охвачены любопытством и желаем что-то получить, а это не наше дело. Всё, что делает Махараджи, он делает. Этот садху пришёл ко мне и осуществил то, что было высказано устами Махараджи. Я думаю, что это он сам. С того дня я твёрдо уверен в том, что он всегда со мной.

У меня и у вас есть какие-то мысли, а третий человек реализует их. Как это возможно? Действует сила.

На вид садху можно было дать не более двадцати одного или двадцати двух лет. Последний раз он приходил десять дней назад, утром. В то время бушевал сильный пожар, и я встретил его, когда бежал по тропе.

Садху сидел в моём кабинете, и я попросил принести чая. Я сказал ему о пожаре, и хотя дым можно было видеть из окон дома, он не позволил мне идти. Тогда я сказал ему, что Махараджи тоже вёл себя подобным образом. Садху наклонил голову и улыбнулся. Я подумал, что скорее всего, он и есть Махараджи и поэтому-то и улыбается. Через некоторое время я снова сказал, что должен идти на пожар, но он мне снова не позволил сделать это, а после этого добавил: «Я послал туда Паванасута (одно из имён Ханумана). Он всё уладит. Там Хануманджи. Не переживай». Минут через двадцать пять пожар был погашен, и садху сказал: «Ты можешь идти, если хочешь, но огня больше нет». Я отправился на место пожара, а он пошёл своей дорогой. Пожар действительно был погашен.

До этого дня он являлся перед Кубха Мелой, тогда он сказал мне, что я получу даршан. На нём была одежда Хануманджи (красная) — одно дхоти и небольшое одеяло. Я сказал ему, что если Махараджи будет давать мне даршан, то он должен будет мне сказать, что это он. «Махараджи, — сказал я, — никогда не имел от меня секретов». Садху ответил: «Всё происходит по его велению». Если это он, он должен дать об этом знать.

*

Одна семья часто готовила кхир. Это блюдо помещалось в маленькой комнате перед портретом Махараджи. Однажды (это произошло несколько лет назад) племянница хозяина обнаружила, что кхир по

каплям стекает с портрета, точнее с губ Махараджи. Позднее, спустя какое-то время после того, как Махараджи оставил тело, в этом доме вновь приготовили кхир и оставили перед портретом. Три четверти блюда через какое-то время исчезли, причём при этом использовалась ложка. Эта комната расположена так, что никто не мог бы зайти в неё без ведома хозяев.

*

Один молодой человек прибыл из Масирибхада в Раджастан, весь в слезах, и, когда его спросили, в чём дело, он сказал, что ему только что сообщили о том, что два года назад Махараджи оставил своё тело. Но он не мог понять, как это могло произойти два года назад, — ведь всего тремя месяцами ранее Махараджи устроил брак его дочери и даже сам присутствовал на свадьбе.

*

Дада ежедневно совершает пуджу в честь Махараджи, создавая необыкновенные цветочные подношения на тукете Махараджи. Часто, после проведения пуджи, Дада снова возвращается в комнату и обнаруживает на постели вмятины от стоп и небольшой беспорядок. Это значит, что Махараджи приходил туда и принимал его подношение любви.

*

Одна преданная во время чтения Рамааны по случаю дня рождения Рамы, ощутила рядом с собой присутствие Махараджи. На следующий день, открыв книгу, она обнаружила на одной из страниц написанное от руки имя Рамы, как раз в том месте, где Шива говорит Уме (своей супруге): «Всё иллюзия, кроме имени Господа».

*

В августе 1977 года мне пришлось пешком добираться из Наинитала в Каинчи, так как дороги были размыты вызванными дождями оползнями. Когда я пришёл в ашрам, Сиддхи Ма сказала мне, что минут пятнадцать назад здесь был Баба, который, по её словам, был очень похож на Махараджи своим поведением, речью и вообще по ощущению. На вид ему было лет шестьдесят, и он был очень высокого роста, выше шести футов. Я пробыл в Каинчи некоторое время и чувствовал, что каким-то образом доберусь обратно до Наинитала на машине; Махараджи привёл меня в Каинчи, и он же позаботится о моём возвращении. У ворот мне

удалось остановить белую машину. Не проехав и двух миль, я увидел на дороге высокого садху. Я попросил водителя остановиться и молча коснулся стоп Бабы. Баба сказал: «В храме мы не встретились, зато встретились здесь». Я упросил Бабу поехать со мной в Наинитал, и, хотя он вначале отказывался, ссылаясь на то, что у него много дел на равнине, он поехал.

Находясь в тот вечер в моём доме, Баба спросил одного молодого парня, узнает ли тот его, — но, не дожидаясь ответа, продолжил свою речь. Все, кто видел этого садху, отмечали, что он говорит и смеётся в точности как Махараджи. Покидая мой дом, садху сказал, чтобы я не пытался следовать за ним, что мне просто не удастся это сделать.

*

Однажды, вечером, три ашрамита засиделись допоздна, беседуя о Махараджи. Около полуночи они отправились спать. К. спал на веранде храма Ханумана, чаукидар — напротив комнаты Махараджи, а повар — рядом с кухней.

Где-то после часа ночи чаукидар проснулся от звуков плача (это был мужской голос), доносившихся из комнаты Махараджи. Однако комната была заперта снаружи. Он очень испугался и побежал к К. Тот очень глубоко спал и, только когда ему полили на лицо холодной водой, смог проснуться. Проснувшись, он сказал, что ощущает в себе силы пятидесяти человек. К. рассказали о звуках плача, но он сохранял полное спокойствие. Он отправился к комнате. К. сказал, что, стоя тогда за дверью запертой комнаты и слушая этот плач, он не ощущал ни малейшего страха — он знал всем своим существом, что всё в порядке. Он чувствовал, что в комнате находится Хануман (что для К. равнозначно Махараджи), поэтому они так и не стали открывать дверь, чтобы посмотреть, что там происходит.

Сейчас Махараджи приходит ко многим из своих преданных в различных видениях.

В Гуджарате жил довольно богатый человек. Он отдал все свои деньги дочерям, отправился во Вриндаван и, увидев мурти Ханумана, сказал: «Я никогда отсюда не уйду». И он стал поваром в ашраме. Он был самым искренним и простым человеком, какого только можно себе представить.

Он работал с утра до позднего вечера, готовя пищу и вычищая посуду. Он никогда не встречался с Махараджи, но он был глубоко предан ему. Как-то он сказал одному из западных преданных, что несколько раз видел Махараджи (в трансцендентной форме) в ашраме.

Один такой случай произошёл поздно вечером, когда он всё ещё работал на кухне. Закончив наконец все дела, он захотел посидеть перед храмом самадхи. И когда он так сидел, то почувствовал, как кто-то хлопает его по плечу. Повернувшись, чтобы посмотреть, кто это, он увидел стоящего у него за спиной Махараджи. На нём было одеяло, и он излучал сияющий белый свет. Преданный упал к ногам Махараджи. Махараджи коснулся его, и он заплакал.

Этот преданный сказал, что Махараджи ещё два раза являлся ему подобным образом. Говоря об этом, он плакал. Затем он показал то место, где он увидел Махараджи. «Он был прямо здесь! Вот здесь я его видел».

*

Одна женщина после махасамадхи Махараджи осталась в ашраме. Часа в три ночи она проснулась, вышла из своей комнаты — и увидела, как у входа в храм самадхи Махараджи стоит огромная фигура самого Махараджи. Его форма была громадной! Увидев его, женщина испытала экстатический восторг и помчалась в свою комнату за *кум-кумом* (красной пудрой), чтобы поставить ему тилак. Вернувшись, она обнаружила, что Махараджи исчез. По-прежнему пребывая в таком экстатическом состоянии она отправилась к храму самадхи и написала на его стене: «Ом Рам» обычным кум-кумом, который ежедневно используют для надписей и каждый день смывают. Но эта надпись не смылась — и она по-прежнему там. Вы можете увидеть её, а со времени того даршана прошло уже три года. Каждый раз, когда я возвращаюсь из Вриндавана, эта женщина спрашивает, на месте ли та надпись. Да, она всё ещё там.

*

Мать Индры умерла примерно через год после того, как Махараджи оставил своё тело. Она провела всю вторую половину дня в Каинчи, рассказывая о цветах, которые дал ей Махараджи, когда она болела и которые исчезли, когда она поправилась; о том, как Махараджи давал имена её детям и так далее. А утром она всё спрашивала: «Как вы

думаете, может человек увидеть большую форму Махараджи и продолжать жить?» Вечером она сидела с другими Ма в комнате Махараджи и вдруг внезапно, наклонившись к кровати, будто выполняя пранам — умерла. Её пальцы так и застыли на четках, которые она перебирала.

*

После махасамадхи Махараджи одна женщина из Аллахабада испытала сильное желание получить его даршан. Как-то ночью в Харидваре, она внезапно села в кровати и начала бессвязно говорить: «Он пришёл. Он здесь». Муж был рядом и всё это видел. Она очень испугалась, а позже рассказала, что Махараджи засмеялся и спросил: «Почему ты такая испуганная? Разве ты не хочешь помассировать мои стопы и тело, как ты делала это раньше?»

В 1976 году один преданный пришёл в храм и захотел зайти в комнату Махараджи. Однако смотрители не пропустили его. Он начал искать ключ и внезапно услышал голос Махараджи: «Зачем ты занимаешься чепухой? Это делается не так. Здесь находится такой-то и такой-то. Он откроет дверь». И как раз в этот момент вошёл тот человек, о котором шла речь и впустил преданного в комнату.

*

Один местный Баба, который решил оказать помощь в строительстве храма Махараджи, раздумывал о том, как лучше всего это осуществить. И тогда у него возникло видение, в котором Махараджи, укладывая камень на камень, говорил: «Я сооружу мандир».

*

После смерти Махараджи мимо храма ехал один человек со своей семьёй. Их машина неожиданно сломалась, и они попросили пустить их переночевать в ашрам. Как раз в это время обсуждали вопрос, где взять деньги на строительство храма самадхи. Всю ту ночь этот человек проплакал, и у него возникло ощущение, что он должен что-то сделать для этого храма. На следующее утро он дал сумму, необходимую для сооружения мурти.

*

Мой муж постоянно ощущает, что Махараджи беседует с ним. Однажды он велел моему мужу купить землю и построить дом. В другой

раз он сообщил, что у местного Бабы закончился в храме рис. Мой муж немедленно отправился туда с рисом и обнаружил, что, действительно, у Бабы не было в доме никаких продуктов.

К другим преданным Махараджи приходил в сновидениях.

Как-то, в мае, примерно в два часа дня, спустя год после маха-самадхи Махараджи, я крепко спал в своей комнате в ашраме. Мне приснилось, что Махараджи подошёл ко мне и, крича, чтобы я немедленно проснулся и полил деревья в ашраме, так как они умирают от жажды, пять раз шлепнул меня по лицу. И я действительно тут же проснулся, мои щеки были красными и горели, как будто их только что отшлепали!

*

Махараджи дал моей жене даршан в сновидении. Он сказал, что сейчас живёт в Америке и работает на заводе в Ферадабаде, как раз там, где живёт мой болеющий брат.

*

Однажды, уже после смерти Махараджи, мне приснился сон, в котором он уносил меня всё выше и выше в небо. Мне было страшно, и я сказал: «Махараджи, я уже хочу вернуться».

Он ответил: «Нет», но я был ужасно напуган. Тогда он сказал: «Хорошо, возвращайся обратно». Как только он это произнёс, я проснулся.

-

Однажды, ночью, мне приснилось, что я снова сижу с Махараджи. Вокруг сидят Ма, а я плачу у его стоп. На следующий день я проплакала с утра до вечера — это были слёзы любви.

Даже без встреч на физическом плане, видений или сновидений большинство преданных продолжают ощущать присутствие и покровительство Махараджи. Но что в этом удивительного? В конце концов, Махараджи снова и снова уверял нас в том, что он будет постоянно находиться с нами в контакте и что нам нет необходимости быть рядом с его физическим телом.

Однажды, днём, я сидел в одном конце двора храма, Махараджи — в другом. Он был окружён преданными, они массировали ему стопы. Они смеялись, беседовали, обменивались фруктами и сладостями. И вдруг эта сцена как бы застыла перед моими глазами. Мне казалось, будто я смотрю на картину, я ощущал свою отдельность от всего этого. И тогда я подумал: «Мои отношения с Махараджи не связаны временем и пространством. Мне нет необходимости находиться у его стоп в физической форме. Не имеет даже значения, увижу ли я его снова. Он находится в моём сердце». Эта мысль заставила меня ощутить вину, но в этот момент всё вновь ожило, и я увидел, как Махараджи повернулся и начал что-то шептать стоящему рядом с ним старому преданному-индусу. Тот немедленно перебежал через двор, приблизился ко мне и коснулся моих стоп, после чего сказал: «Махараджи велел мне подойти к вам и коснуться ваших стоп. Он сказал: «Я и Рам Дас прекрасно понимаем друг друга. У него такое открытое сердце». И в этот момент я осознал, что Махараджи освободил меня от привязанности к его форме. (Р. Д.)

*

Однажды в Аллахабаде Махараджи сказал одной Ма: «Я должен идти. У меня много работы». Она спросила: «Какая у вас работа?»

— У меня очень много работы, но я скоро приду.

Прошло четыре месяца, а он всё не возвращался. Ма начали говорить о том, что Махараджи не держит своего обещания. Через какое-то время, увидев Махараджи снова, Ма сказала ему:

— Баба, вы говорите неправду.

— Почему, Ма?

— Вы сказали, что придёте, а прошло почти пять месяцев.

— Я никогда не лгу. Куда я мог деться? Я всегда здесь с тобой. Поверь мне, Ма. Ну куда я мог деться?

Вы можете оставить меня. Я вас не оставлю. Если уж я поймал вас, то никуда не отпущу.

Я обсуждал с М. С. истории о том, что Махараджи, судя по рассказам, живёт и здравствует в обновлённом теле одного юноши в Амаркантаке. Он сказал, что в действительности важно лишь знать, что Махараджи направляет нас в каждый момент жизни. «Я говорю серьёзно. Я знаю, что это звучит как слащавая поэзия, но он на самом деле всё время находится с нами. Я говорю это от сердца».

*

Когда он был в теле, то постоянно посещал меня в сновидениях. Даже сейчас он приходит в снах, но они уже не такие яркие и живые, если только ему не нужно дать мне какие-нибудь указания. Когда я по утрам сижу с закрытыми глазами, я чувствую, что он стоит передо мной. Это происходило раньше и продолжает происходить сейчас. Я не придаю большого значения тому, присутствует его тело или нет. Он везде. Если вы медитируете на него и думаете о нём, он должен прийти. Он всегда был здесь и всегда будет. Нет необходимости посещать какие-то особые места, чтобы встретиться с ним. Все места хороши в одинаковой мере.

*

С тех пор, как я впервые оказался рядом с Махараджи, моя потребность в долгом пребывании с ним исчезла. Я стал ощущать его в своём сердце. Он всё время там. В моём доме нет его фотографий. И я не говорю о нём очень часто. Но он всё равно здесь — не в словах, а в ощущении.

*

Я могу на много месяцев забыть о том, что Махараджи оставил тело, — а затем я испытываю очень сильное ощущение его присутствия. Но я больше не стараюсь всё время помнить о нём, что когда-то было одной из моих духовных практик. Однако иногда, совершенно спонтанно, или же в результате какого-то воздействия, у меня возникает реальное ощущение его присутствия. И для меня это скорее проявление милости, чем что-либо иное.

*

Последнее время Махараджи часто приходит ко мне — он является ко мне как отец, и это именно то, что мне сейчас необходимо в жизни. Он приходит в виде огромного плюшевого медведя, который заключает меня

в объятия и проявляет свою любовь физически — гладит и обнимает — так, как со мной ещё никогда не было раньше.

*

Он продолжает выполнять свою работу. Нам не нужно ничего делать. Он разрешает наши проблемы. Мы не можем видеть его физически, но если мы думаем о нём и медитируем, он всегда рядом с нами. Что касается меня лично, то я знаю, что всё делает именно он. Если у меня возникает какая-нибудь проблема, я медитирую на него, и он разрешает её.

*

Несколько дней назад я ехал на автобусе из Бховали в Наинитал. Сидя у окна, я ощутил тепло Махараджи, как будто он сидит рядом со мной. Я вошёл в некий транс и стал беседовать с ним. И только когда автобус резко остановился, я осознал, что находился в необычном состоянии.

*

Моя жена родом из Пенджаба, а там очень сильна вера в семейных астрологов. Наш астролог сказал, что пятьдесят девятый год её жизни будет очень тяжёлым. Несколько дней назад она вступила в этот возраст, и у неё начались недомогания и ощущение беспокойства. Перекладывая пакет с пеплом и цветами, который Махараджи дал ей три года назад во время яги (он собственноручно собрал этот пепел), она открыла его и обнаружила внутри кольцо с жемчугом, которого раньше не видела. (Считается, что если у вас в гороскопе повреждённая луна, то жемчуг должен помочь вам.) Махараджи здесь, зачем же беспокоиться? Он обо всём позаботится.

*

Посещение храма вновь заставило меня пережить ощущение его присутствия. Позже, когда я обсуждал это с другими преданными, одна из Ма сообщила мне, что Махараджи как-то сказал: «Когда святой оставляет своё тело, храм становится его телом».

В этом году я вновь вошёл в его комнату во Вриндаване, и как только я переступил порог, меня охватило чувство, что всё, что я делал за последние четыре года, не имело никакого значения и смысла. Это было переживание, какое давал взгляд Махараджи, — он переносил вас в настоящий момент, в состояние «здесь и сейчас».

*

Этой зимой я вновь посетил Индию. Когда я входил в ашрам во Вриндаване, меня охватило осознание того, что всё, что я делал за последние пять лет, включая те вещи, которые считаются противоречащими дхарме, абсолютно лишено смысла. Конечно, я читал об этом в писаниях, но это было настоящее переживание — или, вернее, повторное переживание — того, что, когда ты со всей искренностью сердца поворачиваешься к Богу, тебе всё прощается; это всё не имеет абсолютно никакого значения. Именно это я ощущал, входя в ашрам. Я долго просидел тогда в комнате Махараджи. У меня было такое чувство, что шакти перетекает из лежащего на тукете Махараджи одеяла прямо в моё сердце; я буквально купался в ней и пил её прохладу.

*

Невозможно понять, что он из себя представляет. Физически его здесь нет, но он слушает всё, что происходит вокруг.

*

Это очень сбивает с толку, понимаете. Я начинаю говорить с Бабаджи и тут же чувствую, что он находится здесь. Что можно поделать?

Махараджи, подобно ветру, не принадлежит никому. Люди, никогда не знавшие его в воплощённом состоянии, также рассказывают о том, что видят его в снах и видениях, ощущают его присутствие, чувствуют, что он зовёт их. Ясно, что его способность оказывать воздействие на людей не ограничена физическим контактом.

Когда люди думают обо мне, я пребываю рядом с ними.

Невозможно обобщить переживания преданных с того времени, как Махараджи оставил своё тело. Жизнь каждого из нас продолжается. Некоторые из нас живут воспоминаниями о его форме, историями, фотографиями, ритуалами, именами, друг другом. Другие освободились от привязанности к форме, зная, что нам не нужно обязательно цепляться за Махараджи, поскольку он сам так цепко засел в нас, так, что, даже если бы мы попытались, мы не смогли бы забыть его. Каждому человеку, признающему его существование, он оставил особое наследство — хранящуюся глубоко в сердце веру. Он заново пробудил эту веру, отразив то место в нас, которое настолько глубинно, что мы очень редко касались его раньше, если вообще касались. Это место света, где в нас пребывает лучезарный, чудесный живой дух любви. И видение этого света меняет всё.

До встречи с Махараджи я делал то же самое, что и сейчас, но именно он вывел меня на орбиту.

*

Я видел высшее достижение. Так что мне не доставляют никакого удовольствия вещи этого мира — изысканная пища, кинотеатры, приключения. Это меня не интересует. Однажды друг пригласил меня в кино в Наинитал. Я сказал: «Зачем? Я видел величайшее кино здесь. Тот фильм в Наинитале вызовет у меня скуку. Величайшее развлечение — Махараджи».

Оставив нам так мало наставлений, свободных от противоречий, так мало конкретных практик, он защитил нас от попадания в сети поверхностных уровней нашего бытия. Например, мы не можем спрятаться в праведности, так как он был плутом, — не можем мы и прятаться в плутовстве, так как каждое его действие было дхармическим. Наши эго не имеют никакой возможности спрятаться, поскольку Махараджи всегда здесь, подобно Хануману, готовому «заметить тирана и дёрнуть его за бороду».

Иногда у меня бывают вспышки озарений. В доме у меня хранятся две небольшие фотографии Махараджи. Время от времени, когда меня одолевает суета, например, если я поздно просыпаюсь и мне нужно спешить на работу, и я начинаю метаться по дому, он время от времени выскакивает и хватает меня. Или я вижу фотографию и думаю: «О, хорошо! Не переживай, я всё помню», или же я не вижу фотографию, но происходит некое озарение: «Что ты делаешь? Что происходит? Ты всё ещё там? Где ты? Что происходит?»

*

Когда я был маленьким ребёнком, я всегда мечтал стать гонщиком — мчаться на автомобилях, мотоциклах и так далее. И вот после смерти Махараджи я занялся гонками на мотоциклах. Всю свою энергию я сосредоточивал на том, чтобы ехать максимально быстро, но я ни на секунду не мог забыть! Как бы быстро я не мчался — на мотоцикле или даже на самолёте — выше этих пределов есть ещё скорость света, и если вы можете двигаться так быстро, то вы больше не существуете. Этой скорости я никогда не мог достичь. А это и есть скорость Махараджи. Он подобен скорости света.

Ну, вот истории рассказаны, форма явилась — и исчезла. И вот мы с вами, и вот Махараджи — каждый реален настолько, насколько позволяют наши умы и сердца.

*В этот момент, когда я пишу эти слова, я здесь.
В этот момент, когда вы читаете эти слова, вы здесь.
В этом «здесь», общем для всех нас, вне времени и пространства, пребывает Махараджи. Всегда.
Я подобен ветру,
Никому не удержать меня,
Принадлежу я всем,
Но владеть никто не может мной,
Весь мир — мой дом,
Все существа — моя семья,
Я пребываю в каждом сердце
И никогда вас не покину.*

*— Из высказываний Нип Карони Бабы,
известного как “Махараджи”
(в обработке Джэй Топала).*

Глоссарий

Арати — церемония поклонения свету.

Адвайта вада — недвойственность.

Аджна — третий глаз.

Адхарма — недуховный образ жизни.

Акаша ~ небесная сфера.

Амрита — нектар.

Анна — мелкая индийская монета.

Аннапурна — Богиня зерна.

Атма, Атман — пребывающий внутри Бог.

Ашанти — беспокойный.

Аширбад — благословение.

Ашрам — монастырь.

Аюрведа — индийская традиционная медицина.

Баба — обращение к старшему по возрасту мужчине или святому.

Бадмаш — негодник, плут, смутьян.

Барака — благословение.

Бардо планы существования.

Бетель — листья, которые жуют для улучшения пищеварения.

Брамин — представитель касты священнослужителей.

Брахм — бесформенный.

Брахма — созидательный аспект Бога.

Брахмачарья — безбрачие, целибат.

Бхава — духовные эмоциональные переживания.

Бхагаван — Бог.

Бхагья — судьба.

Бхаджан — песнопение как выражение преданности и поклонения.

Бхакта — преданный;

Бхакти — поклонение и преданность.

Бхандара — праздничный пир.

Валла — торговец.

Веда Вьяс — великий индийский святой.

Вибхути — священный пепел.

Ганджа — марихуана.

Грихастха — домохозяин, семейный человек.

Гур сырой коричневый сахар.

Гуру — достигшее освобождения существо, служащее вратами к Богу.

Гурубахин — духовная сестра по линии гуру.

Гхи — очищенное сливочное масло.

Дакойт — бандит, вор.

Дал — чечевица.

Данди — носилки, паланкин.

Дарбар — царский двор.

Даршан — духовная встреча.

Дас, дасс — слуга.

Даси — женщина-слуга.

Джао — иди.

Джелеби — сладости из нагретого сахарного сиропа.

Джета — длинные спутанные волосы.

Джола — сумка через плечо.

Джут — нечистый, грязный.

Дикша — посвящение.

Дунда пранам — полное prostиpание.

Дурга аспект Божественной Матери.

Дхарма — духовный образ жизни.

Дхармасала — постоянный двор для паломников.

Дхоти — отрезок ткани, прикрывающий нижнюю часть тела мужчины.

Дхуни — костер.

Дхьяна — медитация.

Дэви пуджа — ритуал поклонения Божественной Матери.

Дэвы — боги.

Йога-асаны — йогические позы.

Йогин — человек, стремящийся к *единству* с Богом.

Кали Юга — Тёмный Век.

Камини — женщины.

Канна — пища.

Канчан — золото, богатство;

Канчанкамини — золото и женщины.

Карма — следствие предыдущих действий;

Карма-йога — использование результата предыдущего действия для достижения Бога.

Киртан — групповое исполнение духовных песнопений.

Кришна — одно из воплощений Вишну.

Крор — десять миллионов.

Кумбха Мела — великое духовное празднество, проводимое раз в двенадцать лет.

Кумбхака — йогический метод пранаямы.

Кум-кум — порошок для нанесения тилака.

Кундалини — энергия, поднимающаяся по позвоночнику.

Кути — хижина.

Кхир — сладкий рисовый/молочный пудинг;

Кхичри — рис с чечевицей.

Кья — что.

Ладду — сладости, которые любил Хануман.

Лакх — сто тысяч.

Лакшми — Богиня Удачи;

Лакшми-Нараяна Нараяна — один из аспектов Вишну, Лакшми — его супруга.

Ланготи — набедренная повязка.

Ласси — напиток из взбитого йогурта.

Лила игра.

Лингам фаллический символ.

Локи — кабачок, тыква.

Лота — горшок для воды, котелок.

Ма — мать.

Майя — иллюзия.

Мала — чётки.

Малтуас — сладкий жареный хлеб.

Мандир — храм.

Мантра — йогический метод повторения определённых слов.

Маун — молчаливый, безмолвный.

Маха-джао — великое джао.

Махараджи — великий царь.

Махасамадхи — завершение последнего воплощения реализованного существа.

Махатма — великая душа.

Мела — празднество.

Мудра — йогический метод использования определённых форм тела или жестов.

Мурти — освящённая статуя.

Нага Баба — обнажённый садху.

Нахин — нет.

Ом — космический слог.

Пакора — олады.

Пандит — учёный, изучающий религию.

Пани — вода.

Паратха — плоский жареный хлеб.

Парикрама — обход вокруг какого-то места.

Паттал — тарелка из листьев.

Пера — сладость, конфета.

Прана — психическая энергия.

Пранам — поклонение.

Пранаяма — йогическая техника, связанная с контролем дыхания.

Прасад — освящённая пища.

Пуджа — молитвенный ритуал.

Пунна-пуджари — священнослужитель первого класса.

Пури — жареный плоский хлеб.

Пхалахари — блюдо из овощей и фруктов.

Радха — возлюбленная и преданная Кришны.

Ракшабандан — защитная лента.

Рама одно из воплощений Вишну;

Рама Лила — празднование жизни Рама.

Рама мантра — повторение имени Рама.

Рамбанс — кактус.

Расам — южно-индийская пища.

Риши мудрецы.

Роти хлеб (то же, что чапатти).

Рудракиша — семена, используемые для изготовления чётков.

Садхана — духовная практика.

Садху — человек, отрёкшийся от мира.

Самадхи — состояние духовного самоуглубления.

Самбар — южно-индийская пища.

Самскары — кармические последствия прошлых воплощений.

Сангам — слияние трёх священных рек.

Саньяса — отречение от мира;

Саньяси — человек, отрёкшийся от мира.

Сат Гуру — главный, верховный гуру.

Сати — жена, супруга.

Сатсанг — общество духовных ищущих.

Сиддха махатма — святой высшего ранга.

Сиддха-Лока место обитания высших небесных существ.

Сиддхи — психическая сила.

Сита — жена Рамы;

Ситарам — мантра с использованием имён Ситы и Рамы.

Тапасья — аскетические практики.

Тилак — наносимый на лоб знак, имеющий религиозное значение.

Тонга — запряжённая лошадью повозка.

Тукет — деревянная кровать.

Тулси — священное базиликовое растение.

Тхакур — низший из индусских классов.

Тьяга жертвоприношение.

Улфие — одеяние, напоминающее мешок.

Ума — супруга Шивы.

Упа-гуру — духовный наставник, но не Сат Гуру.

Факир — садху.

Хаван — жертвенная огненная церемония.

Хадж — паломничество (у мусульман).

Хаким — врач, хилер.

Халва — блюдо из пшеницы, масла гхи и подсластителя.

Хануман — совершенный слуга Бога.

Хануманджи — обращение к Хануману, выражающее почтение.

Хатха-йога — физический метод достижения единства с Богом.

Чай — чай.

Чакра — психоэнергетический центр.

Чанатти — лепёшка, выпеченная без дрожжей.

Чарас — гашиш.

Чаукидар — привратник.

Чиллуш — трубка для курения гашиша.

Чимптер — щипцы.

Шакти — психическая энергия.

Шалиграм — камень, используемый в ритуалах.

Шанти милта-хай — покой обретён.

Шераби — пьяница, алкоголик.

Шива — разрушительный аспект Бога;

Шива-лингам фаллический символ Шивы;

Шиваратри — священный день чествования Шивы.

Экадаши — лунный день поста.

Юга — век, эпоха.

Ягья — большая жертвенная церемония огня.

Ятра — паломничество.